

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

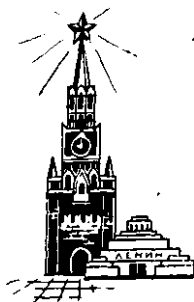
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

2·1989

МАРТ АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Е. ЗЕЛЕНИН (*и. о. главного редактора*)
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. Ye. ZELEININ (*Editor-in-chief ad interim*)
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 923-56-93

Managing Editor *Yu. V. Mochalova*, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР. ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

И. Е. ЗЕЛЕНИН

О НЕКОТОРЫХ «БЕЛЫХ ПЯТНАХ» ЗАВЕРШАЮЩЕГО ЭТАПА СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Завершающий этап сплошной коллективизации в СССР приходится на конец первой пятилетки. Начальный его рубеж можно условно отнести к осени 1931 г., конечный — к концу 1932 — началу 1933 г. Показатели коллективизации крестьянских хозяйств в эти годы сначала достигли 62—62,5%, а затем стали снижаться; значительно сократилось производство зерновой продукции, до критического уровня упало поголовье скота; на южные районы страны обрушился небывалый голод (им было охвачено не менее 25—30 млн. человек); до предела накалилась обстановка в деревне, особенно в связи с хлебозаготовками, массовыми репрессиями по отношению к крестьянству. В наиболее тяжелом положении в конце 1932 — начале 1933 г. оказалось сельское население центральных районов Казахстана, где произошли массовые откочевки животноводов (не менее 2 млн.), а также крестьянство Украины, Северного Кавказа, части Поволжья, поставленное на грань голодной смерти.

Откочевки в Казахстане и голод 1932—1933 гг. с полным основанием можно отнести к «белым пятнам» нашей истории. В трудах историков-аграрников об откочевках говорилось скупо, не анализировались подлинные причины и катастрофические последствия этого бедствия, данные о количестве откочевников почти не приводились, а если приводились, то значительно заниженные. Вот как выглядела до недавнего времени весьма далекая от действительности концепция откочевки в историографии Казахстана. Отдельные руководители Казахского крайкома вопреки четким указаниям ЦК ВКП(б), XVI съезда партии допустили ошибки и перегибы при проведении коллективизации. Воспользовавшись этим, бан и их приспешники спровоцировали население скотоводческих районов на убой скота и откочевку, что привело к значительному сокращению поголовья скота, к серьезным продовольственным затруднениям. Коммунистическая партия и Советское правительство вовремя пресекли действия классовых врагов (постановление ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г.), быстро исправили положение¹.

О голоде 1932—1933 гг. много лет ничего не сообщалось. Лишь в начале 60-х гг. некоторые писатели (И. Стаднюк, М. Алексеев) попытались приподнять глущую завесу молчания. Историк же вслед за официальными документами тех лет продолжали писать о «хлебозаготовительных трудностях», «продовольственных затруднениях» на Украине и в некоторых других районах страны. Сам термин «голод» применительно к деревне 1932—1933 гг. был, по-видимому, впервые употреблен учеными во 2-м томе «Истории советского крестьянства», изданном в 1986 г.² После XXVII съезда КПСС об этом трагическом событии стали писать публицисты, историки-аграрники, в частности В. П. Данилов³.

Зеленин Илья Евгеньевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

В настоящей статье делается попытка на основе привлечения новых документов рассмотреть некоторые аспекты проблемы откочевок в Казахстане и хлебозаготовок 1932/33 г., следствием чего главным образом и был голод в деревне ⁴.

* * *

Районы Центрального Казахстана, где размещались преимущественно земледельческо-скотоводческие (полукочевые) и животноводческие (кочевые) хозяйства, требовали при проведении в них социалистических преобразований применения особых форм и методов, иных темпов по сравнению с земледельческими районами. Здесь в ходе коллективизации происходил переход населения к оседлости, в результате чего менялся веками складывавшийся образ жизни людей. К началу первой пятилетки в стране насчитывалось более 700 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, из которых около 80% приходилось на Казахстан ⁵.

Тяга к оседлости у кочевого и полукочевого населения Казахстана и Средней Азии появилась задолго до массовой коллективизации. Однако этот процесс шел медленно, самотеком. Часто осевшие на земле кочевники и полукочевники из-за отсутствия средств, а также под влиянием пережитков прошлого возвращались к прежнему образу жизни. К началу первой пятилетки были разработаны планы закрепления кочевников на земле, выделены значительные материальные средства. Предполагалось, что переход к оседлому образу жизни будет взаимосвязан с производственным кооперированием бывших кочевников и полукочевников.

Однако вскоре эти планы были изменены. В соответствии с проводимой в те годы Сталиным и его окружением линии на безудержное форсирование коллективизации в ряде директив центральных органов конца 1930 — первой половины 1931 г. содержались установки на усиление темпов обобществления скота и организации животноводческих ферм в колхозах. Так, в резолюции декабрьского (1930 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «О народнохозяйственном плане на 1931 год» указывалось, что «огромный сдвиг в области обобществления скота... обеспечивает быстрое решение животноводческой проблемы» ⁶. VI съезд Советов СССР (март 1931 г.) в постановлении «О колхозном строительстве» указал, что «основной путь разрешения животноводческой проблемы в кратчайший срок (1—2 года)» — это «создание колхозного животноводства наряду с организацией совхозного животноводства». 30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О развертывании социалистического животноводства», в котором выдвигалась «центральная задача ближайшего времени в области сельского хозяйства» — добиться в 1931—1932 гг. решительного перелома в развитии животноводства путем создания колхозных ферм и увеличения поголовья скота в животноводческих совхозах ⁷. Определялись соответствующие задания на 1931 г. по поголовью скота и сдаче продукции для колхозных товарных ферм и животноводческих совхозов ⁸.

Таким образом, была разработана и стала проводиться в жизнь авантюристическая программа «большого скачка» в животноводстве, нацеленная на то, чтобы за 1—2 года на базе общественного хозяйства решить животноводческую проблему. При этом исходили из того, что зерновую проблему, как утверждал Сталин на XVI съезде партии, «мы уже разрешаем в основном с успехом» ⁹.

После постановления от 30 июля 1931 г. повсеместно началась организация животноводческих ферм в колхозах. Стали широко практиковаться административные меры воздействия на крестьян с целью принудить их к обобществлению всего скота, включая «последнюю корову». Применительно к Казахстану это означало игнорирование такой первичной формы крестьянских объединений, как тозы. Руководящие партийные и советские органы республики уже с начала

1931 г. стали искусственно форсировать темпы коллективизации в кочевых и полукочевых районах, причем животноводческая артель становилась по существу единственной формой кооперирования. При этом нарушалось известное указание XVI съезда партии о том, что «наряду с артелью, в некоторых районах *незернового* характера, а также в национальных районах Востока, может получить на первое время *массовое* распространение *товарищество по общественной обработке земли* как переходная форма к артели»¹⁰. Однако в этой связи следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, формулировки съезда по этому поводу были весьма неопределенны («наряду с артелью», «на первое время», «как переходная форма к артели»), а во-вторых, — и это главное — в ряде последующих документов партии и правительства, как мы видели, выдвигалась задача разрешения животноводческой проблемы в кратчайший срок путем создания колхозных товарных ферм и увеличения поголовья скота в совхозах.

В резолюции февральского (1931 г.) пленума Казахского крайкома ВКП(б) было записано: «В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление (в артелях) всего товарного стада»¹¹. Месяцем позже бюро крайкома одобрило основные принципы Устава животноводческой артели, разработанного Крайколхозсоюзом. Последнему было предложено «в декадный срок представить в крайком развернутый план коллективизации животноводства в целом по краю»¹². В начале августа 1931 г. бюро крайкома рассмотрело вопрос о реализации постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о развертывании социалистического животноводства, одобрив проект соответствующего постановления. 18 августа оно было принято крайкомом и СНК КАСССР. В нем ставилась задача обеспечить «максимальное обобществление скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников», «выйти на линию более высоких темпов коллективизации», «основной формой колхозного движения в ауле... считать животноводческую сельскохозяйственную артель»¹³.

Принимая директивы о форсировании коллективизации в животноводческих районах и о переводе тозов на Устав артели, Казахский крайком целиком опирался на постановления центральных органов партии и государства. Нельзя, однако, отрицать и собственного «вклада» местных руководителей, их попыток дать «теоретическое» обоснование проводимым мероприятиям. Так, в докладе на февральском (1931 г.) пленуме Казахского крайкома первый секретарь крайкома Ф. И. Голошекин сделал вывод о том, что Казахстан уже мало чем отличается от центральных районов страны, отпала необходимость учитывать его социально-экономические особенности. «В подходе к Казахстану, — говорил он, — мы часто писали: «Исходя из особенностей Казахстана». Другими словами, разрешение задач, поставленных партией, задевало нас одним крылом. А сейчас? Сейчас не то. Сейчас решения абсолютно, целиком и полностью захватывают Казахстан не одним крылом, а целиком. Сохранились ли у нас особенности и отсталость? Сохранились, но не они уже превалируют, не они господствуют»¹⁴. Примером индивидуального «творчества» руководителей районного масштаба может служить и директива Тургайского райкома партии, содержащая такое указание партийным, советским и хозяйственным работникам: «Весь скот обобществить, не оставляя ни одного паршивого козленка в индивидуальном пользовании»¹⁵.

Одновременно с директивно-командным подстегиванием обобществления скота, поспешным преобразованием тозов в артели всемерно форсируются темпы коллективизации в кочевых и полукочевых районах республики, причем в самой неприемлемой форме. 29 мая 1931 г. Казахский крайком ВКП(б) принимает решение «О коллективизации в животноводческих районах», в котором объявляет коллективизацию этих районов в форме животноводческой артели важнейшей практической задачей. 25 июля 1931 г. бюро крайкома в постановлении, принятом на основе информации о результатах поездки

своей бригады по шести полукочевым районам, высказывает тревогу по поводу того, что коллективизация развивается преимущественно вокруг обобществления земледелия. Партийным организациям предлагается «немедленно взяться за создание общественного животноводства»¹⁶. 15 сентября 1931 г. крайком принимает специальное постановление «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов Казахстана», в котором содержится указание в основном завершить сплошную коллективизацию в животноводческих районах в 1932 г. «Колхозное строительство.— говорится в постановлении,— должно развиваться быстрыми темпами... Должно быть обеспечено максимальное обобществление скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников». Предусматривался перевод на Устав животноводческой артели всех ранее созданных колхозов¹⁷.

Логическим завершением этой волюнтаристской программы стало постановление крайкома и СНК Казахстана от 25 декабря 1931 г., предлагавшее полностью завершить «оседание кочевников и полукочевников в республике в 1933 г.»¹⁸. Попытки реализовать эти директивы на практике окончились полным провалом, привели к гибели многих тысяч людей и огромным потерям скота. Особенно быстро шло преобразование тозов в артели. Уже к началу 1932 г. из 2771 тоза шестидесяти животноводческих районов республики на Устав артели было переведено 2459¹⁹. Активно проводились в жизнь и сталинские директивы о форсировании темпов коллективизации. По данным официальной статистики, к июню 1932 г. в Казахстане было коллективизировано 73,1% крестьянских хозяйств. По уровню обобществления посевных площадей крестьянско-колхозного сектора (97,8%) Казахстан занял первое место среди всех республик и регионов страны²⁰. Через полгода, однако, эти показатели (в значительной степени «бумажные») снизились соответственно до 69,7 и 80%²¹.

Новые колхозы сразу создавались в форме артели. При этом разъяснительная работа среди населения не проводилась, скот обобществлялся административными методами. Это привело к тому, что начались убой и распродажа поголовья скота. Когда же наконец скот был обобществлен, выяснилось, что колхозы не в состоянии обеспечить его кормами и помещениями. В результате зимой 1931/32 г. тысячи голов скота погибли. О масштабах этого бедствия можно судить по данным отчетного донесения политсектора МТС Казнаркомзема за 1933 г. С 1 июня 1931 г. по 1 июня 1933 г. поголовье скота в колхозно-крестьянском секторе республики сократилось (в тыс. голов): лошадей — с 1998,6 до 366,3 (или почти в 5,5 раза), рогатого скота — с 1389,6 до 876,7 (в 1,6 раза), верблюдов — с 496,9 до 72,8 (в 7 раз), овец и коз — с 4188,2 до 1098,6 (почти в 4 раза)²².

Поскольку животноводство являлось основным занятием и почти единственным источником дохода кочевников и полукочевников, они практически лишились средств существования. Началась массовая миграция, фактически бегство людей из обжитых мест (откочевки). «Конец 1932 и зима 1933 г., — говорил на VIII Казахской краевой партконференции (январь 1934 г.) Л. И. Мирзоян, сменивший на посту первого секретаря крайкома Ф. И. Голошеккина, — представляли собой исключительную картину, когда огромные массы откочевников двинулись со своих районов и мест, загрохотали железнодорожные станции и города и создали крайне неблагоприятную обстановку»²³. Аналогичные заключения содержались в отчетном донесении политсектора МТС Казахстана за 1933 г.: «Зима 1932—1933 гг. была особенно тяжела. Массовые откочевки, смертность, особенно в казахской части населения, массовый убой и разбазаривание скота, отсутствие хлеба для питания, фуража для рабочего скота, необеспеченность семенами... Колхозники уходили в горы, пески, шли собирать корни и семена дикорастущих трав. Оставшиеся колхозники не могли работать из-за сильного истощения и болезни». По данным политсектора, за указанное время откочевало до 400 тыс. колхозных хозяйств (не менее 2 млн. человек!)²⁴. Общее поголовье скота в колхозно-крестьянском секторе сократилось

с 4,3 млн. до 2,4 млн. голов, а по сравнению с летом 1930 г. — с 24,7 до 2,4 млн., т. е. более чем в 10 раз²⁵.

На VI пленуме крайкома (июль 1933 г.) приводились данные о том, что если в конце 20-х гг. в Казахстане насчитывалось примерно 36—40 млн. голов всех видов скота, то на февраль 1933 г. осталось не более 4 млн. голов, а в основных животноводческих районах — всего 300—400 тыс.²⁶ Таким образом, за годы массовой коллективизации республика потеряла около 90% поголовья скота. Такая цена была заплачена Казахстаном за «большой скачок» в животноводстве.

Но самым тяжелым последствием была массовая гибель сельского населения. Есть основания полагать, что значительная часть откочевников умерли от голода и болезней, некоторые ушли за рубеж. Точными данными на этот счет мы не располагаем. Однако материалы переписей 1926 и 1939 гг. свидетельствуют, что к концу 30-х гг. численность казахского населения далеко не была восстановлена. По данным первой из них, в СССР проживало 3968,3 тыс. казахов, по данным второй — 3100,9 тыс., т. е. на 867,4 тыс. меньше. «На сокращение естественного прироста казахов, — пишет в этой связи известный советский демограф В. И. Козлов, — оказали влияние недостаток продовольствия, вызванный падением скота в начале 30-х гг. и отчасти откочевка отдельных групп казахов за рубеж»²⁷. Покинутые места приходили в запустение. «После больших откочевок, — говорилось на VIII краевой партконференции, — Центральный Казахстан пришел в упадок: имевшиеся там жилые помещения в значительной степени разрушены, водное хозяйство, особенно колодцы, запущено»²⁸.

Первый шаг на пути преодоления допущенных в республике извращений был сделан в постановлении ЦК ВКП(б) 17 сентября 1932 г. «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», в котором подчеркивалось, что обязательными условиями коллективизации кочевых и полукочевых районов являются создание прочной хозяйственной базы для животноводства и расселения крестьянства в поселках европейского типа. Особо подчеркивалось, что задачи оседания и коллективизации могут быть успешно решены только на основе добровольности и самостоятельности бедняцко-средняцких масс, что формой колхозов в животноводческих районах должны быть товарищества по совместной обработке земли и косьбе. Ввиду специфических условий этих районов ЦК признал допустимым наличие в индивидуальном пользовании каждой семьи — члена животноводческого товарищества — до 100 овец, 8—10 голов рогатого скота, 3—5 верблюдов, 8—10 табунных лошадей.

Однако в этом постановлении не только ничего не говорилось о допущенных ошибках и перегибах при проведении коллективизации в животноводческих районах и их тяжелых последствиях, но даже признавалась «правильной линия крайкома» «по постепенному оседанию кочевого и полукочевого казахского населения»²⁹. Таким образом, постановление носило половинчатый, а в известной степени и двусмысленный характер. Ссылаясь на его преамбулу, Ф. И. Голошекин и другие руководители крайкома отказывались признать допущенные ими ошибки, не вели дело к решительному их искоренению, способствовали нарастанию негативных процессов.

Об этих ошибках и перегибах, их причинах и тяжелейших последствиях впервые было сказано спустя 10 месяцев после постановления ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. на VI пленуме Казахского крайкома партии в июле 1933 г., а затем на VIII краевой конференции ВКП(б) в январе 1934 г. Отмечалось, что форсирование коллективизации в животноводческих районах республики осуществлялось без проведения подготовительных мероприятий, применялось грубое насилие при обобществлении личного скота бедняцко-средняцких масс. При этом не учитывались национально-бытовые, социальные и культурные особенности кочевых и полукочевых районов. Подчеркивалось, что откочевки, нанесшие огромный ущерб народному хозяйству, в первую очередь явились

результатом перегибов и ошибок³⁰. В то же время как пленум, так и конференция всю вину и ответственность за эти перегибы и ошибки неправомерно возложили на крайком партии и местные партийные организации Казахстана, якобы игнорировавшие указания ЦК партии, XVI съезда ВКП(б). «Главной причиной, приведшей к крупному урону в животноводстве,— констатировал пленум,— надо признать ошибки и извращения политики партии, допущенные всей партийной организацией и, в первую очередь, ее руководством краевым комитетом»³¹.

Исправление последствий ошибок и перегибов в Казахстане проходило медленно; что было связано прежде всего с их масштабом и глубиной происшедших деформаций. Сказался и субъективный фактор. В резолюции VIII краевой партконференции отмечалось, что решение ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. фактически стало претворяться в жизнь только с весны 1933 г., после замены руководства крайкома. Лишь к началу 1934 г. удалось «почти приостановить массовый убой и расхищение скота», перевести сельскохозяйственные и животноводческие артели на Устав тоза, вернуть колхозникам часть отобранного у них скота³². Проблема возвращения на старые места и хозяйственного закрепления откочевников не была решена и в 1934 г.³³ Полностью процесс оседания кочевого и полукочевого населения в Казахстане завершился только к концу второй пятилетки³⁴.

К лету 1933 г. удельный вес тозов в общем числе коллективизированных хозяйств Казахстана вырос до 29,3% (в 1932 г. он составлял 1,8%)³⁵. Некоторые колхозы, созданные без учета реальных возможностей и желания крестьянства, были распущены, в связи с чем уровень коллективизации в республике снизился.

* * *

В 1932 году, как и в предыдущем, погода не благоприятствовала земледельцам. Засуха поразила ряд районов Украины, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье. Но в целом по стране недород был все же меньше, чем в 1931 г.³⁶ Средняя урожайность зерновых в колхозах несколько возросла — с 6,3 до 6,8 ц; на Украине было собрано с 1 га в среднем 5,1 ц, на Северном Кавказе — 3,9, на Нижней Волге — 3,7 ц; в то же время в центральных и северо-западных районах — от 7 до 10 ц³⁷.

Общий валовой сбор зерна в стране из-за низкой урожайности был небольшим — 698,7 млн. ц, но все же на 3,9 млн. ц больше, чем в 1931 г. Конечно, этого не было достаточно для серьезного улучшения хлебофуражного баланса страны, но все же при надлежащем распределении собранного зерна и помощи крестьянству массового голода можно было избежать, как в 1931 г. Критическая ситуация возникла главным образом в связи с характером и методами проведения хлебозаготовок, в том числе и в районах, пострадавших от недорода. В годы сплошной коллективизации заготовки в коллективных хозяйствах проводились на основе контрактационной системы, согласно которой колхозы должны были сдавать хлебозаготовительным органам от 1/4 до 1/3 своего урожая. Однако в 1931—1932 гг. эта система окончательно приобрела черты государственного обязательства, сходного с системой разверстки. Стали распространяться так называемые встречные планы, с помощью которых передовые колхозы вынуждены были покрывать невыполнение плана отстававшими колхозами, а также и единоличными хозяйствами. Широко применялся «конвейерный метод» уборки, когда собранный урожай сразу, минуя колхозные амбары, перевозился на хлебозаготовительные пункты и элеваторы. Практика установления дополнительных (как правило, необоснованных) заданий хлебодачи подрывала экономику колхозов.

В 1932 г. в связи с реорганизацией колхозно-кооперативной системы были ликвидированы заготовительные организации Хлебоцентра и Центросоюза, а их функции переданы Комитету по заготовкам при СТО СССР. Заготовками хлебных культур стал заниматься государственный трест Заготзерно, возникший на базе слияния кооперативных заготовительных организаций. Таким образом, были созданы новые рычаги нажима на колхозы со стороны государства.

Хлебозаготовки в 1932 г. проходили с огромными трудностями. Уже летом обнаружилось серьезное отставание трех важнейших зерновых районов — Северного Кавказа, Украины и Нижнего Поволжья, которые поразила засуха. Заготовительные органы вовремя не учли недорода и требовали от колхозов этих районов выполнения первоначальных планов. Большинство хозяйств не могли выполнить эти планы и в то же время удовлетворить минимальные потребности колхозников, засыпать семенные фонды. В ряде мест крестьяне голодали. В таких условиях стали появляться расхитители хлеба из среды рядовых колхозников, бывших бедняков и середняков. Как отмечалось в сводке Колхозцентра о ходе хлебозаготовок на 8 августа 1932 г., на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге хищения зерна наблюдались повсеместно. Крестьяне, работавшие на уборке и молотье, уносили зерно в узелках, в потайных карманах, по ночам состригали ножницами колосья, похищали снопы³⁸. Естественным было стремление ряда руководителей не допустить голода, выдать хлеб колхозникам в ходе хлебозаготовок.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли Закон об охране социалистической собственности. За хищение колхозного имущества предусматривалась высшая мера наказания — расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — замена его лишением свободы на срок не менее 10 лет. Амнистия по этим делам запрещалась³⁹. Закон не различал злого расхитителя и укравшего хлеб, чтобы не умереть с голоду⁴⁰. Тем самым создавалась возможность для применения неоправданно жестоких мер наказания. Здесь сказано приращение к репрессиям Сталина — непосредственного автора этого закона.

В основе хлебозаготовительных трудностей 1931—1932 гг. лежали такие факторы, как сокращение валовых сборов зерна, чрезвычайно напряженные, подчас произвольно установленные по принципу разверстки хлебозаготовительные планы, широкое применение методов насилия и административного произвола по отношению к хлеборобам, низкие («символические») заготовительные цены. Волюнтаристский пересмотр сталинским руководством в 1930 г. заданий первого пятилетнего плана в области промышленности неизбежно вел к усилению перекачивания средств и ресурсов из деревни в город. По существу речь уже шла о разорении деревни, полном подчинении ее собственных интересов интересам города, осуществлению программы «большого скачка» в развитии промышленности. В то же время запланированный «большой скачок» в области сельского хозяйства не был подкреплен соответствующими материальными ресурсами. Требовалась валюта для закупки промышленного оборудования за границей. Важнейшим ее источником был вывоз хлеба за рубеж. Несмотря на недород и даже голод, экспорт зерна продолжался и в 1931 г. (было вывезено 5,2 млн. т. против 4,8 млн. т в 1930 г.), и в 1932 г. (1,8 млн. т)⁴¹. Деревня сверх всякой разумной меры отдавала городу свои людские ресурсы. За годы сплошной коллективизации не менее 10 млн. крестьян пополнили ряды рабочего класса⁴². Все городские жители, включая и миллионы недавних производителей хлеба, начиная с 1928 г. имели гарантированное снабжение продуктами питания по карточкам («заборные книжки») в то время как миллионы крестьян голодали.

Сталин по-своему определял причины заготовительных трудностей. В выступлении на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. он заявил, что трудности хлебозаготовок объясняются двумя обстоятельствами: проникновением в колхозы и совхозы антисо-

ветских элементов, организовавших вредительство и саботаж, и тем, что местные работники слишком идеализируют колхозы. Сталин утверждал далее, что среди колхозников и колхозов могут быть отдельные отряды, идущие против Советской власти, поддерживающие саботаж хлебозаготовок. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он более пространно определил причины неудач хлебозаготовок 1932 г., выделив пять факторов: 1) деревенские работники не учли отрицательных последствий колхозной торговли, недостаточно «усиливали и подгоняли хлебозаготовки»; 2) коммунисты почтили на даврах, козыряя высоким процентом коллективизации и предоставили дело самотеку; 3) многие руководящие работники переоценили колхозы как новую форму хозяйства, не поняли того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях; 4) местные работники не поняли, что лицо классового врага в деревне изменилось, изменилась тактика его борьбы; 5) коммунисты недооценили своей роли в хлебозаготовках⁴³. Таким образом, и на этот раз он все свел к субъективным моментам, полностью пренебрег реальным положением колхозов и колхозников.

В то же время за множеством факторов четко просматривается основная идея речи — идея об усилении классовой борьбы в деревне в конце реорганизационного периода. Лицо классового врага, утверждал Сталин, изменилось, кулаки и подкулачники, антисоветские элементы, проникнув в колхозы, разлагали их изнутри путем саботажа и вредительства, действовали «тихой сапой»; в деревне в этой связи создалась «новая обстановка», а этого не поняли коммунисты, местные руководители.

В речи на Пленуме, разошедшейся по стране десятками тысяч печатных экземпляров, Сталин не решился подтвердить высказанное в ноябре обвинение против крестьян и колхозов. Он заявил даже, что обвинять крестьян в трудностях хлебозаготовок «совершенно неверно и безусловно несправедливо», что «ответственность падает целиком на коммунистов»⁴⁴. Однако чуть позже в ответе на письма М. А. Шолохова (6 мая 1933 г.) Сталин вновь говорил о «саботаже» крестьян. «Уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района). — писал он. — проводили «итальянку» (саботаж) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови). — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую войну» с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов»⁴⁵.

Тезис о «войне» хлеборобов против рабочих, Красной Армии, Советской власти был выдвинут Сталиным для обоснования тяжчайших репрессий, обрушившихся по его указанию на крестьянство и партийные организации Северного Кавказа и Украины. В то же время из проекта резолюции январского (1933 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин собственноручно вычеркнул такой пункт: «Пленум ЦК одобряет решения Политбюро по разгрому кулацких организаций (Северный Кавказ, Украина) и принятые Политбюро жесткие меры по отношению к лжекоммунистам с партбилетом в кармане»⁴⁶. Всю полноту ответственности за кровавые репрессии в этих регионах он предпочел возложить на непосредственных исполнителей санкционированных им акций — Л. М. Кагановича и В. М. Молотова.

В конце октября 1932 г. была сформирована и послана на Северный Кавказ комиссия Центрального Комитета партии во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем (в ее состав входили А. И. Микоян, М. Ф. Шкирятов, Г. Г. Ягода, Я. Б. Гамарник, А. В. Косарев, М. А. Чернов и Т. А. Юркин). В начале ноября состоялось совместное заседание комиссии и бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Обсуждался вопрос о выполнении плана хлебозаготовок. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани», принятом 4 ноября 1932 г., невыполнение заданий по хлебозаготовкам рассматривалось как саботаж, как кулацкое сопротивление. «Ввиду особо позорного провала хлебозаготовок на Кубани. — говорилось в преамбуле

постановления. — поставить перед партийными органами Кубани боевую задачу — сломить саботаж хлебозаготовок, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактически проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимые со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам»⁴⁷.

Был разработан комплекс репрессивных мер по отношению к станицам, уличенным в «злостном саботаже» хлебозаготовок. Их заносили на «черную доску», что означало: 1) немедленное прекращение подвоза товаров, полное свертывание кооперативной и государственной торговли с вывозом из магазинов всех наличных товаров; 2) полное запрещение торговли как для колхозников, так и для единоличников; 3) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств; 4) проведение чистки колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от чуждых и враждебных элементов; 5) изъятие органами ОГПУ организаторов саботажа хлебозаготовок. Кроме того, было признано необходимым провести чистку сельских партийных организаций Северного Кавказа, и в первую очередь районов Кубани⁴⁸.

Решением от 4 ноября на «черную доску» были занесены три станицы — Ново-Рождественская, Медведовская и Темиргоевская. Далее этот список непрерывно пополнялся. В конце ноября в него были включены станицы Полтавская и Незамаевская, в декабре — Уманская, Урупская, Ладожская, Старо-Деревянковская, Старо-Корсунковская, Ново-Деревянковская, Мешковская, Старо-Шербиновская, Боковская, Платниковская; всего — 15 станиц. По отношению к станицам Полтавская, Медведовская и Урупская была применена такая дикая мера, как выселение всех их жителей (45 тыс. человек) на Север и заселение их колхозниками с Севера и демобилизованными красноармейцами (в этой связи станица Полтавская была переименована в Красноармейскую). В других «чернодосочных» станицах выселение жителей за пределы края проводилось частично⁴⁹. Только 15 марта 1933 г. было принято решение о снятии с «черной доски» девяти станиц «ввиду того, что часть населения выселена за пределы края, а оставшаяся часть добросовестно участвовала в хлебозаготовках и сборе семян»⁵⁰.

Приведем данные о ходе чистки парторганизаций станиц Ново-Рождественской, Темиргоевской и Медведовской на 24 ноября 1932 г. В первой из них было исключено из партии 10 коммунистов, во второй — 7, в третьей — 14. Среди исключенных были: *А. С. Мараховский* — член партии с 1917 г., секретарь партийной ячейки колхоза «Ленинский путь», — по мнению комиссии по чистке (ее возглавлял М. Ф. Шкирятов), он фактически превратился в агента классового врага, оказывал систематическое сопротивление хлебозаготовкам и осеннему севу, был «чужд делу коммунизма»; *С. В. Иванов* — кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., председатель колхоза «Память Ленина» — исключен из партии «как проводник кулацкой политики»; *К. Г. Ефимов* — член партии с 1930 г., секретарь ячейки колхоза имени Ленина — исключен как «прямой агент классового врага за оказание сопротивления выполнению плана хлебозаготовок»; *А. Ф. Колосова* — член партии с 1931 г., состояла в коммуне имени МОПРа — исключена «как неспособная проводить политику партии в деревне и как социальная чуждая (дочь кулака)»; *Г. И. Лугокин* — член партии с 1930 г., председатель колхоза «Трудовой садовод» — исключен «как чуждый делу коммунизма, за укрытие зерна с целью оставления его на потребительские нужды колхоза»; *А. Д. Проконенко* — член партии с 1931 г., секретарь ячейки колхоза «Красный Октябрь» — исключен «за примиренчество к саботажу хлебозаготовок, как неспособный проводить политику партии в деревне»⁵¹.

Таким образом, исключались из партии главным образом председатели колхозов и секретари партийных ячеек по обвинению в саботаже хлебозаготовок, стремлении оставить часть выращенного колхозниками урожая на их собственные нужды (заметим, в условиях надвигающегося голода). Нелепыми

и абсурдными в этой связи выглядят стандартные обвинения: «чужд делу коммунизма», «агент классового врага», «проводник кулацкой политики» и т. п. С гораздо большим основанием такого рода обвинения можно было бы адресовать тем, кто выдвигал их.

Чистку сельских партийных организаций Северного Кавказа Каганович рассматривал как важнейшее средство «борьбы с саботажем хлебозаготовок». В постановлении, принятом по его докладу на совместном заседании бюро Северо-Кавказского крайкома с Ростовским горкомом и партактивом Ростова (23 ноября 1932 г.), отмечалось, что достигнутые результаты по выполнению решения от 4 ноября 1932 г. «еще недостаточны и не закреплены... Огромное значение будет иметь проводимая чистка сельских организаций»⁵². В результате чистки к весне 1933 г. в Северо-Кавказском крае из рядов партии было исключено 26 тыс. человек, или 45% всех сельских коммунистов⁵³.

Постановление от 4 ноября 1932 г. стало сигналом для массовых репрессий по отношению к хлеборобам всего Северо-Кавказского края. Именно они и вызвали гневный протест М. А. Шолохова. Вполне понятно, что такого рода меры, принятые по настоянию Кагановича, не могли не встретить осуждения всех честных партийных и советских работников, не вызвать еще большего недовольства крестьян. Массовые репрессии на Кубани, осуществленные под руководством Кагановича, были одним из самых тяжких его преступлений⁵⁴.

Северный Кавказ так и не справился с годовым планом хлебозаготовок. Правда, в решении бюро Северо-Кавказского крайкома партии от 20 января 1933 г. отмечалось, что «план хлебозаготовок по всем секторам на 15 января 1933 г. полностью выполнен». Но тут же делалась оговорка, что «в это выполнение плана внесен собранный краевой семфонд»⁵⁵. Фактически хлебозаготовки в крае продолжались вплоть до весны 1933 г. К весенней же посевной кампании Северный Кавказ получил из государственных резервов 15,3 млн. пуд. семенного зерна⁵⁶.

Не справилась с хлебозаготовками 1932/33 г. и Украина. По сравнению с 1930 годом, наиболее урожайным, валовой сбор зерна в республике снизился более чем в 1,5 раза. Однако с этим не посчитались Молотов и Каганович, неоднократно выезжавшие в то время на Украину. Не оказав партийным организациям республики никакой конкретной помощи, они и здесь пытались добиться выполнения плана хлебозаготовок путем применения жестоких репрессий.

Глава Советского правительства, секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов 28 декабря 1931 г., в один из первых своих приездов на Украину, выступил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У с сообщением «О мерах усиления хлебозаготовок». В принятом решении отмечалось, что, несмотря на имеющиеся возможности справиться с установленным для республики планом, ход его выполнения «настолько неудовлетворителен, что создает угрозу срыва». Подчеркивалось, что полное выполнение плана является «безусловной необходимостью», в связи с чем «требуется применение ряда особых мер» и «повышение большевистской бдительности в отношении классового врага»⁵⁷. По существу речь шла об усилении карательных мер по отношению к крестьянству и колхозам, не выполнявшим план хлебозаготовок. Все было нацелено на то, чтобы обеспечить выполнение плана любой ценой. И тем не менее сделать этого не удалось⁵⁸.

Ход и результаты хлебозаготовительной кампании 1931/32 г. были проанализированы на III конференции КП(б)У (июнь 1932 г.), в работе которой участвовали Молотов и Каганович. Докладчик С. В. Косиор и выступавшие подчеркивали, что в период хлебозаготовок на руководителей районов и колхозов оказывалось сильнейшее административное давление, вплоть до снятия с постов, исключения из партии и отдачи под суд за невыполнение плана. Районные организации нередко заставляли колхозы, выполнившие свои обязательства, вывозить семенной фонд в счет так называемых встречных планов.

Основной порок состоял в том, что план хлебозаготовок был разверстан по районам без учета положения в каждом районе, колхозе. Руководящие кадры районного и низового звена были деморализованы жесткими дисциплинарными мерами, которые применялись в случае невыполнения планов, как правило, значительно превышавших реальные возможности колхозов и районов⁵⁹.

В октябре 1932 г. Молотов снова появился на Украине с тем, чтобы добиться от республики выполнения хлебозаготовительного плана на 1932 г. И на этот раз при его участии был осуществлен целый ряд мер репрессивного характера. 30 октября Политбюро ЦК КП(б)У, на заседании которого присутствовал и Молотов, обсуждало положение с хлебозаготовками, признав ход их «исключительно неудовлетворительным». Главной причиной срыва объявлялось «почти полное прекращение борьбы за хлеб в подавляющем большинстве районов Украины, господство демобилизационных настроений у большинства парторганизаций». В отношении единоличников, уклоняющихся от выполнения плана, предписывалось применять «бесспорное взыскание, штрафы в размерах рыночной стоимости несданного хлеба, судебные репрессии»⁶⁰. В ноябре 1932 г. Политбюро утвердило специальную инструкцию об организации хлебозаготовок в единоличном секторе. Согласно этой инструкции, допускалось лишение единоличников, злостно уклоняющихся от выполнения планов хлебозаготовок, земельных наделов, в том числе и усадебной земли, с выселением из пределов районов или даже области. Органы суда и прокуратуры обязаны были дела по хлебозаготовкам рассматривать вне очереди в течение 5—8 дней на выездных сессиях нарсутов непосредственно в селе⁶¹.

17—18 ноября 1932 г. с участием Молотова проходило специальное заседание Политбюро ЦК КП(б)У по вопросу о мерах по усилению хлебозаготовок. Были ужесточены репрессивные меры в отношении колхозов, не выполняющих планы. Исполкома районных Советов предоставлялось право перечислять все натуральные фонды этих колхозов в фонд хлебозаготовок, а председателей привлекать к строгой ответственности. По отношению к колхозам, не справившимся с планами сдачи зерна государству, разрешалось применять натуральные штрафы в виде дополнительного задания по мясopоставкам в размере 15-месячной нормы сдачи для данного хозяйства, причем наложение штрафа не освобождало колхоз от полного выполнения плана хлебозаготовок. По образцу Северного Кавказа вводилась система «черных досок» для колхозов, «особо злостно саботирующих сдачу хлеба». К ним применялся почти весь комплекс репрессивных мер, разработанных комиссией Кагановича. Было предложено также провести чистку сельских парторганизаций «ввиду того, что... вскрылось смыкание целых групп коммунистов и отдельных руководителей партячек с кулачеством, петлюровщиной и т. п., что на деле превращает таких коммунистов и парторганизации в агентуру классового врага»⁶². Абсурдность такого обвинения очевидна. Симптоматично другое: через 1,5 месяца тезис о смыкании сельских партийных организаций, в том числе ячеек в колхозах, совхозах и МТС, с врагами колхозов, совхозов и Советской власти и организующих вместе с ними саботаж хлебозаготовок был повторен в резолюции о политотделах январского (1933 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)⁶³.

Все эти записанные в протоколы «мероприятия» отнюдь не остались на бумаге. Уже в конце ноября 1932 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило представления обкомов о занесении на «черную доску» ряда сел. Эта акция была окончательно санкционирована специальным постановлением СНК УССР и ЦК КП(б)У. Среди первых «чернодосочников» были села Вербка и Гавриловка Днепропетровской области, Лютеньки и Каменные Потоки Харьковской области, Святополоцкое и Пески Одесской области. В постановлении перечислялся весь «набор» карательных мер из пяти пунктов, изобретенных Кагановичем, которые надлежало применить по отношению к этим селам⁶⁴.

В декабре 1932 г. на Украине появился и сам Каганович, завершивший свою «миссию» на Северном Кавказе. 20—21 декабря он принял участие в заседа-

нии Политбюро ЦК КП(б)У, на котором были утверждены тексты телеграмм обкомам партии, в которых констатировалось «позорное положение организации», содержалось требование «мобилизовать все силы для выполнения плана хлебозаготовок»⁶⁵. 29 декабря 1932 г. при участии Кагановича Политбюро принимает директиву обкомам и райкомам партии, в которой колхозам, не выполняющим планы хлебозаготовок, предписывается сдать «все имеющееся зерно, в том числе и так называемые семенные фонды» (курсив наш.— И. З.). Постановление от 18 ноября 1932 г. о невывозе семенных фондов было отменено как «ослабляющее наши позиции в борьбе за хлеб». Вывоз всех наличных фондов, в том числе семенных, предлагалось произвести немедленно, в течение 5—6 дней. Всякая задержка рассматривалась как саботаж хлебозаготовок со стороны районного руководства со всеми вытекающими отсюда последствиями⁶⁶.

В декабре 1932 — январе 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело ряд дел уполномоченных по хлебозаготовкам, «не принявших мер к тому, чтобы сломить кулацкий саботаж». Многие были исключены из партии, сняты с работы и отданы под суд. Среди них А. М. Нагорный — член партии с 1921 г., заместитель председателя Днепропетровского обл.плана, уполномоченный по хлебозаготовкам в Васильевском районе; В. Т. Шкляр — член партии с 1920 г., председатель ВУКа торгово-кооперативных работников, уполномоченный в Б. Лепитихском районе; И. Т. Попова — член партии с 1928 г., руководитель культурной секции УНХУ, уполномоченная в Кишенковском районе и др. Были исключены из партии и преданы суду «за преступный срыв заданий партии и правительства по хлебозаготовкам» директора многих совхозов и председатели колхозов⁶⁷.

Нет никаких сомнений в том, что большинство руководящих работников не являлись ни саботажниками, ни врагами Советского государства. В одних случаях они просто не имели возможности обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, поскольку «все наличное зерно» было уже изъято у крестьян и вывезено на хлебозаготовительные пункты; в других случаях брали на себя ответственность, шли на значительный риск, разрешая колхозникам в условиях начинающегося голода оставить у себя некоторую часть «причитающегося им» продовольственного зерна.

По данным украинских историков, в период хлебозаготовительной кампании 1932 / 33 г. было снято с занимаемых должностей 922 секретаря райкома, заворга, завкультпросветработника, председатели районных контрольных комиссий; 716 председателей райисполкомов, председателей райпланов, заведующих земуправлениями и других руководящих работников, — примерно 25—30% от общего числа этих кадров. Нередко за снятием с работы следовало исключение из партии и отдача под суд. В Запорожском районе только за два месяца было распущено 15% правлений колхозов, в Лубенском районе — 25%. «Наказания и репрессии, — делают вывод авторы, — сыпались как из гога избылиа»⁶⁸.

Итоги хлебозаготовок 1932 / 33 г. на Украине были подведены на февральском (1933 г.) пленуме ЦК КП(б)У. В докладе на пленуме С. В. Косиор огласил постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 г. ЦК считает установленным, констатировалось в нем, что партийные организации Украины не справились с возложенной на них партией задачей организации хлебозаготовок и выполнения плана хлебосдачи, несмотря на трехкратное сокращение и без того сокращенного плана. В духе времени были сделаны «оргвыводы»: сняты с должностей первые секретари обкомов трех основных зернопроизводящих областей республики — Харьковской, Днепропетровской и Одесской (Терехов, Строганов и Майоров) и назначены новые — Постышев, Хатаевич, Вегер⁶⁹. Можно было бы добавить, что «не на высоте» оказались и именитые «кураторы» хлебозаготовок Молотов и Каганович, приложившие немало «стараний» для успешного выполнения задания Сталина.

На пленуме приводились данные о том, что в 1930 г. на Украине было заготовлено по всем секторам 470 млн. пуд. хлеба, в 1931 г. — 440 млн., а в 1932 г. — всего 256 млн. пуд. В то же время в докладе С. В. Косиора отмечалось, что урожайность зерновых в 1932 г., по данным обмолота, была на уровне 1931 г. Однако его анализ причин «провала плана» хлебозаготовок свелся к пересказу содержания соответствующих мест из речи Сталина на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) ⁷⁰. Но это не удивительно. Поражает другое: ни на февральском пленуме ЦК КП(б)У, ни на предшествующих ему заседаниях Политбюро даже не упоминалось о начавшемся осенью 1932 г. голоде крестьянства республики, причиной которого стало изъятие у него всех запасов зерна в счет выполнения плана хлебозаготовок. Правда, в выступлении В. Я. Чубаря, главы правительства Украины, на февральском пленуме было сказано, что часть украинских колхозников превратились в «колхозников-мешочников, ударились в спекуляцию, разлагали колхозы Северного Кавказа и других смежных областей» ⁷¹. Имелась в виду, вероятно, крестьяне районов республики, охваченных голодом, двинувшиеся на Северный Кавказ в поисках продовольствия.

Более близкое к действительности положение украинской деревни в начале 1933 г. отразили отчетные донесения политотделов МТС по отдельным областям. Так, в сводном донесении политсектора МТС Харьковской области за 1933 г. читаем: «К весне 1933 г. политическое и хозяйственное положение в колхозах области в силу допущенных искривлений было тяжелым. План хлебозаготовок 1932 г. оказался невыполненным... Колхозы остались без посевного материала, фуража, продовольствия. На этой почве в ряде колхозов имели место явления недоедания и голода. Падеж тягловой силы приобрел катастрофические размеры» ⁷². В отчете политсектора МТС Днепропетровской области за 1933 г. сообщалось о забастовках колхозников, массовых случаях невыхода их на работу. «Хлеб все равно заберут».— говорили они. Во многих деревнях крестьяне голодали, дело доходило до людоедства. Случаи смерти от голода не были единичным явлением ⁷³.

Колхозники Украины (и не только Украины) выражали резкое недовольство тем, что у них отбирают все продовольствие, не дают хозяйствам заложить семенной фонд. В одном из политдонесений приводились слова бригадира Коваленко: «Колхозник наш голодает, сидит без хлеба. Нужно прямо сказать: в итоге колхозного строительства мы разорили колхозника, оставили его без хлеба» ⁷⁴. В оперативных сводках из деревни в конце 1932 — начале 1933 г. сообщалось, что на Украине и Северном Кавказе росло массовое недовольство крестьян. Многие колхозники выступали на собраниях против навязанных им хлебозаготовительных планов, отказывались выходить на работу. Дело доходило до прямых антисоветских выступлений, спровоцированных, как отмечалось в сводках, «классовым врагом» ⁷⁵.

Сталин игнорировал нужды сотен тысяч крестьян Украины и других районов страны, оказавшихся на грани голодной смерти. Когда ему доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области разрешили колхозам оставить себе часть зерна для посева и продовольствия, он разослал (7 декабря 1932 г.) за своей подписью циркуляр всем партийным органам, объявив ореховских руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии», и потребовал немедленно арестовать их и дать от 5 до 10 лет тюремного заключения ⁷⁶.

В конце 1932 г. состоялась беседа Сталина с секретарем Харьковского обкома и ЦК КП(б)У Р. Тереховым, который сообщил ему о массовом голоде крестьян на Украине. Сталин резко оборвал собеседника: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде (курсив наш.— И. З.), думали нас запугать, но — не выйдет! Не лучше ли вам оставить посты секретаря обкома и ЦК

КП(б)У и пойти работать в Союз писателей: будете 'сказки писать, а дураки будут читать»⁷⁷. Таким образом, Сталин даже в устной беседе с одним из руководителей Украинской партийной организации отрицал наличие голода на Украине. Через две недели Терехов был отстранен от руководящей работы.

Только в конце февраля 1933 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о выделении республике семенной ссуды в размере 20,3 млн. пуд. зерна, в том числе колхозам — 18,6 млн. пуд.⁷⁸ Была предоставлена и небольшая продовольственная ссуда (около 5 млн. пуд.). Однако эта помощь не могла предотвратить огромных человеческих жертв: голод на Украине начался уже осенью 1932 г. Его катастрофические последствия не были преодолены в республике даже к концу 30-х гг. Перепись 1939 г. установила, что численность населения Украины составила 30 960,2 тыс. человек против 31 901,4 тыс. в начале 1933 г., т. е. была меньше на 941 тыс. человек⁷⁹. Заметим также, что в 1939 г. в СССР проживало 28,1 млн. украинцев, тогда как в 1926 г. — 31,2 млн.⁸⁰

Несколько иначе сложилось дело на Нижней Волге, куда выезжала комиссия ЦК ВКП(б) во главе с секретарем ЦК П. П. Постышевым. Членами комиссии были Зыков, Гольдин, Шкляр. Однако еще до приезда комиссии на основе постановления ЦК ВКП(б) от 29 ноября 1932 г. за непринятие срочных мер по ускорению темпов хлебозаготовок были сняты с работы и привлечены к судебной ответственности несколько секретарей райкомов и председателей райисполкомов Нижне-Волжского края⁸¹. 7 декабря 1932 г. в Сталинградский округ была послана телеграмма Сталина и Молотова, в которой требовалось «преступников», повинных в прекращении сдачи хлеба, «немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения»⁸². 12 декабря 1932 г. нижеволжские крайком и крайисполком приняли решение, основанное, видимо, на «опыте» Северного Кавказа и Украины о занесении на «черную доску» 19 сельсоветов семи районов (Урюпинского, Нежаевского, Нижне-Чирского, Клетского, Котельниковского, Самойловского и М. Сердобинского), по отношению к которым за срыв хлебозаготовок предусматривалось прекращение завоза товаров и вывоз их из государственных и кооперативных лавок, досрочное взыскание кредитов и т. д. На «черную доску» были занесены и некоторые колхозы⁸³.

17 и 18 декабря 1932 г. состоялось заседание бюро Нижне-Волжского крайкома, на котором присутствовали Постышев и члены чрезвычайной комиссии. Было принято решение об оказании помощи отстающим по хлебозаготовкам районам и колхозам. В них посылались бригады по ремонту молотилок и выделялась дополнительная техника. Для проверки работы партийных организаций и оказания им помощи на места выехали ответственные работники крайкома. Всем районным партийным организациям было разослано в качестве директивы крайкома и крайисполкома письмо Постышева секретарю Нижне-Чирского райкома ВКП(б), в котором указывалось на недопустимость применения к колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок, таких репрессивных мер, как списывание и распродажа колхозного имущества, и предлагалось немедленно исправить допущенные ошибки. На совместных заседаниях бюро Нижне-Волжского крайкома и комиссии Постышева был специально рассмотрен вопрос об ответственности ряда руководящих работников Котельниковского и Нижне-Чирского районов за плохую организацию уборки и разбазаривание хлеба⁸⁴. 30 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором отметил, что некоторые руководящие работники этих районов несут персональную ответственность за массовую гибель урожая на корню, за очковитительство и разбазаривание колхозного хлеба⁸⁵.

Таким образом, действия Постышева на Нижней Волге, несомненно, носили несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществили Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине. В то же время репрессии по отношению к хлеборобам, хотя и в более смягченном виде, применялись и на Нижней Волге. Есть основание полагать, что точка зрения Постышева на при-

чины и характер хлебозаготовительных трудностей в конце первой пятилетки значительно отличалась от воззрений Сталина. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин, как уже отмечалось, на первый план выдвинул обострение классовой борьбы в деревне, переход классового врага к новой тактике, проникновение кулаков и подкулачников внутрь колхозов. Выступавший на том же Пленуме Постышев поставил вопрос иначе. «Сейчас мы имеем дело с крупнейшими хозяйствами, — говорил он, — ими надо уметь управлять и нечего тут прятаться за спину кулака, тем более что спина у него теперь не такая уж широкая, как раньше. Тем, что мы будем кричать, что кулаки, вредители, офицеры, петлюровцы и т. п. элементы срывают уборку или саботируют хлебозаготовку, этим мы положение не изменим. А мы где?»⁸⁶.

К 10 января 1933 г. Нижне-Волжский край выполнил план хлебозаготовок на 100,2%, в том числе по колхозно-крестьянскому сектору — на 99,6%, полностью обеспечив себя семенами⁸⁷. Однако голод крестьян не удалось предотвратить и на Нижней Волге.

Наиболее тяжело от голода 1932 / 33 гг. пострадало сельское население Украины, Северного Кавказа, центральных районов Казахстана. О масштабах этой трагедии можно судить по следующим данным: население СССР с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось со 165,7 млн. человек до 158 млн., или на 7,7 млн., причем главным образом за счет сельского населения⁸⁸. По наиболее объективным оценкам статистических данных западными советологами, число жертв голода 1932 / 33 г. составляло 3—4 млн. человек. Однако эти данные нуждаются в проверке и уточнении⁸⁹.

* * *

Рассмотренные события — одна из наиболее мрачных и трагических страниц истории советской деревни, повествующая о величайшем народном бедствии. Советское крестьянство вынуждено было заплатить огромную цену за сталинскую коллективизацию, попрание ленинских принципов хозяйствования, взаимоотношений между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством⁹⁰. Ныне, в период перестройки и гласности, есть все условия для воссоздания подлинной истории коллективизации сельского хозяйства в СССР, заполнения этих и других «белых пятен».

Примечания

¹ См.: И в а ш к и н С. С. Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Казахстана. — Вопросы истории, 1968, № 11, с. 45; История Казахской ССР, т. IV. Алма-Ата, 1977, с. 436; Д а х ш л е й г е р Г. Ф. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата, 1978, с. 49; Ту л е л б а е в Б. А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971, с. 207; е г о ж е. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., 1984, с. 144—145 и др.

² История советского крестьянства, т. 2. М., 1986, с. 256, 265.

³ Вопросы истории, 1988, № 3, с. 116—121; Правда, 1988, 26 августа и 16 сентября.

⁴ В первой половине 60-х гг. автором была подготовлена статья о хлебозаготовках в конце реорганизационного периода, где приводились данные о репрессиях, осуществленных на Северном Кавказе и Украине по указанию Сталина Кагановичем и Молотовым. Статья была предложена сначала журналу «Вопросы истории КПСС», а затем «Вопросы истории», однако в связи с изменившейся ситуацией опубликовать ее не удалось. Некоторые из материалов рукописи были использованы автором в статье «Политотделы МТС 1933—1934 гг.» (Исторические записки, т. 76, 1965) и в статье В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого «Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР» (Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963, с. 55).

⁵ Социалистическое пародное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, с. 436.

⁶ КПСС в резолюциях..., т. 4. М., 1970, с. 491.

⁷ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1957, с. 381, 391.

⁸ Там же, с. 392—393.

⁹ См.: Сталин И. В. Соч., т. 12, с. 276.

- ¹⁰ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 450.
- ¹¹ Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б) 10—16 июля 1933 г. Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936, с. 146.
- ¹² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 25, д. 60, л. 78.
- ¹³ Там же, л. 173; Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б) 10—16 июля 1933 г., с. 155.
- ¹⁴ Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б)..., с. 269.
- ¹⁵ Там же, с. 147.
- ¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 25, д. 60, л. 77, 128.
- ¹⁷ Там же, л. 172—174; Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941). Сб. док., ч. 1. Алма-Ата, 1967, с. 459—469.
- ¹⁸ Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б)..., с. 145.
- ¹⁹ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана..., ч. 1, с. 21.
- ²⁰ Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сб. М.—Л., 1939, с. 2—3.
- ²¹ История советского крестьянства, т. 2, с. 196.
- ²² ЦПА ИМЛ, ф. 112, оп. 47, д. 7, л. 282.
- ²³ Там же, ф. 17, оп. 21, д. 1290, л. 23 об.
- ²⁴ Чтобы правильно оценить масштабы этого явления, укажем, что в начале первой пятилетки в Казахстане насчитывалось 530—540 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, составлявших примерно две трети от общего числа казахских хозяйств (см.: Да х ш л е й г е р Г. Ф. Указ. соч., с. 40).
- ²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 112, оп. 47, д. 7, л. 281—282.
- ²⁶ Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б)..., с. 142.
- ²⁷ К о з л о в В. И. Динамика национального состава населения СССР и проблемы демографической политики.— История СССР, 1983, № 4, с. 22.
- ²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 1290, л. 19.
- ²⁹ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана..., ч. 1, с. 538—539.
- ³⁰ Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, ч. 2. Алма-Ата, 1981, с. 186—187; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 1290, л. 23.
- ³¹ Шестой пленум Казахского крайкома ВКП(б)..., с. 143.
- ³² Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях..., т. 2, с. 211.
- ³³ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 25, д. 76, л. 78, 80, 83; д. 77, л. 85.
- ³⁴ Да х ш л е й г е р Г. Ф. Указ. соч., с. 46.
- ³⁵ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935. М. 1936, с. 637; Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, с. 435.
- ³⁶ Это признал и Сталин. В речи на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он говорил: «Никто не может отрицать, что валовой сбор хлебов в 1932 году был больше, чем в 1931 году, когда засуха в пяти основных районах Северо-Востока СССР значительно сократила хлебный баланс страны. Конечно, мы и в 1932 году имели некоторые потери урожая вследствие неблагоприятных климатических условий на Кубани и Терекке, а также в некоторых районах Украины. Но не может быть сомнения в том, что эти потери не составляют и половинной доли тех потерь, которые имели место в 1931 году и в силу засухи в северо-восточных районах СССР» (С т а л и н И. В. Соч., т. 13, с. 216—217).
- ³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 76, д. 160, л. 22.
- ³⁸ Там же, ф. 7486, оп. 1, д. 237, л. 306.
- ³⁹ СЗ СССР, 1932, ст. 360.
- ⁴⁰ Характерно в этой связи свидетельство Н. Кирилловича, жившего в то время в Житомирской области. «Мне,— пишет он,— было 11—12 лет, и я увидел страшный голод. Нас в семье было 5 детей, голодные, начали пухнуть. Мы питались, чем могли... Мать нас, детей посылала собирать в поле колоски» (Известия, 1988, 18 июня).
- ⁴¹ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935, с. 263.
- ⁴² Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.—Л., 1934, с. 197.
- ⁴³ См.: Материалы Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7—12 января 1933 г. М., 1933, с. 144; Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 217—231.
- ⁴⁴ Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 231.
- ⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3459, л. 2—6.
- ⁴⁶ Там же, д. 3055, л. 4.
- ⁴⁷ Там же, ф. 17, оп. 21, д. 3377, л. 84.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, л. 93, 115 об., 124 об., 134; д. 3378, л. 10 об.
- ⁵⁰ Там же, д. 3378, л. 44.
- ⁵¹ Там же, д. 3377, л. 93—95.
- ⁵² Там же, л. 104.
- ⁵³ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 8, оп. 1, д. 49, л. 799; д. 46, л. 402—403.
- ⁵⁴ См.: XXII съезд КПСС. Стеногр. отчет, т. 2. М., 1961, с. 43.
- ⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3378, л. 10.
- ⁵⁶ СЗ СССР, № 14, ст. 80.
- ⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 42, л. 193—194.
- ⁵⁸ Там же, д. 66, л. 16.
- ⁵⁹ Компартия Украины в резолюциях..., т. 1. Киев, 1976, с. 785; Третья конференция КП(б)У. 6—9 июля 1932 г. Стеногр. отчет. Харьков, 1934, с. 11, 64.

- 60 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 54, л. 193, 196.
 61 Там же, л. 240—241.
 62 Там же, л. 265.
 63 КПСС в резолюциях..., т. 5. М., 1971, с. 79.
 64 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 55, л. 1—2, 71.
 65 Там же, л. 181, 185—187.
 66 Там же, л. 211, 214.
 67 Там же, д. 68, л. 1—9, 32, 35.
 68 Г а н ж а И. Ф., С л и н ь к о И. И., Ш о с т а к П. В. Украинское село на пути к социализму — Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963, с. 199—201.
 69 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 66, л. 2.
 70 Там же, л. 2 об., 5, 16.
 71 Там же, л. 26.
 72 Там же, ф. 112, оп. 26, д. 9, л. 116.
 73 Там же, д. 4, л. 221—224.
 74 Там же, д. 35, л. 23—24.
 75 ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 237, л. 292, 405—406; Исторические записки, т. 76, с. 44.
 76 Правда, 1988, 16 сентября.
 77 Правда, 1964, 26 мая.
 78 СЗ СССР, 1933, № 14, ст. 80.
 79 УССР в цифрах. Киев, 1936, с. 388; Социалистическое строительство Союза ССР. М.—Л., 1939, с. 9.
 80 К о з л о в В. И. Указ. соч., с. 20.
 81 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3663, л. 129.
 82 Правда, 1988, 16 сентября.
 83 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3663, л. 128—129, 132.
 84 Там же, л. 138—140.
 85 Справочник партийного работника, вып. 8. М., 1934, с. 573—574.
 86 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 514, вып. II, с. 33.
 87 Там же, оп. 21, д. 3364, л. 22 об., 257; Волжская коммуна, 1933, 22 января, 23 марта, 5 июня.
 88 См.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.), т. 1. М., 1934, с. 427; У р л а н и с Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 319. Цифра 158 млн., рассчитанная Б. Ц. Урланисом, оговаривается им как «приблизительная».
 89 Правда, 1988, 16 сентября; Вопросы истории, 1988, № 3, с. 120.
 90 Обращает на себя внимание попытка Сталина найти «козла отпущения» за голод 1932/33 г. Весной 1933 г. проходил процесс над работниками системы Наркомзема и Наркомсовхозов. Было арестовано 75 человек — «выходцев из буржуазных и помещичьих классов», обвиненных в «контрреволюционной, вредительской работе в области сельского хозяйства в районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии». В постановлении Коллегии ОГПУ от 11 марта 1933 г. указывалось, что члены группы участвовали в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, дезорганизации сева, уборки и обмолота «с целью подорвать материальное положение крестьянства и *создать в стране состояние голода*» (курсив наш. — И. З.). К высшей мере наказания — расстрелу — было приговорено 35 человек, к 10-летнему сроку тюремного заключения — 22, к 8-летнему — 18 человек. Приговор был приведен в исполнение немедленно (Известия, 1933, 12 марта).
- Отметим, что формулировка приговора «создать в стране состояние голода» двусмысленна: не ясно, удалось ли группе из 75 человек вызвать в стране голод или «доблестный» ОГПУ пресек ее намерение. Бесспорно одно: Сталин остался верен себе. Как и в речи на январском (1933 г.) Пленуме, он не решился публично признать трагедию миллионов людей. Только спустя 7,5 лет, в сентябре 1940 г. в выступлении на совещании, обсуждавшем кинофильм «Закон жизни», он обронил фразу о том, что в годы коллективизации «у нас миллионов 25—30 голодало» (См.: Сельская новь, 1987, № 12, с. 16). Однако это его выступление не было опубликовано.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Разбор оценок Н. Г. Чернышевского, касающихся пореформенной России, имеет особое значение. Речь идет о деятеле, который на рубеже 50—60-х гг. XIX в. являлся для передовой России одним из властителей дум, но затем насильственно — тюрьмой, каторгой и ссылкой — был изолирован от политической жизни. 1883 год, когда вилюйская ссылка для Чернышевского была заменена астраханской, стал годом создания группы «Освобождение труда», основавшей российскую социал-демократию. В начале 60-х гг. Россия лишь вступает на путь буржуазных реформ, а в 80-е гг. в ней утвердилось уже капиталистическое хозяйство и стал формироваться потомственный пролетариат. Нашел ли Чернышевский свое место в новом мире жизни, разобрался ли в происходящем?

Истоки наших историографических оценок Н. Г. Чернышевского 70—80-х гг. восходят к дореволюционным высказываниям о нем В. И. Ленина, Г. В. Плеханов и Ю. М. Стеклова. Если Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма»¹, то, признав выдающиеся теоретические заслуги Чернышевского, Плеханов все же сказал, что «прежний Чернышевский был убит приговором Сената»², а Стеков при этом отметил, что деятельность Чернышевского в Сибири сошла на нет³. Уже в советское время А. В. Луначарский писал, что Чернышевский «дожил до старости, но весь период от времени его заточения или, вернее, ссылки до конца его жизни был, в сущности говоря, периодом угасания»⁴. Означенная точка зрения была дружно отвергнута в работах В. Я. Зевина, В. Н. Шульгина, И. М. Романова, В. М. Корочкина, А. Ф. Смирнова, С. В. Свердловой, А. Ф. Мартынова и др., писавших о Чернышевском 70—80-х гг.

В. Я. Зевин считает, что в вилюйский, астраханский периоды ссылки и в последние дни жизни Н. Г. Чернышевский остался негнбаемым революционером⁵. В. Н. Шульгин констатирует, что в это время Чернышевский «сумел двинуться далее в разработке философских, политико-экономических вопросов, вопросов истории...»⁶. И. М. Романов усматривал клевету и злостный вымысел в утверждениях, что Чернышевский отошел от революционных традиций. По его мнению, Чернышевский в романе «Отблески сияния», написанном в начале 80-х гг. в Вилюйске, поднялся до «прямого призыва к смелой революционной борьбе», впервые вывел в нем революционеров из народа (Надежду Григорьевну с мужем) и, подобно А. И. Герцену в отношении к Интернационалу, повернул свой взор к Парижской Коммуне⁷. Романову кажется, что у Чернышевского появились даже «догадки и надежды на революционную роль рабочего класса», хотя до конца понять эту роль он еще не мог⁸.

Схожие с И. М. Романовым оценки взглядов Чернышевского периода пребывания его в Сибири высказал В. М. Корочкин, считавший, что в «Отблесках сияния» отразилось влияние марксизма. «По-видимому, — пишет он, — Н. Г. Чернышевский, изучая вопрос о положении пролетариата, все более убеждается в том, что именно этот класс способен осуществить революционное

Антонов Василий Федорович — доктор исторических наук, профессор-консультант Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

преобразование общества, уничтожить капиталистический способ производства»⁹.

Ю. З. Полевой не менее высоко, чем В. М. Корочкин, ценит мировоззрение Чернышевского, однако считает, что не под влиянием К. Маркса, чью работу «Капитал» Чернышевский, возможно, читал в ссылке, а гораздо раньше, еще на опыте революции 1848—1849 гг., Чернышевский убедился в передовой роли пролетариата в Европе, а Парижская коммуна укрепила это его мнение. Роман же «Отблески сияния», по мнению Полевого, не дает оснований для выводов, которые сделал Корочкин. В свою очередь, Полевой отмечает особую роль Чернышевского в «идейной подготовке почвы для восприятия марксизма в России» в силу того, что он «ближе всех социалистов Европы подошел к теории научного социализма»¹⁰.

В том же духе высказывается и А. Ф. Смирнов: «Программа глубоких революционно-демократических преобразований, выдвинутая и глубоко обоснованная Н. Г. Чернышевским еще в 60-е годы, которой он был верен до последних минут жизни, оставалась вершиной русской социально-философской мысли вплоть до 80-х годов». Смирнову даже представляется, что в вопросах «революционной стратегии, определения ключевых, программных лозунгов вилюйский узник был на голову выше идеологов революционного народничества и народо-вольчества». Убедительных доказательств для такого вывода у автора, однако, не имеется. «В то время, — рассуждает он, — когда народо-вольцы сосредоточивались на царубийстве, тем самым отстранившись от борьбы за политическую свободу (? — В. А.) народа, свернув (? — В. А.) работу (организационную и пропагандистскую) в массах, вилюйский узник пишет замечательный революционный „Гимн Деве неба“ и заявляет в нем, что „в битвах, решающих судьбы народные, надобно вооружить весь народ...“»¹¹. От себя замечу, что в «Гимне Деве неба» речь идет не о революции, а о защите отечества от вторжения захватчиков.

А. Ф. Мартынов решительно утверждает, что в Сибири и позже, после возвращения из ссылки, Чернышевский «находился на творческом подъеме» и «по ряду вопросов приближался к марксизму», но «не дошел до понимания исторической миссии пролетариата»¹².

Своеобразную концепцию выдвинула С. В. Свердлина. Не замечая «угасания» позднего Чернышевского, она, с одной стороны, представляет его пропагандистом «эволюционного учения (трансформизма) Ламарка, которому он остался верен и в 80-е годы», а с другой стороны, утверждает, что «Чернышевский остался верен принципам философского материализма, идеям революции, социалистического переустройства...»¹³.

Все сказанное позволяет заключить, что современная историография отвергает мнение о «спад» творческой активности Чернышевского в Сибири и стремится если не отождествить взгляды его с марксизмом, то максимально приблизить их к нему. Лишь С. В. Свердлина избегает этого искуса, хотя и пытается совместить трансформизм с революционностью Чернышевского.

Приведенными положениями вышеуказанные авторы руководствовались и в оценках отдельных замечаний Чернышевского о пореформенной России. Поскольку понять их без опоры на историческую концепцию Чернышевского невозможно, предварительно считаю необходимым изложить ее основные положения. Она базируется на трех «китах»: теориях циклов, нарастания и расширения круга. Вот их суть.

Согласно воспринятому Чернышевским от Ф. В. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля учению о развитии, оно проходит три цикла: 1) начало развития, 2) ускорение развития и 3) высший этап развития, по форме схожий с начальным. В общественной истории это выглядело так: если первый цикл развития — первобытно-общинный строй, то второй — греко-римская цивилизация, а третий, высший, по форме повторяющий первый, общинноколлективный, представлялся Чернышевскому социализмом.

Первый цикл развития человечество прошло нормально, но на исходе второго цикла, когда все было готово к переходу в стадию более высокого развития, ход истории был нарушен разорением Римской империи варварами. Чернышевский говорит, что накануне их вторжения «во всех отраслях цивилизованной жизни Римская империя подвигалась вперед: просвещение в провинциях распространялось; национальности шли к приобретению независимого существования; в управлении стал являться выборный элемент; права массы расширялись»¹⁴. Чернышевский в развитии просвещения и демократизации жизни империи видел главные признаки прогресса и главные условия подготовки человечества к переходу в качественно более высокую стадию развития. Поэтому он с гневом отвергал мнение, что варвары своим завоеванием Рима оплодотворили историю. В то время, когда «жизнь была свежа, прогресс безостановочен», с нашествием варваров случилась катастрофа, приравненная Чернышевским к геологической (VII, 657). Варвары, эти дикари, которые, говорил он, могли только разбойничать, грабить, резать и разрушать, отбросили человечество на много веков назад, к границам дикости.

Цивилизации, думал Чернышевский, пришлось все начинать сначала. Континентальная Европа, писал он, не «раньше XVII, быть может, только в половине XVIII века» сумела снова подняться до уровня развития Римской империи конца III — начала IV вв. (VII, 655). Значит, «целые 14 веков были потрачены на то, чтобы поднять историю хоть до той высоты, с которой низвергли ее варвары... Вся благотворность этого события состоит в том, что передовые части человеческого рода низвергнуты были в глубочайшую бездну одичалости, из которой едва успели вылезти до прежнего положения после неимоверных 14-вековых усилий» (VII, 661). Эти 14 веков, по Чернышевскому, были временем феодализма, внесенного в жизнь варварами, который поэтому «ни больше, ни меньше, как грабеж, приведенный в систему, междоусобица, подведенная под правила»; в нем «не было решительно ничего способного к развитию... Ничего не могла взять цивилизация из этой формы, служившей только препятствием для нее» (VII, 660). Определяя историческое место и исторические задачи феодализма, Чернышевский писал, что «формы, подобные феодализму, являлись почти во всех странах в период перехода от полнейшей дикости к низшим ступеням порядка, сколько-нибудь законного» (VII, 661). По его мнению, средняя история кончается «заменением феодализма централизованною бюрократиею или чем-нибудь подобным». Полного господства над феодализмом она достигла в XVII в., «а в Римской империи эта форма уже господствовала в III веке» (VII, 661). Итак, феодализм — переходная форма от первой стадии развития ко второй, иначе говоря, находится между первобытным обществом и греко-римской цивилизацией. А капитализм? Страны капитализма сравнивались по уровню своего развития с Римом. «Известно, — писал Чернышевский, — что сущность исторического развития в новом мире служит как бы повторением того самого процесса, который шел в Афинах и в Риме; только повторяется он в гораздо обширнейших размерах и имеет более глубокое содержание» (VII, 31). Как видим, Чернышевский имел весьма своеобразный взгляд на этапы истории, который совершенно расходится с мнением историков о понимании им формационного развития исторического процесса. Все это надо знать при изучении оценок им истории России, современных ему задач ее развития. Когда он говорит, что Россия исторически еще не жила, то ясно, что она, феодальная, находится на той стадии развития, с которой начинался мир Древней Греции и Рима. Капиталистический же Запад стоял перед началом высшей стадии развития, социализма. Но Чернышевский, развивая учение А. И. Герцена о возможности России миновать стадию капитализма, дал всестороннее обоснование этой исторической возможности.

Теперь обратимся к представлению Чернышевского о характере развития. По его мнению, оно совершается в виде нарастания, прибавления элементов нового к старому с целью его совершенствования. «Прогресс, — писал он, — просто за-

кон нарастания» (VI, 12). Изменения в жизни происходили постепенно и представляли собой реализацию все новых и новых идей, которые вырабатывались «лучшими людьми» каждого поколения. Усвоив эти идеи, общество в счастливом случае в течение полугода, года, а то и трех или четырех лет работало «над исполнением хотя некоторых из тех немногих желаний, которые проникли в него от лучших людей» (VI, 12). И все-таки «в короткие периоды благотворного порыва многое было переделано»; «девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время коротких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки все свое движение производит скачок за скачком...» (VI, 12, 13). Стереотипное мышление делает из этих слов вывод о скачках-революциях, но ведь эти скачки связаны у Чернышевского с активной деятельностью каждого нового поколения людей. По его мнению, смена поколений в среднем происходит за 15—16 лет. При этом меняются не только люди, участвующие в общественном преобразовании, но и идеи, которые они стремятся воплотить в жизнь (VI, 15, 16).

Проявление периодов «усиленной работы», «скачков» в истории Запада Чернышевский иллюстрировал сменой поколений с 1789 по 1848 г. во Франции и с 1815 по 1848 г. в Англии. Франция, писал он, за последние 59 лет «пережила четыре смены внутренней жизни: революцию, империю Наполеона I, реставрацию и Орлеанскую монархию...» И в Англии: «Через 17 лет после окончания революционных войн (1815) произошла парламентская реформа (1832), через 14 лет после того отменены хлебные законы (1846)...» (VI, 16, 17).

Чернышевский сделал этот расчет в 1859 г., когда, по его мнению, согласно психолого-физиологическому закону смены поколений, должен был наступить период «усиленной работы» нового поколения. Признаком этого в Англии было возобновление борьбы за парламентскую реформу. Во Франции росло недовольство режимом Наполеона III. 1859 год был успешным в борьбе итальянских патриотов за объединение страны. Поскольку смена поколений у народов происходит, по мнению Чернышевского, одновременно, то и Россия также в это предрепорменное время встала на путь обновления жизни.

Какие формы примет новая борьба за обновление жизни? Допускал ли Чернышевский революцию как орудие прогресса? Да, но в исключительных случаях. Так, он называл революционной борьбу патриотов Италии за объединение родины (VI, 418). Революция неизбежна в том случае, когда власть не понимает необходимости уступок народу, делает ошибки в своей внутренней политике, как это было, говорит он, перед июньскими событиями во Франции в 1848 г. «Ошибки правительства.— так прямо и пишет Чернышевский по этому поводу,— привели к неизбежной междоусобице». Или: ошибками партии умеренных республиканцев «дела были доведены до июньского междоусобия» (V, 26, 32). Во всех других случаях, т. е., как правило, теория нарастания признает лишь путь мирных преобразований. «Факт,— пишет Чернышевский,— существует только постоянною поддержкою от силы, которая произвела его. Чтобы он исчез, слишком много будет, если сила прямо обратится на его разрушение; довольно будет, если она перестанет поддерживать его, он сам собою падет...» (VII, 648). В другой раз Чернышевский, конкретизируя свой вывод, писал, что «как только распространялось в наши мнения, что система не оправдывает надежд, на нее возлагавшихся», так она падала: «... покинут был сначала Наполеон, потом покинута реставрация, потом июльская династия, потом и республика Кавеньяка и его друзей». То же самое было в истории всех наций и всех эпох: «... форма держится, пока есть мнение, что она приносит благо; она падает, как скоро распространяется мнение, что она существует только ради самой себя, не заботясь об удовлетворении сильнейших интересов общества. Форма падает не силою своих врагов, а единственно тогда, когда обнаруживается ее собственная бесплодность для общества» (V, 8).

Источник благосостояния народа и исторического прогресса заключен, по Чернышевскому, в знаниях; с развитием последних связано улучшение законов

и учреждений (IX, 628). Наука, хоть и медленно, «творит все: создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу всем его способностям. Наука — чернорабочий, не играющий блистательной роли в обществе; но трудами этого чернорабочего живет все: и государство, и семейство, и политика, и промышленность... Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что знание — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни» (IV, 5—6; см. также: VII, 645). Но знания, новые идеи должны быть распространены, в силу чего Чернышевский признавал исключительную роль просвещения, которое осуществляется лучшими, образованными людьми каждого поколения.

Теория расширения круга отвечает на вопрос, какие социальные силы участвовали в историческом прогрессе. Речь здесь идет о круге образованных людей, ибо, по убеждению Чернышевского, только они могли сознательно и со знанием дела участвовать в общественном преобразовании и руководить им. Историческое движение, по Чернышевскому, начинается «с передовых классов общества и достигает низших слоев народа». Впервые образование стало доступно аристократии. Она и начала историческую жизнь человечества, не «допуская другие сословия ровно ни к чему» (VII, 665). С течением времени просвещение проникло в ряды третьего сословия. Более многочисленное, оно постепенно вытеснило аристократию и стало руководить историей, все переделывая на свой лад. Пока силы его далеко не исчерпаны, оно еще «не переделало всего, что хочет и должно переделать» (VII, 618).

Остается необразованным самый многочисленный слой общества — трудовой народ. Чернышевский называл массы «истинно полезными двигателями истории», отмечая их громадную и непреодолимую силу (III, 574; VI, 369; VII, 35, 153), и в то же время говорил о массе как о темной, почти мертвой, привыкшей жить «рутиной», быть «апатичной» и «доверяющей господствующим над ней людям» силе. Масса, таким образом, могучая и непреодолимая сама по себе, но пока ведомая партиями и политиками, из-за своей необразованности не способна к исторической инициативе и сознательному самостоятельному участию в историческом движении. До сих пор, писал Чернышевский в 1861 г., эта «масса нации ни в одной стране не принимала деятельного, самостоятельного участия в истории. Это новый элемент, безмерно различный от прежних; он еще только готовится войти в историю» (VII, 618).

Как скоро простой народ приобретет «господство в исторической жизни»? — ставил вопрос Чернышевский и отвечал: «...по всей вероятности, это будет история очень длинная» (IX, 833). На Западе она уже началась. Там в темную гущу народа уже начали проникать лучи знания, и народ дал по «одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм» (IX, 833). Это — революционные события во Франции в 1848 г. и движение чартистов в Англии того же года. Свои первые битвы народ проиграл. Могут быть, говорил Чернышевский, проиграны и вторая, третья, десятая битвы, так как силы противников народа очень велики, но ход истории остановить нельзя. Залог конечной победы народа Чернышевский видел «в неотразимости силы распространяющегося просвещения», благодаря чему народ «постепенно привыкает понимать свое человеческое достоинство, распознавать невыгодные для него вещи и учреждения от выгодных и обдумывать свои надобности» (IX, 833). В отличие от Запады, не только народ, но, как уже сказано, и вся Россия, по мнению Чернышевского, еще не жила и, таким образом, находится в переходном состоянии от дикости к цивилизации, на грани цивилизации. Поэтому — в силу необразованности — ее народ не готов к самостоятельной исторической деятельности. Вот как характеризовал его Чернышевский: «... что же говорить о каких бы то ни было поселянах, ведь они невежды, им натурально играть в истории дикуью роль, когда они не вышли из того исторического периода, от ко-

того сохранились гомеровы поэмы, „Эдда“ и наши богатырские песни» (VII, 875). В «Письмах без адреса» (1862) Чернышевский высказал опасение, что обстоятельства могут толкнуть народ на выступление до осознания им дела. Тогда последствия будут ужасны. «Все лица и общественные силы, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не Вы одни,— говорил он царю,— а также и мы желали бы избежать ее». Воображение Чернышевского воссоздавало образ разрушения варварами Рима; он писал, что от восстания крестьян прежде всего пострадал бы «единственный предмет наших желаний <...> интерес просвещения. Мы,— продолжал Чернышевский,— думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми (и с демократами тоже.— В. А.) он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию. Поэтому,— заключал Чернышевский,— мы тоже против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел» (X, 92).

Из сказанного ясно, что в наступивший момент «усиленной работы» Чернышевский не мог делать ставку на народ и писать прокламацию «Барским крестьянам...» В эпоху реформы образованной в России была лишь интеллигенция и, следовательно, она и представляла собой ту силу, которая обладала способностью сознательно вмешиваться в решение задач общественного преобразования. Поэтому первостепенной задачей для Чернышевского было сплотить интеллигенцию, активизировать ее и направить на «усиленную работу» по реформированию страны. Он неустанно призывал либералов «не пропустить благоприятной минуты», пойти к противнику для «заключения мира», чтобы «кончить тяжбу полюбовной сделкой» (V, 173). И раньше, и в 1861 г. в «Полемических красотах», обращаясь к прогрессистам, он писал, что в их среде есть «множество подразделений, но интерес нации требует, чтобы они понимали одинаковость главного своего стремления и соединились в одно целое для борьбы с общим своим противником, отвергающим прогресс» (VII, 736). Жизнь, однако, показала тщетность надежд Чернышевского сплотить образованных людей на внеклассовой, отвлеченной идее прогресса. Период «усиленной работы», по его мнению, почти ничего не дал. Крепостничество, хотя и провозглашена была его отмена, сохранилось. Лишь формы его несколько изменились.

Для полноты концептуальной картины выделю еще два положения. Чернышевский, безусловно, преувеличивал роль государства и закона в истории. Но не всякого государства и закона, а разумно устроенного государства, способного издавать разумные законы, которые должны быть основой благоустроенного общества, необходимейшим, как он говорил основанием для «возникновения и возрастания любви к труду и привычки к экономии» (IV, 486), И второе. Чернышевский связывал победу третьего сословия над аристократией не только с тем, что оно овладело знаниями, но, в конечном счете, с его количественным преобладанием над аристократией: «Феодальные учреждения были низвергнуты, когда среднее сословие достигло участия в государственных правах и по своей многочисленности, конечно, стало преобладать над высшим, лишь только было допущено к разделению власти» (VII, 32). Тем более гарантирована историческая победа четвертому сословию, количественно многократно превосходившему аристократию и буржуазию вместе взятых. Такова историческая концепция Чернышевского к моменту его ареста в июле 1862 г.¹⁵

Изменились ли ее основы в 70-е и 80-е гг.? Обратимся за ответом к его работам «Характер человеческих знаний» (1885), «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888), предисловиям и статьям, приложенным к томам всеобщей истории Г. Вебера в переводе Н. Г. Чернышевского. Из них мы узнаем, что и в 70—80-х гг. Чернышевский оставался последовательным философом-материалистом, хотя по-своему объяснял природу и ее позна-

ваемость; основу его взглядов на общество составляли, однако, трансформизм и антропологизм.

23 июля 1888 г. в письме к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву Чернышевский заявлял, что находит дарвинизм «нелепостью» и объяснял свое «презрительное отношение» к нему приверженностью трансформизму. «Я,— писал он,— с довольно ранней юности знал теорию Ламарка и был трансформистом... Люди моих лет, бывшие трансформистами задолго до начала шума о дарвинизме, составляют маленькую долю публики» (XV, 687). Признавая эволюционность, Чернышевский отрицал борьбу за существование как средство совершенствования видов животных и растений. Если бы, говорил он, было по Ч. Дарвину, то из микроскопических первобытных форм жизни при естественном отборе не возникли бы никакие организмы (X, 771). Особенно Чернышевского возмущало приложение идеи Дарвина о борьбе как средстве прогресса к человеческому обществу. В этом случае она из глупости «становится зверством, бесчеловечием»,— пишет он сыну 17 марта 1876 г. из Виллюйска.

Он пишет сыновьям, что остается последователем учения Л. Фейербаха: «... хорош ли он, или плох, это как угодно; но он безо всякого сравнения лучше всех» (XV, 23). Писано это в 1877 г., после знакомства Чернышевского (начало 70-х гг.) с «Капиталом» К. Маркса. Человек, говорил Чернышевский, венец природы, а «основная сила, возвышающая человеческий быт,— умственное развитие людей» (X, 909); «с улучшением организации головного мозга улучшаются умственные силы человека», а «нравственный и материальный прогресс — результат улучшения умственных и нравственных сил» (X, 925). Последовательное овладение человеком усложняющейся техникой обработки сначала камня, а затем и металла — опять же результат роста знаний. «Образованность распространялась по средней и северной Европе очень медленно. На севере продолжался еще каменный век, когда племена, соседние с Грецией, Италией, греческими колониями юго-восточного приморья Франции, уже давно употребляли исключительно железные орудия» (X, 975). Греки же в овладении техническими искусствами «были учениками финикий, малоазиатских народов семитического племени, ассириян, египтян» (X, 976). Народы Европы, цивилизуясь, оказывали влияние на развитие более из них отставших. Так, французам, англичанам и немцам русские обязаны своим выходом из бедственного положения, в которое повергло их «порабощение монголами», а наши учителя, пишет он, вышли из варварства благодаря итальянцам, последние же своим развитием обязаны грекам и римлянам (X, 901). Как видим, и в 80-е гг. Чернышевский применял теорию нарастания для объяснения прогресса — в данном случае — человечества. О самом процессе производительной деятельности людей и отношениях, которые при этом между ними складывались, он не ведет речи и после знакомства с «Капиталом»: не затевает и полемики с ним.

Продолжал Чернышевский придерживаться и количественного принципа при определении общественных категорий. «Всякая перемена в народной жизни,— писал он,— сумма перемен в жизни отдельных людей, составляющих нацию; поэтому, когда мы хотим определить, какие обстоятельства благоприятны и какие неблагоприятны умственной и нравственной жизни нации, мы должны рассмотреть, от каких обстоятельств улучшается или портится в умственном или нравственном отношении отдельный человек» (X, 910).

Чернышевский отвергал насилие как средство прогресса и в 70—80-х гг. Помимо критики идеи Ч. Дарвина о борьбе за существование он, повторяю, говорил об этом в очерке «Общий характер элементов, производящих прогресс» (1888). Доказывая, что и простолюдины, и большинство просвещенных людей желают поступать хорошо, улучшать обстановку своей жизни, делать добро своему народу, Чернышевский писал, что не «насилие против простонародья или какого другого класса наций тут нужно, а содействие исполнению всеобщего желанья» (X, 916). «Таковы,— полагал он,— должны быть отношения просвещенных людей к массе их соотечественников» (X, 916). Эти люди — ведущая

сила прогресса. Мысль об особой роли просвещенных людей пронизывает все содержание автографа Чернышевского, оставленного им в 1889 г. Н. Ф. Скорикову¹⁶.

Как видим, и в 70—80-е гг. основные концептуальные суждения Чернышевского оставались неизменными. Такими глазами он с 1883 г. смотрел на новую для него Россию.

Какой он увидел ее, мы узнаём из его трудов и писем, а в большей степени из мемуаров современников, среди которых наибольшую ценность представляют воспоминания находившихся с Чернышевским в сибирском заключении П. Ф. Николаева, С. Г. Стахевича, В. Н. Шаганова, посещавших его в Астрахани или Саратове Н. Ф. Скорикова, А. А. Токарского, Н. Ф. Хованского, В. Г. Короленко¹⁷. Достоверны ли сообщаемые сведения? Названные лица непосредственно узнавали от самого Чернышевского о его взглядах на тот или иной вопрос, особо остро воспринимали услышанное (Скориков, например, вернувшись от Чернышевского, сразу записывал его суждения).

Имеющийся материал об оценках Чернышевским пореформенной России сгруппируем по проблемам экономики, внутренней политики, путей осуществления прогресса. Особо зафиксировав извлеченные из источников высказывания Чернышевского о крестьянстве, купечестве и капитализме.

Чаще всего в годы неволи перед Чернышевским вставал крестьянский вопрос. И реакция его на это была однозначной. Вот что говорят по этому поводу его товарищи по заключению. «Когда между нами,— вспоминает ишутинец П. Ф. Николаев,— зашла речь об освобождении крестьян... надо было видеть Чернышевского в эту минуту, надо было слышать, каким негодованием и каким презрением к этой будущей, с позволения сказать, эволюции была полна его речь...

— Да, батенька, я теперь думаю, что было бы гораздо лучше, если бы тогда победила откровенно крепостническая партия дворянства, и крестьяне были бы освобождены без земли, с одними усадьбами,— так закончил он разговор.

— Почему? — спросил я.— А прибалтийские крестьяне, а Польша?

— Да потому,— довольно резко ответил Николай Гаврилович,— что тогда немедленно произошла бы катастрофа»¹⁸. Безусловно, Чернышевский имел в виду восстание крестьянства, которое, как писал он в 1862 г. в «Письмах без адреса», привело бы к гибели цивилизации (X, 92). В чем же дело? А вот в чем. Реформа, говорил тогда Чернышевский, изменила лишь «формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений» (X, 99). Пять лет (с 1857 г.) усиленной работы прошли почти даром: «... литература наша не продвинулась ни на один шаг; а так как литература служит отражением жизни, то значит, что ни на один шаг не продвинулась и наша жизнь» (X, 71). Два главных вопроса, два предварительных условия просвещения и прогресса — улучшение администрации, а отсюда — законов и суда и отмена крепостного права, по мнению Чернышевского, не разрешены. Так лучше катастрофа, которая отбросит Россию к исходному рубежу развития, не так уж далеким, думал он, от современности, затем начать новый цикл развития с учетом полученного опыта, чтобы избежать ошибок пройденного пути. Но и в 1862 г. он понимал, что этого не произойдет, и говорил о желательности «катастрофы», скорее, с раздражением в связи с неудачей усилий, которые и лично он предпринял с целью глубокого преобразования жизни в период реформы.

При таких обстоятельствах Чернышевского страшило будущее. Он уже в дореформенное время наблюдал симптомы вторжения капитализма в русскую жизнь, однако тогда думал, что освобожденный от крепостничества общинник сумеет противостоять капитализму, что община выиграет историческое соревнование с частной фермой и страна пойдет по пути построения социализма (V, 152, 153 и др.). Однако реформа ограничила потенциальные возможности общины, оставила ее беспомощной перед капитализмом. Это-то и приводило Чернышевского во время отбывания им каторги в негодование. П. Ф. Николаев

свидетельствует, что Чернышевский несколько иначе, чем М. Е. Салтыков-Шедрин, отнесся к Дерунову. На кулака Николай Гаврилович «смотрел не как на опасную силу, а, скорее, как на осклизлую гадину, существование которой связано с другими, более первоначальными причинами. На боевой клич Салтыкова „чумазный идет!“ Чернышевский ответил бы приблизительно так: „нет, он не идет, а пришел и всегда приходит вместе с Угрюм-Бурчеевым и с Залихват-Перехватским, въехавшими в Глухов на белом коне и упрямившими науки. Не будет их, не будет и Дерунова“. Скорее гадливость и презрение, чем ужас и негодование, какие заметны у Салтыкова, чувствовал к кулаку Чернышевский. Но когда ему приходилось говорить о ташкентце и пенкоснимателе, особенно высшего полета, Николай Гаврилович, обычно мягкий и добродушный, делался неузнаваемым; он делался Чернышевским своей журналистской полемики, полным яда и желчи...»¹⁹.

Теперь, очевидно, станет понятным, почему Чернышевский писал в 1878 г. из Вилуйска сыну: «... не тратьте денег на присылку мне книг о „землевладении“ или о „крестьянах“ — серьезно говорю: тошнит меня от них» (XV, 283). И незачем за словами того же письма «надоело мне все подобное» и «прочтено мною не будет» пытаться видеть конспиративную уловку Чернышевского, рассчитанную на обман властей. Напрасный расчет на их наивность. Если принять другую версию — И. М. Романова, согласно которой Чернышевского «тошнило» от либеральных методов разрешения крестьянского вопроса (авторы книг о землевладении И. А. Кейслер, А. И. Васильчиков, Ю. Э. Янсон — либералы), то, как известно, и Чернышевский не звал неграмотных крестьян к топору. Все дело в том, что реформа, повторяю, разочаровала Чернышевского, и он жил в страхе перед наступлением на «поселян» фермера-капиталиста, торжества которого, если ему не поставить барьер из социалистически организованного общинного хозяйства, Чернышевский еще до реформы, в 1858 г. предрекал через 20—25 лет (V, 152, 153). И оно наступило. Дерунов пришел!

Что же произошло, когда Чернышевский увидел Россию 80-х гг.? Перед ним предстал новый мужик. Вот что Чернышевский говорил астраханцу Н. Ф. Скорикову: «Мы должны быть довольны, что нашего мужика теперь не бьют, как было прежде, а вот подождите, придет время — он потребует, чтобы его и не ругали... Ступайте на вечерний базар, много ли Вы встретите на базаре лаптей. Все — даже простые мужики — в сапогах»²⁰. Достаточно было этих проявлений цивилизации деревенской жизни, чтобы Чернышевский начал освобождаться от своих тревог за судьбу крестьянства.

Более того, сами двигатели капиталистического прогресса уже не казались Чернышевскому разрушителями жизни. Вот что рассказывал Н. Е. Кудрину (Н. С. Русанову) его хороший знакомый некто Б — «тип идейного и вдумчивого собеседника», который в 1888 г. имел «интересный разговор» с Чернышевским.

« — Что ж, — сказал Н. Г. Чернышевский Б, — теперь время трезвое. Будем и мы учиться смотреть на дела глазами трезвых людей. По-ихнему то и хорошо обществу, что им выгодно. Натурально. Будем же теперь глядеть на кушца. Когда купец не только тарифов, но и прав потребует, и не с благодарностью за прошлое, а грозя будущим, тогда наступит конец старому миру... А пока будем учиться и смотреть». Н. Е. Кудрин говорит, что это высказывание «не было просто бутадой». Видимо, трезвый аналитический ум Чернышевского искал точки опоры для идеалов и среди тогдашних, казавшихся невыносимыми условий»²¹.

Да, теперь Чернышевскому было ясно, что Россия вступила во вторую фазу, или второй цикл развития. Жизнь берут в свои руки представители третьего сословия, которые скоро «не только тарифов, но и прав потребуют», и это будет предвестником конца старому, помещичьему миру. Когда он наступит? Тогда, согласно концепции Чернышевского, когда образованных представителей третьего сословия станет значительно больше численно, чем помещиков, и последние будут вытеснены ими. С идеей некапиталистического развития России покончено.

Чернышевского начинает раздражать уже «мысль о противоположности успешной житейской (в данном случае коммерческой) деятельности благу народа». Такая точка зрения, говорит он, ему всегда казалась «фантастической». Мне,— продолжает он,— всегда было тошно читать рассуждения о „гнусности буржуазии“ и обо всем тому подобном; тошно потому, что эти рассуждения, хотя и внушаемые „любовью к народу“, вредят народу, возбуждая вражду его друзей против сословия, интересы которого, хотя и могут часто сталкиваться с интересами его (как сталкиваются очень часто интересы каждой группы самих простолюдинов с интересами всей остальной массы простолюдинов), но в сущности одинаковы с теми условиями национальной жизни, какие необходимы для блага народа, потому в сущности тождественны с интересами народа» (I, 749). Чернышевский справедлив. Выше уже говорилось о его высокой оценке исторической роли третьего сословия, которое, писал он в 1861 г., все еще развиваются на Западе, «и много, очень много улучшений в западной жизни произведет даже один этот элемент, уже много сделавший перемен» (VII, 618).

Итак, буржуазия, вовлекшая Россию на путь ускоренного развития, несмотря на то, что ее интересы будут часто сталкиваться с интересами народа (вопрос о ее эксплуататорской сущности Чернышевским отнюдь не снимался), теперь поддерживается как сила исторического процесса, в этом смысле действующая и в интересах народа. Признание третьего сословия, к которому Чернышевский и себя относил, главным деятелем прогресса в России не означало классовой переориентации мыслителя. Он по-прежнему остался выразителем интересов «простолюдинов». Саратовец А. А. Токарский, наиболее близко из земляков стоявший к Чернышевскому в последние месяцы его жизни, свидетельствует, что интерес последнего к мужику не угас и в это время. «Он,— вспоминает Токарский,— очень любил разговаривать с постоянными жителями деревни и просил приводить и присылать ему таких почаще. Для них делалось исключение из обычного режима, и они могли являться к нему во всякое время». Как-то, говорит Токарский, зашел разговор о стачках сельскохозяйственных рабочих. Приезжий с превеликим огорчением говорил Чернышевскому о том, что, когда подул суховей и хлеба стали разом созревать, рабочие потребовали высокой оплаты за свой труд. Подробно расспросив своего собеседника, Чернышевский долго объяснял ему, что «в промышленности и сельском хозяйстве, несмотря ни на какие улучшения орудий производства, никогда нельзя избежать повышения цен при благоприятно сложившихся для рабочих условиях». И далее, приводя «довольно фигуральные аргументы», убеждал: «Ведь вы же теряете от других неблагоприятных условий. Вот, например, ваши всходы погибли от истребления яровым или ржаным червем? Или ваши подсолнечники съела метелица? Или засуха или град? Но так знайте, что в числе вредителей есть и суховей, но вредит он не в свою пользу, а в пользу рабочего»²².

Об отношении Чернышевского к пролетариату имеется лишь одно, зато подлинное его высказывание. Врач и знакомый Чернышевского еще со студенческих лет Г. Р. Городков прислал ему свой отчет о результатах инспекции фабрик своего округа. Чернышевский нашел, что документ «написан дельно, умно» и обратил внимание «на одну особенность этого отчета: от него веет теплым чувством доброжелательства... С очевидною радостью Гаврил Родионович (Городков.— В. А.) выставляет хорошие черты отношений фабрикантов к рабочим; и, без сомнения, его дельному и твердому, но доброму тону обращения с мелкими фабрикантами рабочие их в значительном размере обязаны теми улучшениями, какие делаются фабрикантами для них по его советам. Не только рабочие видят в Гавриле Родионовиче своего защитника, но, без сомнения, и очень многие фабриканты полюбили его как человека, искренне желающего быть полезным для всех людей, без различия общественного положения и национальности, друга рабочих, но друга и фабрикантов, желающих не быть притеснителями рабочих» (XV, 619). Нет, не о классовом мире печется Чернышев-

ский. Странник теории нарастания, он думает лишь об улучшениях, прибавлениях лучшего в отношениях трудящихся с хозяевами, что улучшает условия для просвещения рабочих. Капитализм неизбежен для прогресса, но Чернышевский хочет, чтобы он не был «притеснителем рабочих».

Очевидно, Чернышевский не проявлял особого интереса к промышленной буржуазии. Приведенные выше его замечания об отставании России от передовых стран он, надо полагать, связывал не только с состоянием научного (это у него четко отмечено), но и промышленного развития страны.

В письмах 1888 г. И. И. Барышеву, задумавшему написать роман о московских купцах, Чернышевский довольно пространно дважды в своих письмах высказался об этом предмете. Он отметил присущую купцам всех мест сословную особенность. У них, писал он, «много пошлых и дурных привычек», но не больше, «чем у массы великосветских людей, или чиновников, или священников и дьяконов», поэтому, полагал он, несправедливо «думать о купеческом сословии хуже, чем о дворянском, чиновничьем, духовном или мужицком» (и тут, замечу, не упоминается «сословие» промышленников). Между купцами он замечал много «умных, добрых, благородных» людей, сетовал на публицистов, романистов, драматургов на то, что они выставляют напоказ только дурные стороны купцов. «Я не имею особой симпатии ни к купечеству, ни к духовенству; но желаю, чтоб и о купцах начали говорить справедливо» (X, 726, 727, 728).

Нет ничего удивительного в том, что купцы думают только о наживе. Это — от слишком большого неравенства состояний. Миллионеру везде почет, поэтому и купец с 10 тыс. руб. дохода имеет «желание приобрести такое же почетное положение; от этого, — пишет Чернышевский, — и происходит неуверенность в любви к деньгам» (XV, 748, 749). Это — общая и чисто нравственная оценка купечества. Лишь о купцах Вилюйска Чернышевский говорит конкретнее, приземленнее. «Один между ними — богач: такой богач, что по всеобщему убеждению, „может купить весь город со всем округом“, — подлинное выражение жителей. Этот купец сам ухаживает за своим скотом; на его жене платье, какое постыдится надеть горничная в Петербурге или хоть бы в Саратове. Едят один раз в сутки...» (XIV, 518). Купец богат на фоне общей народной бедности: «их нищета (нищета масс. — В. А.) мутит и мою заскорузлую душу». Купечество способствовало оживлению экономики Якутии, но главную роль в торговле играли не крупные, как думают в России, а мелкие торги, особенно продажа мяса золотым приискам (XIV, 546). По Вилюю пока не ходят пароходы, но на крупных лодках перевозят «хлеб, соль, чай, сахар» (XIV, 559).

Какие изменения увидел Чернышевский в политической жизни страны и как оценил их? С. Г. Стахевич сообщает, что ссыльным лишь однажды удалось вовлечь Чернышевского в разговор на эту тему. Он крайне неодобрительно отзывался о земствах, говоря, что «не усматривает в них никакого намека, ни даже самого слабого, на конституционные учреждения, никакого шага, ни даже крошечного, который приближал бы нас к политической свободе». Вот его образная зарисовка работы земцев: «Вы много раз видели, как происходит у нас во дворе кормежка поросят: они сбегаются к корыту с гнилой картошкой и разной бурдой, толпятся, толкают и кусают один другого, хрюкают, взвизгивают — это и есть наши земцы»²³. А. А. Токарский поражался, что Чернышевский, «никогда не видевший живого земства и живых земцев, знал о земстве, говорю без преувеличения, решительно все, что можно было почерпнуть из печатного материала»²⁴.

Чернышевский, по словам С. Г. Стахевича, напротив, часто заводил речь о суде, и «особенно охотно о случаях столкновения между адвокатами и председателями судов, о протестах адвокатов против стеснения защиты и об их угрозах уйти из залы заседания суда, если стеснения защиты будут продолжаться». Чернышевскому импонировала именно эта, демократическая сторона судопроизводства, и он противопоставлял ее бывшему производству дворян-крепостников, которые до освобождения крестьян не могли «допустить судов теперешнего

устройства с их гласностью и состязательностью равноправно поставленных сторон...», ибо тогда всплывали бы на свет их зверства и насилия в отношении крестьян, как и «ужасающая жестокость крестьян» в тех случаях, когда они теряли терпение и становились бунтовщиками. Все это всплывало бы на божий свет, «подрывало бы основу государственного строя — крепостное право», но когда это право пало, «хорошие суды теперь не страшны дворянству, они и вводятся»²⁵. Причины появления судов Чернышевский объяснил в основном с позиций нравственности и с некоторой долей идеализации дворянства, которому, по словам Стахевича, он отводил роль задающего «тон во всей нашей общественной жизни»²⁶. Так же отзывается Чернышевский о дворянстве, разумеется, о его передовой, просвещенной части и во время подготовки реформы (V, 149, 150, 712), и вскоре после нее в связи с решениями, принятыми тверскими помещиками в декабре 1861 г. и в феврале 1862 г. (X, 96, 97, 100, 102).

По свидетельству А. А. Токарского, Чернышевский «постоянно требовал разъяснений, задавал вопросы и выражал свои недоумения», если в разговорах касались вопросов о земстве, суде или организации крестьянства. Он «интересовался как формой, в которую выливались отношения, так и психологической стороной жизни всех классов»²⁷.

Потерпев неудачу в попытках объединить образованных людей для общего нажима на правительство в период подготовки реформы, Чернышевский в сссылке стал обдумывать несколько иную тактику борьбы. По словам В. Н. Шаганова, на рубеже 60—70-х гг. Чернышевский развивал идеи об особой роли политических партий в истории. Даже русская история, полагал он, могла бы быть иной, восторжествуй при воцарении Анны Ивановны партия верховников. Явно придерживаясь своей теории нарастания, он говорил, что никакая «партия не может не делиться властью ради своего же собственного спасения» и что «при власти партий все же более вероятности сделать что-нибудь в пользу народа». Чернышевский верил тогда в «неизбежность борьбы за свободу партий, за ослабление центральной власти»²⁸.

Чернышевский симпатизировал формам политического порядка и общественной борьбы в Англии. По свидетельству С. Г. Стахевича, он усматривал в них следующие преимущества: правительственный механизм, находящийся под безусловным контролем парламента, широкое самоуправление, свободу слова и печати, привычку к самостоятельности, проявляющуюся, между прочим, в многочисленных союзах взаимопомощи. Все это, говорил Чернышевский, создает в стране такую общественную атмосферу, что призывы к соблюдению законов и к сохранению порядка исходят при всей горячности политической борьбы даже от вожаков борющихся сторон, в том числе — а это для него имело особое значение — и от «вожаков рабочих». Охарактеризованная таким образом политическая система Англии была приемлема для него именно потому, что открывала и обеспечивала возможности свободной и политической деятельности в рамках гарантированной законности пробуждающемуся в стране четвертому сословию — рабочему классу. Совсем не то, казалось ему, имеет место на континенте, где будто бы «выросли и живут в других привычках», «находят понятным и приятным, когда им говорят: бей, жги, грабь». Чернышевский считал Англию передовым государством, полагая, что там победа четвертого сословия совершится раньше, чем в других странах Европы. «Избирательное право англичан, — разъяснял он свои мысли, — распространяется все шире, захватывая новые слои населения; рабочий класс приобретает все большее влияние на ход дел. А когда рабочие люди приобщаются к политической борьбе, поступательное движение наций сильно ускоряется» (разрядка моя. — В. А.), так как «рабочий вносит в борьбу такую цельность и стройность, которая для большинства из нас прямо-таки непостижима; эта-то страстность и ускоряет поступательное движение нации»²⁹. Это — не специфически классовая, присущая только пролетариату особенность, что чаще всего и видится исследователям. Чернышевский различает «горожан» и «поселян»

по условиям труда и распределением продуктов труда, но рассматривает их в целом как четвертое сословие, отдельные отряды которого (по странам) просвещаются быстрее или медленнее. Опережение в развитии английского рабочего класса Чернышевский, несомненно, связывал с проведением в 1867 г. парламентской реформы, начало борьбы за которую в конце 50-х гг. принималось им тогда за наступление нового цикла «ускоренной работы». Важно подчеркнуть, что если выступление чартистов в 1848 г. Чернышевский считал только первой битвой четвертого сословия Англии, то теперь этим сословием был уже накоплен опыт борьбы 1859, 1867 гг., и оно, как видно, признавалось ведущей силой прогресса в стране.

Итак, в Сибири Чернышевский выдвинул на первый план фактор столкновения политических партий. Заинтересованные в поддержке народа, они, считал он, окажутся вынужденными делиться с трудящимися какой-то долей прав и власти, а это уже будет прибавлением нового, нарастанием, прогрессом.

Скажется ли в какой мере влияние просвещения, знания на ходе борьбы партий? Здесь позиции Н. Г. Чернышевского остались неизменными. По-прежнему, как и в годы активной деятельности, он заявлял, что «основная сила, возвышавшая человеческий быт» и производящая «прогресс в жизни народов» — «умственное развитие» людей (X, 909). Странник постепенного поступательного развития, Чернышевский публикует в 1888 г. статью «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» за подписью «Старый трансформист» (см.: Русская мысль, кн. IX). Как и раньше, он возлагает ответственность за исторический прогресс и судьбу массы соотечественников на интеллигенцию. «Если мы, просвещенные люди какого-нибудь народа, желаем добра массе наших соплеменников, имеющих дурные, вредные для нее привычки, наша обязанность, — писал он, — состоит в том, чтобы знакомить ее с хорошим и заботиться о доставлении ей возможности усвоить его» (X, 915—916). Каким образом? «Прибегать к насилию — дело совершенно неуместное». Надо просто растолковать, что дурное следует заменить хорошим, и это сделать нетрудно. Масса населения, скорее, нуждается не в назиданиях, а «в приобретении средств для замены дурного хорошим». Против предоставления этих средств народу — меньшинство. Это — нравственно больные люди, которые желают жить по правилам, кажущимся просвещенным людям дурными. «Кроме этих немногих, нравственно больных людей все остальные простолюдины, как и все остальные просвещенные люди, желают поступать хорошо; и если поступают дурно, то лишь потому, что дурная обстановка их жизни принуждает их к дурным поступкам; все они тяготеют этим, все желают улучшить обстановку своей жизни так, чтобы не быть вводимыми ею в дурные поступки». Надо помочь осуществлению этого желания большинства народа, но «не насилие против простонародья или какого другого класса нации тут нужно, а содействие исполнению всеобщего желания» (X, 916). Чернышевский продолжает: уже давно как просвещенные люди, так и все «правительства цивилизованных государств держатся этих разумных понятий: варварский способ перемены в народной жизни насильственными мерами давно отброшен правительствами всех европейских государств» (X, 916). Все это, как видим, не укладывается в трафарет оценок Чернышевского: он остается самим собой, приверженцем теории нарастания, обеспечиваемого просвещением.

По возвращении из ссылки Чернышевский не увидел в России борющихся партий. Послушаем, что говорят товарищи по заключению о его отношении к деятельности русских революционеров. Как-то, сообщает С. Г. Стахевич, беседовали о том, что правительство, рассылая в административном порядке «неблагонадежных субъектов по городам и весям нашего обширного отечества, тем самым само содействует распространению революционных понятий в населении», вследствие чего «политические вспышки могут обнаружиться в таких местах, которые сами по себе, без ссыльных, остались бы спокойными. Николай Гаврилович покачал головой. — Это не так, уголья в куче горят, разбросанные

гаснут. После некоторой паузы он еще раз покачал головой и прибавил: — А вдобавок и уголья у нас худые: в куче и то гаснут»³⁰.

Действовать по-каракозовски? Ссылные обсуждали и отвергали такой способ борьбы. Из совокупности разговоров Стахевич заключил, что Чернышевский отвергал «прямолинейное революционерство», к которому был склонен, например, М. Д. Муравский, сосланный за революционную деятельность на Урале. Чернышевский говорил, что Муравский «принадлежит к разряду тех прямолинейных революционеров, которые не умеют, да и не хотят принимать в соображение обстоятельства времени и места. В критические моменты народной жизни эти люди пронесут свое знамя через сцену действий: это они умеют делать и делают. Но критические моменты редки и коротки; до них и после них надо махнуть на этих людей рукой: ничего из них нельзя извлечь, или разве очень мало. Святые младенцы: святые — правда, но и младенцы — тоже правда»³¹.

Однажды, в самом начале знакомства, кто-то, вспоминая П. Ф. Николаев, упомянул о русской революции. «Ах, эта русская революция, — смеясь заметил Н. Г. — Она точно бедный котенок, маленький, жалкий... Пищит и дрожит, весь трясется, как осиновый лист». «Уверовал ли в нее (революцию. — В. А.) Н. Г. к концу своей жизни, — говорит Николаев, — сильно сомневаюсь в этом». Но тут же начинает уверять, что Чернышевский еще со времени его жизни в Саратове был бланкистом и всегда с большой теплотой отзывался об О. Бланки. Доказательства он находит в произведениях Чернышевского и в его словах о предпочтительности катастрофы проведенной реформе. «Тут, видите, чистый бланкизм: чем хуже, тем лучше»³².

Никто, кроме П. Ф. Николаева, о бланкизме не упоминает, а В. Н. Шаганов прямо заявлял: «Он (Н. Г. Чернышевский. — В. А.) никогда не призывал к бунту или восстанию»³³. Но обратимся к существу доказательств Николаева. Формула «чем хуже, тем лучше» была совершенно чужда Чернышевскому. Она резко расходилась с его теорией «нарастания». И слова о предпочтительности «катастрофы», как показано выше, не имеют никакого отношения к бланкизму. Несостоятельна и ссылка Николаева на большую теплоту отношений Чернышевского к самому Бланки. Лишь один раз он высказался о нем, и слова эти далеко не в пользу Бланки и его выступления 12 мая 1839 г. «Некоторые слабые движения, возбужденные интриганами вроде Бланки, увлекшими вслед за собой опрометчивых» энтузиастов, писал Чернышевский в 1858 г., послужили поводом выставить опасными для общества и «тех, которые на самом деле старались предотвратить эти волнения» (V, 22).

В воспоминаниях Н. Ф. Скорикова, который часто виделся с Чернышевским в Астрахани, содержатся сведения о специальных беседах по вопросам революционного движения. Чернышевский крайне отрицательно отзывался о народничестве: «они готовы придти в телячий восторг от одного магического слова „народ“»³⁴. Трудно сказать, какое из направлений народничества имелось в виду. Указанные беседы имели место в конце 80-х гг., когда действовали лишь группы народолюбцев. Во всяком случае сравнение Чернышевским народников с дурачками вроде мичмана Дырки из «Женитьбы» Н. В. Гоголя, готового смеяться до упаду, или с грандами из «Записок сумасшедшего», бросающимися по приказу короля спасать луну³⁵, свидетельствует — не скажу о «непонимании» им движения — о различии его и их взглядов на методы борьбы. Это различие четче обозначалось, когда речь конкретно заходила о тайной заговорщической деятельности народолюбцев.

«История показывает, — заявлял Н. Г. Чернышевский, — что общества с тайным, в большинстве с преступным образом действий никогда не достигали положительных целей... Все, что делается в темноте, — либо пошло, либо пусто... Серьезные, умные люди в тайных обществах не состоят... Тайные кружки и общества — это пустые бессодержательные скопища недоучек, способных лишь тормозить ход государственной жизни. Члены этих кружков не хотят знать, что, вредя правительству, они вместе с тем вредят и государству... Правитель-

ства всех стран, опирающиеся на войско и народ, слишком великодушны, если не употребляют по отношению к ним крайних, жестоких мер...»³⁶. Концепции Чернышевского и народовольцев противоположны, поэтому деятельность последних он рассматривает как враждебную прогрессу.

Н. Ф. Скориков поинтересовался, что думает Н. Г. Чернышевский о надеждах членов тайного общества «на пропаганду идей высшего порядка и между правящими классами и даже среди войска?» Чернышевский расхохотался и ответил: «Был, говорят, на свете один кот, который сладко пел по-соловьиному... Но много ли вы сыщете таких котов?... Это похоже на то, как если бы вдруг овцы обратились с речью к волкам: „Давайте, мол, господа волки жить дружно, будьте великодушны, не трогайте нас!“... Вы знаете, что у нас рядом не могут ужитья две бабы: непременно одна желает восторжествовать над другой...»³⁷. В. И. Ленин видел большую заслугу народвольтцев в их стремлении опереться в борьбе с самодержавием на все недовольные элементы; Чернышевский, как видим, находил это нелепым.

Наконец, зашла речь о совершенно конкретном случае — о волнении студентов Казанского университета и всей студенческой молодежи по случаю неприемлемых для них новых уставных правил. Последовал неожиданный для Скорикова ответ Чернышевского: «Все эти и подобные им беспорядки вызываются слишком наивными, а потому плохо рассчитанными побуждениями. Проявлять подобные протесты — безумство. Что вы скажете о шалуне-мальчишке, который в бессильной злобе на оскорбившего его великана бежит за ним и собирается укусить его за икру? Ведь великан каждую минуту может обернуться и поднять шалуна за волосы на воздух!...» Беспорядки, говорит Чернышевский, могут лишь ухудшить положение студентов, которые к тому же забывают то дело, ради которого они идут в университет. Такие протесты ничего в жизни изменить не могут³⁸. Дело студентов — учиться, становиться в ряды просвещенных людей и тем приносить пользу прогрессу родины.

Итак, Чернышевский считает прогресс несовместимым с деятельностью тайных революционных обществ. История, говорил он Скорикову, показывает, что «цивилизация двигается не тайными обществами, — нет! — ими возбуждались только местные восстания и бунты, не приводящие ни к каким положительным результатам... Хорошие начала привьются к жизни и помимо тайных обществ»³⁹. Если бы заговорщикам и удалось поднять восстание, то «толпа, взятая во всей своей массовой численности, — говорил Чернышевский, повторяя свой старый довод, — не в состоянии бороться с горстью регулярно-вооруженной армии...»⁴⁰.

На прощанье перед отъездом в Саратов Чернышевский оставил Скорикову по его просьбе автограф, который освобождает историков от всяких домыслов по поводу мировоззренческого *сгедо* Чернышевского и ограждает воспоминания Скорикова от обвинений в недостоверности. Вот его содержание: «Просвещенные люди какого-нибудь народа, имеющего просвещенных людей, видят — масса их народа имеет дурные привычки, вредящие ей; они желают добра своему народу, чувствуют себя обязанными действовать на пользу ему и находят, что важнейшая причина неудовлетворительности его настоящего положения состоит в дурных привычках его массы. Они чувствуют себя обязанными действовать для устранения этой главной причины его страданий.

Спрашивается теперь: какой характер должна иметь та их деятельность на пользу народа, которая, по их справедливому мнению, составляет их патристическую обязанность?

Масса их народа имеет дурные привычки. Для его блага надобно, чтобы дурные привычки заменились хорошими. Почему же она до сих пор держится своих дурных привычек, почему не заменились они у нее хорошими? Она или не знает хорошего, или не имеет возможности усвоить его себе; чаще всего эти препятствия существуют вместе. Стало быть, просвещенные люди, желающие

блага своему народу, должны знакомить его с хорошим и заботиться о доставлении ему средств приобрести это хорошее»⁴¹.

Российские проповедники «идей высшего порядка», по мнению Чернышевского, возложили на себя непосильную обузу. По-видимому, он плохо знал вождей народничества, этих людей, по выражению К. Маркса, «с государственной складкой ума», если считал их неспособными на большое дело: «Большое дело могут и должны делать только большие люди... А такие люди редки...»⁴². Услышав эти суждения Чернышевского, Скориков спросил его, что же тогда «остаётся делать маленьким людям?» И услышал в ответ: «Не брать себе работы не по силам и не задаваться несбыточными целями и надеждами... Хорошо, если бы маленькие люди старались лишь о том, чтобы их работа и стремления были честны»⁴³.

Из совокупности приведенного материала можно сделать вывод о двойной роли просвещенных людей в пореформенной России в понимании Чернышевского. Они «должны знакомить» народ «с хорошим и заботиться о доставлении ему средств приобрести это хорошее». Первое достигается путем пропаганды, второе — участием в борьбе политических партий.

Чернышевский и сам пытался использовать печать в целях идейной пропаганды, но возлагавшиеся им на эти попытки весьма большие надежды не оправдались. Статьи «Характер человеческих знаний» (Русские ведомости, 1885, № 63, 6 марта и № 64, 7 марта) и «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (Русская мысль, 1888, № 9, 9 сентября) радикального читателя устроить не могли.

Чернышевский не оставил мысли о мирном и на законном основании преобразовании производственных отношений на ассоциативных началах. Эта идея была завешана им в романах «Что делать?» и «Отблески сияния». В воспоминаниях С. Г. Стахевича сообщается о том, что Чернышевский скептически отзывался о попытках западных социалистов добиться скорого успеха в достижении «всеобщего благосостояния» с помощью ассоциаций. Теперь, говорил он, мы видим, «понятия и привычки народа меняются туго; производительные ассоциации нарождаются и растут медленно», но он был уверен, что доживет до того времени, когда они появятся хотя бы в таком количестве, в каком теперь есть типографии. Трудно им появиться: «от правительства помощи им нет, свои сбережения у работников очень маленькие, займы дают им неохотно, на тяжелых условиях». Но выход все же Чернышевскому виделся. Вот если бы прекратилось «трехчленное деление произведенного продукта» и он сполна поступил бы в распоряжение трудящихся, тогда с каждой новой производственной операцией он стал расти сильнее и сильнее. «Этаким-то манером, хоть и медленно, а все же рабочие приобретут кое-какое имущество показистей теперешнего», а при лучшем имуществе «образования у них станет побольше и их политическое значение увеличится»⁴⁴. Вот уже и прибавление нового в старом, вот уже и прогресс. История движется чрезвычайно медленно, неустанно повторял Чернышевский, считая возможным и некоторые общие улучшения в жизни, в существующей политической обстановке: необходимо «сократить расходы на армию и флот, уменьшить число регулярного войска», взяться за преобразование Сибири и т. п.⁴⁵

В воспоминаниях современников о Чернышевском, в его переписке затрагивались вопросы национальной и внешней политики. Чернышевскому было чуждо великодержавное отношение к нерусским народностям России, а также к славянским народам. Когда в 1860 г. группа славянофилов направила сербам послание в духе великодержавного менторства, Чернышевский в статье «Самозванные старейшины» выступил в «Современнике» с осуждением этой акции. Славянские народы, считал он, должны решать свои дела самостоятельно. Важно, чтобы ни Россия, ни Западная Европа не мешали им в этом (VII, 837—839).

Национальную проблему в самой России Чернышевский формулировал как

отношение «русского народа к жизни других народов, входящих ныне в состав одного с ним целого» (X, 93). Как эта проблема должна решаться? Н. Ф. Хованскому в одну из своих поездок в Астрахань посчастливилось услышать от Чернышевского ответ на этот вопрос. Чернышевский, пишет он, развил «старую теорию о федеративном устройстве России, поляков, армян, финляндцев и пр.» Хованский не запомнил, «разделял ли он (Чернышевский.— В. А.) эту теорию, или лишь знакомил меня с нею»⁴⁶. Безусловно, разделял. Федерализм был идеалом его представления о будущем политическом устройстве России⁴⁷.

Чернышевский заходил и дальше в своих представлениях. Когда у него зашел разговор о Польше с посетившим его в Астрахани Л. Ф. Пантелеевым, он сказал: «Мое убеждение, Лонгин Федорович, что русский народ решительно ничего не потеряет, если отпадет не только Царство Польское, но даже и Западный край»⁴⁸. Но произойти это должно в результате демократических акций, вроде реализации идеи «Великорусса» о созыве в Варшаве и в Москве представителей земель Польши и России.

Чернышевский был хорошо осведомлен в вопросах внешней политики. П. Ф. Николаев вспоминает, что Чернышевский «внимательно следил за событиями (франко-прусской войны.— В. А.), все время сидел за картой Франции и был занят какими-то стратегическими выкладками». В отличие от остальных ссыльных, которые не верили в победу Германии, Чернышевский предсказывал ее и даже, как говорит Николаев, предвидел до деталей весь ход сражений, предвидел создание и гибель Коммуны, торжество буржуазии⁴⁹. Последнее естественно, так как Чернышевский в начале 70-х гг. еще не считал четвертое сословие готовым к победе.

Поражение Франции в 1870 г. означало, по мнению Чернышевского то, что для «всего континента Западной Европы начинается новый период жизни». Он был уверен, что результаты «торжества Германии» неизбежно отразятся и на России. «Мы здесь еще не знаем, какой оборот принимает дело по требованию русского правительства иметь флот на Черном море» (XIV, 505). Война России с Европой или Германией? «Бедный русский народ, тяжело придется ему в этом столкновении. Но результат будет полезен для него. И тогда, мой друг,— писал он жене,— понадобится ему правда. Я уже не молод, мой друг, но помни: наша с тобой жизнь еще впереди» (XIV, 55). Одну из главных причин неудавшейся, хотя и «усиленной работы» периода крестьянской реформы Чернышевский видел в том, что «Крымская война... не нанесла России удара слишком тяжелого», чтобы возбудить в обществе «совершенно отчетливые понятия об основаниях прежней его жизни»; уважение к старому порядку «только поколебалось, но не пало» (X, 95).

Вести о войне с Турцией в 1877—1878 гг. дошли до Н. Г. Чернышевского в письмах родных, вызвав у него тревогу. Он узнал, что его старший сын Александр выразил добровольное желание участвовать в войне. В письме от 19 ноября 1877 г. Чернышевский выражал сожаление, что, хорошо зная о неизбежности нового столкновения с Турцией после Крымской войны, не говорил об этом сыну, а мог бы дать ему свои «ученые исследования о характере того ряда фактов, к которым принадлежит нынешняя война» (XV, 97). Чернышевский осуждал данную войну как ненужную, считая, что жертва, которую приносит сын — не подвиг, а «увлечение». Вот что он писал царю в связи с итогами войны: «Человек, который, каковы бы ни были его политические мнения, благословляет Ваше Величество за то, что, наперекор неистовым воплям невежд, Вы спасли Вашу империю от напрасных страданий, не поколебавшись ратифицировать Берлинский трактат» (X, 519). Чернышевский был недоволен вмешательством России в дела славян.

Закljučая статью, уместно поставить вопросы: каким предстает перед нами Н. Г. Чернышевский 70—80-х гг.? Остался ли он «несгибаемым революционером» или не поднялся ли «до прямого призыва к смелой революционной борьбе»? Двинулся ли он «дальше в разработке философских, политико-экономических

вопросов, вопросов истории» и не стало ли его мировоззрение в пору теоретической деятельности группы «Освобождение труда» «вершиной русской социально-философской мысли», «приближавшей его к марксизму»? Или он был одновременно верен трансформизму и революции? Наконец, может быть, все изложенное мной — «злостный вымысел» и «клевета» на Чернышевского? В таком случае мне хотелось бы услышать не крикливые и не цитатные, а научно обоснованные возражения, которые только и могут способствовать объективному познанию истины.

Пока же мы видим великого деятеля эпохи крестьянской реформы возвращенным в новый для него мир и жадно пытавшимся разобраться в нем. Под воздействием изменившейся действительности взгляды Чернышевского на Россию несколько корректируются. Не больше. Основа мировоззрения остается неизменной, в силу чего, несмотря на отзывы о К. Марксе «с большой похвалой как о последовательном и крайнем ученике Фейербаха»⁵⁰, он не только не мог принять марксизм, но даже и приблизиться к нему в оценке общественной жизни.

Изумительно метко схватил суть взглядов Н. Г. Чернышевского В. Г. Короленко, которому удалось встретиться с ним в 1889 г. в Саратове. Чернышевский, писал он, вернулся из глубины 50-х — начала 60-х гг. и «остался прежним, с прежними приемами мысли, с прежней верой в один только всеустроительный разум, с прежним „пренебрежением к авторитетам“, тогда как мы пережили за это время целое столетие опыта, разочарований, разбитых утопий и пришли к излишнему неверию в тот самый разум, перед которым преклонялись вначале». Взгляд Чернышевского, столкнувшегося с новыми для него обстоятельствами, отличался «некоторым недоверием к прежним „путям прогресса“. Но и только... Его разговор обнаруживал прежний ум, прежнюю диалектику, прежние остроумие; но материал, над которым он работал теперь, уже не поддавался его приемам. Он остался по-прежнему крайним рационалистом по приемам мысли, экономистом по ее основаниям»⁵¹. Как экономист Н. Г. Чернышевский, по мнению Короленко, заботился о материальных интересах народа.

Примечания

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 18, с. 384.

² Плеханов Г. В. Соч., т. V. М., 1924, с. 122.

³ См.: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Т. I—II. М., 1928, с. 533.

⁴ Луначарский А. В. Чернышевский как писатель. — Вестник Коммунистической академии. М., 1929, кн. XXX (6), с. 39—40.

⁵ См.: Зевин В. Я. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 298, 305.

⁶ Шульгин В. Н. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 3.

⁷ Романов И. М. Общественно-политические и революционные взгляды Чернышевского в 1872—1883 гг. — Ученые записки Якутского гос. пед. ин-та. Вып. IV. Сер. истор., филол. и психолог. Якутск, 1955, с. 58, 72.

⁸ Е го же. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 годах. Якутск, 1958, с. 59, 67, 211.

⁹ Корочкин В. М. Был ли знаком Н. Г. Чернышевский с «Капиталом» К. Маркса? — Вопросы истории, 1968, № 3, с. 204.

¹⁰ См.: Полевой Ю. З. Маркс и Чернышевский. — История СССР, 1978, № 5, с. 55.

¹¹ Смирнов А. Ф. Дела и мысли великого сына русского народа. — Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М., 1979, с. 45, 46.

¹² Мартынов А. Ф. Н. Г. Чернышевский в восьмидесятые годы. Политические воззрения и научная деятельность. Саратов, 1983, с. 88, 82, 80.

¹³ См.: Свердлов С. В. Воспоминания Н. Ф. Скорикова о Н. Г. Чернышевском. — Методические рекомендации к спецкурсу литературного краеведения. Вып. 9. Астрахань, 1971, с. 48, 55; е е же. Н. Г. Чернышевский и Шарль Летурно (Из истории борьбы за революционно-демократическое наследие в 1888—1889 гг.). — Освободительное движение в России. Вып. 9. Саратов, 1979, с. 97, 98, 102.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1950, с. 655. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

¹⁵ Изучение концепции Чернышевского, его соратников и их эпохи позволяет мне сделать вывод о наличии в демократическом лагере двух направлений. Одно (П. Л. Лавров, Н. А. Добролюбов и др.) мыслило переустройство России лишь революционными средствами, другое (Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.) рассчитывало на мирные возможности. Они не были организационно оформлены. Их деятели участвовали в общественной жизни вместе или рядом. Чернышевский связывал с реформой надежду на немедленное и полное расторжение всех связей крестьян с помещиками. Революционное по существу, это требование должно было быть реализовано как самый радикальный акт нарастания в момент начавшейся в период реформы в стране усиленной работы. Подробнее см. мои работы: «Историческая концепция Н. Г. Чернышевского» (М., 1983), «Н. Г. Чернышевский о русской истории (М., 1984).

¹⁶ Скориков Н. Ф. Н. Г. Чернышевский в Астрахани.— Исторический вестник (СПб.), 1905, май, с. 494—495.

¹⁷ См.: Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872 гг. М., 1906; Стахевич С. Г. Среди политических преступников.— Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. II. Саратов, 1959; Шаганов В. Н. Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке.— Там же; Воспоминания В. Н. Шаганова. СПб., 1907; Скориков Н. Ф. Указ. соч.; его же. По поводу воспоминаний о Н. Г. Чернышевском.— Исторический вестник, 1905, июль; Токарский А. А. Н. Г. Чернышевский (по личным воспоминаниям).— Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. II; Хованский Н. Ф. Н. Г. Чернышевский в 1886—1889 годах.— Там же; Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском.— Там же.

¹⁸ Николаев П. Ф. Указ. соч., с. 21.

¹⁹ Там же, с. 19—20.

²⁰ Скориков Н. Ф. Указ. соч., с. 486.

²¹ Кудрин Н. Е. Н. Г. Чернышевский в России 60-х годов.— Русское богатство. СПб., 1905, с. 169, 206.

²² Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 340.

²³ Там же, с. 73, 74.

²⁴ Там же, с. 340.

²⁵ Там же, с. 74.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 340.

²⁸ Там же, с. 136.

²⁹ Там же, с. 80, 81.

³⁰ Там же, с. 74.

³¹ Там же, с. 109.

³² Николаев П. Ф. Указ. соч., с. 20, 23.

³³ Шаганов В. Н. Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке.— Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. Саратов, 1959, с. 120.

³⁴ Исторический вестник, 1905, май, с. 493.

³⁵ См. там же.

³⁶ Там же, с. 485—486.

³⁷ Там же, с. 486—487.

³⁸ Там же, с. 485.

³⁹ Там же, с. 486.

⁴⁰ Там же, июль, с. 130.

⁴¹ Там же, май, с. 494—495.

⁴² Там же, с. 488.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Стахевич С. Г. Указ. соч., с. 83.

⁴⁵ См.: Исторический вестник, 1905, май, с. 486, 488.

⁴⁶ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 283.

⁴⁷ См.: Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. Г. Чернышевского, с. 50—52.

⁴⁸ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 477.

⁴⁹ См.: Николаев П. Ф. Указ. соч., с. 17, 18.

⁵⁰ Там же, с. 22.

⁵¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 300, 308, 312.

Л. В. МИЛОВ

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ РОССИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

(Постановка проблемы)

Исследовательские итоги коллективного труда «История крестьянства в Европе»¹ — крупного достижения советской исторической науки — позволяют заключить, что крепостничество, появившись в Европе в качестве составной части многообразия складывающихся феодальных отношений, довольно быстро исчезает и как широкомасштабная практика феодальной эксплуатации крестьянства выступает лишь в Центральной и Восточной Европе (исключая Россию) вследствие межформационного влияния. Ф. Энгельс называл этот процесс «вторым изданием крепостничества». Отсюда складывается общее впечатление, опирающееся, впрочем, и на литературу, что собственно крепостничество, возникшее на заре феодализма, тем не менее не входит в число понятий, составляющих системообразующие признаки феодальных производственных отношений, ибо большинство специалистов трактуют крепостничество просто как специфическую форму феодализма. Следовательно, европейская историческая система феодальных отношений является как бы классической, эталонной.

Эти положения давно воспринимались как аксиома и советскими исследователями российского средневековья. В дореволюционной историографии при острых расхождениях ученых в вопросе о конкретном ходе закрепощения большинство историков тем не менее не сопоставляли крепостничество с феодализмом, а само закрепощение, в сущности, объясняли исторической бесперспективностью собственно крестьянского хозяйства. Многие исследователи представляли себе процесс развития так: масса индивидов, самостоятельно и в одиночку ведших свое хозяйство, рано или поздно попадала в кабалу, а потом в крепостную зависимость к феодалу. Наиболее выразительна в этом отношении позиция В. О. Ключевского в его исследовании «Происхождение крепостного права в России»².

Крепостничество в России было расценено как закономерный этап социально-экономического развития в концепции Б. Д. Грекова³. Вместе с тем в ней ощущалось огромное влияние взглядов Ф. Энгельса на причины «второго издания крепостничества» в регионах «к востоку от Эльбы». По сути своей эта концепция так же, как и тезис о «втором издании крепостничества», базировалась на оценке развития товарно-денежных отношений и рынка как источников крепостничества. Именно товарно-денежные отношения порождают, по Б. Д. Грекову, ответную реакцию феодальных отношений и их трансформацию в отношении крепостничества. Правда, в концепции Б. Д. Грекова влияние западноевропейского капиталистического рынка на феодальную экономику стран к востоку от Эльбы заменено для России влиянием внутреннего рынка на феодальный базис. Последнее положение вызвало замечание С. Д. Сказкина, полагавшего, что «развитие барщинно-фольварочного хозяйства в своей экономической сущности противоречит развитию внутреннего рынка»⁴. Чисто теоретически Б. Д. Греков прав — при высоком уровне общественного разделения труда в стране феодально-барщинный уклад хозяйства мог работать и на

Милов Леонид Васильевич — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

внутренний рынок, что имело место в реальной действительности во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Другое дело, что с точки зрения конкретно-исторической этот тезис Б. Д. Грекова был гипотетичным. Это был серьезный изъян его интересной концепции, который впоследствии стал очевиден и привел к необходимости поиска иных толкований механизмов возникновения крепостного состояния.

Следовательно, в целом концепция закрепощения, развитая в работах Б. Д. Грекова, по существу была вариантом «ост-эльбского» развития барщины, т. е. объясняла возникновение крепостничества влиянием принципиально иных, не свойственных типичному феодализму явлений. Поэтому неизбежным следствием развития этой концепции было выдвигание положения о крепостничестве как таком этапе в общей эволюции феодальных отношений, который связан с так называемой «нисходящей» фазой развития феодализма. Этот широко известный и утвердившийся в литературе гипотетический тезис был выдвинут М. В. Нечкиной⁵. Отталкиваясь от него, основная масса исследовательских поисков, предпринятых в 50—70-х гг. нашего столетия, была направлена на изыскание явлений, связанных с «нисходящей» стадией феодализма (поиск предпосылок «всероссийского рынка» в XVI в., а самого «всероссийского рынка» — в XVII в., попытки трактовки имущественной дифференциации крестьянства как дифференциации сугубо социальной, средневекового найма вненадельной земли как предтечи капиталистической аренды, а иногда и выдвигание прямых ее оценок как капиталистической аренды, поиск производителей товарного хлеба и т. д.). Довольно популярные версии так называемого «раннего капитализма» в России объективно вытекают из концепции М. В. Нечкиной, по которой «нисходящая» фаза начинается в конце XVI — начале XVII в., с момента отмены «Юрьева дня», т. е. запрета крестьянских переходов. Отсюда широко распространенная оценка крепостничества как реакции феодализма на «новые явления», как «последнего резерва» феодализма. Общая оценка крепостничества сводилась, таким образом, к определению его как специфического явления, порожденного конкретно-историческими условиями России второй половины XVI — середины XIX в. Отсюда еще одна характеристика крепостничества — как символа торможения и отсталости и т. п.

Такой подход был доведен до логического конца выдвиганием версии о существенном развитии капиталистических явлений задолго до отмены «Юрьева дня» (с конца XV — первой половины XVI в.) в среде черносошного крестьянства. По этой версии, причина крепостничества сводилась фактически к волюнтаризму государственных деятелей.

Вместе с тем неудача поисков в XVI столетии внутреннего хлебного рынка, выяснение того факта, что внедрение системы поместного землевладения в конце XV — первой половине XVI в. не привело к сколько-нибудь заметному росту помещичьей барщины (не говоря уже о товарной барщине), а также ряд других обстоятельств привели к необходимости новых поисков исторического механизма возникновения крепостничества. Среди исследователей, четко осознавших эту необходимость, следует назвать, в частности, Л. В. Данилову и А. Л. Шапиро. Так, Л. В. Данилова склонна полагать, что отнюдь не барщина была причиной крепостничества. Ее следует искать в целом комплексе внутренних закономерностей развития феодального способа производства. Здесь влияние и естественногеографического фактора, и исторической среды (например, древней практики холопства), и уровня жизни господствующего класса в более развитых странах Европы, которые подчас стояли уже в преддверии капитализма, здесь, наконец, учет факторов сравнительно раннего формирования мощного государственного аппарата принуждения, золотоордынского ига и т. п.⁶

А. Л. Шапиро в своей работе «О причинах закрепощения в России XVI в.»⁷ также исходит из того, что крепостничество было вызвано целым комплексом причин. Он также считает, что историко-географические условия страны в тече-

ние веков замедляли социально-экономическое развитие России, что развитие капитализма в ряде стран Западной Европы усугубило эту отсталость. Но вместе с тем А. Л. Шапиро полагает, что причину закрепощения «следует искать не столько в исторических событиях, предшествовавших XVI в., сколько в истории XVI—XVII вв.» Автор выделяет главное, по его мнению, обстоятельство: «...в повышении в XVI в. нормы эксплуатации следует... искать общую для всех лежащих к востоку от Эльбы стран причину закрепощения»⁸. По сути дела, для стран Центральной Европы, Прибалтики, части Белоруссии, Украины закрепощение было следствием международного разделения труда, вовлечения этих стран и регионов в систему европейского рынка, иначе говоря, следствием развитого товарного зернового и т. п. производства, промышленного труда на крепостной основе. А. Л. Шапиро включает в эту систему и Россию. Правда, основанием для этого служит не уровень товарного аграрного производства, а резко возрастающее в XVI в., особенно во второй его половине, бремя налогов и крестьянских повинностей⁹. Однако, если товарное производство на барщинной основе действительно является следствием прямого воздействия межформационного влияния, то почему таким следствием является рост налогов в России, автор не объясняет.

На наш взгляд, глубинные истоки крепостничества — в другом. Чем меньше максимально возможный совокупный прибавочный продукт общества, тем сложнее изъять его, хотя при этом уровень потребностей господствующего класса должен быть также низким. Таким образом, в принципе речь должна идти не о том, что крепостничество является в конечном счете следствием увеличения нормы эксплуатации. Ведь при господстве натурального хозяйства это фактор сугубо временный. На заре цивилизации прибавочный продукт был настолько невелик, что были необходимы максимальные усилия для его собственной концентрации. Недаром при зарождении классов в период так называемой военной демократии и в раннеклассовом государстве основным способом изъятия прибавочного продукта были война и военные экспедиции.

Автор этих строк в поисках причин зарождения крепостничества пришел к мысли о необходимости разработки такого подхода, который бы при учете целого ряда уже отмеченных в литературе предпосылок выделил наиболее фундаментальную его причину¹⁰. Вкратце сущность ее сводится к тому, что изъятие прибавочного продукта, в качественном и количественном отношении отвечавшего дальнейшему развитию классового (феодального) общества, в конечном счете потребовало введения наиболее жесткого механизма внеэкономического принуждения.

Фундаментальной основой этого явления служит географический фактор, роль которого на ранних ступенях развития классового общества К. Маркс подчеркивал особо. При этом речь идет не только о том, что возможность получения прибавочного продукта появляется в разных регионах мира при различных уровнях производительных сил^а. Главное в том, что природно-географические условия определяющим образом влияют и на сам размер, и на качество получаемого прибавочного продукта. «Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно, к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность»¹¹. «Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя»¹².

В восточноевропейском регионе природно-географические условия существенно сдерживали развитие производительных сил. В необходимый для данного региона минимум простого воспроизводства входил существенно больший круг самых примитивных потребностей, необходимых непосредственному производителю, чем в целом по Европе. Следовательно, естественная граница необходимого труда располагалась так, что на прибавочный труд оставалось существенно меньше рабочего времени. Более того, в земледельческой стране, какой была Древняя Русь, цикл сельскохозяйственных работ был настолько сжат по времени, что делал невозможным для отдельно взятого индивида удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Это обстоятельство в той или иной степени сказывалось на деятельности непосредственного производителя в рамках всей территории Европы, но в Восточной Европе оно проявлялось значительно сильнее. Поэтому, если повсюду в Европе действие этого фактора приводило к необходимости объединения индивидов в сообщества определенного типа (родовая община и пришедшая ей на смену земледельческая или сельская община), то в Восточной Европе такое сообщество играло существенно большую роль.

Природно-климатические условия определяющим образом влияли и на сам тип общества в лице общины. Если германская марка конституировалась как союз мелких земельных собственников, т. е. была, скорее, остатком общины в собственном смысле слова, то община восточных славян сохранилась даже в классовом обществе в значительной мере как коллективный земельный собственник. «... Различные формы отношения членов общины или племени к земле зависят частью от природных задатков племени, частью от тех же экономических условий <...> последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации...»¹³

Таким образом, если на Западе Европы народы «вступают в историю» «с весьма заметными остатками» «сельской общины с общей собственностью на землю», то в Восточной Европе они вступили в нее с собственно сельской общиной¹⁴. Существеннейшая роль сельской общины как мощного фактора в развитии земледельческого производства делала ее вместе с тем и оплотом защиты интересов крестьянства от натиска феодальных распоряжений⁶.

Вместе взятые эти обстоятельства стали важнейшим препятствием на пути, во-первых, укрепления и развития феодальной земельной собственности, во-вторых, развития собственно господского хозяйства. Круг потребностей владельца этого хозяйства всегда неизмеримо шире круга потребностей простого крестьянина. В Восточной Европе этот разрыв в потребностях был усугублен очевидной необходимостью существования для крестьянина необычайно широкого круга так называемых естественных, т. е. самых необходимых, хотя и примитивных потребностей, что на протяжении многих столетий влияло на качественное разнообразие (точнее, однообразие) необходимого и прибавочного продукта.

В раннефеодальный период эти господские хозяйства, будучи еще примитивными в своей производственной основе, могли опираться на труд разного рода холопов и близких к ним категорий. Однако с течением времени стала неизбежной перспектива развития господского хозяйства на основе труда крестьян. Последнее было возможно только при сохранении и вместе с тем централизации общины, т. е. посредством введения более жесткого механизма изъятия прибавочного продукта, что было достигнуто в первую очередь прикреплением навечно крестьян к земле.

Представляется принципиально важным, что данное объяснение наиболее общих причин возникновения крепостничества в России позволяет расценить крепостничество как исторически закономерную форму проявления и развития собственно феодальных отношений. А это заставляет поставить более общий вопрос: если крепостничество есть стадия внутренние обусловленная, а не результат так называемых межформационных влияний (т. е. это стадия, органично

свойственная феодализму как типу производственных отношений), то как ее соотнести с западноевропейским вариантом феодальных отношений, с так называемым «классическим» феодализмом?

Прежде чем вплотную рассмотреть этот вопрос, затронем некоторые общие моменты соотношения феодальной земельной собственности и собственности общинной.

* * *

Как известно, крестьянское хозяйство в эпоху феодализма имеет в своей основе натуральный, а следовательно, «многоотраслевой», универсальный характер. В свою очередь, это ведет к необходимости существования сложной и разносторонней сферы приложения труда. Сфера этого труда представлена прежде всего как земледельческая (в условиях Европы). Следовательно, основой ее служат по л е в ы е з е м л и (пашня). Вторым важнейшим компонентом являются сенокосы. Третьим — такие угодья, как выгоны, пустоши, леса, реки и т. д., также играющие немалую роль в крестьянском хозяйстве^в. Вместе с тем далеко не все хозяйственные угодья пригодны (в силу ограниченного, низкого уровня развития производительных сил) для парцельного способа хозяйствования, т. е. индивидуального труда. Как известно, раньше всего объектом такого парцельного хозяйства и крестьянской собственности стали усадьбные земли (огороды, гумна, неполевые участки). Из других угодий объектом индивидуального труда становится пашня — важнейший, главный вид хозяйственных угодий. Поэтому именно пашенная земля, а стало быть, и луга раньше всего и стали аллодом^г. Однако остальные сферы приложения труда, остальные виды угодий веками были в совместном, коллективном пользовании, элементом общности (Gemeinwesen), а если осваивались и индивидуально, то шли под ту же пашню и т. п.

Примерно те же закономерности наблюдаются и в зарождении и развитии хозяйства самого феодала. В эпоху господства натурального хозяйства феодалу как земельному собственнику необходимы были прежде всего пашенные угодья в качестве объекта приложения труда и присвоения его продуктов. Опосредованно это имело отношение и к луговым угодьям. Что же касается земель, еще не освоенных, а также лесных угодий, рек, озер и т. п., то большинство их становится сферой земледельческого или промышленного труда лишь в эпоху сильного развития товарного производства и высокого уровня общественного разделения труда, т. е. в эпоху разложения феодального способа производства. Только тогда они и становятся объектом исключительного владения феодала. До тех пор феодальный владетель осуществлял как максимум лишь право верховной собственности над этим видом земель, реально проявляющееся либо как монопольное право охоты, либо как право сбора различного вида платежей за пользование этими угодьями и т. д. Не случайно, например, в Русском государстве XVI—XVII в. служилое феодальное землевладение обеспечивалось правительством земельным окладом, исчислявшимся только в так называемой «четвертной земле», т. е. земле, состоявшей из разных типов пашенных угодий. Поэтому по отношению к остальным типам хозяйственных угодий феодал фактически, а иногда и юридически выступал лишь как совладелец. «Долевое» же участие крестьянства в промысловом и хозяйственном использовании этих угодий юридически выступало как традиционное право на них, ставшее феодальным правом.

Следовательно, уже в самом уровне развития производительных сил в период становления и развития феодализма заложена предпосылка к сосуществованию и даже взаимному переплетению феодальной собственности и собственности общинной. Вероятно, имея в виду эту специфичность, К. Маркс в конце черновой рукописи «Капитала» дает сильную формулировку: «Система производства,

основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма. Однако целый ряд экономических систем, в свою очередь, занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубину, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность, хотя уже разложившаяся...»¹⁵. Несмотря на то что, мысль К. Маркса осталась здесь незаконченной, вполне очевидно, что под общественными формациями, основанными на различных формах разложения общины, имелись в виду рабство и крепостничество.

Процесс своего рода поглощения феодализмом общинной собственности проходит несколько стадий, протяженность которых в разных регионах Европы была различной. Однако всюду феодальная собственность кристаллизуется как частная собственность, сохраняющая «большой частью форму общности [Gemeinwesen]»¹⁶.

Прежде всего — это стадия существования независимой сельской (соседской) общины в рамках раннефеодального государства, реализующего практически лишь право верховной собственности на общинные земли, в то время как реальную власть имела сама община. Существование самостоятельных общин в этом случае обусловлено тем, что феодальные отношения находились лишь в стадии своего становления. «...Народ растворился в союзе мелких сельских общин,— пишет Ф. Энгельс о становлении раннефеодального Франкского государства,— между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи (<...> Обмен между ними был поэтому почти невозможен. Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковы, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникающая не из их среды, а враждебно противостоящая и все более их эксплуатирующая»¹⁷. Это — формальная стадия образования феодальных отношений. Здесь нет еще экономических предпосылок изъятия ренты, ибо крестьянин еще не сидит на чужой земле, т. е. земле феодала, и поэтому действуют исключительно политические мотивы и рычаги изъятия ренты.

Подобное раннефеодальное государство эволюционирует альтернативно: либо на основе консервации общины и общинной собственности, либо на основе более или менее динамичного распада этой собственности, но сохранения общины в целом как социального коллектива и превращения ее в типичную организацию деревенской формы хозяйства с некоторыми минимальными функциями организации землепользования, поддержания коммуникаций и т. п. Такая форма общины ведала и альмендой, но только альмендой, уже ставшей лишь придатком к парцелльному хозяйству. В качестве примера первого типа эволюции Ф. Энгельс приводит ирландские кланы, где вплоть до XVII в. земля была в Айриши «общей собственностью клана или рода, если только она не была уже превращена вождями в их частные доменальные владения»¹⁸. Второй тип эволюции характерен, как известно, для севера Франкского государства, где примерно с конца V по IX в. шел процесс разложения общинной собственности и выделения отчуждаемой частной собственности «свободного крестьянина» в виде аллода. В его состав входили пашенные земли и луга¹⁹. «Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство в качестве преобладающей, нормальной формы <...> образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности...»²⁰. Эпоха расцвета парцеллярного хозяйства свободного франкского крестьянина характерна тем, что он (крестьянин) «не знал другого господина кроме короля, а еще раньше вообще не знал никаких господ, и короля в том числе»²¹, поскольку собственно общинные отношения не были отношениями господства и подчинения.

Вместе с тем важно отметить, что природа аллода как формы частной собственности была весьма ограничена и экономически, и в известной мере социально. «Община передала свои земли,— пишет Ф. Энгельс,— отдельным лицам только с целью использования их в качестве пашен и лугов, но не для какой-либо другой цели»²². Контроль общины за хозяйственным использованием аллодиальных земель был четко обусловлен уровнем развития производительных сил, что вообще породило «марковое устройство для земледелия»²³. Не менее важным было и то обстоятельство, что леса, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли оставались в общинном владении²⁴. Аллод в экономическом отношении оставался по-прежнему органично связанным с общиной, хотя в определенном смысле в социальном плане он был свободен абсолютно, т. е. мог стать объектом собственности представителя любого слоя общества²⁵. Вместе с тем К. Маркс не случайно особо подчеркивал, что «...даже там, где дело доходит до частной собственности, отношение индивида к ней выступает как обусловленное его отношением к общине. Эта собственность выступает как всего лишь лен общины и т. д. и т. п. <...> Поэтому земля, даже там, где она стала частной собственностью, лишь в ограниченном смысле является меновой стоимостью. Меновая стоимость возникает в обособленном, отдаленном от земли и индивидуализированном посредством трудовой деятельности (или посредством простого присвоения) природном продукте»²⁶.

Из этих положений неизбежны два следствия. Первое из них сводится к тому, что выделение в частную (отчуждаемую) собственность важнейших хозяйственных угодий (пашен и лугов) создало предпосылку для перенесения центра тяжести хозяйства свободного крестьянина на аллод. Иначе говоря, в рамках аллода стало возможным создание основной доли необходимого и прибавочного продукта в его конечном виде. Это была ключевая позиция всего хозяйственного комплекса земель. Появление возможности отчуждения аллода создало ситуацию, когда «возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»²⁷. Суть второго следствия в том, что крупное феодальное землевладение, возникшее на основе аллода, в хозяйственном отношении оказалось на весьма длительный исторический период целиком в руках «маркового устройства... земледелия»¹. Таким образом, феодальный строй поземельных отношений, выросший на основе концентрации аллодиальных земель в руках крупных земельных собственников, был органически переплетен с общинным устройством земледелия и скотоводства и остатками общинной собственности. Этот тип поземельных отношений охарактеризовал, в частности, Ф. Энгельс в работе «Марка», заметив, что, захватывая аллоды и ставя крестьян в отношения коммендации, а потом и в отношения, переходящие в способ производства, свойственный феодализму, крупный земельный собственник вступал в общину (марку) и «приобретал... связанные с этим владением (аллодом.— Л. М.) права в марке». Самое же существенное состоит в том, что «новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные»²⁸. Отсюда следует вывод о том, что права верховной собственности на общинные земли (альменду) оставались за общиной и в условиях формирования и развития крупной земельной собственности на основе аллода. Развитие рентных отношений сочеталось со сложным переплетением форм земельной собственности.

С развитием феодальных отношений право верховной собственности на альменду постепенно переходило в руки феодалов. Последнее, однако, не исключало сохранения совладельческих прав на эти земли со стороны общины, подкрепленных совместным фактическим хозяйственным использованием общинных земель²⁹. Следует подчеркнуть, что такое соотношение форм собственности могло существовать вплоть до достижения феодальным способом

производства стадии своего разложения. Причины столь сложного переплетения форм собственности на стадии развитого феодализма коренятся, как уже указывалось, прежде всего в низком уровне производительных сил, слабом развитии товарно-денежных отношений и т. п.

В принципе те же процессы протекали в пределах другой формы феодального землевладения, ведущей свое начало от дарений (бенефиции, бокленды и т. п.). Вместе с тем феодал сразу же становится здесь верховным собственником общинных земель при правах совладения и совместного хозяйственного использования со стороны общины. Таким образом, «марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения в о з д е л а н н о й (разрядка моя.— Л. М.) землей, пока еще существовали общие угодья марки, а также к разнообразнейшим правам собственности на них, когда марка перестала быть свободной»³⁰.

Эта необычайная гибкость марки была обусловлена почти исключительно тем, что уровень развития производительных сил требовал именно маркового устройства земледелия, ибо в основе феодального способа производства лежало мелкое крестьянское хозяйство. В общинных хозяйственных распорядках нуждалось даже свободное парцелльное хозяйство (не говоря о хозяйстве самих феодалов).

В эпоху феодализма для большинства регионов Западной Европы, на наш взгляд, характерна такая стадия трансформации первобытной общины, при которой крестьяне-аллодисты нуждались не столько в самой общине, сколько в общинных распорядках. Таким образом, позднейшая марка — это свидетельство наиболее сильного разложения общины как коллективного земельного собственника, ее трансформации в общинную организацию крестьян-собственников, где в центре внимания были такие хозяйственные распорядки, как система открытых полей, система эксплуатации пастбищ, лесов, рек, практика устройства дорог, мостов и т. д.³¹

Правда, в последнее время медиевисты подвергают настойчивой критике марковую теорию и ее создателей (Маурера и др.). Отчасти эту критику разделяют и некоторые авторы первого тома «Истории крестьянства в Европе», считающие, что община периода Меровингов была всего лишь «рыхлой и слабо оформленной организацией», что нет достаточных оснований считать ее непосредственной преемницей древнегерманской общины³².

Разумеется, было бы неверным ставить знак равенства между родовой и сельской общиной, и это справедливо отмечают сами авторы тома. Но было бы, на наш взгляд, ошибочным не видеть в сельской общине периода Меровингов, т. е. общине крестьян-собственников, определенный этап разложения древней общины как коллективного собственника.

Причиной пересмотра марковой теории послужили новые археологические материалы о так называемых «древних полях», представляющих системы неравных пахотных участков длительного пользования, огражденных широкими каменными межами-оградами (Г. Хатт). По справедливому замечанию авторов первого тома «Истории крестьянства в Европе», этот факт явно недостаточен для выводов социального характера. В то время как Г. Хатт на основе свидетельств широкого распространения у древних германцев и даже у кельтов систем «древних полей» говорит о господстве в раннем железном и железном веках индивидуальной собственности на землю³³, авторы первого тома справедливо подчеркивают, что периоду раннего железного века соответствуют жилища типа «длинных домов», которые, по мнению целого ряда археологов, служили местом обитания так называемых больших семей (домовых общин)³⁴. Кроме того, добавим от себя, мы действительно не знаем истинных мотивов устройства широких меж из камней на участках разного размера и разной конфигурации. А ведь объяснения могут быть отнюдь не только социальными по своему характеру.

Почему бы, например, не допустить, что широкие межи из камней³⁵, вывор-

ченных при пахоте, были просто остроумным способом постоянной очистки полей. Как известно, поля, засоренные камнем, нельзя очистить одним разом. Камни выпаживаются постоянно — из года в год, из века в век. Если их собирать в кучи, то неизбежна и последующая процедура их постоянной транспортировки с полей. Устройство каменных широких меж, по которым могли проезжать даже упряжки с плугом, повозками и т. п., делало тяжкий труд очистки полей наиболее оптимальным по затратам времени и вместе с тем создавало удобства в землепользовании. Что касается размеров и конфигурации полей, то они, во-первых, всегда диктуются рельефом местности, качеством почв и т. п. В данном же случае размер и конфигурация поля могли быть обусловлены степенью засоренности его камнями. Следовательно, разные размеры полей, обусловленные чисто техническими причинами, лишь затрудняли переделы, но не устраняли возможности их осуществления. Конечно, при низкой плотности населения, при разреженной сети поселений сравнительно небольшого размера переделов могло и не быть. Но мы не можем исключить существования экстенсивных систем земледелия с периодическим забрасыванием выпажанных полей, а следовательно, не можем исключить и периодическую концентрацию усилий общинников по вовлечению запущенных пашен в оборот и другие моменты совместного труда, предпосылкой которых является общность владения землей или какие-нибудь пережитки этого института. Ведь в том перечне функций общины при Меровингах, которые, по предположению авторов «Истории крестьянства в Европе», существовали в древней общине, есть функции, являющиеся прямыми компонентами статуса общей собственности на угодья и пашню. В частности, речь идет о коллективных расчистках и раскорчевках леса под пашню³⁶. Периодичность этих работ не снимает их систематичности, а коллективное участие в них членов общины неизбежно реанимирует эффект верховной собственности общины. Именно из неопровержимого факта существования верховной собственности общины на землю проистекает обычай передачи в распоряжение общины выморочных и бесхозных земель³⁷. Элементы верховной собственности как пережитки коллективной общинной собственности на пахотные земли сохранились и в более позднюю эпоху, а именно в VIII—IX вв., когда в средневековой германской общине укрепились чересполосица и выделение конов³⁸. Система конов есть средство уравнивания различий в качестве плодородия земель, что является прямым следствием равенства прав общинников на землю, стремлением элиминировать преимущество одних индивидов перед другими. Такого рода стремления, на наш взгляд, отнюдь не являются порождением интересов простого соседского общежития, они имеют более глубокие корни. Иначе говоря, генетически подобные стремления к равенству прав у общинников, несомненно, восходят к изначально общей собственности на землю. Таким образом, коны, хотя и новое явление для средневековья, но оно есть отголосок старых распорядков. Ведь К. Маркс называл эти формы «развития» общины видоизменением и и з в р а щ е н и е м «первоначальных форм всех общин» на базисе рабства и крепостной зависимости. Поскольку «демократизация» общинных распорядков шла вспять историческому прогрессу, К. Маркс считал, что эта «простая организация» приобретала «негативное определение»³⁹. Следовательно, чересполосица, принудительный севооборот и выпас по жнивью появились не сами по себе как проявление интересов простого общежития соседей-землевладельцев; они суть лишь определенный этап в, так сказать, «эволюции вспять» общины. Социальной отправной точкой подобной «эволюции вспять» была тем не менее коллективная собственность на землю древней общины, лишь дополнявшаяся тягой к всеобщей корпоративности в эпоху средневековья.

В связи с этим некоторые формулировки в первом томе «Истории крестьянства в Европе» могли бы быть подвергнуты сомнению. В частности, слишком, на наш взгляд, категорично заявляют авторы, что «община отнюдь не является реликтом архаического строя»⁴⁰. Со столь масштабным утверждением трудно

согласиться. Ведь община как институт, несомненно, является осколком архаической формации (первобытнообщинного строя), правда, осколком в сильно искаженном виде. И принцип ретроспективного анализа остается важнейшим методом исторического анализа. Напомним известное выражение К. Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁴¹. Ведь по поводу путей и методов изучения общины К. Маркс прямо писал, что если «буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность»⁴².

Зафиксированные авторами «Истории крестьянства в Европе» итоги новейших исследований в области древнегерманской марки и выяснение того факта, что чересполосица и система «открытых полей» не были свойственны древнейшему периоду общины, не дают, на наш взгляд, достаточных оснований для утверждения, что средневековая «дальнейшая история общины заключалась не в „разложении“ ее, а напротив, в развитии... в постепенном медленном оформлении и укреплении общинных порядков»⁴³. Такое развитие — частный момент общего процесса разложения поземельных отношений. Эти явления доказывают только гибкость хозяйственных распорядков общины, развитие общины лишь как социальной организации крестьян-собственников в условиях мобилизации аллодиальной собственности. Такая община есть дополнение (придаток) к парцельному хозяйству. Поскольку в ней существуют пережитки древней общины, хотя и весьма ограниченные, как коллективного собственника, постольку средневековая община является этапом разложения первой. Задача состоит лишь в том, чтобы не понимать «разложение» и так называемый «перерыв континуитета» общинного института слишком упрощенно. Социальная структура общины имела в основе своей один тип эволюции — от стадии, когда именно община являлась основным условием деятельности каждого индивида, т. е. когда община есть коллективный собственник, к стадии, на которой община становится лишь организацией мелких собственников, когда община существует во взаимоотношениях индивидуальных земельных собственников⁴⁴. Если германская марка доримского и римского времени уже успела сложиться в земледельческую общину индивидуальных собственников, то это не означает отсутствия в ней более древних корней. Если в древнегерманской общине не было верховной собственности на пахотные угодья, то это вовсе не означает изначальности ее отсутствия.

Таким образом, позднейшая марка является свидетельством глубокого разложения первобытной общины, разложения, приведшего к сохранению единения крестьян-собственников. Их общинные хозяйственные распорядки — лишь тень существовавшей когда-то общины как коллективного собственника⁴⁵.

Все сказанное позволяет нам в поисках специфичности древнерусской общины по-прежнему исходить из марксовой схемы эволюции и разложения общины и пользоваться ретроспективным подходом.

Тип древнерусской общины в наиболее ранний период ее существования из-за отсутствия необходимых источников реконструируется на основе совокупности фактов, характеризующих ее развитие на более позднем этапе. Не входя в детали, отметим наиболее общую тенденцию последующего, т. е. позднейшего развития поземельных отношений внутри общины. Оно привело, по-видимому, с конца XVI в. к практике земельных переделов в виде поравнений, а иногда и полных переделов, которые с течением времени развились до вовлечения в переделы не только пашенной, но и усадебной земли вплоть до дворовых ее участков, чего никогда, вероятно, не было в Западной Европе. Естественно предположить, что столь феноменальная «демократизация», будучи стимулирована новым статусом общины, т. е. включенностью в механизм налогообложения и изъятия феодальной ренты, не могла не иметь кардинальных исторических предпосылок, не могла возникнуть, так сказать, на пустом

месте или исходя только из одних потребностей чисто соседского общежития (последнее предполагало бы изначальную идею равенства по типу так называемых «естественных прав» человека). Одной из таких существеннейших предпосылок было отсутствие аллода — крестьянская пашня оставалась во временном владении. Таким образом, чем менее интенсивно проходил многовековой процесс разложения общины как коллективного собственника, тем энергичнее протекали «эволюция вспять» и «демократизация» общины. Если сами по себе земельные переделы в соседской общине могли быть явлением поздним, то на этом основании они не перестали быть всего лишь поздним проявлением изначального свойства общины — коллективной земельной собственности⁴⁵. Этот фундаментальный признак древнейшей общины в Восточной Европе (восточнославянской общины), надо думать, был системообразующим, определившим многие свойства позднейших вариантов ее развития.

Характер или тип общины, как известно, в существенной мере определял облик государственности как на ранних, так и на более поздних этапах развития докапиталистических обществ. «Форма этой государственной власти... обусловлена той формой, которую имеют к этому времени общины. Там, где она (государственная власть.— Л. М.) возникает... в период, когда община обрабатывает землю еще сообща или, по крайней мере, передает только во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не образовалась частная собственность на землю,— там государственная власть появляется в форме деспотизма»⁴⁶. У истоков этого процесса лежит общность интересов групп общин и необходимость отпора «противодействующим интересам». Со временем в примитивных государствах или государственных образованиях, где, смотря по типу общин, а также в силу иных обстоятельств, во главе стоял или «восточный деспот или сатрап», или «греческий родовой вождь», или «кельтский глава клана и т. д.», «отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс»⁴⁷.

В восточноевропейском регионе тип общины в конечном счете определил складывание так называемого «государственного феодализма».

Поскольку государство является орудием в руках господствующего класса, инструментом для эксплуатации угнетенного класса, можно квалифицировать тип феодального государства с некоторыми оговорками как форму внеэкономического принуждения. Таким образом, перед нами система сложных соотношений: тип земледельческой общины обусловлен природно-климатическими условиями труда непосредственных производителей, итогом которого является оптимальное соотношение необходимого и прибавочного труда. Разложение общины и общность интересов ее групп ведут к формированию государства, тип которого зависит от стадии в эволюции общины. Кроме того, на развитие государства, его форму и политическую структуру влияет та форма внеэкономического принуждения, которая дает необходимый объем прибавочного продукта для прогресса «усиленного разделения труда». Это происходит в тех случаях, когда сохранение за общиной существенных компонентов верховной власти на землю и сохранение общины как социального коллектива в конечном счете становятся тормозом в механизме изъятия господствующим классом феодальной ренты — этой «единственной господствующей и нормальной формы прибавочной стоимости или прибавочного труда»⁴⁸. Тогда возникает крепостничество.

Следовательно, в Западной Европе и в России община занимала важнейшее место в системе зарождающихся феодальных отношений и вариантов государственного развития, но в различных естественногеографических условиях возникли кардинально различающиеся типы общин Востока и Запада Европы, что привело к формированию разных типов феодальной государственности. Механизм реализации этих типов государственности проявлялся в преобладании того или иного вида феодальной ренты. В свою очередь, разные формы внеэкономического принуждения («от крепостничества с бар-

щинным трудом... до простого оброчного обязательства) ⁴⁹ вели к сильным различиям в надстройке, в том числе и к многообразию типов феодального хозяйства, типов организации господствующего класса, т. е. форм феодальной иерархии, и, наконец, различных форм организации государственной власти.

Таким образом, крепостничество как крупномасштабное явление органически вливается в широкий поток исторической многовариантности феодализма, будучи образцом наиболее глубокого и жесткого механизма внеэкономического принуждения.

Переворот в отношениях земельной собственности на основе аллодиального разложения общины в Западной Европе, усугубленный частнособственническими традициями позднеантичных структур, способствовал созданию сложных и разветвленных вассально-корпоративных отношений в господствующем классе, отразившихся в политической надстройке в таких вариантах, которые наиболее близки адекватному образцу теоретической модели феодализма.

Что же касается производственных отношений, то в Западной Европе крестьянин в основном был свободен от личной феодальной зависимости. Больше того, судя по итогам такого фундаментального исследования, как «История крестьянства в Европе», степень внеэкономического принуждения в целом здесь почти никогда, за исключением некоторых регионов в период раннего средневековья, не достигала (в исторически существенных масштабах) своей высшей точки развития ⁵⁰. Между тем ведь крепостничество было всегда желанной мечтой господствующего класса, ибо являлось, по словам Ф. Энгельса, идеальным для феодальной землевладения состоянием ⁵¹. Причина кроется, видимо, в том, что прибавочный продукт исторически оптимального размера присваивался в этих странах путем отнюдь не максимальных усилий механизма классового давления. Неизбежно возникая на ранней стадии развития феодализма, «крайние формы серважа» быстро (иногда очень быстро) исчезали. В период же наивысшего развития феодальных обществ в Европе «крайние формы серважа» в заметных масштабах появлялись лишь там, где, по мнению авторов, создавались «особые экономические, политические и даже естественногеографические условия» ⁵². Одним из таких условий авторы называют слабое развитие городов, поскольку «доходы сеньоров от обложения городов и торговли здесь были меньшими и не могли компенсировать сокращение поступлений от эксплуатации сервов» ⁵³. Вторым условием была возможность создания сильной центральной власти, т. е. основных рычагов внеэкономического принуждения ⁵⁴. Эти наблюдения весьма важны, ибо прямо подтверждают предлагаемый тезис о том, что крепостничество появляется там, где нет объективных условий для получения исторически оптимального объема прибавочного продукта. «В общем там, где общественное развитие шло обычными путями — без особого раннего усиления центральной власти (т. е. без нужды в усилении этой власти.— Л. М.), без отставания городов...— там, при прочих равных условиях, проблема людских ресурсов решалась европейской сеньорией без использования крайних форм серважа. Его широкое применение представляло на первом этапе зрелого феодализма, по большей части, отклонение от магистрального пути развития» ⁵⁵.

Итак, за исключением периода, с которым связано зарождение новых капиталистических отношений и появление так называемого «второго издания крепостничества», вся история европейского феодализма связана с крепостничеством («крайними формами серважа»), скорее, в порядке исключения из правила. «Магистральный путь — это путь эксплуатации лично свободного феодального крестьянина» ⁵⁶.

Вполне естественно для авторов «Истории крестьянства в Европе», что они даже не ставят вопрос: а не является ли сам европейский путь развития феодализма плодом «особых политических, экономических и... естественногеографических условий»?

Между тем предложенная трактовка причин возникновения крепостничества в России, объяснение этих причин внутренне обусловленной закономерностью многовариантности феодальных отношений заставляет поставить вопрос о степени близости тех или иных типов феодальных производственных отношений к логической модели этих отношений.

* * *

На наш взгляд, крепостническая форма эксплуатации, будучи «более низкой формой живого труда»⁵⁷, тем не менее максимально соответствует логической модели феодального способа эксплуатации, хотя она может проявляться как преимущественная, господствующая ее форма в зависимости от характера и темпов развития феодального способа производства в различные исторические периоды. В равной мере она может и вообще не состояться*.

Итак, что же представляет собой крепостное состояние с точки зрения отношений собственности, а точнее, в интервале взаимосвязей: непосредственный производитель — феодал? Как уже упоминалось, вопрос о собственности — это вопрос об отношениях к объективным условиям труда⁵⁸, т. е. к средствам производства. В эпоху феодализма эти отношения — комплекс сложных в своих взаимосвязях компонентов. В отличие от капиталиста, непосредственно владеющего (на правах собственности) всеми средствами производства, отношение к средствам производства феодала отличается тем, что в его собственности находится лишь основное средство производства — земля. Отсутствие других слагаемых производительных сил порождает ситуацию, когда на этой земле должен находиться непосредственный производитель, в свою очередь «владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства»⁵⁹. Таким образом, сидя на чужой земле, непосредственный производитель ведет тем не менее самостоятельное хозяйство. Но для собственника земли этого мало. Чтобы земля давала ее собственнику полезный эффект, между ним и непосредственным производителем непременно нужны такие отношения, которые обеспечили бы первому получение прибавочного продукта как итога избыточного труда непосредственного производителя (над трудом необходимым). Низкий уровень развития производительных сил, отсутствие существенного уровня общественного разделения труда, слабая роль товарно-денежных отношений — все это обусловило тип отношений собственника земли и сидящего на этой земле крестьянина как тип отношений политического господства и подчинения. Только такой тип отношений давал возможность для реализации внеэкономического принуждения, для извлечения прибавочного труда в виде ренты в пользу земельного собственника. «...Ясно, — писал Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный»⁶⁰.

Степень господства и соответствующего ему подчинения, т. е. личная несвобода, может быть разной. Наиболее идеальным для земельного собственника является положение, когда степень личной несвободы максимальна настолько, чтобы упростить и облегчить изъятие прибавочного продукта, и вместе с тем минимальна настолько, чтобы она могла действительно стимулировать непосредственного производителя для ведения собственного самостоятельного хозяйства.

Исторически эта ситуация известна как крепостная зависимость, крепостное состояние крестьянина. При такой зависимости крестьянин прикреплен к земле «в качестве придатка последней»⁶¹, крайне ограничен в сфере гражданской дееспособности, причем личная зависимость от феодала достигает своего пика или логического предела в практике продажи крестьян без земли.

Феодал как господин крепостного крестьянина в полном смысле слова «присваивает» непосредственного производителя как одно из средств производства. Следовательно, «живая рабочая сила сама является собственностью другой стороны»⁶², хотя собственностью ограниченной, т. е. неполной. К. Маркс подчеркивает, что здесь «сам работник выступает как одно из природных условий производства», «сам труд причисляется к *объективным условиям производства*»⁶³. В другом месте К. Маркс выражает эту мысль еще сильнее: «Сам работник и в форме раба и в форме крепостного ставится в качестве неограниченного условия производства в один ряд с прочими существами природы»⁶⁴. Вместе с тем положение крепостного качественно отлично от положения раба. «Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁶⁵. Крепостной же, как мы выше подчеркивали, ведет самостоятельное хозяйство. Отсюда следует, что «собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей»⁶⁶. Тем самым он является собственником и жизненных средств, т. е. обладает «собственностью (хотя бы даже и в крепостной форме)». В другом месте эта мысль передана Марксом с тем же акцентом. При этом подчеркивается, что отношения крепостной зависимости приковывают «работника к земле и к хозяину земли, но фактически» предполагают — его «собственность на жизненные средства»⁶⁷.

В литературе примерно последних полутора десятилетий ведутся споры по проблемам крестьянской собственности и владения в эпоху феодализма, а также по вопросу так называемой верховной собственности.

Как было подчеркнуто выше, специфика в уровне развития производительных сил в период генезиса феодализма и его расцвета была такова, что земля как объект труда, как основное его условие неизбежно должна быть в фактическом владении непосредственного производителя. Отсюда некоторая сложность в понимании таких категорий, как «пользование», «владение» и «собственность». Вкратце остановимся на них.

Хозяйствовать на земле на правах пользователя может, например, докapiталистический арендатор. Единственный аспект его отношений с землей как существеннейшим условием труда является его практический контакт с землей как с чужим условием труда. При этом он лишен всяких прав на землю. «Возделыватель-владелец»⁶⁸ резко отличен от докapiталистического арендатора, хотя он также имеет дело с землей как с чужим условием труда. Ведь даже в качестве крепостного он владеет, обладает этой землей. Как владелец земли он имеет на нее право, определяемое К. Марксом и Ф. Энгельсом как право феодала⁶⁹. Прежде всего это не только право хозяйствования на отведенной ему земле, но и право ее наследования, разившееся в конечном счете до завещательного права и права отчуждения этой земли, т. е. ее продажи. Простой пользователь земли таких прав не имеет.

Права крепостного крестьянина на землю появляются и закрепляются обычаем и традицией, берущими начало еще в те времена, когда крестьяне смотрели на господскую землю как на бывшую свою землю. Таким образом, права крепостного на землю формируются как элемент обычного феодального права. К. Маркс писал об этом следующее: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»⁷⁰. Чисто исторически (т. е. не с точки зрения политэкономии) такой ход дела складывался стихийно и объективно. Стало быть, феодал должен был, хотел он того или нет, с ним считаться. «Урегулированность и порядок, — подчеркивал Маркс, — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»⁷¹. Следовательно, обычай и традиция, возведенные обычным правом

в закон, существовали как практическая реализация фактической собственности крепостных на землю.

Степень проявления этой фактической собственности зависела в первую очередь от степени личной несвободы, а также от степени и форм эксплуатации крестьянства. К. Маркс, в частности, отмечал, что при отработочной ренте «непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически»⁷². При этом минимальная степень эксплуатации крестьянина может в принципе превратить собственность феодала на землю в юридическую фикцию³. Непременный сопутствующий этому фактор — личная свобода или минимальная степень несвободы. И наоборот, резкое возрастание эксплуатации в сочетании с усилением личной несвободы трансформируют крестьянина в пользователя земли.

Вообще говоря, при крепостном состоянии личная несвобода была максимальной, и поэтому возможность реализации фактической собственности крестьян на землю как ее возделывателей была минимальной. Но она тем не менее была. Помимо естественногеографических условий различного рода социальные моменты (наличие общины, т. е. маркового строя земледелия, классовая борьба крестьян) практически могли сделать и делали положение крестьян как фактических собственников земли более прочным и т. д.

Следовательно, соотношение категорий владение и собственность⁴ наиболее строго различается лишь в модели развитого классического феодализма. С точки зрения конкретно-исторической соотношение этих категорий не столь строго, оно подвижно. Владение землей феодально-зависимого крестьянства в зависимости от стадии развития феодальных отношений, степени и форм эксплуатации, степени личной несвободы может сближаться с фактической собственностью на землю, неполной собственностью, но может быть идентично и понятию простого пользования⁷³. За этой конкретно-исторической подвижностью содержательной сущности понятия владения скрыто постоянное противоборство феодала и крепостного, собственника земли и непосредственного производителя, противоборство, имеющее глубоко антагонистический характер.

Для феодала понятие феодальной собственности на землю, на наш взгляд, в большинстве случаев (и даже в идеальных для эксплуатации условиях крепостничества) не может трактоваться как полная собственность, т. е. частная собственность в буржуазном ее смысле. При всей полноте присвоения земли посредством эксплуатации крестьян и получения ренты собственность феодала на землю исторически ограничена⁵.

Ее ограниченность, если и компенсируется, то только системой внеэкономического принуждения, т. е. в конечном счете системой личной, крепостной зависимости. Именно поэтому, на наш взгляд, производственные отношения крепостничества наиболее адекватны логической модели феодальных производственных отношений.

Такого рода рассуждения находят подтверждение и в работах основоположников марксизма. Чтобы вкратце продемонстрировать это, необходим экскурс в понятийный аппарат основоположников марксизма, применяемый ими на разных уровнях формационных сопоставлений и характеристик.

* * *

Как известно, уже в 40-х гг. XIX в. К. Маркс открыл закон смены общественно-экономических формаций, выделив логически последовательную очередность их как: первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм. Предпринимая во многих своих работах различного рода сопоставления на уровне формаций, К. Маркс терминологически определяет их, т. е.

формации, как правило, либо с точки зрения общего, чисто символического обозначения способа производства, либо обозначает их, подчеркивая вместе с тем специфику способа эксплуатации, свойственного той или иной формации. Так, в «Немецкой идеологии» фигурируют следующие терминологические определения формаций: «патриархализм, рабство, сословия, классы»⁷⁴. Особенно много таких мест в экономических рукописях К. Маркса 1857—1858 гг. В части их терминология определения тех или иных аспектов формации этимологически носит конкретно-исторический характер, т. е. каждая формация у Маркса обозначена тем или иным термином конкретно-исторического характера, но вместе с тем термином, отражающим тот из конкретно-исторических способов производства, который был наиболее адекватен логике истории, т. е. максимально воплощает теоретически обоснованную Марксом обобщенную модель того или иного способа производства и имеет тем самым всемирно-историческое значение. Так, французский „феод“ стал общепринятым обозначением феодального строя, термин „античный“ адекватен классическому рабству Древней Греции и Рима и т. д. В этом значении К. Маркс употребляет и термин „восточный“, имея в виду патриархальный, первобытнообщинный строй. Правда, в последнем случае терминология у Маркса наиболее неустоявшаяся. Он часто наряду с термином „восточный“ употребляет термин „патриархальный“, „азиатский“ и т. д.

Объяснение функционального значения этой группы терминов (наиболее исчерпывающее) К. Маркс дал в письме Ф. Энгельсу от 14 мая 1868 г., где писал о «выдвинутой мной (т. е. Марксом.— Л. М.) точке зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами...»⁷⁵. Приведем ряд подобных мест из работ Маркса.

В работе «Экономические рукописи 1857—1859 гг.», объясняя способность содействия христианской религии пониманию прежних мифологий, он, в частности, замечает: «Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества»⁷⁶. В той же работе, размышляя о роли денег и богатства в докапиталистических формациях, Маркс пишет: «Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, денег, меновой стоимости, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»⁷⁷. Далее Маркс, подчеркивая противоречия частного обмена всех продуктов труда с распределением их, основанном на господстве и подчинении между индивидами, отмечает разный характер господства и подчинения — «патриархальный, античный или феодальный»⁷⁸. В той же работе Маркс, рассуждая о степени развития обмена, пишет: «Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй»⁷⁹. В разделе «Превращение купца в промышленного капиталиста» работы «Экономические рукописи 1857—1859 гг.», рассматривая вопрос о купеческом торговом капитале, Маркс отмечал, что «купеческое имущество... существует и существовало как посредник между народами, стоящими на самых различных ступенях экономического развития, а в самом торговом городе (например, в древнеазиатском, греческом или же итальянском и т. д. в средние века) производство может продолжать существовать в цеховой и тому подобной форме»⁸⁰. Здесь совершенно очевидно, что первобытнообщинное общество разумеется под термином «древнеазиатский», рабовладельческое — под термином «греческий», феодальное — под оборотом «итальянский и т. д. в средние века». В той же рукописи (в конце ее) Маркс четко трактует суть древних общин Индии как осколков первобытного коммунизма.

Он пишет: «... более основательное историческое исследование обнаруживает эту общину как исходный пункт у всех культурных народов. Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма»⁸¹. В написанной чуть позднее (1862—1863 гг.) работе «Теории прибавочной стоимости» Маркс проводит еще более точное отождествление азиатской общины с первобытным коммунизмом: «Первоначально единство между работником и условиями труда имеет... две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное земледелие... того или иного типа»⁸². Наконец, в знаменитом «Предисловии „К критике политической экономии“» Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁸³. Именно это высказывание, взятое без терминологического контекста, послужило, так сказать, внешней основой для построения ряда концепций в дискуссиях о так называемом «азиатском способе производства». Между тем только в терминологическом контексте становится наиболее очевидным, что все эти термины одноплановы и имеют «этимологически» конкретно-историческую основу («азиатский» — патриархальный, «античный» — рабовладельческий, «феодальный» — крепостнический, «буржуазный» — капиталистический).

В свете высказанных выше соображений думается, что все эти годы Маркс привлекал азиатские общины как конкретно-исторические формы, наиболее адекватные теоретически обоснованному им патриархальному или первобытно-общинному строю, непосредственно предшествовавшему европейскому рабству и феодализму. В той же работе Маркс формулировал аналогичную мысль так: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности»⁸⁴. Азиатская община долгие годы служила Марксу моделью строя, предшествующего рабству и феодализму в Европе. Это вполне очевидно из вышеприведенного письма от 14 мая 1868 г. Даже в первом томе «Капитала», законченного в 1867 г., Маркс, обсуждая судьбы крестьянского хозяйства и независимого ремесленного производства, т. е. нецехового, отмечал: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического (т. е. античного. — Л. М.) общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»⁸⁵. И только работа Л.-Г. Моргана «Древнее общество», конспект которой был сделан Марксом, видимо, в 1880—1881 гг., в корне изменила ситуацию. Выполняя завещание К. Маркса, Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» для создания модели той стадии развития человеческого общества в Европе, которая предшествовала античному рабовладению и германскому феодализму, взял конкретно-исторический материал не азиатских общин, а социального строя американских индейцев как наиболее соответствующий, наиболее адекватный материал для логической модели этой фазы первобытнообщинного строя. Азиатская община, таким образом, перестала играть роль исторического образца такой модели⁸⁶. Ф. Энгельс в своей позднейшей работе «К истории первобытной семьи» прямо писал: «Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории»⁸⁶. Да и сам К. Маркс

в набросках письма к Вере Засулич в марте 1881 г. уже под влиянием Л.-Г. Моргана для обозначения древнейшей общественно-экономической формации употребляет исключительно термины: «общество архаического типа», «архаическая формация» и, наконец, «архаическая общественная формация»⁸⁷.

Сложная история выработки терминологии для древнейшей общественно-экономической формации особо четко подчеркивает устойчивость употребления К. Марксом и Ф. Энгельсом терминов: «средние века», «феодализм», «античность», принципиально точно и исторически обозначающих последующие общественно-экономические формации.

Вторым важнейшим аспектом анализа терминологии Маркса, обозначающей способы производства различных формаций, является разбор той терминологии, где на первый план выдвинут способ эксплуатации. В «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» К. Маркс неоднократно прибегает к терминам: 1) «п а т р и а р х а л ь н ы й труд», т. е. отношения патриархально-общинного типа, при которых производитель относится к объективным условиям труда как к своим благодаря членству в коллективе; 2) «р а б с к и й труд», означающий низведение производителя, лишенного всех условий человеческого существования, до роли говорящего орудия, когда он сам (непосредственный производитель) выступает как одно из объективных условий труда; 3) «к р е п о с т н о й труд», т. е. труд непосредственного производителя, владеющего своим хозяйством, но тем не менее также низведенного до роли одного из объективных условий труда, производителя, являющегося в данном типе отношений «моментом самой земельной собственности», «придатком к земле»⁸⁸ и т. д.; 4) «н а е м н ы й труд» — труд свободного человека, лишенного средств производства и продающего лишь свою живую способность к труду, обладающего особым товаром — «рабочая сила». Во всех этих терминах Марксом отражен наиболее адекватный тому или иному способу производства способ эксплуатации. Приведем несколько примеров. Разбирая проблемы необходимого труда, Маркс, в частности, замечает: «Например, раб, крепостной, наемный рабочий — все они получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему»⁸⁹. Анализируя взаимосвязь роста процесса разделения труда с превращением продукта в чистую меновую стоимость, Маркс пометил для себя в скобках: «Разобрать подробнее влияние превращения всех отношений в денежные отношения: натурального налога в денежный налог, ренты натурой в денежную ренту, военного ополчения в наемное войско, вообще всех личных повинностей в денежные, патриархального, рабского, крепостного, цехового труда в чисто наемный труд»⁹⁰. Отмечая в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.», что на определенном этапе капиталистические отношения становятся преградой для развития производительных сил, Маркс пишет далее: «Достигнув этого пункта, капитал, т. е. наемный труд, вступает в такое же отношение к развитию общественного богатства и производительных сил, в каком оказался цеховой строй, крепостничество, рабство, и как оковы сбрасывается с необходимостью»⁹¹.

В приведенной нами выдержке Маркс уже характеризует терминами «р а б с т в о», «к р е п о с т н и ч е с т в о» каждую формацию в целом как формацию, основанную на том или ином способе эксплуатации. В «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» (второй части) Маркс употребляет еще более четкие формулировки. Так, характеризуя форму прибавочного труда, выступающего как абсолютная прибавочная стоимость, Маркс пишет: «... эта форма прибавочного труда выступает... в способах производства, основанных на рабстве, крепостничестве и т. д.»⁹²

Вообще в текстах этого цикла при сравнительном анализе рабовладельческого и феодального способов производства наблюдается очень жесткая закономерность терминологической сопряженности. Там, где фигурируют термины «рабство» (Sklaverei), «раб» (Sklave) и т. д., непременно употребляются

термины «крепостной» (*Leibeigne*), «крепостничество», «крепостное право», «крепостной строй», «крепостное состояние» (*Leibeigenschaft*)⁹³. Вообще постоянство в употреблении К. Марксом термина «*Leibeigenschaft*» позволяет некоторым исследователям считать, что этот термин в работах К. Маркса имеет широкое значение, обозначая подчас феодализм вообще. Проведенные нами наблюдения позволяют не согласиться с этим. Ведь в работах К. Маркса встречается немало мест, где четко различаются «крепостничество» (*Leibeigenschaft*) и другие формы личной зависимости. Так, в 24-й главе первого тома «Капитала» у Маркса мы читаем, что «частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства... Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом и при крепостном строе (в оригинале — *Leibeigenschaft*. — Л. М.), и при других формах личной зависимости»⁹⁴. Еще в ранних «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс писал: «Точно так же феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю... Точно так же и те, кто обрабатывает его земельное владение, находятся не в положении наемных поденщиков, а частью сами, как крепостные, являются его собственностью, частью же состоят к нему в отношениях почитания, подданства и определенных повинностей»⁹⁵. Вместе с тем, когда в 1-й главе первого тома «Капитала» Маркс дает общую характеристику общественных отношений в феодальном обществе, то он явно опускает «другие формы личной зависимости» как нехарактерные, не вполне адекватные феодальной формации отношения. («Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы/в оригинале — *jedermann abhängig*. — Л. М./ — крепостные/в оригинале — *Leibeigene*. — Л. М./ и феодалы/в оригинале — *Grundherren*. — Л. М./, вассалы и сюзерены, миряне и попы»⁹⁶.) Здесь угнетенный класс феодальной формации представлен крепостными, а не лично свободными держателями, поскольку суть феодальных производственных отношений состоит в том, что «личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни», «общественные отношения лиц в их труде проявляются, во всяком случае здесь, именно как их собственные личные отношения». Поэтому не случайно отношения лиц в материальном производстве в рамках феодальной формации Маркс характеризует барщиной, барщинным трудом: «непосредственно общественной формой труда является здесь (в европейском средневековье. — Л. М.) его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»⁹⁷.

В выделении крепостничества как системообразующего признака производственных отношений феодальной формации с К. Марксом, на наш взгляд, полностью солидарен Ф. Энгельс. В «Анти-Дюринге», выделяя основные классы рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, он писал: «... совершенно очевидно, что крупное земледелие всегда обуславливает совсем иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или создает противоположность классов — рабовладельцев и рабов, помещиков и барщинно-обязанных крестьян (в оригинале — *Grundherren und Fronbauern*. — Л. М.), капиталистов и наемных рабочих»⁹⁸. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс заключает: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время»⁹⁹.

Итак, мы можем утверждать, что, так сказать, «классическую» основу феодального способа производства составляет труд крепостного, и отношения крепостной зависимости выступают как наиболее адекватные этому способу производства. Иные разновидности феодальных производственных отношений отражают лишь своеобразие конкретно-исторической вариантности производственных отношений феодализма.

Весьма принципиальным является понимание и того, что под крепостничеством и К. Маркс и Ф. Энгельс разумели целую совокупность вариаций личной несвободы. Иначе говоря, крепостничество это не только отработочная рента, хотя это прежде всего отработочная рента. При всех формах ренты необходимо внешнеэкономическое принуждение, т. е. «присвоение... людей», следовательно, «несвобода»¹⁰⁰. К. Маркс писал: «... ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда... отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения (разрядка моя.— Л. М.), следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»¹⁰¹. Иначе говоря, крепостничество может быть при продуктовой и денежной ренте, а не только при отработочной. Коренной принцип крепостничества — положение крепостного прежде всего как «придатка к земле». «Крепостной есть принадлежность земли и приносит плоды собственнику земли»¹⁰². Другим компонентом является личная несвобода. Это отчетливо сформулировано К. Марксом: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов» (разрядка моя.— Л. М.)¹⁰³. Следовательно, в наиболее развитую структуру системы этих отношений не включен лично свободный крестьянин, несущий повинности в пользу феодала; но имеющий права перехода от одного владельца к другому.

Правда, в литературе встречаются попытки и иных прочтений только что приведенного текста К. Маркса. Так, Ю. Л. Бессмертный, рассматривая правомерность отождествления термина «серваж» с термином «крепостничество» (*Leibeigenschaft*), в частности, считает, что перевод разбираемого нами текста К. Маркса во 2-м издании неверен; термин «*Hörigkeit*» следует переводить «зависимость», а не «крепостная зависимость»¹⁰⁴. В доказательство ученый приводит фрагмент письма Энгельса Марксу от 22 декабря 1882 г.: «Радуюсь, что в отношении истории крепостного права (в оригинале — *Leibeigenschaft* — Л. М.) мы «единодушны»... Несомненно, крепостное право и зависимость (в оригинале — *die Leibeigenschaft und Hörigkeit*.— Л. М.) не является какой-либо специфически средневеково-феодальной формой...»¹⁰⁵. Отсюда Ю. Л. Бессмертный считает, что у Маркса речь идет о необходимости не «крепостной зависимости в подлинном смысле этих слов», а, видимо, феодальной (ибо автор подчеркивает, что у Маркса обозначена только «зависимость»). В итоге у Ю. Л. Бессмертного появляется возможность «расширить» марксово понимание сути адекватных производственных отношений феодальной формации не как «всеобщую необходимость крайней формы прикрепления к земле»¹⁰⁶, а как всей совокупности исторических вариаций отношений крестьянина и феодала, включая «даже самые «свободные» формы феодальной зависимости»¹⁰⁷.

Попытаемся возразить Ю. Л. Бессмертному, хотя вопрос о терминологии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса далеко не прост. Начнем с того, что Ю. Л. Бессмертный оборот Ф. Энгельса «*die Leibeigenschaft und Hörigkeit*» переводит как «крепостное право» и «обычная феодальная зависимость» (*Hörigkeit*), но ведь в контексте, скорее, следует читать «крепостное право и (крепостная) зависимость». Этот вариант ученый почему-то во внимание не принимает. Далее. Хотя К. Маркс редко прибегает к термину «*Hörigkeit*», но в ряде мест можно видеть, что он означает «крепостную зависимость». Так, касаясь проблем первоначального накопления капитала в Англии, К. Маркс пишет о том, что когда арендаторы крупных земельных собственников «изгоняли безземельных крестьян и т. д., то тем самым масса живых рабочих сил... оказывалась выброшенной на рынок труда, масса, которая была свободна

в двойном смысле — свободна от старых отношений клиентелы или отношений крепостной зависимости и феодальной повинности (в оригинале — frei von den alten Klientel- oder Hörigkeitsverhältnissen und Dienstverhältnissen.— Л. М.)...»¹⁰⁸. Поскольку термин «Dienstverhältnissen» может означать просто «феодальную зависимость» (речь идет ведь только о крестьянах)¹⁰⁹, то термин «Hörigkeitsverhältnisse» означает «крепостную зависимость». В том же разделе черновых набросков «Капитала» (рукописи 1857—1858 гг.) мы снова находим аналогичное употребление термина «Hörigkeitsverhältnisse». «Подобные исторические процессы распада,— пишет К. Маркс,—...являются разложением отношений крепостной зависимости, приковывающих работника к земле и к хозяину земли (в оригинале — Auflösung der Hörigkeitsverhältnisse, die den Arbeiter an Grund und Boden und den Herren des Grund und Bodens fesseln.— Л. М.), но фактически предполагающих его собственность на жизненные средства...»¹⁰⁹. Для нас чрезвычайно важно, что Маркс здесь же недвусмысленно раскрывает значение термина «Hörigkeitsverhältnisse» именно как «крепостнические отношения».

Что касается Ф. Энгельса, то, как известно, в его работах не всегда сохраняется строгая последовательность терминов. Так, во «Франкском периоде» Энгельс часто употребляет сильное выражение «Knechtschaft» (рабство) для обозначения скорее всего именно крепостной зависимости. Например, «erblicher Knechtschaft» — «наследственная зависимость»¹¹⁰. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс употребляет этот термин также и для обозначения зависимости. Например, он пишет: «Добровольное вступление в подневольное состояние проходит через все средневековье» (в оригинале — Freiwilliger Eintritt in die Knechtschaft geht durch ganze Mittelalter.— Л. М.)¹¹¹. Однако есть в «Анти-Дюринге» и такие пассажи, где термин «Knechtschaft» означает, безусловно, «крепостную зависимость», как, впрочем, и термин «Hörigkeit». Так, в частности, Энгельс пишет следующее: «Когда в Пруссии, после военных поражений 1806 и 1807 гг., была отменена крепостная зависимость (в оригинале — die Hörigkeit.— Л. М.), а вместе с ней и обязанность всемилостивейших господ заботиться о своих подданных в случае нужды, болезни и старости, то крестьяне подавали петиции королю с просьбой оставить их в подневольном состоянии (в оригинале — in der Knechtschaft.— Л. М.), иначе кто же будет заботиться о них в случае нужды?»¹¹² Поскольку реформами Штейна и Гарденберга в 1807 г. в Пруссии действительно была отменена личная крепостная зависимость, в значении термина «Hörigkeit» у Ф. Энгельса также не приходится сомневаться. Правда, в том же «Анти-Дюринге» есть фрагменты довольно сложные для перевода. Так, характеризуя исторические судьбы бюргерства, Энгельс пишет: «Этот ход вещей, выраженный исторически, есть история развития буржуазии... Первоначально представляя собой угнетенное сословие, обязанное платить оброк господствующему феодальному дворянству и пополнявшее свои ряды выходцами из крепостных и зависимых всякого рода (в оригинале — aus Hörigen und Leibeignen aller Art.— Л. М.), буржуазия отвоёвывала в непрерывной борьбе с дворянством одну позицию за другой...»¹¹³. Переставив местами термины, переводчики, видимо, сочли их синонимами, что вполне вероятно (ведь буквальный перевод: зависимых и крепостных всех видов). Вместе с тем, не исключено, что под «Hörigen» здесь у Ф. Энгельса имеются в виду «феодально-зависимые люди».

Для нас более важным представляется оборот «Leibeignen aller Art», что свидетельствует о фиксации разной степени развития крепостного состояния. В этой связи целесообразно вновь вернуться к цитированному выше письму Ф. Энгельса К. Марксу от 22 декабря 1882 г. Ведь в нем речь идет о том, что крепостничество как форма производственных отношений не является «специфической средневеково-феодальной формой». Она спорадически встречается в более ранние эпохи. Не останавливаясь сейчас на этом сюжете по существу, заметим лишь, что к крепостничеству, по К. Марксу, вели прежде

всего завоевательные акции¹¹⁴. Иначе говоря, именно крепостничество, а не феодальная зависимость, которая была вызвана к жизни так называемым «аграрным переворотом» при Меровингах и Каролингах, имело исторических предшественников. Поэтому в разделе 47-й главы «Об отработочной ренте» К. Маркс имел в виду «Hörigkeit» — «крепостную зависимость в подлинном смысле этих слов»¹¹⁵. Причем еще раз подчеркнем, что Маркс имел в виду разные вариации собственно крепостничества. В этом смысле термин «Leibeigenschaft» — действительно обобщающий.

На наш взгляд, такой подход может быть подтвержден одной из выдержек из «Анти-Дюринга». Говоря об исторически прогрессивном лозунге революционной буржуазии, о равенстве, Ф. Энгельс замечает, что этого же равноправия «приходилось требовать и для громадной массы крестьян. Крестьяне, находясь на всех ступенях порабощения, вплоть до полного крепостного состояния (в оригинале — *die in allen Stufen der Knechtschaft, von der vollen Leibeigenschaft.* — Л. М.), принуждены были большую часть своего рабочего времени отдавать... феодальному сеньору...»¹¹⁶. Следовательно оттенок «полное крепостное состояние» подчеркивает обобщающий характер термина «Leibeigenschaft», т. е. возможностей разных ступеней развития самого состояния крепостничества.

Думается, что трактовка крепостнических производственных отношений как отношений, составляющих наиболее развитую структуру системы феодальных отношений, как отношений наиболее адекватных феодальному способу производства, объясняет, почему К. Маркс и Ф. Энгельс постепенное исчезновение крепостничества в странах Западной Европы (разумеется, по данным, характеризующим уровень исторических знаний в эпоху жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса) рассматривали как проявление элементов разложения феодального способа производства. Во всяком случае, они подчеркивали, что капитализм нарождается лишь тогда, когда исчезает крепостное право. Так, в «Капитале», в главе 24-й «О первоначальном накоплении капитала» К. Маркс писал: «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право» (в оригинале — *Leibeigenschaft.* — Л. М.)¹¹⁷. В частности, «в Англии крепостная зависимость (в оригинале — *Leibeigenschaft.* — Л. М.) исчезла фактически в конце XIV столетия». «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения» (в оригинале — *findet auch die Auflösung der Leibeigenschaftsverhältnisse am frühesten statt.* — Л. М.)¹¹⁸. Относительно Германии примечательно замечание о Лютере, «жившем в эпоху разложения средневекового гражданского общества...»¹¹⁹.

Разумеется, речь не шла о крушении феодализма. Поскольку «феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и обмена» (разрядка моя. — Л. М.)¹²⁰, поскольку существовала система политической организации земельной собственности как феодальной собственности и соответствующая ей феодальная иерархия, постольку феодализм исторически был реальным. Но его производственные отношения лишлись наиболее адекватной логической модели этих отношений. В связи с этим особенно важным представляется следующее суждение К. Маркса: «... исторические процессы распада, с одной стороны, являются разложением отношений крепостной зависимости, приковывающей работника к земле и к хозяину земли... с другой стороны, здесь происходит разложение таких отношений земельной собственности, которые делали работника йоменом, свободно работающим мелким собственником земли или арендатором (колоном), свободным крестьянином...»¹²¹. В этом перечне категорий непосредственных производителей, порожденных разложением крепостничества и сопутствующих ему отношений земельной собственно-

сти, привлекает внимание, конечно, йомен (йоменри). Общеизвестно, что в Англии йоменри как лично свободные крестьяне-держатели появляются примерно в XIV в. Они пришли на смену крепостным крестьянам, по Марксу, в итоге процессов разложения крепостничества, т. е. наиболее адекватного способа эксплуатации в эпоху феодализма.

Разумеется, такой ход рассуждений может встретить много возражений, он непривычен и, конечно, нуждается в обсуждении.

* * *

Думается, что все вышеприведенные размышления позволяют поставить вопрос о соотношении феодализма западноевропейского типа с таким крепостническим обществом, ярким примером которого была Россия.

Учитывая бесспорность положения о том, что феодальный базис дает основу для конкретно-исторической многовариантности феодальных обществ, можно было бы сформулировать это соотношение следующим образом. В пределах Европы в процессе становления и развития феодальных обществ прокладывают себе дорогу две основные тенденции, обусловленные главным образом различием природно-климатических условий. Первая из них сопряжена с необходимостью (и возможностью) создания идеального механизма внеэкономического принуждения для изъятия прибавочного продукта, с возможностью обуздать основной социальный антагонизм (нейтрализуя общину) при отсутствии (или несущественной) роли экономических рычагов эксплуатации. Эта тенденция олицетворяет становление крепостничества. Вторая тенденция связана с возможностью перенесения центра тяжести с механизма внеэкономического принуждения на экономические рычаги. Эта возможность обусловлена мобилизацией земель, доведением угнетенного класса до идеального состояния «держателей»-несобственников земли. Здесь нет необходимости развития механизма внеэкономического принуждения до сколь-либо максимальных масштабов. Экономические рычаги эксплуатации настолько сильны, что только такой социальный организм, как остаточные формы общины, на протяжении веков были сдерживающим моментом. Отсюда преобладание нетипичного для адекватной модели феодальных производственных отношений положения крестьянства как лично свободного, имеющего право перехода от одного господина к другому и т. д.

Образно говоря, модель последнего типа является своего рода «мутацией», однако такой мутацией, которая имела всемирно-историческое значение, поскольку создала в весьма раннюю пору условия для развития новых капиталистических отношений.

Такая классификация не может быть сколько-нибудь жесткой, поскольку и во времени, и в пространстве были и смешение этих типов, и заменяемость одного другим и т. п. Однако оба эти типа есть продукт спонтанного, внутреннего становления феодальных обществ. Они не учитывают явлений межформационных влияний, сыгравших в истории Европы (и не только Европы) огромную роль.

Развивая эти положения, следует подчеркнуть своего рода обратное соотношение в эволюции надстроек обществ этих типов. Во втором типе процессы, связанные с переворотом в отношениях земельной собственности, приводят к созданию сложной и разветвленной феодальной иерархии. Аллодиальный (парцелльный) тип общины в конечном счете лег в основу государственного строя, суть которого Ф. Энгельс обозначил как «аристократический строй» («форма политического господства» «крупных землевладельцев») ¹²².

Второй тип, поскольку мы прорабатываем его на примере России, олицетворен так называемым самодержавием. Не вдаваясь в сколько-нибудь обстоятельный анализ этого понятия, имеющего богатую историографию, отметим лишь два наиболее важных в данном случае обстоятельства. Первое из них

связано с фактом сильной центральной власти, которая существенно проявляет себя не только в момент зарождения государственности, но и в период формирования единого Русского государства. Второе обстоятельство связано с тем, что наиболее совершенная форма централизации государственной власти — абсолютизм (за исключением нескольких десятилетий периода своего становления) — суть символ консервативного режима, превратившего крепостничество в наиболее одиозную, жесточайшую форму эксплуатации непосредственного производителя. Именно этим последним периодом существования крепостного режима объясняется распространеннейшая в литературе общая характеристика крепостничества как символа отсталости и реакции «с молодых ногтей».

Пытаясь вкратце прокомментировать эти оценки, отметим следующее.

В нашей историографии, исследующей судьбы российского исторического процесса традиционно мало внимания уделяют стагнациям и кризисам в динамике общего развития. Среди исключений наиболее ярким примером глубокого исследовательского интереса является, пожалуй, лишь кризис, приведший к отмене крепостного права и буржуазным реформам 60—70-х гг. XIX в. Даже эпоха монголо-татарского владычества изучается почти исключительно под углом зрения накопления русским народом экономической потенции и политической энергии в борьбе с игом, что само по себе справедливо, так как было ведущей исторической перспективой. Между тем еще В. И. Ленин писал, что «... в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений»¹²³.

На наш взгляд, образцом такого сложного периода, в котором наряду с движением вперед был огромный и своеобразный зигзаг в темпах и типе исторического развития, является эпоха примерно с середины XVI в. по середину XVII в., включающая в себя экономический упадок 70—80-х гг. XVI в. и «Смуту» как политический кризис. Столь масштабный «зигзаг истории» был связан, на наш взгляд, с появлением и форсированным развитием такой формы феодального землевладения и хозяйства, как поместье. Еще двадцать лет назад вопреки точке зрения большинства специалистов, полагающих, что поместная система, экономически более оптимальная, прогрессивная по сравнению с вотчинной формой землевладения, Л. В. Данилова высказала мнение о том, что утверждение поместной системы «сопровождалось такой перестройкой аграрных отношений, которая пагубно отразилась на экономике страны»¹²⁴. Автор этих строк стремился доказать, что спонтанно зарождающееся крепостничество в России было вызвано к жизни потребностями развития не поместья, а прежде всего вотчины¹²⁵. Этот тезис подтверждает, на наш взгляд, весь ход развития форм эксплуатации непосредственного производителя начиная с конца XIV по вторую половину XVI в. Именно вотчинная форма землевладения и хозяйства была наиболее оптимальной и исторически перспективной даже в условиях крепостнического режима. Сравнительные достоинства обеих форм хозяйствования проверялись нами, так сказать, в экстремальных условиях, когда неизбежно обнаруживались все потенциальные возможности и поместья, и вотчины, в обычных ординарных условиях «средневекового благополучия» никогда не проявлявшиеся. Это сделано было нами по материалам конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в., когда страна стала выходить из глубочайшего и длительного экономического упадка и застоя, усугубленного острейшими социально-классовыми конфликтами начала века¹²⁶. Вотчина в этих условиях оказалась формой хозяйства не только наиболее сильной экономически, но и более благоприятной в конечном счете для непосредственного производителя.

Между тем с конца XV в. в России усиленно насаждалась условная форма феодального землевладения — поместье. Распространившееся по всей Новгородской земле поместье с середины XVI в. стало проникать и в центральные, и в окраинные районы. В итоге в первой половине XVII в. фонд поместных земель относился к фонду вотчинных земель, как 6:4¹²⁷. Между тем уже с начала

XVII в. снова начинается укрепление и расширение вотчинного землевладения. Причем почти в течение столетия поместье мало-помалу подтягивали до уровня вотчины, пока указом о единонаследии 1714 г. поместье не было окончательно уравнено в правах с вотчиной (впрочем, реализация его практически осуществилась лишь в 30-х гг.).

Почему же понадобилось более столетия, чтобы вновь вернуть землевладению в целом статус служилой вотчины? Это весьма сложный вопрос. Для его объяснения требуется материал чуть ли не всего исторического процесса начиная с Киевской Руси. Наметим лишь самое, на наш взгляд, существенное. Борьба с монголо-татарским игом и ее исторический опыт потребовали, в конечном счете, резких изменений в политической надстройке русского общества. С этим процессом со в п а л и ход развития феодальной собственности на землю; иначе говоря, более или менее четко выявились потребности создания жесткого механизма внеэкономического принуждения. Составной частью его, как и составной частью политического механизма сильной центральной власти, была новая разновидность феодальной иерархии. Консолидация сил господствующего класса реализовывалась только через небывало возросшую роль самодержца; больше того, она существовала благодаря этой небывало возросшей роли самодержца, делающего «шаг в сторону деспотического режима»¹²⁸. Правда, государству в силу этой специфики в значительной мере стали свойственны черты раннефеодальной надстройки. Немаловажным обстоятельством для этого был все еще большой удельный вес черных земель, что давало уже в середине XVI в. силу и независимость центральной власти. Еще К. Маркс по поводу политики Ивана IV в известном конспекте книги Г. Мейна «Лекции по истории институтов» заметил, что, «впадая в ярость против бояр и московской черни, он пытался и должен был пытаться, вести себя как представитель интересов крестьян»¹²⁹. Несомненно, что речь шла об опоре на проведенные реформы земств, но об опоре чисто тактической, служившей усилению центральной власти и созданию новой системы феодальной иерархии.

Новый тип феодальной иерархии создавался на основе всемерного развития служилого землевладения, опорой которого была система поместий. Довольно упрощенные взгляды на противостояние в XVI в. вотчинного и поместного землевладения (служилые князья, бояре-вотчинники и дворяне-помещики) были убедительно рассеяны А. А. Зиминим, который доказал, что и дворяне, и бояре были одновременно и вотчинниками, и помещиками, т. е. владели землей и на том и на другом праве¹³⁰. Тем не менее действенность системы собственно поместных владений как наиболее сильного средства консолидации феодалов путем усиления их зависимости от личности самодержца неоспорима. Думается, что политическая консолидация была (по мысли реформаторов) тем сильнее и эффективнее, чем шире и прочнее была расползающаяся повсюду система феодального поместного землевладения. Именно это обусловило столь медленный возврат поместья к статусу служилой вотчины. Тем временем совершенствовался и сам механизм государственной власти, проявляя все более четкие (для второй половины XVII в.) тенденции к абсолютизму «с отчетливыми чертами восточной деспотии»¹³¹, ибо собственно деспотией он и быть не мог. К тому времени, когда своего рода «эволюция вспять» поместья стала фактом, наступило время качественно иной государственной машины, ибо политическое развитие России с начала XVIII столетия стало подвергаться все более и более нарастающему межформационному влиянию.

Однако к этому моменту Россия сумела лишь вполне оправиться от следствия одного из наиболее глубоких экономических спадов, начавшегося с 70-х гг. XVI в. и сопровождавшегося грандиозными и драматическими политическими потрясениями. К моменту формирования абсолютистского государства уже остро обнаружилась промышленная отсталость России. На наш взгляд, именно стремление преодолеть промышленную отсталость, осуществлявшееся под сильным межформационным влиянием, вызвало в конечном счете резкое расширение

поля действия крепостнических отношений. Настала эпоха прогрессирующего развития «промышленного труда на крепостной основе» (так называемых крепостных мануфактур)¹³². Столь оригинальный метод развития производительных сил мог создать условия для противостояния натиску политических противников России, поскольку в капиталистических странах Запада развитие экономики все еще основывалось на ведущей роли абсолютной прибавочной стоимости, т. е., говоря словами К. Маркса, способы производства различались формально (т. е. типом производственных отношений). Однако с момента промышленного переворота в основных странах капитализма (т. е. примерно с конца XVIII в.), когда ведущую роль стала постепенно приобретать относительная прибавочная стоимость, отсталость России становилась все более глубокой.

Введение «промышленного труда на крепостной основе» оказало громадное воздействие на всю систему крепостничества. Это был тот фермент, или катализатор, который привел ко второй половине XVIII в. к резкому усилению крепостного режима в целом, реакционно-консервативная сущность которого уже проявлялась в полной мере. Осталось совсем немного для общего формационного кризиса, который был так или иначе преодолен в итоге реформы 1861 г.

Примечания

¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., «Наука», 1985; т. II. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., «Наука», 1986; т. III. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., «Наука», 1986.

² Ключевский В. О. Соч., т. VII. М., 1959.

³ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Изд. 2. Т. II. М., 1954, с. 95, 127, 232 и др.; его же. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, с. 136, 143—146, 153—155.

⁴ Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— Вопросы истории, 1958, № 2, с. 112.

⁵ Нечкина М. В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации.— Вопросы истории, 1958, № 7.

⁶ Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России.— Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970, с. 138.

⁷ См.: Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972.

⁸ Там же, с. 142—143.

⁹ Там же, с. 149—151. А. Л. Шапиро в своей недавно вышедшей работе «Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.)» (Л., 1987) еще более конкретизирует этот тезис, утверждая, что с усилением эксплуатации в XVI—XVII вв. при относительно медленном росте производительности труда (так!) крестьянину приходилось отдавать не только весь прибавочный, но и часть необходимого (так!) труда (с. 233).

¹⁰ Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России.— История СССР, 1985, № 3.

¹¹ Общеизвестно, что для формирования любого классового общества должна быть налично способность общества создавать минимум прибавочного продукта как предпосылки так называемого «усиленного разделения труда» (Ф. Энгельс), реализуемого в форме существования господствующего класса. Вместе с тем получение прибавочного продукта в зависимости от географических (природно-климатических) условий происходит в разных регионах при различных уровнях производительных сил. Последнее обстоятельство имеет решающее значение для возникновения того или иного способа производства. Возможность получения прибавочного продукта при относительно низком уровне развития производительных сил способствует появлению рабовладельческого общества, что было в тропических и субтропических регионах мира. В то же время в зонах умеренного климата возможность накопления прибавочного продукта появляется при сравнительно более высоком уровне развития производительных сил, что лежит в основе появления классового общества сразу же как общества феодального. Иначе говоря, центральной фигурой производства здесь мог быть только крестьянин, труд которого носил не только физический, но и умственный характер, что обуславливало особую заинтересованность непосредственного производителя в успешном развитии своего хозяйства.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 23, с. 523.

¹³ Там же, с. 521.

¹⁴ Там же, т. 46, ч. 1, с. 474.

¹⁵ Там же, т. 20, с. 151.

¹⁶ Индивид в ней был сильно зависим от коллектива, его хозяйственные возможности были в значительной мере опосредованы и обусловлены хозяйственными возможностями общины. Отсюда необычайная живучесть и сила общины как верховного собственника земельных общинных

угодий. В период развития феодализма эта функция общины, уже поглощенной или разобщенной феодальным землевладением, сохранялась de facto, главным образом через хозяйственную взаимопомощь членов общины, корпоративную тягловую ответственность.

Реальные подтверждения такой роли общины в России есть лишь по более позднему периоду феодализма (XVII—начало XIX в.). Это факты полных и частичных земельных переделов, земельных отчуждений в пользу общины (работы Н. А. Горской, Л. Н. Вдовиной, В. А. Александрова). Причем переделы как более позднее конкретно-историческое проявление силы и влияния общины на земельные распоряжки не отрицают, а наоборот, усиливают убеждение в существовании такого же влияния общины на хозяйственную деятельность ее членов и в более раннюю историческую эпоху, хотя конкретных свидетельств на этот счет в распоряжении науки нет. Уверенность в правомерности такого предположения опирается на общую теорию К. Маркса об эволюции земельной собственности. (В последнее время ряд медиевистов внесли в эту теорию, и в частности в историю марки, весьма существенные поправки. Но об этом несколько ниже.)

⁶ Лесные угодья не рассматриваются в данном случае как средство расширения пашенных и луговых угодий путем создания рощиц, заимок и т. п.

⁷ В регионах, находившихся под решающим влиянием позднеантичной структуры, частнособственническая тенденция развивалась более быстро, чем в регионах общинного уклада.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 394.

¹⁶ Там же, т. 3, с. 66.

¹⁷ Там же, т. 19, с. 496.

¹⁸ Там же, т. 21, с. 132.

¹⁹ Там же, с. 150.

²⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 371.

²¹ Там же, т. 21, с. 152.

²² Там же, т. 19, с. 334.

²³ Там же, с. 339.

²⁴ Там же, с. 417.

²⁵ См.: История крестьянства в Европе, т. I, с. 145.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 254.

²⁷ Там же, т. 19, с. 497.

²⁸ Это обстоятельство прекрасно показано в первом томе «Истории крестьянства в Европе». Вместе с тем необычайная дробность и мозаичность крупного землевладения подтверждает, на наш взгляд, генезис его на чисто аллодальной основе.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 338. Например, так называемые «смешанные деревни».

³⁰ История крестьянства в Европе, т. I, с. 253—254.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 337.

³² «Не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом. Au fond экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 471).

³³ История крестьянства в Европе, т. I, с. 131, 558. Иное мнение см.: с. 138—139.

³⁴ Там же, с. 134.

³⁵ Там же, с. 105.

³⁶ Там же, с. 102.

³⁷ Там же, с. 134.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 133.

⁴⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. М., 1980, ч. I, с. 486.

⁴¹ История крестьянства в Европе, т. I, с. 136.

⁴² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

⁴³ Там же, т. 12, с. 732.

⁴⁴ История крестьянства в Европе, т. I, с. 136, 559.

⁴⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 472.

⁴⁶ Там же, т. 21, с. 150.

⁴⁷ В общинах так называемого подворно-наследственного типа, в частности на Севере, сильнейшим пережитком древнего коллективизма явилась скрупулезнейшая практика деления полей разного качества на конь. См.: Колпанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978.

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 496—497.

⁴⁹ Там же, т. 20, с. 184.

⁵⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 357.

⁵¹ Там же, с. 353.

⁵² История крестьянства в Европе, т. I, с. 560.

⁵³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 248.

⁵⁴ История крестьянства в Европе, т. II, с. 513.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, с. 514.

⁵⁸ Там же.

⁵⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 453.

* Вопрос о логической модели феодальной формации, естественно, здесь нами не затрагивается.

⁵⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481.

⁵⁹ Там же, т. 25, ч. II, с. 357—358.

⁶⁰ Там же, с. 353.

⁶¹ Там же, с. 354.

⁶² Там же, т. 46, ч. I, с. 453.

⁶³ Там же, с. 485, 490.

⁶⁴ Там же, с. 478.

⁶⁵ Там же, т. 25, ч. II, с. 353—354.

⁶⁶ Там же, с. 361.

⁶⁷ Там же, т. 46, ч. I, с. 493.

⁶⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 362.

⁶⁹ Там же, т. 21, с. 247; т. 23, с. 730.

⁷⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 357. Реальное использование условий и орудий труда, отношение к ним как своим создают владельческие права не только у крестьянина. К. Маркс проанализировал положение подмастерья-ремесленника, который пользовался фондом потребления мастера и по цеховым законам и обычаю был его совладельцем (там же, т. 46, ч. I, с. 488).

⁷¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 356—357.

⁷² Там же, с. 352.

⁷³ В связи с этим можно привести одно из утверждений К. Маркса, заслуживающее глубокого размышления: «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728—729).

⁷⁴ См. об этом: Поршнева В. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 36. Не вдаваясь в полемику, отметим, что некоторые из указанных категорий обсуждаются в интересной статье С. М. Каштанова «Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте» (В сб.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 155—180 и др.).

* Ее ограниченность в данном случае не расценивается как разделенная собственность, т. е. юридически признанные ограничения, диктуемые отношениями вассалитета-сюзеренитета в рамках феодальной иерархии (это лишь проявления монопольной, сословно-корпоративной собственности на землю при феодализме). В данном случае принимается во внимание лишь аспект отношения феодала с крестьянином.

⁷⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.

⁷⁵ Там же, т. 32, с. 36.

⁷⁶ Там же, т. 46, ч. I, с. 43.

⁷⁷ Там же, с. 101.

⁷⁸ Там же, с. 102.

⁷⁹ Там же, с. 100—101.

⁸⁰ Там же, т. 46, ч. II, с. 373.

⁸¹ Там же, с. 394; см. также т. 25, ч. II, с. 355.

⁸² Там же, т. 26, ч. III, с. 438—439.

⁸³ Там же, т. 13, с. 7.

⁸⁴ Там же, с. 20, прим.

⁸⁵ Там же, т. 23, с. 346, прим.

* Что, впрочем, не лишило ее роли конкретно-исторического феномена, иллюстрирующего особый, застойный вариант раннегосударственных (скорее, раннефеодальных) образований. Эти вопросы подробно изучены в обстоятельной монографии В. Н. Никифорова «Восток и всемирно-исторический процесс» (М., 1975; изд. 2. М., 1977), где автор весьма убедительно показывает сложный путь развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на ранние восточные общества и доказывает закономерность отказа их от концепции так называемого азиатского способа производства.

⁸⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 223.

⁸⁷ Там же, т. 19, с. 402—404, 413, 418, 419; см. также т. 45, с. 422.

⁸⁸ Там же, т. 46, ч. I, с. 454.

⁸⁹ Там же, с. 23.

⁹⁰ Там же, с. 88—89.

⁹¹ Там же, ч. II, с. 263.

⁹² Там же, с. 283—284.

⁹³ Там же, т. 25, ч. II, с. 184; т. 46, ч. I, с. 482, 491, 496, 478; Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I, с. 458, 486, 488, 498, 494, 509, 510.

⁹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771.

⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 554—555. См. также: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 284 и др.

⁹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87. См. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 23, S. 90.

⁹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87—88.

⁹⁸ Там же, т. 20, с. 151. См. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 20, S. 137.

⁹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 175. См. также т. 6, с. 433.

¹⁰⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 353.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, т. 6, с. 433.

¹⁰³ Там же, т. 25, ч. II, с. 354.

¹⁰⁴ История крестьянства в Европе, т. II, с. 514—515. Прим.

¹⁰⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 112.

¹⁰⁶ История крестьянства в Европе, т. II, с. 515. Прим.

¹⁰⁷ Там же. В предшествующий период автор, видимо, придерживался иной точки зрения.

Во всяком случае, считать так позволяет примечание на с. 511, где автор фигурирует в числе ряда историков (например, Л. Макаи, Р. Фоссье, Р. Хилтон), рассматривающих статус сервов «как выражающий суть феодальной зависимости вообще».

¹⁰⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 498. См. также: Магх К. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). 1857—1858. Berlin, Dietz, 1953. S. 406.

¹⁰⁹ Для феодальной службы вассального характера К. Маркс применяет термин «persönlichen Dienstleistung» (личная феодальная служба). См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 491; см. также: Магх К. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). 1857—1858. Moskau, 1939, S. 400.

¹¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 493. См. также: Магх К. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf).... S. 401.

¹¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 517.

¹¹² Там же, т. 20, с. 100; см. также: Магх К. und Engels F. Werke, Bd. 20, S. 92.

¹¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 100—101; см. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 20, S. 92—93.

¹¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 167; см. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 20, S. 152.

¹¹⁵ «После завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение людей» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 353. Прим.); «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земле, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостничество» (там же, т. 46, ч. I, с. 480).

¹¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

¹¹⁷ Там же, т. 20, с. 107; см. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 20, S. 98.

¹¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728; Магх К. und Engels F. Werke, Bd. 23, S. 743.

¹¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728; см. также: Магх К. und Engels F. Werke. Bd. 23, S. 744. Bemerkung; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 493 и др.

¹²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 555.

¹²¹ Там же, т. 3, с. 164.

¹²² Там же, т. 46, ч. I, с. 493.

¹²³ Там же, т. 19, с. 498.

¹²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 142.

¹²⁵ Данилова Л. В. Указ. соч., с. 140.

¹²⁶ См.: Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России.

¹²⁷ Автор эту работу выполнил в соавторстве с М. Б. Булгаковым и И. М. Гарсковой. См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Об экономической структуре поместья и вотчины нач. XVII в. (Опыт количественного анализа).— В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982; и х же. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России I половины XVII в. (Многомерный анализ писцовых книг).— В кн.: Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984; и х же. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источники, компьютер, методы исследования. М., 1986.

¹²⁸ Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права в России. Л., 1980, с. 80.

¹²⁹ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 105.

¹³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 423.

¹³¹ Зимиин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 340—341 и др.

¹³² Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 105.

¹³³ См.: Милов Л. В. О российском типе генезиса капитализма.— Новая и новейшая история 1987, № 2.

СТАТЬИ

Л. Л. РЫБАКОВСКИЙ, Н. В. ТАРАСОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

В настоящее время в миграционные процессы ежегодно вовлекаются миллионы людей. Только за последние 20 лет в СССР общее количество переселений превысило современную численность жителей страны.

Исследования по миграционной тематике были и остаются чрезвычайно актуальными. Они начались еще в 20-е гг. В литературе 20—30-х гг. широко обсуждались наиболее важные для того периода как теоретико-методологические, так и практические вопросы темы¹. Однако, несмотря на большую информационную базу (организованный в тот период текущий учет миграции, данные переселенческих организаций) и широкую тематику проводимых исследований, специальных фундаментальных работ по миграции населения тогда создано не было.

Дальнейшее изучение проблемы возобновилось в конце 50-х гг., а первые серьезные труды появились в начале 60-х гг. За последнюю четверть века советским ученым удалось сделать немало. Были разработаны теоретико-методологические и методические вопросы изучения миграции населения; выявлены основные факторы, определяющие миграционные процессы в СССР и его отдельных регионах в послевоенный период, их социально-экономические и демографические последствия, дана оценка современной ситуации в области межрайонной и сельско-городской миграции и урбанизации процессов с позиций современного и перспективного социально-экономического и демографического развития страны и ее отдельных районов².

Вместе с тем в теории и практике управления миграцией населения до сих пор остается много неясного. Современная ситуация в миграции и ее вероятное развитие в ближайшие десятилетия обуславливается прежде всего тем, что на интенсивность и направления миграционных потоков будут продолжать существенно влиять дальнейшее развертывание научно-технической революции и связанное с ней развитие населения, повышение его подвижности. Этот процесс исторически необратим.

В настоящее время количество мигрантов в 3—3,5 раза превышает число родившихся в стране и в 4,5—5 раз больше естественного прироста населения. В переселениях участвует в 25—30 раз большее число людей, чем в начале XX в.³

Результаты Всесоюзного выборочного социально-демографического обследования 1985 г. показали, что 43% жителей СССР в течение своей жизни хотя бы раз меняли место проживания. При этом каждый шестой осуществил свой по-

Рыбаковский Леонид Леонидович — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института социологии АН СССР.

Тарасова Нина Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии АН СССР.

следний переезд в предшествующие 10 лет (1975—1984), а каждый двадцатый— в последние два года (1983—1984). Если учитывать и повторные миграции, то в этот процесс, по нашим оценкам, ежегодно вовлекается не менее 15 млн. человек. В подавляющем большинстве это лица трудоспособного возраста. По данным выборочного обследования 1985 г. на их долю приходилось 69% всех мигрантов⁴. Если в 1926 г. 76% населения СССР составляли лица, ни разу не менявшие постоянного места жительства, то в настоящее время таких стало в 1,3—1,4 раза меньше: 53% — в 1979 г. и 57% — в 1985 г. Одновременно доля неместных уроженцев увеличилась почти в 2 раза — с 24% в 1926 г. до 47% в 1979 г. и 43% в 1985 г.⁵ О повышении миграционной активности населения СССР свидетельствует и тот факт, что только за девять межпереписных лет (1970—1978) доля лиц, проживающих в месте постоянного жительства менее двух лет, в населении страны увеличилась в среднем на 33%, а в сельской его части — на 50%⁶.

Вследствие инерционности сложившиеся тенденции в направлениях и интенсивности миграционных потоков и в дальнейшем будут сохраняться. Прежде всего, продолжится движение населения в слабо освоенные восточные и северные районы (Сибирь, Дальний Восток, Северный Казахстан) из обжитых густозаселенных областей страны (преимущественно центральноевропейских). В основе этого движения лежит подъем экономики окраинных, либо в прошлом отсталых национальных районов, восточных и северных территорий с их огромными природными ресурсами. На всех этапах социалистического строительства формирование в таких районах новых территориально-производственных комплексов требовало привлечения значительных трудовых ресурсов. Однако в разные периоды заселение осуществлялось разными темпами.

После окончания Великой Отечественной войны в отличие от предвоенных лет приток населения в районы нового освоения сочетался с мощным встречным потоком в старообжитые районы. Причем в отдельные периоды отток из восточного региона превосходил приток. Особенно интенсивным этот процесс был в 50-е и 60-е гг. По оценкам В. И. Переведенцева, в целом за 1939—1958 гг. Сибирь больше потеряла населения в миграционном обмене, чем приобрела⁷. Например, из Западной Сибири в эти годы уехало почти на 800 тыс. человек больше, чем приехало. Отрицательным было и сальдо миграции в Восточной Сибири, хотя ее интенсивность здесь была в 4 раза ниже, чем в Западной Сибири. На Дальнем Востоке в те же годы положительный миграционный прирост населения обеспечивался за счет удвоения миграционного оборота⁸.

Такой характер миграции определялся сложными условиями жизни в районах нового освоения, отставанием здесь отраслей социально-бытовой инфраструктуры от производственного строительства, с одной стороны, и повышением притягательной силы районов первоначального выхода вследствие восстановления и развития их народного хозяйства, лучших социально-бытовых условий — с другой. В результате замедлились темпы освоения восточных районов.

С началом освоения сибирских нефтегазоносных месторождений, формированием новых территориально-производственных комплексов в Восточной Сибири, строительства БАМа и т. д., возобновился интенсивный приток населения в Сибирь и на Дальний Восток. В 70-е гг. среднегодовой отток населения из Западной Сибири снизился в 3 раза, а уже в 1975—1976 гг. сальдо миграции стало положительным, увеличилась доля миграционного прироста в общем увеличении населения Восточной Сибири и Дальнего Востока⁹. Такие изменения явились результатом сглаживания порайонных различий в уровне благосостояния населения. Эта тенденция сохранилась и в 80-е гг.

Интенсивное заселение восточных и северных территорий привело к повышению удельного веса их населения в РСФСР. За 1926—1986 гг. он увеличился в 1,6 раза (с 13,3 до 21,6%), в том числе за 1940—1986 гг. — почти в 1,4 раза. Причем на протяжении всех лет темпы прироста численности населения восточных и северных территорий Российской Федерации были выше, чем в других

районах страны. Более того, разрыв в темпах прироста постепенно увеличивается. Только за 1979—1986 гг. он возрос более чем в 3 раза¹⁰. Это — результат улучшения приживаемости новоселов на востоке и ухудшения демографической ситуации в центральноевропейских областях.

Кроме межрегиональной в СССР постоянна и значительна по масштабам миграция сельского населения в города. Результаты выборочного социально-демографического обследования 1985 г. показали, что среди лиц, проживающих в месте постоянного жительства не с рождения, самый высокий процент (40,4%) составляют те, кто прибыл в город из сельской местности. Их в 1,2 раза больше доли тех, кто прибыл из других городов страны (а таким был каждый третий опрошенный), в 2,3 раза выше доли совершивших свой последний переезд в пределах сельской местности, в 5,8 раза больше доли тех, кто переселился в сельскую местность из городской¹¹.

Индустриализация страны и коллективизация ее сельского хозяйства явились материальной основой возникновения и развития данного процесса. В последующем он обусловливался возрастанием степени обобществления сельскохозяйственного производства, ростом производительности аграрного труда, с одной стороны, и увеличением потребности в рабочей силе городов — с другой. В основе этого движения лежат также различия в уровне и условиях жизни городского и сельского населения.

Начиная с середины 20-х гг. до настоящего времени городское население выросло за счет сельского не менее чем на 82—84 млн. человек¹², что составляет около 45% современной численности городского населения СССР¹³. Если к тому же учесть и роль мигрантов в естественном воспроизводстве городского населения, то этот процент будет значительно выше, по нашим оценкам, — не менее 60—65% современной численности городского населения.

Значение сельско-городской миграции в формировании городского населения постепенно уменьшается, уступая место естественному приросту, тем не менее ее масштабы по-прежнему велики и превосходят естественный прирост населения в городской местности. Если в 1926—1939 гг. сальдо миграции в городскую местность СССР превышало естественный прирост городского населения в 3,5 раза, в 1939—1958 гг. — в 3,1 раза, то в 1959—1969 г. и 1970—1978 гг. этот показатель составил всего 12%¹⁴.

Вместе с тем следует отметить, что постоянный отток сельского населения в города не имеет абсолютного значения для всех территорий страны, так как во многом определяется миграционной активностью коренных национальностей республик, сосредоточенных в сельской местности. Результаты выборочного обследования 1985 г. показали, что в 11 из 15 союзных республик в межпоселенных перемещениях доминировали переезды из сел в города. В Узбекистане и Латвии на первом месте стояли межгородские переселения, а в Киргизии и Таджикистане — межсельские. Наряду с этим во всех среднеазиатских республиках, где подвижность сельского населения очень мала, доля миграции из сел в города, если считать по последнему переезду, была самой низкой среди республик страны — в 1,3—1,6 раза ниже среднесоюзного уровня¹⁵.

Миграция сельского населения в города во многом определила динамику численности сельского населения. Несмотря на то, что показатели его естественного воспроизводства были и остаются выше, чем у городских жителей¹⁶, к 1987 г. по сравнению с 1926 г. оно уменьшилось в 1,3 раза, в то время как количество горожан увеличилось в 7 раз. Одновременно доля городских жителей в общей численности населения СССР увеличилась в 3,4 раза, а сельских сократилась в 2,4 раза¹⁷. Хотя сокращение сельского населения процесс закономерный, в СССР он особенно резко выявился в ходе и после Великой Отечественной войны, нарушившей нормальное течение демографических процессов во всех регионах страны. В середине 50-х гг. выросли масштабы и интенсивность оттока сельчан в города. С 1963 г. эта тенденция приобрела устойчивый характер и усиливалась до середины 70-х гг. В последующие годы миграционный отток из сельской местно-

сти уменьшился в результате осуществления некоторых мер социально-экономического характера. Кроме того, в последние годы несколько увеличился естественный прирост сельского населения¹⁸.

Вместе с тем в разных регионах страны в последние 30—35 лет тенденции в динамике численности сельского населения были различны: в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике оно интенсивно сокращалось, в Средней Азии, Азербайджане росло¹⁹, что явилось результатом повышенной миграционной активности сельского населения и снижения уровня естественного воспроизводства в первом регионе и низкой территориальной подвижности и высоких темпов естественного прироста — во втором.

Третье направление миграционных процессов в СССР — интенсивный и высокорезультативный приток населения в крупные и крупнейшие города, республиканские и областные центры вследствие несоответствия пространственной организации производства условиям жизни населения и несовершенства механизма территориального перераспределения трудовых ресурсов. Такая миграция обусловила сосредоточение населения в больших городах, рост их числа, увеличение средней плотности. Если в 1926 г. в городах с числом жителей 100 и более тысяч проживало 36% всего городского населения страны, то в 1959 г. — 49%, в 1970 г. — 57% и в 1987 г. — более 60%. За 1926—1986 гг. средняя плотность городских поселений выросла в 2,2 раза (с 13,7 до 30,2 тыс. человек). Особенно это касалось крупных городов страны (с числом жителей 500 тыс. и более). Только за 1970—1986 гг. их число увеличилось в 1,7 раза, и среди них с миллионным населением — в 2,5 раза. Одновременно и общая численность населения городов-миллионеров увеличилась в 2,1 раза²⁰. Для сравнения укажем, что за 1959—1970 гг. рост численности населения в городах-миллионерах был намного ниже (в 1,3 раза) и по темпам уступал другим городским поселениям с меньшей плотностью²¹.

Расчеты показывают, что интенсивный рост численности населения, проживающего в крупнейших городах, всецело связан с результатами миграционного движения. Так, за 1983—1986 гг. прирост населения столиц союзных республик и городов-миллионеров, вместе взятых, на 67% определялся миграционным приростом и только на 33% — результатами естественного прироста. Причем за эти годы миграционное сальдо этих 29 городов в среднем в 2 раза превышало естественный прирост в них²². При этом, по данным текущей статистики, в 9 из 24 крупнейших городов коэффициент естественного прироста в 1986 г. был очень низким — менее 5 человек в расчете на каждую тысячу горожан²³.

Процесс концентрации населения в крупных и крупнейших городах не имеет абсолютного значения для всех территорий СССР. Исследования показывают, что в экономически менее развитых районах страны опережающими темпами растет число средних городов, в относительно развитых — возникают города-миллионеры, а в наиболее развитых — увеличивается количество крупных городов²⁴.

Рассмотренные выше три основных направления миграционных процессов формируют миграционную ситуацию в стране и определяют основные тенденции ее развития. В послевоенный период наиболее устойчиво миграционные потоки концентрировались из трудонедостаточных в трудоизбыточные районы. Пример тому — стабильно положительный миграционный прирост населения Средней Азии, формировавшийся главным образом за счет восточных и центрально-европейских территорий, чрезмерный отток сельского населения в города во многих центральных районах, очень высокая концентрация мигрантов в крупных и крупнейших городах.

Во второй половине 70-х — начале 80-х гг. в миграционном движении населения страны наметился ряд позитивных сдвигов. К их числу относится положительное сальдо межрайонной миграции населения Сибири и повышение приживаемости новоселов на ряде территорий нового освоения²⁵. В годы одиннадцатой пятилетки миграционный прирост населения Сибири стал в 3

с лишним раза больше, чем в десятой, а его доля в общем приросте населения региона выросла в 2 раза.

Произошло некоторое уменьшение масштабов и интенсивности оттока мигрантов из села в центральноевропейских районах страны. В течение двух последних пятилеток он стал в среднем в 2 раза меньше, чем в первой половине 70-х гг., а в первой половине 80-х гг. по сравнению со второй половиной 70-х гг. уменьшился в 1,3 раза. В результате только за первые три года одиннадцатой пятилетки в целом по РСФСР миграционные потери сельского населения сократились наполовину, в том числе в Центрально-Черноземном районе — на 60%, в Волго-Вятском районе — на 40% и в Центральном районе — на 25%. Интенсивность миграционного оттока уменьшилась даже в сельской местности таких областей, как Новгородская, Псковская, Калининская, Смоленская, где миграционная ситуация в сельской местности была особенно сложной. Например, в Псковской области потери за счет миграции сократились в 9 раз, а в Калининской области — в 11 раз²⁶. Более того, в отдельные годы одиннадцатой пятилетки в некоторых областях Российской Федерации (Новгородская, Ивановская, Псковская, Владимирская, Калининская, Рязанская, Тульская, Ярославская, Горьковская) впервые за многие годы отток из сельской местности сменился миграционным приростом²⁷.

Во второй половине 70-х гг. наметился и относительно небольшой, но устойчивый отток из трудоизбыточных республик Средней Азии и Закавказья, особенно в восточные и центральные районы, и сократился приток в Среднюю Азию из труднедостаточных центральных областей РСФСР и Сибири. Так, за 1971—1980 гг. число прибывших из РСФСР уменьшилось в Средней Азии более чем на половину, а в Закавказье — почти на 15%. Начиная с 1975 г. Сибирь имеет положительное сальдо миграции в обмене со всеми среднеазиатскими республиками²⁸. Одновременно в пределах Средней Азии и Закавказья наблюдался некоторый рост масштабов сельско-городского миграционного обмена.

Уже в 1976—1980 гг. размеры миграционных потерь в сельской местности Средней Азии в 6 с лишним раз превзошли отток за 1961—1965 гг. По отношению к естественному приросту их процент увеличился в 4,5 раза²⁹. Величина миграционного оборота между городом и селом внутри республик (кроме Таджикской ССР) за годы одиннадцатой пятилетки увеличилась в среднем в 1,3—1,4 раза. Повысилась по сравнению с предшествующим пятилетием интенсивность миграции сельского населения, причем во всех среднеазиатских республиках (кроме Таджикистана) данный показатель в 80-е гг. был самым большим за последние 15 лет.

Развитие внутриреспубликанского миграционного движения в республиках Средней Азии связано главным образом с сельско-городскими перемещениями лиц местных национальностей, с повышением их миграционной активности, свидетельством чему является тот факт, что в 1979 г. доля мигрантов, проживающих в месте постоянного жительства до 5 лет, была среди них существенно выше, чем у русских (33%): у киргизов — 57%, узбеков — 51%, туркмен — 41%³⁰.

Демографическая ситуация в стране в 80-е гг. складывается таким образом, что территории с высокими темпами экономического развития (РСФСР, Украина, Белоруссия) фактически не имеют прироста собственных трудовых ресурсов и в наибольшей степени нуждаются в притоке рабочей силы. В первую очередь это относится к восточным и северным территориям РСФСР, которые слабо заселены и где формируется большая часть Территориально-производственных комплексов общесоюзного значения, а также сельским областям Нечерноземной зоны. Напротив, те районы, где ожидается значительный прирост трудоспособного населения — республики Средней Азии и Закавказья, — имеют избыток рабочей силы, поскольку их экономическое развитие происходит менее интенсивно, чем растет население. Формирование постоянного населения в районах

нового освоения осуществляется в условиях относительно низкой приживаемости новоселов. Учитывая инерционность миграционных процессов, осуществление в перспективе территориального перераспределения населения в соответствии с социально-экономическими интересами страны будет возможно лишь при целенаправленном разрешении основных миграционных проблем.

К их числу относится прежде всего низкая приживаемость новоселов на востоке страны. Сейчас на территории Северо-Востока и Сибири с населением 20—25 млн. человек, несмотря на положительное сальдо миграции, происходит интенсивный миграционный оборот населения, скорость которого в 2—4 раза выше, чем в центральных районах страны. Среди выбывающих половина прожила там до трех лет, из них более половины — менее года. Причем выбывают не только приезжие, но и местные уроженцы³¹. В города Сибири и Дальнего Востока за 1976—1986 гг. прибыло более 16 млн. человек, а осталось там всего несколько миллионов³². Это характерно и для организованных форм перераспределения трудовых ресурсов. За годы одиннадцатой пятилетки по общественному призыву на стройки страны, расположенные в Западной Сибири, Красноярском крае и на Дальнем Востоке, было направлено по комсомольским путевкам более 100 тыс. человек, из которых каждый третий в первый же год оставил работу³³. Не лучше складывается ситуация и в плановых сельскохозяйственных переселениях. Они ежегодно затрагивают около 30 тыс. семей. Результаты обследования Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам показали, что за пять лет на местах вселения остается лишь 20% семей. В результате укомплектованность кадрами колхозов и совхозов Дальнего Востока и Читинской области, куда идет основной поток сельхозпереселенцев, практически не улучшается. Потребность в них сейчас составляет около 50 тыс. человек³⁴. Эти явления особенно болезненны потому, что касаются мало заселенных местностей. К началу 1987 г. плотность населения в Тюменской области (Западно-Сибирский нефтегазоносный комплекс), Красноярском крае (КАТЭК), а также Амурской и Иркутской областях, Якутской и Бурятской АССР (зона БАМа) была в среднем в 8,4 раза ниже, чем в Новосибирской, Кемеровской, Омской областях и Алтайском крае, где процесс формирования населения уже завершён³⁵. Кроме того, заселение этих районов осуществляется за счет центральноевропейских территорий, где уже давно имеет место недостаток трудовых ресурсов. Так, к началу 1987 г. по сравнению с 1970 г. численность населения Центрального Экономического района (без г. Москвы и Московской области) составила 98%, Центрально-Черноземного — 96%, а в Волго-Вятском выросла всего до 100,6%. Совокупно в трех этих районах население за истекшие 17 лет (1970—1986) уменьшилось более чем на 0,5 млн. человек³⁶. Вместе с тем следует отметить, что в восточных и северных районах появились территории, где в 80-х гг. в основном сложилось постоянное население, однако для таких местностей, как Западно-Сибирская низменность, зона БАМа, острота проблемы сохраняется.

Остро стоит вопрос стабилизации сельского населения в центральноевропейских районах РСФСР и в ряде областей Украины и Белоруссии.

Расчеты показывают, что из общего числа мигрантов, покинувших в послевоенные годы сельскую местность этого региона, почти $\frac{2}{3}$ приходится на долю центральноевропейской зоны РСФСР, свыше $\frac{1}{4}$ — на Украину и примерно $\frac{1}{10}$ часть — на Белоруссию³⁷. При этом с начала 50-х гг. величина миграционного оттока сельского населения из центральноевропейских областей РСФСР превышала естественный прирост³⁸. Сейчас в регионе, где проживает около 40 млн. человек, остро стоит проблема стабилизации сельского населения. Для остальных территорий европейской части страны данная проблема пока не так актуальна, но без принятия мер по стабилизации сельского населения тенденции его современного развития приведут к такой же ситуации, что уже сложилась в районах европейского центра России.

В целом в европейской части страны уже многие годы имеет место

депопуляция. Сельское население интенсивно стареет, происходит не только миграционная, но и естественная его убыль. Причем в большинстве районов этот процесс начался еще на рубеже 60-х — 70-х гг. Так, в 1966—1970 гг. отрицательные естественный и миграционный приросты одновременно имели 8 европейских областей РСФСР — Новгородская, Псковская, Смоленская, Ивановская, Костромская, Рязанская, Тульская, Ярославская. В 1976—1980 гг. к ним прибавились еще 15 европейских областей РСФСР³⁹. В настоящее время отток из сел сочетается с отрицательным естественным приростом в 20 из 38 областей Российской Федерации, в 15 из 25 областей Украины, в 4 из 6 областей Белоруссии.

В ряде областей сокращается численность всего населения. Это отмечается на $\frac{1}{3}$ территории европейской зоны РСФСР, где в ряде районов данный показатель ниже уровня 1926 г. В целом за период 1959—1986 гг. численность сельского населения в Центральной России сократилась в общей сложности на 9,9 млн. человек. К 1987 г. по сравнению с 1959 г. в 12-ти из 23 европейских областей республики, где распространены процессы дестабилизации населения, осталось менее 50% сельских жителей⁴⁰. Все эти области — Новгородская, Псковская, Брянская, Калининская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская, Горьковская, Кировская — составляют ядро Центральной России. Вследствие дестабилизации сельского населения и деформирования его структуры здесь существенно сократились местные возможности воспроизводства трудовых ресурсов.

В целях укрепления социально-экономического, политического и социально-культурного статуса этих территорий необходимо как можно скорее создать условия не только в целях сокращения оттока трудовых ресурсов, но и хотя бы частичного возвращения тех мигрантов, которые в прошлом оттуда выехали. Если проблему стабилизации сельского населения не удастся решить в течение ближайших пятилеток, база собственного воспроизводства трудовых ресурсов в сельской местности большинства европейских районов будет полностью подорвана, что отрицательно скажется на социально-экономическом развитии всей страны.

В ближайшие десятилетия возрастет необходимость повышения миграционной активности сельского населения Средней Азии и Закавказья, которое пока слабо участвует не только в межреспубликанских, но и во внутриреспубликанских переселениях. В настоящее время миграционная активность азербайджанцев, армян и киргизов в 2 раза, а узбеков, таджиков, туркмен и грузин — в 3—4 раза меньше, чем, например, этот показатель у русских. По-прежнему мала общая интенсивность выбытия сельского населения Средней Азии и Закавказья: в Киргизии, Азербайджане и Армении — в 1,7—2,2 раза, а в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении и Грузии — в 3,5—4,4 раза ниже среднесоюзного уровня. Активность миграции сельского населения этих республик в города других регионов намного ниже, чем внутри них. В начале 80-х гг. в Грузии внереспубликанская миграция не превышала половины внутриреспубликанской, в Киргизии — одной трети, в Таджикистане — $\frac{1}{5}$, в Узбекистане, Туркмении, Азербайджане, Армении — четвертой части. Складывающееся с конца 70-х гг. отрицательное сальдо межреспубликанской миграции населения в Средней Азии формируется в результате оттока лиц некоренных национальностей⁴¹.

В условиях общего для страны дефицита трудовых ресурсов в настоящее время отмечается их избыток в сельской местности среднеазиатских и закавказских республик. Только в Хорезмской области Узбекистана в 1985 г. насчитывалось 80 тыс. лиц, не занятых в общественном производстве⁴², что составило более 8% численности населения области. В регионе происходит увеличение доли занятых в личном подсобном хозяйстве. За 70-е гг. она увеличилась на 30%, происходит ее повышение и в 80-е гг.⁴³ Причем контингент занятых в ЛПХ охватывает не только многолетних, но и малолетних

и бездетных женщин, а также молодежь, после окончания школы остающуюся в семье.

Крайне незначителен отток жителей из сел. За 1979—1985 гг. он составил в среднем только $\frac{1}{5}$ часть естественного прироста, тогда как в РСФСР отток в 3,5 раза превосходил естественный прирост. Весь миграционный отток из Средней Азии за 1976—1985 гг. не превысил 7% естественного прироста региона. Пока очень мала миграция населения из Средней Азии и Закавказья в РСФСР. Например, в 1983 г. среди 113 тыс. работников КАМАЗа (практически все они являются мигрантами) лиц коренных национальностей этих республик было всего 0,4%, а среди 50 тыс. работников треста «Камэнергострой» — 0,6%. Аналогичная ситуация отмечалась при строительстве завода «Атоммаш» в г. Волгодонске Ростовской области в 1982 г., где, по результатам опроса строителей завода, прибывшие из Средней Азии составляли только 4,4%, в том числе лица коренных национальностей данного региона — лишь 1,2%⁴⁴.

Повышение миграционной активности коренного сельского населения этих регионов актуально и с позиций среднеазиатских городов и формирующихся в регионе ТПК. По имеющимся оценкам, только в двух больших городах Таджикистана — Душанбе и Ленинабаде — не хватало 11—12 тыс. квалифицированных рабочих⁴⁵. Дефицит промышленно-производственного персонала в промышленности Туркмении в последние годы составил 0,8—0,9%⁴⁶. Более того, потребность несельскохозяйственных отраслей в рабочей силе здесь в существенной мере удовлетворяется за счет мигрантов из других республик и в том числе трудонедостаточных. При создании Южно-Таджикского ТПК предполагалось привлечь для работы на его предприятиях незанятое местное население. Однако, оказалось, что к началу 80-х гг. оно составило на предприятиях комплекса лишь пятую часть рабочей силы. Около $\frac{3}{5}$ были выходцами из РСФСР, причем половина из них — из Сибири и Дальнего Востока.

При сравнительно высокой технической оснащенности сельского хозяйства в среднеазиатских республиках трудовые ресурсы в этой отрасли растут. За 1979—1985 гг. годовая численность работников совхозов и колхозов увеличилась в Средней Азии на 17,7%, тогда как по СССР в целом она сократилась на 3,5%. Прирост численности занятых в сельском хозяйстве этих республик в среднем в 6,5 раз превзошел прирост общей площади их сельскохозяйственных угодий и в 1,5 раза — относительный прирост поголовья скота⁴⁷.

В условиях трудоизбыточности сельской местности в экономическом развитии региона преобладают экстенсивные факторы. На фоне высокой энергообеспеченности сельского хозяйства Средней Азии (энергетические мощности в расчете на 100 га посевной площади) энерговооруженность сельскохозяйственного труда (энергетические мощности на одного работника) остается очень низкой. В 1986 г. энергообеспеченность сельского хозяйства в Туркмении, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане была в 1,6—2,5 раза больше, чем, например, в РСФСР, тогда как показатель энерговооруженности труда в этих республиках составлял к уровню РСФСР 33—41%⁴⁸. Снижается в регионе и производительность сельскохозяйственного труда. В 1981—1985 гг. к уровню 1976—1980 гг. в Узбекистане и Туркмении она составила 91—92%, в Киргизии и Таджикистане — 94—96%, тогда как по СССР в целом она выросла до 107%⁴⁹. В 1986 г. производительность труда в сельском хозяйстве, хотя и увеличилась по сравнению с предшествующим пятилетием на 4—6%, но темп этого прироста был — в 2—4 раза ниже среднесоюзного. В годы одиннадцатой пятилетки (1981—1985) прирост национального дохода за счет повышения производительности общественного труда равнялся в Киргизии 47%, в Узбекистане — 23%, а в Таджикистане и Туркмении — 0%. Для сравнения укажем, что в республиках с низким приростом трудовых ресурсов

(РСФСР, Украине, Белоруссии, Прибалтике) с ростом производительности труда в те же годы было связано не менее 90% прироста республиканского национального дохода. В 1986 г. в Узбекистане и Киргизии прирост национального дохода за счет роста производительности общественного труда стал нулевым, а в Таджикистане и Туркмении он вырос до 46 и 60% соответственно⁵⁰.

Развитие миграционной активности коренного населения Средней Азии и Закавказья — необходимое условие наращивания экономической мощи данных республик.

О необходимости более полного использования трудовых ресурсов Средней Азии говорилось на XXVI и XXVII съездах КПСС⁵¹. Повышение миграционной подвижности народов Средней Азии, равно как и решение проблемы рациональной занятости трудовых ресурсов, может быть достигнуто только путем ускоренного социально-экономического развития региона, что позволит сформировать там достаточно большой контингент мобильной, квалифицированной рабочей силы, способной при соответствующем материальном и моральном стимулировании принять участие в социально-экономическом развитии других районов, прежде всего соседних, расположенных в европейской части страны⁵².

Решение основных миграционных проблем требует углубленных исследований территориальной подвижности населения, без чего невозможно сформулировать эффективные предложения по управлению миграцией.

Пока единый эффективный механизм управления миграционным движением не создан. Отсутствует и проблемный подход к его разработке. Поэтому развитие миграционных процессов в стране идет в целом вопреки народнохозяйственным интересам. Причины тому — в рассогласовании общественных и личных интересов, в том, что в механизме управления миграцией по-прежнему доминирует экономический элемент, и размещение производства, как правило, не дополняется опережающим созданием условий жизни. Ключ к решению современных (да и будущих) миграционных проблем — в разработке вопросов миграционного поведения, поскольку в любом случае принятие решения о миграции происходит на индивидуальном уровне, даже если мигрант откликнулся на общественный призыв.

Исследования, выполненные в ИСИ АН СССР по специально разработанным методикам⁵³, позволили сделать некоторые выводы относительно миграции сельского населения ряда областей европейской части страны и республик Средней Азии в города. Результаты опроса рабочих и служащих (все они являются реальными мигрантами), проживающих в общежитиях промышленных предприятий ряда городов европейской части страны (Волгоград, Николаев, Куйбышев, Калинин, Волгодонск) и среднеазиатских республик (Душанбе, Фрунзе, Ашхабад)⁵⁴ показали, что в составе коренных национальностей Средней Азии, как правило, в 2—3 раза больше лиц, которые, если бы у них была возможность выбирать место жительства (при условии предоставления им отдельной квартиры), предпочли бы сельскую местность. В Средней Азии такое желание высказал в среднем каждый пятый мигрант, тогда как в регионах европейской части страны — примерно каждый десятый. 42% сельских мигрантов из числа лиц коренной национальности в Туркмении, 55% — в Таджикистане и 62% — в Киргизии в будущем намерены вернуться в село, причем не менее 33% из них уже в ближайшее время.

Важное место в миграционном поведении населения занимают его оценки городского и сельского образа жизни. Сельское население европейских областей страны и республик Средней Азии во многом одинаково определяет положительные и отрицательные стороны городской и сельской жизни. В частности, и те, и другие среди позитивных сторон сельского образа жизни основное место отвели природному фактору (чистый воздух, близость к природе и т. п.), возможности жить рядом с родителями, братьями и сестрами, а также иметь собственный дом, приусадебный участок и подсобное хозяйство. Но выходцы из европейских

областей чаще указывали на благоприятный социальный микроклимат в деревне (простые и открытые отношения между людьми), тогда как респонденты из Средней Азии — на возможность постоянно пользоваться родным языком и соблюдать национальные обычаи. К недостаткам те и другие относят плохое снабжение и транспорт, удаленность от города, слабую материальную базу культуры. Сельские жители европейских областей значительно чаще отмечали в качестве недостатка малочисленность молодежи на селе, подчас отводя данному фактору одно из первых мест в перечне негативных сторон сельской жизни. Коренное население Средней Азии немалое значение придавало внешнему облику сельских населенных пунктов.

В городских условиях, по мнению всех респондентов, привлекательными являются хорошие условия для культурного отдыха (что особенно важно для жителей европейских областей), для приобретения хорошей профессии, расширения кругозора. Наряду с этим европейцы в 1,5—2 раза чаще жителей Средней Азии указывают в числе преимуществ городской жизни многочисленность молодежи и в 1,5—2 раза реже — внешний облик городов и хорошую работу транспорта. Сельчане европейских областей важным преимуществом жизни в городе считают широкий выбор места работы, возможность жить без вмешательства родителей и родственников. Для выходцев из сел Средней Азии привлекательны благоприятные условия освоения русского языка.

К основным недостаткам городского быта все опрошенные отнесли жилищные трудности. На сложность строительства собственного дома жители Средней Азии указывали в 2 и более раза чаще. Тех и других респондентов не устраивают большие очереди в магазинах, коренных жителей Средней Азии в 1,5—2 раза чаще — отсутствие рядом родителей, братьев и сестер.

В качестве главной трудности, с которой сталкиваются сельские жители, переехав жить и работать в город, отмечалась необходимость снимать жилье, жить в общежитии, долго ждать получения своей площади. На это указали 70% опрошенных в европейских областях и 35—47% — в республиках Средней Азии. Для коренного населения Средней Азии к этому прибавляется проблема приобретения хорошей профессии, а также недостаточное знание русского языка. В Таджикистане и Киргизии сложность получения хорошей профессии в городе отметили в среднем 16—20% коренных сельских жителей: незнание русского языка — от 14 до 23% бывших сельчан, а в Туркмении — даже 45%. По данным опроса, более 73% коренного сельского населения этих республик указывало, что важно хорошо владеть русским языком при переезде из села в город в пределах своей же республики, более 85% — при переезде на работу и жительство в город соседней союзной республики и свыше 92% — при переезде в город, находящийся в РСФСР.

Помимо перечисленных выше затрудняет адаптацию молодежи коренной национальности Средней Азии в городской местности меньшая самостоятельность в принятии жизненно важных решений, особенно в выборе места жительства, учебного заведения, профессии, места работы. Результаты опроса свидетельствуют, что на мнение родителей в выборе места жительства ориентируются 64—65% таджиков и киргизов и 88% туркмен (среди сельской молодежи европейских областей — от 43 до 54%); в выборе места работы, профессии, учебного заведения — соответственно 55—65% и 84—88% (в европейских областях — от 33 до 49%). Заметим, что сельская молодежь Средней Азии, даже живя в городе, во многих случаях ориентируется на сельский образ жизни.

Таким образом, опыт социологического изучения сельско-городской миграции в центральноевропейской части страны и в республиках Средней Азии наглядно показывает необходимость разработки дифференцированной системы мер миграционной политики с учетом места и роли социально-экономических, демографических и социально-психологических факторов в формировании миграционного поведения на различных территориях.

В настоящее время общие концепции решения основных миграционных проб-

лем не одинаково научно проработаны. В Средней Азии и районах Кавказа решение проблемы активизации межреспубликанской миграции коренного населения должно идти постепенно и параллельно с увеличением занятости его в общественном производстве внутри республик. Необходимы меры, направленные на изменение социальных потребностей и социальных мотивов миграционного поведения, что во многом связано с наращиванием индустриального потенциала этих территорий и с социальным развитием населения. В Средней Азии необходимо существенно улучшать систему профессионально-технического образования особенно сельской молодежи, поднять уровень преподавания русского языка (как языка межнационального общения) в общеобразовательных школах.

Недостаточно проработана и концепция стабилизации сельского населения значительной части центральных районов страны, главным образом Европейской России, где речь идет о сбалансированном обмене между городской и сельской местностями и между различными районами.

Осуществление миграционной политики в центральноевропейских районах страны должно базироваться на последовательном проведении комплекса мер по социально-экономическому развитию этих территорий, прежде всего их сельской местности, развитию транспортно-дорожной и социально-бытовой инфраструктуры.

Следует сказать, что после принятия постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР в 1974 и 1981 гг.⁵⁵ о мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства и социальному преобразованию сельской местности как Нечерноземной зоны, так и ряда других центральных районов, в районах Нечерноземной зоны в 1975—1984 гг. было построено жилой площади в 4,5 раза больше, чем в предшествующее десятилетие⁵⁶. Новым постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятым в 1985 г., намечено также дальнейшее преобразование Нечерноземной зоны. Лишь в двенадцатой пятилетке предусматривается строительство более 45 тыс. км новых автодорог⁵⁷. Помимо этого в ходе реализации решений XXVII съезда КПСС здесь намечено в широких масштабах строительство жилья, объектов сферы обслуживания, дальнейшее улучшение условий труда и быта сельского населения⁵⁸. Как было отмечено на XIX Всесоюзной конференции КПСС, эти, как никогда, крупные меры по улучшению социальной сферы села позволят уже в ближайшее время почувствовать реальное изменение условий жизни сельских тружеников⁵⁹.

Меры экономического характера должны сочетаться с социальными мерами, направленными на изменение стереотипа миграционного поведения, повышения в сознании населения значимости сельского образа жизни, престижности сельскохозяйственного труда. О необходимости такой работы говорят результаты социологического опроса выпускников сельских общеобразовательных школ Калининской и Волгоградской областей, согласно которым, всего 65—67% школьников в целом отдадут предпочтение сельскому образу жизни; только 28—38%, имея возможность выбрать место жительства, предпочли бы село; лишь 26—30% выбрали учебные заведения сельскохозяйственного профиля и 32—43% из них думают работать в сельском хозяйстве (колхозе или совхозе). Поведенческий стереотип предпочтения для сельской молодежи городской жизни достаточно устойчив и охватывает значительную часть жителей деревни. Всего 18—26% десятиклассников указали, что хорошо знают городскую жизнь, но переехать в городскую местность собираются 66—70%. Большинству школьников безразлично, в какой именно город переселяться, так как только 30% из них указали, что хорошо знакомы с тем городом, куда собираются переехать. Переезд молодежи в город одобряется и подавляющим большинством родителей: 72—78% отцов и 83—84% матерей полностью согласны с таким выбором своих детей.

В отличие от проблем стабилизации сельского населения в центральноевропейских районах и повышения миграционной активности коренных жителей

среднеазиатского региона для проблемы повышения приживаемости новоселов общая концепция миграционной политики разработана достаточно полно⁶⁰. В районах интенсивного хозяйственного освоения, особенно на территориях формирования новых территориально-производственных комплексов, основу миграционной политики должны составить прежде всего экономические меры, предусматривающие создание материальных условий, адекватных потребностям переселяющегося населения.

Различные льготы прибывающему населению важно обеспечивать не постепенно, а сразу — в момент вселения, поскольку преобладающая часть оттока мигрантов происходит в первые два-три года.

Наряду с общерегиональными мероприятиями нужны избирательные меры, учитывающие специфику отдельных зон формирования территориально-производственных комплексов.

Необходимо, чтобы меры по повышению приживаемости новоселов на новостройках страны были в полной мере реализованы, поскольку социальная инфраструктура здесь многие годы формировалась не только по «остаточному принципу», но и без учета притока молодежи, возрастающего числа молодых семей, высокой рождаемости, вследствие чего ощущается острая нехватка жилья, школ, детских садов и яслей, объектов культурно-бытового назначения. Яркий пример тому — БАМ, где спустя 13 лет после начала строительства $\frac{2}{3}$ бойцов первого Всесоюзного отряда продолжали жить в так называемых временках, а более 60 тыс членов семей бамовцев не имели постоянного жилья⁶¹.

В настоящее время необходимо совершенствование применяемой системы льгот, часть из которых в известной мере устарела.

Состав льгот должен меняться в зависимости от экономического подъема территории, где они введены, и совершенствования образа жизни советского человека. Так, в настоящее время крайне низка эффективность предоставления ссуды на жилищное строительство или кредитов на покупку скота. Необходимы новые решения. Одним из них было, например, введение льгот на приобретение автомашины на БАМе. В целом целесообразно, на наш взгляд, прежде всего реализовывать льготы в установленный срок.

Повышение эффективности и результативности миграционных процессов в рамках любой миграционной проблемы требует правдивой информации об условиях жизнедеятельности в районе предполагаемого вселения. Знание реальной ситуации еще на стадии принятия решения о переезде позволило бы снять лишние миграционные потоки, повысить приживаемость новоселов. Причем речь идет не только об общей информации, относящейся к условиям жизни и труда на новом месте, но, прежде всего, о гарантиях своевременного предоставления установленных договором льгот, особенно жилья. В практике организации плановых переселений в сельские районы гарантия обеспечения жильем часто не идет дальше обещаний. Исключение, пожалуй, составляет Хабаровский край, где в основном все переселенцы на практике сразу же получают новую жилплощадь, тогда как для других регионов характерно хроническое невыполнение плана переселенческого строительства. Например, в Амурской области в 1985 г. новые дома были предоставлены лишь 27% приехавших семей, в 1987 г. — только 22%. В Приморском крае и Читинской области в 1987 г. эти показатели соответствовали 39 и 67%⁶². К тому же руководство районов освоения завышает заявки на сельхозпереселения. Низкая приживаемость новоселов, таким образом, предопределяется самой практикой организации переселений.

Совершенствование управления миграционным движением населения требует разработки новой стратегии в реализации плановых форм переселений. Это касается не только совершенствования современной системы применяемых льгот и соблюдения гарантий их предоставления, но и обоснованного подбора районов выхода переселенцев, так как во многих традиционных районах, расположенных в центральной части страны, переселенческие контингенты давно иссякли.

Примечания

- ¹ Библиографию см.: Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
- ² Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966; его же. Методы изучения миграции населения. М., 1975; Миграция сельского населения. М., 1970; Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах. М., 1972; Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974; Онкиенко В. В., Поповкин В. А. Комплексное исследование миграционных процессов. М., 1973; Матли И. С. Моделирование размещения населения. М., 1975; Топилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975; Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе. — Социологические исследования, 1978, № 1; Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978; Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978; Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ. М., 1980; Проблемы воспроизводства и миграции населения. М., 1981; Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1982.
- Методика социологического изучения демографического поведения. Вып. 1. Миграционное поведение. М., 1985; Моисеенко В. М. Территориальное движение населения. М., 1985; Современные проблемы миграции. М., 1985; Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986; Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Проблемы социальной демографии. М., 1987.
- ³ Ср.: Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905, с. 4.
- ⁴ Вестник статистики, 1986, № 6, с. 55.
- ⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 51. М., 1931, с. 132.
- ⁶ Население СССР. Справочник. М., 1987, с. 53.
- ⁷ Переведенцев В. И. Современная миграция населения Сибири. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 8.
- ⁸ Касимовский Е. Трудовые ресурсы СССР в девятой пятилетке. — В сб.: Население и трудовые ресурсы. М., 1973, с. 13; Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 27.
- ⁹ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 27.
- ¹⁰ Рассчитано по: Население СССР. 1973 г. М., 1975, с. 14—18; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. сб. М., 1987, с. 377.
- ¹¹ Вестник статистики, 1986, № 8, с. 80.
- ¹² Рыбаковский Л. Л. Указ. соч., с. 54.
- ¹³ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 373.
- ¹⁴ Рассчитано по: Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982, с. 36; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 373.
- ¹⁵ См.: Вестник статистики, 1986, № 8, с. 80.
- ¹⁶ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 405.
- ¹⁷ Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1983. С. 427; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 373.
- ¹⁸ Вестник статистики, 1987, № 5, с. 69.
- ¹⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 375.
- ²⁰ Народное хозяйство СССР в 1972 году. Стат. ежегодник. М., 1973, с. 32; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 376.
- ²¹ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985, с. 497.
- ²² Рассчитано по: Вестник статистики, 1983, № 11, с. 56—57; 1984, № 11, с. 64; 1985, № 11, с. 67; 1986, № 11, с. 65; 1987, № 12, с. 63, 64.
- ²³ Вестник статистики, 1987, № 12, с. 64.
- ²⁴ Размещение населения в СССР. М., 1986, с. 13.
- ²⁵ Рыбаковский Л. Л. Указ. соч., с. 58.
- ²⁶ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 68, 70.
- ²⁷ Там же, с. 70.
- ²⁸ Там же, с. 80—81.
- ²⁹ Там же, с. 84.
- ³⁰ Население СССР. Справочник. М., 1983, с. 52.
- ³¹ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 36.
- ³² Семья, 1988, 16 марта, с. 10.
- ³³ Комсомольская правда, 1978, 16 и 18 апреля.
- ³⁴ Семья, 1988, 16 марта.
- ³⁵ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 389—391.
- ³⁶ Там же, с. 377, 391.
- ³⁷ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 52.
- ³⁸ Там же, с. 52.
- ³⁹ Региональные проблемы социально-демографического развития, с. 26—27.
- ⁴⁰ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 389—391.
- ⁴¹ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Указ. соч., с. 76, 79, 81, 82, 87.

- ⁴² Сельская жизнь, 1988, 18 февраля.
- ⁴³ Морозова Г. Ф. Формирование миграционного поведения населения в республиках Средней Азии.— В сб.: Проблемы социальной демографии. М., 1987, с. 26.
- ⁴⁴ Сергеев Г. Г. Формирование коллектива строителей «Атоммаша» в промышленном регионе.— В сб.: Региональные проблемы социально-демографического развития, с. 100, 102.
- ⁴⁵ Коситов О. К. Социально-экономические проблемы повышения мобильности молодежи в Таджикистане. Душанбе, 1984, с. 9.
- ⁴⁶ Морозова Г. Ф. Указ. соч., с. 27.
- ⁴⁷ Народное хозяйство СССР в 1978 году. Стат. ежегодник. М., 1979, с. 203, 246, 247, 266, 279; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 223, 254—256, 283, 290.
- ⁴⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 94.
- ⁴⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 312.
- ⁵⁰ Там же, с. 124.
- ⁵¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 54; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988, с. 248, 317.
- ⁵² См.: Мирзоев Р., Хоналиев Н. Вопросы использования трудовых ресурсов в Таджикистане.— Вестник статистики, 1982, № 5, с. 23—28.
- ⁵³ Рыбаковский Л. Л., Шапиро В. Д. Методика социологического изучения демографического поведения. Вып. 1. Миграционное поведение. М., 1985.
- ⁵⁴ Исследования проведены сотрудниками и аспирантами отдела демографии ИСИ АН СССР: Макаровой Л. В., Королевой Г. Г., Оберемок-Якубовой Е. Б., Кожевниковой Н. И., Морозовой Г. Ф., Евтеевой Н. В., Сигаревой Е. П., Кешикбаевой Г. А., Тарасовой Н. В. и др.
- ⁵⁵ Коммунист, 1985, № 9, с. 34.
- ⁵⁶ Там же, с. 36.
- ⁵⁷ Там же, с. 39.
- ⁵⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 318.
- ⁵⁹ Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года.— Правда, 1988, 29 июня.
- ⁶⁰ Рыбаковский Л. Л. Указ. соч.
- ⁶¹ Комсомольская правда, 1987, 16 апреля.
- ⁶² Семья, 1988, 16 марта.

М. П. ТОМСКИЙ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Мы рады приветствовать тот факт, что в последнее время появился ряд статей и заметок об одном из ярких представителей старой партийной гвардии, члене ленинского Политбюро Михаиле Павловиче Томском¹. 50 лет о жизни и деятельности этого человека, признанного лидера советских профсоюзов в 20-е гг., почти ничего не говорилось в нашей печати, а если и упоминалось, то лишь с отрицательным знаком. Между тем объективное и тщательное изучение источников не позволяет дать однозначную оценку его политических взглядов, роли в развитии профессионального движения в СССР.

В настоящей статье использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы, в том числе документы ЦГАОР СССР, которые восполняют многие пробелы в биографии этого видного деятеля Советского государства и помогают уточнить встречающиеся в литературе отдельные разноречивые факты и даты. Не претендуя на всестороннее исследование, автор ставит своей целью познакомить читателей с основными вехами политической биографии М. П. Томского и дать дополнительный материал к ее изучению.

БОЕВОЕ „КРЕЩЕНИЕ“

Михаил Павлович Томский (настоящая фамилия — Ефремов) родился 19 октября 1880 г. в Петербурге в семье рабочего. Отца своего он не знал, так как родился после развода родителей. После смерти деда, работавшего у Шереметевых, вся семья (у него был еще старший брат и сестра) осталась на руках у матери, которая была швейей. Пятилетним мальчиком он вместе с сестрой год пробыл в частном пансионе, куда их взяли из милости, а в девять лет благодаря блестящим способностям поступил в трехклассное начальное училище, где обучался за казенный счет.

Двенадцатилетним подростком М. Ефремов начал трудовую жизнь и в течение трех лет работал на разных предприятиях Петербурга, в том числе и на фабрике металлических изделий „Русь“ Смирнова, откуда был уволен вместе с другими рабочими за участие в организации стачки. Около четырех лет Ефремов работал учеником известного в то время в Петербурге хромолитографа В. Несслера, владельца фабрики картин для волшебного фонаря и художественно-литографического ателье. В 1901 г. Ефремов получил звание мастера литографии по камню.

В эти годы он начинает читать социалистическую литературу, в 1904 г. вступает в социал-демократический кружок, где знакомится с большевиком И. А. Теодоровичем. Как только стало известно о принадлежности Ефремова к социал-демократии, он был уволен с жестяной фабрики Хаймовича и занесен в списки неблагонадежных.

С осени 1905 г. в Ревеле (ныне Таллинн), куда Ефремов переехал с семьей в поисках работы, начинается его активная революционная деятельность. Здесь, на фабрике жестяных изделий „Звезда“, он быстро завоевал доверие эстонских рабочих и был избран в Совет старост городских фабрик и заводов. В революционных событиях в Ревеле Ефремов ведет себя как сознательный

Шаповалова Лариса Дмитриевна — старший научный сотрудник ЦГАОР СССР.

большевик, хотя Ревельский комитет партии в то время состоял главным образом из меньшевиков. При энергичном участии Ефремова организуется Ревельский Совет рабочих депутатов, проводится забастовка протеста против расстрела рабочих 19 октября 1905 г. К тому же времени относится зарождение профессиональных союзов в России. Ефремов вместе с Н. М. Янсоном стал организатором Ревельского союза металлистов.

В январе 1906 г. как член Ревельского Совета рабочих депутатов Ефремов был арестован. После 4-месячного заключения он вместе с группой товарищей был сослан этапным порядком в Нарымский край на поселение. По пути в Сибирь Ефремов пробыл некоторое время в Москве в Бутырской тюрьме. Здесь он принимал участие в дискуссиях политзаключенных, знакомясь со взглядами представителей различных партий. В спорах о перспективах революции Ефремов отстаивал точку зрения большевиков.

Пробыв около двух месяцев в Нарымском крае, он бежал. По месту получения первой партийной явки в г. Томске Михаил Павлович взял себе партийный псевдоним — Томский. В августе 1906 г. под фамилией Артамонов он снова устраивается на жестяную фабрику Хаймовича в Петербурге; одновременно ведет партийную работу в различных районах города.

Рабочий, прошедший школу революционной борьбы в Ревеле, закаленный ссылкой в Нарымском крае, Томский уже тогда выделялся в партийных кругах Петербурга. В январе 1907 г. на общегородской партийной конференции он вместе с Г. Е. Зиновьевым и Е. М. Ярославским избирается в Петербургский комитет партии, а затем в члены расширенной редакции органа ЦК РСДРП „Пролетарий“ и в редакционную комиссию газеты „Вперед“. М. П. Томский принимает самое непосредственное участие в профессиональном движении: организует союз граверов и хромолитографов, входит в правление союза печатников. Во многих профессиональных союзах тогда были сильные позиции меньшевиков. Для борьбы за влияние в рабочей среде большевики в 1906 г. организовали выпуск нелегального приложения к партийному органу „Пролетарий“, специально посвященного вопросам профдвижения. Редактировали его Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, М. П. Томский, а также будущий лидер отзовистов А. А. Богданов².

Весной 1907 г. Томский был избран делегатом V (Лондонского) съезда партии (май 1907 г.). Вместе с ним Петербургскую организацию представляли Г. Е. Зиновьев, Е. М. Ярославский, И. А. Теодорович, Л. Б. Каменев и др. Выступая на съезде, он подверг резкой критике меньшевистскую идею созыва всероссийского «рабочего съезда» и предложения П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова передать политическое руководство рабочим классом «беспартийной рабочей партии». Назвав этот замысел меньшевиков «интеллигентской причудой», Томский указал, что он лишь приведет к возбуждению вражды между рабочими и интеллигенцией³.

В октябре 1907 г. вместе с кандидатом в депутаты III Государственной думы Н. Г. Полетаевым Томский едет к В. И. Ленину в Куоккала. Там обсуждался вопрос об использовании думской трибуны для социал-демократической агитации. Тогда же Томский принимает участие в общегородской конференции социал-демократической партии в Териоках, а затем — во Всероссийской конференции в Гельсингфорсе.

После возвращения 10 ноября 1907 г. Томский вместе с Землячкой, Венгеровым, Замятинным и др. был арестован на заседании Петербургского комитета партии. До мая 1908 г. он находился в «Крестах», а затем был приговорен к году крепости за принадлежность к РСДРП. За несколько месяцев до окончания срока при содействии члена Думы Полетаева он был освобожден и, как свидетельствуют его товарищи по партии, в тот же день к большому изумлению присутствовавших явился на заседание партийного комитета.

В годы столыпинской реакции Томский находился в числе тех, кто не растерялся, не отошел от практической деятельности, а, наоборот, призывал к ней.

В ноябре 1908 г. было опубликовано его «Письмо рабочего в редакцию „Пролетария“», где давалась принципиальная оценка положения, отмечалось повальное бегство интеллигенции из партии, объявлялась решительная война «изобретению» лозунгов, указывалось на практические задачи по социалистическому воспитанию рабочих⁴. Вот что писал Томский: «...В политической жизни страны наступил „штиль“ — пролетарская партия разгромлена, и, не имея политического щита, экономические организации частью прекратили свое существование, частью „влачат“ ... В партии остро ощущается недостаток работников. И в такое время люди жалуется на то, что нет лозунгов, изобретают их и не знают, что делать. Предстоит колоссальная работа, требующая терпения и энергии. Предстоит исправить невольные погрешности тех лет и взяться, наконец, за создание руководителей партии из самих рабочих, этого наиболее прочного фундамента партии, и задача серьезных партийных работников — немедленно, не хныча над упадком настроения, взяться за осуществление этой великой задачи... Не только перед практиками, но и перед теоретиками в этом направлении стоит большая работа. Своими специальными знаниями они обязаны облегчить нам работу и немного пожертвовать „злословными“ ... вопросами для пользы партии, для укрепления корней ее в рабочих массах»⁵. В. И. Ленин в целом одобрил мысли Томского об очистке движения от случайных элементов, о борьбе с «изобретениями» лозунгов, о необходимости углубления социалистической пропаганды, воспитания из самих рабочих социал-демократических руководителей и т. д. Основные положения письма Томского, отвечающего на «злосу дня нашей партии», Ленин рекомендовал автору другого письма, выражавшего взгляды отзовистов⁶. Примечательно, что на XVI съезде ВКП(б) (1930 г.) это письмо будет поставлено Томскому в упрек как образец умаления значения политической борьбы в угоду экономической и свидетельством нападок на Большевицкий центр.

Но Михаилу Павловичу не суждено было сразу же приступить к осуществлению поставленной в письме задачи и услышать мнение В. И. Ленина, поскольку в ноябре 1908 г. по доносу провокатора он был в третий раз арестован и пробыл в одиночном заключении более пяти месяцев — до апреля 1909 г.

В МОСКОВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

После освобождения М. П. Томский едет в Париж на совещание расширенной редакции «Пролетария» (июнь 1909 г.). На этом совещании рассматривались вопросы об отношении большевиков к отзовизму, ультиматизму, богостроительству, о школе пропагандистов М. Горького на о. Капри и др. Будучи практиком, Томский выступал против «всякой философии в партийной прессе»⁷. Поэтому, не приемля политическую позицию представителей названных течений, он вместе с А. И. Рыковым воздерживался при голосовании нескольких резолюций, где одновременно с политической линией отзовистов, ультиматистов и других групп осуждались и их философские взгляды. Позиция Томского и Рыкова на совещании впоследствии дала возможность для устойчивого обвинения их в «примиренческом отношении» к указанным течениям, хотя все основные резолюции совещания были ими поддержаны. Томский даже сам внес проект резолюции о создании Большевицкого центра в России, одобренный В. И. Лениным.

После этого совещания Центральный Комитет партии направляет М. П. Томского в Москву для восстановления и укрепления работы партийной организации Центральной промышленной области. Бывший секретарь нелегального Московского комитета партии Ю. П. Фигатнер рассказывал на VI съезде профсоюзов СССР, что к моменту приезда Томского партийная организация была по существу разгромлена. В короткий срок Михаилу Павловичу удалось восстановить организацию, а в октябре 1909 г. областное бюро располагало уже своей типографией, в которой было отпечатано 7 тыс. экз. прокламаций⁸. Одно-

временно М. П. Томский избирается членом Исполкома Московского комитета, входит в состав Центрального областного бюро и окружного комитета, принимает участие в возобновлении выхода областного органа партии — газеты «Рабочее знамя»⁹. В передовой статье, написанной Томским, говорилось, что редакция газеты стоит на позиции ортодоксального революционного марксизма и будет вести борьбу со всеми уклонами от этой линии.

В материалах Московского охранного отделения имеются подробные сведения о работе Московской организации РСДРП в 1909 г. «Необходимо отметить, — говорилось, например, в донесении московской охраны Департаменту полиции 7 сентября 1909 г., — что в последнее время московская организация РСДРП стала в некотором отношении „в оппозицию“ по отношению к Центральному Комитету партии, особенно же по вопросу о школе пропагандистов Горького. Ввиду этого Центральный Комитет стал усиленно направлять в Москву работников из Петербурга и других городов, дабы таким путем привести московскую организацию в подчинение Центральному Комитету. Из числа таких работников можно указать ... Михаила Томского, прибывшего из Петербурга (по наблюдению в Москве „Пегий“). ... Кроме того, ту же задачу ... должен был выполнять также и ... Алексей Иванов Рыков, уполномоченный Центрального Комитета»¹⁰. В письме Томскому из Парижа Ленин критиковал отзовистскую школу на о. Капри и фракционность Троцкого, давал советы в отношении каприйских учеников¹¹. В результате Московский комитет на заседании 13 сентября принял решение, запрещавшее каприйским ученикам выступать от имени Московской партийной организации¹².

Работа профессионального революционера проходила в обстановке постоянного полицейского надзора. Будучи хорошим конспиратором, Томский, как правило, у себя ничего не хранил; фактического материала, кроме агентурных сведений, на него не было. Ему часто удавалось уходить от преследования. В октябре — декабре 1909 г. он много разъезжает: в Петербург — для установления связей с депутатами Думы, на Урал — «для постановки партийной работы в уральских организациях и для борьбы с отзовистским течением», в Одессу — для организации Южного областного бюро партии¹³. Как показывают документы, в своей практической деятельности в этот период М. П. Томский последовательно проводил точку зрения большевиков. 28 октября 1909 г. в связи с провалом в Москве тайной типографии он привлекается судебным следователем по особо важным делам Р. Р. Вольтановским к следствию в качестве обвиняемого и подлежит немедленному аресту. Однако охране удалось его выследить и арестовать лишь 13 декабря в Петербурге, куда он прибыл из Одессы. Это был четвертый и последний арест Томского¹⁴. Заграничная агентура в Париже сообщала в Департамент полиции, что в России «арестован выдающийся социал-демократ Михаил Томский, носящий организационную кличку „Шур“; рабочий по профессии, Томский весьма образован и развит; в июне с. г. был представителем на конференции Большевицкого центра в Париже, являясь представителем петербургских рабочих»¹⁵. М. П. Томского перевезли в Москву, где он находился под следствием по делу «33-х» около двух лет — до ноября 1911 г. Вместе с ним были привлечены также Н. И. Бухарин, Ю. П. Фигатнер, М. В. Рыкунов, Н. С. Петрова и другие члены Московской организации (Бухарину удалось уехать за границу). Это был последний крупный процесс по делу социал-демократов после революции 1905—1907 гг. «Нам дали 14 каторг, 13 поселений, 3 крепости. Ни одного не оправдали...», — вспоминал Фигатнер¹⁶. Центральной фигурой на суде являлся Томский, которому прокурор посвятил основную часть своей обвинительной речи. После двухлетнего следствия Томский был приговорен еще к 5 годам каторги, которую отбывал в Бутырской каторжной тюрьме.

Бодрость духа и выдержка не изменили ему и здесь. Он был неизменно бодр, часто острил и смеялся. Фигатнер вспоминал: «Нужно было иметь колоссальнейшую волю, чтобы выдержать этот тяжелый каторжный режим, чтобы можно

было бы во имя великих идей перенести эту тяжесть и выйти затем на волю для продолжения работы. В этом отношении колоссальная заслуга принадлежит Томскому, умевшему каждого из нас в минуты уныния, упадка настроения, хандры ободрить несколькими словами, которые приподнимали настроение и веру среди нас»¹⁷.

В апреле 1916 г. он был сослан по этапу на вечное поселение в Иркутскую губернию, в Киренский уезд на р. Лене. Там он работал статистиком труда по сельскохозяйственной переписи, а затем вместе с Венгеровым и Боровским занимался фотографическим делом, был одним из руководителей в колонии ссыльных.

МЕЖ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Февральская революция застала Томского в Киренске, где он принимал участие в смещении старой администрации, в захвате телеграфа, арестах и разоружении полиции и жандармов, митингах и собраниях и т. п. В конце марта 1917 г., до вскрытия р. Лены, не дожидаясь выезда всей ссылки, Томский добирается на лошадях до Иркутска (больше тысячи верст), а оттуда едет в Москву. В апреле он переезжает в Петроград.

После беседы с В. И. Лениным М. П. Томский начинает работать по нарядам секретаря Петроградского комитета партии В. В. Шмидта в Пороховском районе, затем избирается в Исполком Петроградского комитета РСДРП (б). В июне 1917 г. Петроградский комитет делегировал его на III Всероссийскую конференцию профсоюзов. В июле 1917 г. Томский тяжело заболел и переехал в Москву. Врачи запретили ему всякую общественную деятельность. Сказывались годы изнурительной каторги и ссылки. Томский перешел в муниципальный отдел Московского совета рабочих депутатов, а с октября начал работать в Московском союзе металлистов редактором журнала «Московский металлист». В этом журнале было напечатано много его статей об Учредительном собрании, о роли профсоюзов в политической борьбе, о нормах производительности труда и т. д.

Нарастающие революционные события в Москве вовлекают Томского в гущу событий. 20 октября 1917 г. он делегируется Московским союзом металлистов в городской совет профессиональных союзов. 26 октября по его предложению МСПС поддержал обращение ВРК о начале всеобщей забастовки¹⁸. Тогда же по заданию Московской партийной организации Томский выезжает в Петроград. 29 октября 1917 г. он встретился с В. И. Лениным, который поручил ему договориться с И. В. Сталиным о помощи революционным рабочим и солдатам Москвы¹⁹.

К сожалению, об этом периоде жизни Томского документов очень мало, но, как показывают события, в вопросе о взятии власти он занимал однозначную позицию, колебаний накануне Октября у него не было.

ВО ГЛАВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

4 декабря 1917 г. М. П. Томский был избран председателем Исполкома Московского совета профессиональных союзов. В Исполком входили также А. А. Андреев, Б. Г. Козелев, Г. Н. Мельничанский, Я. Э. Рудзук. Одновременно Томский являлся ответственным редактором журнала ВЦСПС «Профессиональный вестник». Он часто публикуется. Его статьи, рассчитанные на широкие рабочие массы, были посвящены как текущим политическим событиям и роли в них профсоюзов, так и конкретным вопросам профессионального движения. Он выступает как популяризатор важнейших декретов Советской власти: о рабочем контроле, о страховании от безработицы и т. д.

В обстановке напряженной идейной борьбы между большевиками и меньшевиками в январе 1918 г. собрался I Всероссийский съезд профсоюзов, который должен был определить отношение союзов к партии и Советскому государству.

С основным докладом, о роли профессиональных союзов выступил член Центрального Комитета партии Г. Е. Зиновьев. М. П. Томский произнес заключительное слово по вопросу о задачах союзов и внес резолюцию о задачах профессионального движения, принятую съездом. Основная идея его выступления заключалась в отстаивании неразрывной связи экономической и политической борьбы пролетариата²⁰. Весь последующий период Томский также настойчиво разъяснял фальшь идеи «независимости» профдвижения от Советской власти. Уже на I съезде профсоюзов между большевиками по вопросу об «огосударствлении» профсоюзов возникли большие и характерные для всего периода «военного коммунизма» разногласия. Зиновьев проводил точку зрения немедленного «огосударствления» профсоюзов. Представители московской делегации во главе с Томским резко выступили против этой линии. Они вышли из состава бюро фракции и президиума съезда. Во время работы съезда М. П. Томский встречался с В. И. Лениным. После вторичного рассмотрения вопроса на фракции было принято компромиссное решение. В интересах сохранения единства делегатов-большевиков в резолюции съезда было сказано об «огосударствлении» союзов. При выборах руководящего органа профдвижения Томский вошел в состав Президиума ВЦСПС в качестве кандидата²¹. В марте 1918 г. на IV Всероссийской конференции профсоюзов в Исполком ВЦСПС от большевиков вошли Томский, Шмидт, Мельничанский, Козелев, Рудзутак, Матрозов; от меньшевиков — Майский, Волков, Чиркин²², а 9 октября 1918 г. Томский был избран председателем ВЦСПС²³. Выбор Томского на этот пост не был случайным. Во главе рабочих союзов Советской России встал потомственный пролетарий из Питера, обладающий большим опытом практической работы в массах, талантом организатора, пользующийся большим авторитетом. Троцкий, главный оппонент Томского в дискуссии о профсоюзах, признавал, «что руководителями нашими в профсоюзах могут быть только люди с опытом, с авторитетом, которые есть у тов. Томского»²⁴.

На VIII съезде РКП(б) М. П. Томский избирается членом Центрального Комитета партии (им он оставался до 1934 г.); ранее, в 1918 г., он был избран членом ВЦИК (с 1920 г. — членом Президиума ВЦИК); тогда же он вошел в состав Верховного Революционного Трибунала, Совета Обороне РСФСР и СТО СССР (1923—1929 гг.), многих комиссий. Но главная его деятельность была связана с профдвижением.

С переходом к политике «военного коммунизма», вызванной гражданской войной и интервенцией, перестраивалась вся жизнь страны, в том числе и профессиональных союзов: свертывалась демократия, практиковалось коллективное членство, использовались методы принуждения и т. д. Профсоюзы выполняли в этот период целый ряд государственных функций по проведению трудовых мобилизаций, формированию протрядов и заготовке продовольствия, снабжению рабочих предметами первой необходимости, разработке и проведению тарифов и др. Широким было их участие в формировании системы управления промышленностью, в работе государственных органов путем представительства. «Упрекать кому бы то ни было российское профессиональное движение в „нейтрализме“, — писал М. Томский, — значит не понимать, что такое „нейтрализм“ и не видеть того, что делается у всех на глазах»²⁵. Оценивая роль профсоюзов в этот период, В. И. Ленин говорил: «Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженной работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2¹/₂ лет, но и 2¹/₂ месяцев»²⁶.

К 1921 г. в профессиональном движении были осуществлены крупнейшие организационные преобразования: слияние родственных союзов, построение всероссийских объединений, создание межсоюзных органов, объединивших все профдвижение по горизонтали и др. При этом последовательно проводился производственный принцип построения профсоюзов. Большой вклад в разработ-

ку организационных форм и принципов профдвижения внес М. П. Томский, а его работа «Принципы организационного строительства профессиональных союзов», где дано теоретическое обоснование изменениям организационных форм, была практическим руководством в работе союзов. За 3 года революции профсоюзы под руководством ВЦСПС прошли большой путь. «Правда, — писал М. Томский в начале 1920 г., — развитие самого аппарата профсоюзов значительно отстает от их общего роста, правда, порой под влиянием тяжелого положения республики, вызвавшего отлив... лучших работников на фронт, временно ослабевает и как бы замирает внутрисоюзная жизнь»²⁷.

Именно эти негативные черты в жизни союзов, обусловленные конкретными условиями, и послужили поводом для начала дискуссии о профсоюзах в конце 1920 г., когда партия столкнулась с серьезными внутривластными трудностями перехода от войны к миру. М. П. Томский уловил необходимость перехода от методов принуждения, навязанных войной, к работе демократии. Не претендуя, по оценке В. И. Ленина, «на звание теоретика», он отражал практическую сторону движения в этой дискуссии. На V Всероссийской конференции профсоюзов в ноябре 1920 г. Томский первым выступил против лозунга Троцкого «о перетряхивании» профсоюзов и против бюрократических методов работы Центрального Комитета профсоюза работников транспорта (Цектрана). На протяжении всей дискуссии Томского поддерживал Ленин. Предложения Троцкого об использовании военного опыта Цектрана в мирных условиях объективно вели к расколу партии с профсоюзами. Потерять же поддержку профсоюзов, по словам В. И. Ленина, означало «навверняка гибель Советской власти», поэтому борьба в партии носила принципиальный характер²⁸. О значении профсоюзов и остроте идейной борьбы свидетельствовал тот факт, что в Президиум ВЦСПС, состоящий из 11 человек, входили 4 члена Центрального Комитета партии: Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак, А. А. Андреев, М. П. Томский; а Г. Е. Зиновьев был избран в коммунистическую фракцию ВЦСПС.

В Биографической хронике В. И. Ленина отмечены частые встречи Владимира Ильича с Томским во время дискуссии. Томский принимал участие в работе профкомиссии ЦК РКП(б) по выработке проекта резолюции к X съезду партии о роли и задачах профсоюзов, выступал на дискуссионных собраниях с ее защитой, отстаивал ленинскую платформу — «платформу десяти». Несомненна заслуга Томского в том, что высший орган профдвижения — ВЦСПС — голосовал за «платформу десяти», тем самым предотвратив раскол партии и союзов.

Защищая М. П. Томского от обвинений Л. Д. Троцкого, В. И. Ленин в одном из выступлений сказал: «Я совершенно уверен, что частичных теоретических ошибок у Томского найдется много. И мы все, если сядем за стол и будем обдуманно писать резолюцию или тезисы, мы все поправим, а может быть и поправлять не станем, ибо производственная работа интереснее, чем исправление мельчайших теоретических разногласий»²⁹. Это замечание В. И. Ленина в некоторой степени может служить объяснением характера отдельных ошибок Томского. Так, в конце 1919 г. большие споры вызвал вопрос о коллегиальности и единоначалии в построении органов управления. 10 марта 1920 г. Томский опубликовал к IX съезду РКП(б) тезисы «Задачи профессиональных союзов», в которых отстаивал коллегиальность в управлении как общий принцип. Он не преклонялся перед авторитетами и, случалось, публично выступал против В. И. Ленина. Так было и на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г., посвященном обсуждению тезисов. Фракция ВЦСПС поддержала тезисы Томского, а Ленин с Бухариным, по выражению Владимира Ильича, «были биты»³⁰. Вопрос о единоначалии и коллегиальности Томский рассматривал с точки зрения практического участия профсоюзов в управлении производством, считая, что только принцип коллегиальности обеспечивает право рабочих участвовать в управлении. При этом Томский выступал

противником обеих крайностей — как единоначалия, так и подчинения коллегий профсоюзам³¹. Отдельные пункты тезисов Томского Ленин справедливо назвал «следом полной теоретической путаницы»³². Свою точку зрения Томский, Рыков и другие проводили и на IX съезде РКП(б) в марте 1920 г. Но съезд не поддержал их и высказался за переход к управлению на основе единоначалия.

Как руководитель самой массовой рабочей организации М. П. Томский более других партийных лидеров подвергался давлению масс, и это привело к открытому конфликту с Политбюро в мае 1921 г., во время работы IV Всероссийского съезда профсоюзов. Комиссией ЦК РКП(б), в состав которой входил Томский, был выработан проект резолюции о деятельности ВЦСПС. Томский должен был внести этот проект на обсуждение коммунистической фракции съезда. Однако он поручил это сделать малоавторитетному А. Гинзбургу, и на заседании фракции 18 мая 1921 г. была принята резолюция, предложенная Д. Б. Рязановым, которая сводилась к критике Центрального Комитета партии по руководству профсоюзами. Комиссия ЦК РКП(б), разбиравшая дело М. П. Томского (в нее входили И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, А. Киселев, М. В. Фрунзе), установила, что «фактов, позволяющих думать о сознательном содействии со стороны тов. Томского проведению на фракции резолюции тов. Рязанова, не было»³³. Учитывая затруднительность положения М. П. Томского, «обязанного как председатель ВЦСПС отчитываться перед фракцией за свою работу и в то же время осуществлять возложенное на него ЦК политическое руководство фракцией» при наличии оппозиционного настроения среди значительной части делегатов, комиссия ЦК РКП(б) 19 мая 1921 г., а на следующий день и Пленум Центрального Комитета партии отстранили М. П. Томского от работы в ВЦСПС и от обязанности руководителя Межсоюзпрофа за нарушение партийной дисциплины³⁴. «Там, где дело имеешь с тысячами людей,— говорил впоследствии М. П. Томский,— всегда будут ошибки, при всяком ЦК и при всяких системах работы»³⁵.

Однако он недолго находился в стороне от профессионального движения. Проработав с мая по октябрь 1921 г. в Ташкенте председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана³⁶, в январе 1922 г. Томский возвращается на работу в ВЦСПС. На XI съезде партии (март — апрель 1922 г.) он избирается членом Политбюро ЦК РКП(б), а в сентябре 1922 г. после V Всероссийского съезда профсоюзов вновь становится председателем ВЦСПС.

М. П. Томский сыграл немалую роль в выработке курса профсоюзов в условиях новой экономической политики. Его статьи и речи о нэпе и новых задачах профсоюзов явились ценным практическим вкладом в профессиональную работу.

В сентябре 1922 г. Томский обратился к В. И. Ленину с просьбой написать письмо предстоящему V Всероссийскому съезду профсоюзов, в котором просил особенно подчеркнуть значение крупной промышленности как основной базы социализма. 10 сентября 1922 г. состоялась последняя встреча в Кремле М. П. Томского с В. И. Лениным, на которой шел разговор о задачах предстоящего съезда³⁷. Последние строки Ленина о Томском относятся к 8 декабря 1922 г. и проникнуты пониманием и заботой. В письме Сталину по поводу предложения Оргбюро ЦК РКП(б) направить Томского для работы в Профинтерн он писал: «Ни в каком случае также нельзя просто назначить Томского, ибо в ВЦСПС он *завален* работой, которая *чрезвычайно затруднена* от недостатка людей. Если необходимо, то предлагаю назначить Томского и Рудзутака с тем, чтобы они были заняты на этой новой должности *не более получаса* в день...»³⁸ (курсив наш. — Л. Ш.).

После смерти В. И. Ленина перед партией встала задача осмыслить его идеи, найти правильные пути решения стоящих проблем. В выступлении на траурном заседании II съезда Советов СССР 26 января 1924 г. Томский напомнил об основных заветах В. И. Ленина профсоюзам: о единстве профессиональ-

ного и политического движения пролетариата; о приоритете интересов класса в целом над групповыми и цеховыми интересами; о вливании в госаппарат тысяч рабочих для его оздоровления; о главной роли союзов как «школы коммунизма» для широких масс; о близости союзов к массам рабочих и тесной связи с ними³⁹.

В статьях и выступлениях М. П. Томского, в решениях профсоюзных съездов того времени неизменно отстаивается мысль о руководстве партии союзами, о всемерном проведении нэпа, об участии профсоюзов в индустриализации страны, об удовлетворении экономических и культурных запросов рабочих масс. Еще в 1920 г., споря с Троцким, Томский говорил: «... Мы признаем, что нельзя строить производства, нельзя строить коммунизма вопреки массам, без их сознательного отношения, без того, чтобы каждый работник не почувствовал себя хозяином. Ошибка тов. Троцкого и тех, кто с ним, заключается в том, что они те методы, которые продиктованы были исключительными обстоятельствами, берут за идеальные»⁴⁰.

Против тенденции бюрократического «дерганья» профсоюзов, против командно-административного подхода к ним Томский выступал и все последующие годы. Предупреждая от поверхностного, упрощенного понимания руководящей роли партии по отношению к союзам, он говорил: «Наиболее опасным моментом... в руководстве профсоюзами со стороны партии является выпячивание, афиширование, подчеркивание этого руководства. Работа партии в профсоюзах должна заключаться в том, чтобы меньше кричали о руководстве и больше проводили бы это руководство»⁴¹.

Убежденный сторонник нэпа и быстрого промышленного развития страны, М. П. Томский в апреле 1926 г., выступая на пленуме Тульского совета профсоюзов, предупреждал от возможных перегибов при проведении индустриализации. На вопрос, не слишком ли мы медленно движемся, Томский отвечал: «... Все мы — патриоты своего социалистического отечества, но вопрос заключается в том, откуда же взять большие средства?... Тут говорят: „— А нельзя ли взять еще немного, побольше у мужика, у крестьянства?“ Но это может сделать нашу индустриализацию плохой индустриализацией. Деревня и крестьянство не колония по отношению к городу. Как можно осуществлять смычку и говорить, что тяжесть социалистического строительства мы возложим на одно крестьянство?... У нас имеется опасность забежать вперед...»⁴² Уже это выступление показывает, что его позиция в конце 20-х гг. не была случайной.

Будучи решительным противником взглядов «левых», он вместе с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым активно участвовал в борьбе с «новой оппозицией» на XIV съезде РКП(б) (декабрь 1925 г.), внес свою лепту в разгром троцкистов. Однако, отвергая взгляды Каменева и Зиновьева и не питая личных симпатий к последнему, Томский признавал их «как ценных работников, авторитетных вождей», которые «не каждый день создаются партией», и выступал против отстранения их от работы⁴³.

В 20-е гг. профсоюзы все еще продолжали оставаться реальной политической силой, активно участвующей в государственной жизни. На съездах профсоюзов с докладами и отчетами выступали руководители высших государственных и хозяйственных органов А. И. Рыков, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, В. В. Шмидт и др. Однако уже тогда в общественной жизни страны проявлялись симптомы бюрократизации, административно-командного подхода, подавления самостоятельности общественных организаций. Последовательно защищая и проводя руководящую роль партии по отношению к профсоюзам, Томский решительно осуждал частое и непосредственное вмешательство в дела союзов, превращение их в безгласное и безвольное орудие партии. В тезисах к XIV съезду ВКП(б) он писал: «Рядом с мелочным вмешательством партийных инстанций в ежедневную работу профсоюзов имел место легкомысленный выбор руководящих профсоюзных работников, частая перемена их, нарушающая демократию профсоюзов. Кроме того, на практике

оказалось, что большинство вопросов, касающихся условий труда, заработной платы, коллективных договоров и т. д., вносились на разрешение партийных инстанций, что нарушало нормальную методику профсоюзной работы и уменьшало авторитет профсоюзов среди широких масс». В связи с этим социал-демократическая пресса Запада писала, «что в России имеются серьезные профсоюзные деятели, которые, хотя они и коммунисты, и придерживаются своих убеждений..., все-таки понимают смысл и цель профсоюза и отстаивают правильные условия»⁴⁴. Пока шла борьба с оппозицией Каменева и Зиновьева, Сталину приходилось мириться с такими выступлениями. Но впоследствии они послужат материалом для обвинений Томского в отрицании роли партийного руководства профсоюзами.

Отличительной чертой Томского была близость к людям, умение учитывать их интересы, считаться с их мнением, не забывая при этом общеклассовых задач пролетариата. Именно за «выражение точки зрения массы, связь с ней» ценил Томского В. И. Ленин⁴⁵.

М. П. Томскому принадлежит большое количество работ по вопросам профессионального и рабочего движения в СССР и за рубежом, многие из которых выдержали по 5—6 изданий и служили учебниками по профдвижению. Томский был и одним из первых историков профсоюзов. В ознаменование его 20-летней революционной деятельности по решению VI съезда профсоюзов СССР было предпринято издание собрания сочинений М. П. Томского. Свои заслуги перед российским пролетариатом он адресовал партии: «Лично я целиком отношу его (теплое, братское отношение.— Л. Ш.) к той партии, в рядах которой я политически вырос и которая на протяжении всей моей сознательной политической жизни руководила каждым моим шагом и поправляла неоднократно ошибки и уклонь, и тем самым помогла мне сделать то, что я сделал только лишь с помощью партии»⁴⁶.

ЗА ЕДИНСТВО МИРОВОГО ПРОФДВИЖЕНИЯ

М. П. Томский стоял у истоков создания Красного Интернационала Профсоюзов (Профинтерна). Еще в июле 1920 г. при его активном участии был создан Международный совет профессиональных союзов (Межсовпроф), генеральным секретарем которого он и был избран. С 1922 г. Томский принимал деятельное участие в работе руководящих органов Профинтерна и Комиссии внешних сношений при ВЦСПС.

В 1924 г., когда велась активная международная деятельность по сплочению профдвижения и остро встал вопрос об объединении с Амстердамским Интернационалом, руководители Коминтерна и Профинтерна Г. Е. Зиновьев и С. А. Лозовский считали это недопустимым⁴⁷. М. П. Томский же в связи с этим отмечал: «Мы понимаем это (объединение.— Л. Ш.) не как агитационный маневр, а как стратегический маневр классовой борьбы в большом, великом значении этого слова. Сплочение рабочих против войны, против экономического и политического наступления капитала... вот чего мы добиваемся»⁴⁸. Это заявление было тем более важно, что многие лидеры профдвижения Запада испытывали недоверие к политике Профинтерна и считали движение в пользу единства вопросом тактики для русских.

Свое частичное воплощение лозунг единства профдвижения, провозглашенный Коминтерном и Профинтерном, получил в ноябре 1924 г., когда было решено создать центр сотрудничества профсоюзов СССР и Англии. Одним из пунктов платформы Англо-Русского комитета была борьба против войны. В сентябре 1924 г. Томский впервые выступал как представитель ВЦСПС перед рабочим классом Англии на конгрессе тред-юнионов в г. Гулле с приветствием и изложением позиции профсоюзов СССР. В его речи прозвучала мысль об объединении перед угрозой новой войны. Выступление Томского на конгрессе было высоко расценено английской прессой. Газета «Дейли

ньос», например, писала: «Речь Томского была настолько дипломатической, насколько это требовалось для данного случая. Его приятный голос с сочетанием плавности и сдержанности речи и временами легкой юмор, который не часто встречается в русских политических речах, произвели должный эффект...»⁴⁹. Работа советской делегации на этом конгрессе имела важное значение для установления дальнейшего сотрудничества. Деятельность Англо-Русского комитета пробила стену блокады, которая поддерживалась Амстердамским Интернационалом. Тот факт, что его председатель приехал в Москву на VI съезд профсоюзов СССР, явился лучшим свидетельством начавшегося процесса сближения в мировом профдвижении.

После III конгресса Профинтерна (июль 1924 г.) СССР посетило большое количество иностранных рабочих делегаций, причем в их составе были не только бесpartийные, но и социал-демократы и даже христианские социалисты. На торжества по случаю 10-летия Октября по приглашению ВЦСПС прибыли делегации из 43 стран.

В своих рекомендациях коммунистам западных стран М. П. Томский был осторожен и не советовал слепо копировать сложившиеся в СССР формы взаимоотношений партии и союзов. «Годятся ли для них наши методы, можем ли мы их рекомендовать в голом виде для всех западноевропейских партий?» — спрашивал Томский на Пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г. и отвечал: «Я бы этого не сказал... Переносить наши методы целиком на западноевропейскую почву, да еще усилив их на несколько десятков процентов, имея перед собой различные объективные условия, различную обстановку, другое отношение рабочих к партии, имея профсоюзы, в иной обстановке выросшие и развившиеся, имея иной удельный вес самой партии, — это значит загубить самое хорошее дело»⁵⁰. Эту же мысль Томский проводит, выступая на IV конгрессе Профинтерна в 1928 г.: «Было бы величайшей ошибкой с нашей стороны гнаться за излишней ортодоксальностью и копировать в профсоюзах точь-в-точь руководящую коммунистическую партию. Профсоюзы имеют центр постольку, поскольку они являются организацией широчайших масс рабочих..., которая объединяет то, что может объединить партия, и более того, — то, что не может объединить партия...»⁵¹.

Развивая мысли В. И. Ленина и исходя из опыта российского профдвижения, Томский предупреждал о недопустимости пренебрежительного отношения к работе в профсоюзах: «Большую ошибку совершают те, кто теперь подходит к вопросу таким образом, что коммунисты, работающие в профсоюзах, это ... коммунисты второго сорта, а настоящий коммунист тот, кто пишет хорошие статьи, выступает с речами о необходимости немедленного восстания, об изгнании реформистов и т. д., что тот, кто работает в профдвижении, да еще как-нибудь случайно знает на самом деле, что такое тарифная сетка и колдоговор, это — коммунист второго разряда... Это самый вредный, самый опасный пережиток. Это „детская болезнь“ в самой худшей ее форме»⁵².

«ПРАВЫЙ УКЛОН»

Не честолюбивые претензии на партийное лидерство, а интересы развития социализма вызвали активное сопротивление М. П. Томского сталинскому курсу в конце 20-х гг. и участие в так называемой «правой оппозиции». «Надо быть наивным, — говорил он в 1930 г., — чтобы думать, что три члена партии, три члена Политбюро с неплохим революционным прошлым сели в кабинете и начали совещаться о том, как можно образовать правое крыло в коммунистической партии... Всякий большевик знает, что правое крыло никаких симпатий со стороны кого бы то ни было из коммунистов иметь не будет»⁵³. М. П. Томский не имел оформленной теоретической концепции развития социализма, но поддержка им в целом взглядов Н. И. Бухарина не была случайной. Достаточно вспомнить его выступления на заседании Тульского ГСПС

в 1926 г. о темпах индустриализации, на XIV и XV съездах партии с критикой «левых» в защиту нэпа.

Серьезные разногласия в руководстве партии начались с обсуждения вопроса о путях преодоления «хлебного кризиса», вызванного спадом в закупках хлеба в 1927/28 г. Томский вместе с Бухариным и Рыковым выступил против преодоления трудностей с помощью чрезвычайных мер по отношению к кулакам и форсирования темпов коллективизации. Чтобы избежать новых неудач с хлебозаготовками, они предложили максимально высокое повышение государственных цен на хлеб. Выступая с большой речью на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), Томский доказывал, что индустриализация проводится не совместными усилиями рабочего класса и крестьянства, а лишь за счет крестьянства. Он считал, что обеспечение союза рабочего класса с крестьянством может быть достигнуто «путем постоянных известного рода уступок», с учетом колебаний крестьянства то в сторону пролетариата, то в сторону кулаков. Проводя аналогию с 1921 г., когда партия вынуждена была пойти на уступки крестьянству, Томский полагал, что такая же ситуация сложилась и в 1928 г., когда ошибки партии в руководстве хозяйственным строительством (а не обострение классовой борьбы, как считал Сталин) ослабили союз с середняком.

Резкие расхождения по проекту контрольных цифр развития народного хозяйства на 1928/29 гг. накануне ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) привели к коллективному заявлению Бухарина, Рыкова, Томского об уходе с занимаемых ими должностей. Взгляды «правых» разделяли тогда многие члены ЦК партии и видные хозяйственные работники, в том числе В. Шмидт, Н. Угланов, Е. Куликов, Д. Розит, Ф. Угаров, Н. Осинский, Г. Сокольников и др. Однако большинство поддерживало курс Сталина. Революционно-решительные способы реализации тех или иных задач были ближе большинству партийных работников, чем эволюционные, нэповские, ассоциировавшиеся в сознании многих с буржуазными. Ноябрьский Пленум ЦК квалифицировал позицию Бухарина, Рыкова и Томского как «правый уклон».

Чтобы нейтрализовать влияние Томского в профсоюзах, которого поддерживала большая группа руководящих работников профдвижения, Политбюро ЦК приняло решение о введении в состав Президиума ВЦСПС Л. М. Кагановича, а в декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов СССР под лозунгом «критики и самокритики» развернулось «разоблачение обанкротившегося аппарата» ВЦСПС. Каганович потребовал признать работу ВЦСПС неудовлетворительной, что равносильно было снятию Томского с поста председателя. Однако фракция съезда не поддержала это предложение.

В свою очередь, Томский возражал против введения Кагановича в Президиум ВЦСПС, а в выступлениях части профработников это решение Политбюро ЦК расценивалось как направленное на «перетряхивание» союзов и «отсечение» таких руководителей, как Томский. Большинство делегатов голосовало все же за решение ЦК. 23 декабря 1928 г. Томский подал заявление с просьбой освободить его от работы в ВЦСПС, но Политбюро ЦК и фракция съезда не приняли этой отставки. На заседаниях Политбюро ЦК и ЦКК ВКП(б) Томский присоединился к заявлениям Бухарина 30 января 1929 г. и Рыкова 9 февраля 1929 г., в которых говорилось об опасности проведения политики индустриализации на основе «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», об отходе от решений XV съезда партии, направленных на стимулирование индивидуальных хозяйств, о бюрократизации партийной жизни и переходе на троцкистские позиции. Не утверждая, что в сложившихся условиях программа «правых» была полностью приемлема, отметим, что многие их предложения заслуживали самого серьезного внимания.

На апрельском (1929 г.) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Бухарин и Томский были сняты с занимаемых постов (были удовлетворены их заявления), однако членами Политбюро ЦК они пока оставались. Летом 1929 г.

Томского освобождают также от обязанностей члена СТО и назначают (!) председателем Комиссии ЦИК СССР по разработке порядка и методов использования средств для кооперирования и коллективизации деревенской бедноты, а затем членом Президиума ВСНХ⁵⁴. Некоторое время он трудится во Всехимпроме и на апатитовых разработках в Хибинах.

Чтобы добиться от «лидеров правого уклона» публичного отречения от своих взглядов, на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был вновь поставлен вопрос о группе Бухарина. Под угрозой исключения из партии Бухарин, Томский и Рыков выступили на Пленуме с заявлением, в котором признавали успехи партии и говорили «о снятии разногласий». «Мы полагаем,— писали они,— что при намечавшихся нами на апрельском Пленуме методах проведения генеральной линии партии мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем. Однако, подводя итоги истекшего года, мы констатируем, что у нас была известная ошибочная недооценка тех могущественных рычагов воздействия на деревню, которые в конечном счете начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер»⁵⁵. Однако это заявление было расценено Пленумом как «фракционный маневр» и «метод подготовки новых атак на партию», а пропаганда взглядов «правого уклона» признана несовместимой с принадлежностью к ВКП(б). 26 ноября 1929 г. в «Правде» Бухарин, Рыков и Томский опубликовали заявление, в котором публично признали свои политические ошибки. Томский был назначен заместителем председателя ВСНХ и членом президиума Комитета по химизации при СНК СССР⁵⁶. После ноябрьского 1929 г. Пленума он занимал пассивную позицию и голосовал за все основные политические документы ЦК. И это не было игрой. Объясняя формы своей борьбы, Томский говорил впоследствии: «... Я и мои ближайшие друзья не ставили себе целью и не намерены были идти на создание фракции», ибо каждый из них имел за плечами по четверти века политической работы и понимал опасность раскола»⁵⁷.

Накануне XVI съезда партии в стране была организована широкая кампания по разоблачению «правого уклона». Это сказалось на атмосфере съезда и настроениях большинства делегатов. Хорошим тоном на съезде было «громить» «лидеров правого уклона». Под давлением требований выступавших, в том числе и друзей Томского — Кирова, Рудзутака и др. — он вместе с Рыковым и Углановым еще раз выступил с объяснением своих ошибок и признанием полной правоты партии. «Я не раз ошибался в продолжении своей довольно длительной политической деятельности,— говорил Томский,— не раз было больно и тяжело бит Владимиром Ильичем, за что я ему очень благодарен (с м е х), но никто, кто серьезно знает меня в партии не один десяток лет, не скажет, чтобы я был способен маневрировать»⁵⁸.

«Сокрушительной» критике подверглась практическая деятельность Томского как руководителя профдвижения. Обвинения во «внедрении в советское профдвижение оппортунистической идеологии» строились на вырванной из контекста цитате из брошюры 1923 г. (!), обосновывавшей уменьшение роли союзов в управлении производством в период нэпа по сравнению с периодом «военного коммунизма». «Восстановление профсоюзов против индустриализации» доказывалось тем фактом, что производственные вопросы рассматривались не Президиумом ВЦСПС, а его тарифно-экономическим отделом. Указывалось также на неспособность профсоюзного аппарата «успешно справиться с перестройкой» в связи с тем, что в составе работников ВЦСПС было 15%, ЦК союзов — 11,9%, в совпрофах — 13,9% выходцев из других партий! «Надо протереть этот аппарат, так пролетарски протереть, чтобы вымести все то, что неспособно перестроиться...»⁵⁹ (курсив наш. — Л. Ш.), — к такому методу работы призывал новый руководитель ВЦСПС Н. М. Шверник. А ведь такой подход решительно отвергался партией в период дискуссии о профсоюзах 1921 г.

По линии международной деятельности Томскому в вину ставились, с одной стороны, «братание с лидерами Амстердамского Интернационала» и оценки социал-демократических газет Запада, противопоставлявших «мудрую» политику Томского «авантюристской» политике Профинтерна и Коминтерна (речь Лозовского), а с другой — «смазывание», ослабление всей интернациональной работы профсоюзов (речь Шверника)⁶⁰. Поведение на съезде Рыкова и Томского (Бухарин из-за болезни не присутствовал) было резко осуждено, а объяснения Томского квалифицированы как «новый маневр» и «смазывание факта фракционной борьбы».

После съезда М. П. Томский тяжело заболел и уехал на несколько месяцев для лечения в Германию. К активной политической деятельности он больше не возвращался и оказался, по его словам, «лишь в роли политического созерцателя великих побед партии». В 1930 г. он был выведен из состава Политбюро ЦК и освобожден от обязанностей заместителя Председателя ВСНХ. Его последним местом работы стало Объединенное государственное издательство (ОГИЗ), которое он возглавлял с 1931 по 1936 г. Это назначение приветствовали М. Горький и Н. Крупская. Как член ЦК партии М. П. Томский еще принимал участие в работе XVII съезда ВКП(б) (1934 г.). Он опять выступил с осуждением собственных ошибок и на этот раз с признанием заслуг И. В. Сталина, но это уже не могло изменить его участи. В состав ЦК ВКП(б) его больше не избрали.

19 августа 1936 г. начался процесс над Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, которые дали показания против Н. И. Бухарина, М. П. Томского, А. И. Рыкова. Три дня шло партийное собрание в ОГИЗе, на котором обсуждалось письмо Московского комитета партии по поводу начавшегося процесса. Таких фактов, как личные услуги и редкие встречи в ОГИЗе с Каменевым, Углановым, Шляпниковым и др., оказалось достаточно, чтобы расценить поведение Томского как «подлое двурушничество» и обвинить его в причастности «к преступной контрреволюционной деятельности». М. Кузнецов написал в «Правде»: «Томский на собрании старался всячески преуменьшить свою роль в переговорах с Каменевым, Зиновьевым и другими участниками контрреволюционной террористической банды. Однако для собрания стало совершенно ясным предательское поведение Томского. Можно не сомневаться, что Томский и сейчас скрывает о своих связях с участниками блока»⁶¹. 22 августа 1936 г. в «Правде» было опубликовано заявление Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского о начале расследования по делу Н. И. Бухарина, М. П. Томского, А. И. Рыкова и др.

Предчувствие приближающейся расправы и осознание полного бессилия противостоять ей привели к трагическому исходу. В тот же день, 22 августа 1936 г., Томский застрелился. Ценой жизни заплатил он за то, чтобы избежать унижений и клеветнических обвинений в измене делу всей его жизни. Самоубийство М. П. Томского по своей сути также явилось политической расправой, какой подверглись в годы сталинского режима его ближайшие друзья и соратники по революционной борьбе.

Примечания

¹ Горелов О. М. Томский, лидер советских профсоюзов — Аргументы и факты, 1988, № 35; Шелестов Д. До выстрела в Болшево. — Огонек, 1988, № 31; Куликова И. С., Хазанов Б. Я. Михаил Павлович Томский. — Вопросы истории, 1988, № 8 и др.

² О роли профессиональных союзов в производстве. М. 1921, с. 5.

³ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель—май 1907 г. Протоколы. М., 1963, с. 526—528.

⁴ Пролетарий, 1908, 13 ноября (№ 39).

⁵ Там же.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 290—307.

⁷ Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 г. М., 1934, с. 121.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1909, д. 5, ч. 34 пр., л. 107.

⁹ Там же, л. 63, 64—65.

- ¹⁰ Там же, л. 51.
- ¹¹ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 47, с. 208—209.
- ¹² ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1909, д. 5, ч. 34 пр., л. 64—65.
- ¹³ Там же, л. 107, 118, 192, 210, 237.
- ¹⁴ Там же, л. 244.
- ¹⁵ Там же, 1908, д. 474, л. 141 об.
- ¹⁶ Шестой съезд профессиональных союзов СССР. 11—18 ноября 1924 г. Полн. стеногр. отчет. М., 1925, с. 432.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Московский совет профессиональных союзов в 1917 году. Протоколы. М., 1927, с. 121—123.
- ¹⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 14—15.
- ²⁰ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Полн. стеногр. отчет. М. 1918, с. 116—119; 119—120.
- ²¹ Там же, с. 138—139.
- ²² IV Всероссийская конференция профессиональных союзов. 12—17 марта 1918. Протоколы и материалы. М., 1923, с. 66.
- ²³ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 2, д. 16, л. 21.
- ²⁴ О роли профессиональных союзов в производстве, с. 34.
- ²⁵ Томский М. Избранные статьи и речи. М., 1928, с. 52.
- ²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 31.
- ²⁷ Томский М. Указ. соч., с. 135.
- ²⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 249.
- ²⁹ Там же, с. 209—210.
- ³⁰ Там же, т. 40, с. 270.
- ³¹ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 42, д. 3, л. 163—164.
- ³² Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 270.
- ³³ Известия ЦК РКП(б), 1921, № 32, с. 2.
- ³⁴ Там же, с. 3.
- ³⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1961, с. 242.
- ³⁶ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 53, с. 432.
- ³⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 12. М., 1976, с. 376—377.
- ³⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 54, с. 321.
- ³⁹ Томский М. Указ. соч., с. 227—230.
- ⁴⁰ Вестник труда, 1925, № 1, с. 35.
- ⁴¹ Томский М. Задачи коммунистов в профессиональном движении. М., 1926, с. 27.
- ⁴² Томский М. Избранные статьи и речи, с. 328—329.
- ⁴³ См.: Томский М. О новой оппозиции. М. 1925, с. 23.
- ⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5663, оп. 1, д. 129, л. 129—130.
- ⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 389.
- ⁴⁶ Шестой съезд профессиональных союзов СССР, 11—18 ноября 1924 г., с. 434.
- ⁴⁷ Правда, 1924, 15 июля.
- ⁴⁸ Четырнадцатый съезд РКП(б). Бюллетень № 15. М., 1925, с. 34.
- ⁴⁹ Вестник труда, 1925, № 1, с. 38.
- ⁵⁰ Томский М. Задачи коммунистов в профессиональном движении, с. 22.
- ⁵¹ IV конгресс Профинтерна. 17 марта — 3 апреля 1928 г. Стеногр. отчет. М. 1928. С. 14.
- ⁵² Томский М. Задачи коммунистов в профессиональном движении, с. 17—18.
- ⁵³ XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1930, с. 143.
- ⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 13, д. 11, л. 157 об.; ф. 5446, оп. 1, д. 47, л. 283 об; д. 49, л. 136.
- ⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, с. 80.
- ⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 1, д. 51, л. 180, 186.
- ⁵⁷ XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, с. 142.
- ⁵⁸ Там же, с. 146.
- ⁵⁹ Итоги XVI съезда ВКП(б). Л., 1930, с. 148.
- ⁶⁰ Там же, с. 56, 150.
- ⁶¹ Правда, 1936, 22 августа.

М. Г. СЕДОВ

НЕУВЯДАЮЩЕЕ НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

(Политические проблемы в творчестве

Н. А. Добролюбова)

Крайне короткой оказалась жизнь Н. А. Добролюбова, но на редкость богатой по умственной напряженности и творческой результативности. Уйти из жизни в возрасте 25 лет и оставить наследие, которое изучает весь цивилизованный мир уже более столетия, — явление исключительное. Это наследие актуально, так как содержит в себе все то, что важно для познания жизни, понимания ее тенденций развития, определения роли и поступка личности в конкретной обстановке. Современники и историки видели в лице Добролюбова выдающегося мастера, умевшего писать «под диктовку жизни». Такое умение всегда представляет интерес и его раскрытие — важная задача для историка.

Н. А. Добролюбов был и остается для нас прежде всего великим гражданином, гениальным критиком-публицистом, социалистом-революционером, страстным защитником угнетенного народа. Он близок нам и нашим стремлениям в преобразовании жизни, в постоянном стремлении ее обновления.

Одной из отличительных особенностей умственного развития Добролюбова было то, что он очень рано осознал свое призвание и сферу деятельности. В 1855 г., в возрасте 19 лет, его мысль поглощается стремлением работать на благо России, ее народа. Будущее своей родины он называл великим. Поприщем деятельности избирается литературное творчество.

Еще будучи студентом Главного педагогического института, Добролюбов обратил на себя внимание редакции журнала «Современник» и по окончании его, в 1857 г. был принят сотрудником этого прославленного органа, связанного с именами А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, а теперь руководимого Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым и Н. Г. Чернышевским. Роль и влияние его в «Современнике» возросли необыкновенно быстро. С конца 1857 г. он берет на себя ответственную обязанность — заведование отделом критики и библиографии, а через несколько месяцев занимает место члена редакции и пользуется такими же правами, как Некрасов, Чернышевский и Панаев. Новизна и энергия — отличительная черта его деятельности в журнале. По его инициативе редакция вводит в журнал новый, оказавшийся крайне перспективным отдел «Внутреннее обозрение» и приложение «Свисток». Вера в Добролюбова как редактора и писателя была настолько велика, что он часто один выпускал журнал без участия Некрасова, Чернышевского и Панаева. Редкое явление, о многом говорящее! Понятно, такой труд требовал от него колоссального напряжения духовных и нервных сил. При Добролюбове «Современник» пользовался в высшей степени большим авторитетом и влиянием. Ф. М. Достоевский в своем журнале «Время» признавал, что в России в настоящее время читают только одного Добролюбова, «который заставил-таки читать себя и уже за это одно он стоит особого внимания»¹. Вскоре Чернышевский скажет, что юный руководитель «Современника» стоял во главе развития русской общественной мысли², а Н. А. Некрасов назовет его «светильником разума»³.

Седов Михаил Герасимович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Мы приступаем к изложению и комментированию взглядов Н. А. Добролюбова, опираясь на замечания К. Маркса и Ф. Энгельса, включавших великого русского критика в плеяду гениальных мыслителей прошлого, таких, как Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М.-А. Вольтер, Г.-Э. Лессинг⁴, а также на высказывания В. И. Ленина, считавшего Добролюбова революционным деятелем и мыслителем, дорогим и близким «образованной и мыслящей России»⁵. Невольно возникает вопрос: что было главным в мировоззрении Добролюбова, что определяло направление его мыслей и поступков? Другими словами, речь может идти о формуле того желания и цели, которым будет посвящена жизнь, для выполнения которых отдается все то, что заложено в содержании личности.

Такой формулой, точнее клятвой, являются строки из дневниковой записи Добролюбова от 18 декабря 1855 г.: «Наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого мы хотим трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо. Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно»⁶. Как созвучно это высказывание юношеской клятве А. И. Герцена и Н. П. Огарева: «Раз вечером стояли мы особенно хорошо настроенные на Воробьевых горах, солнце садилось, купола блестели, город стелился на необозримое пространство под горою, мы были на самом месте закладки храма, молча стояли мы долго и вдруг взявши друг друга за руку, мы тут в виду всей Москвы обрекали себя на борьбу... Мы не знали всей силы того с чем вступали в бой, но бой приняли»⁷.

Добролюбов, очевидно, еще не был знаком с этой клятвой: вторая книга «Полярной звезды», где о ней рассказано, появилась на год позже добролюбовской записи, однако единство взглядов представителей двух поколений революционеров поразительно. Если клятва Герцена и Огарева являлась еще только выражением отроческого порыва свободолюбия, то во втором случае налицо осознанное стремление посвятить жизнь поставленной цели. Постановка такой задачи могла быть и явилась результатом долгой и напряженной работы мысли, большой теоретической подготовки и высокой культуры личности. К этому времени будущий критик был еще студентом II курса Главного педагогического института. Но о нем уже можно было говорить как о юноше не только больших дарований, но и определившихся склонностей, соответствующих поставленной задаче.

Сначала домашняя обстановка культурной семьи способствовала раскрытию природных данных мальчика, имевшего пристрастие к чтению, затем — духовное училище и семинария, в которой он провел пять лет (1848—1853), из них два года в классе словесности, один в богословском и два года в классе философии. Приобретенные знания оказались очень значительными, но и они, в свою очередь, укреплялись и проверялись литературой не семинарского курса. В этом отношении были использованы все литературные возможности Нижнего Новгорода.

Семья и духовная семинария привили юному Добролюбову необыкновенную религиозность. Это, однако, не помешало ему ознакомиться еще до поступления в институт с «Современником» времен Белинского, некоторыми произведениями Герцена, обнаружить большое прилежание при изучении отечественной истории. В отроческом возрасте он уже знал колоссальный труд Н. М. Карамзина. Известный исследователь жизни и творчества Добролюбова Е. В. Аничков так охарактеризовал нижегородский период учебы и развития будущего знаменитого критика: «Юность прошла деятельная и благоразумная, успешная и, конечно, скорее счастливая. Смотреть на семинарские годы Добролюбова через призму сетований о провинциальной затхлости, скуки и косности — большая ошибка; считать его задыхавшимся среди непонимающих его отсталых стародумов — еще большая»⁸.

С августа 1853 г. начинается новый этап жизни и учебы Добролюбова, он поступил в Главный педагогический институт. Занятия в институте и вообще жизнь в столице имели крайне благотворное влияние, на Добролюбова обра-

щают внимание наиболее известные профессора, в частности И. И. Срезневский. Они приближают его к себе как студента незаурядных умственных способностей и прилежания. Еще будучи первокурсником, Добролюбов знакомится со студентами М. И. Шемановским, Д. Ф. Шегловым, Б. И. Сцибарским, И. И. Бордюговым, Н. П. Турчаниновым, А. А. Радонежским, А. П. Златовратским и др., составлявшими кружок общественных и политических интересов, в котором обсуждались разные проблемы, в том числе революционные. Преобладающее влияние на кружок оказывали идеи Герцена и Белинского. Авторитет Добролюбова в кружке быстро возрастал, вскоре он стал его главою. Благодаря его стараниям начали создаваться рукописные газеты «Слухи» и «Сплетни». Из 19 номеров 14 написал лично Добролюбов. В газетах обличался николаевский режим и порядки студенческой жизни. 1854 год сопровождался громадными личными потрясениями в жизни Добролюбова. В возрасте 38 лет умерла его мать, спустя несколько месяцев скончался 42-летний отец. На попечении Добролюбова остались 7 малолетних братьев и сестер, а также непоплаченный долг за строительство дома в сумме 1380 руб.

Эти события, по мнению многих исследователей, переродили 18-летнего Добролюбова. М. К. Лемке утверждал, что в конце 1854 г. появился новый Добролюбов⁹. «Потерю отца и матери, — отмечал В. Полянский (П. И. Лебедев), — юноша пережил с исключительной силой, которая перевернула его, направив на путь атеизма, революции и социализма»¹⁰. Конечно, такой поворот в сторону атеизма, революции и социализма нельзя объяснить только личным потрясением. Известно, что выработка идеала и борьба за него, точнее, движение к нему, означают неудовлетворенность существующими условиями общественной жизни, или даже полное отвержение их. Эти настроения Добролюбов обнаруживает уже в самом начале 1855 г. в стихотворении «Дума при гробе Оленина»:

Вставай же, Русь, на подвиг славы —
Борьба велика и свята!
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута¹¹.

Сразу после смерти императора Николая I Добролюбов высказался в том смысле, что русский народ будет страдать при сыне, как 30 лет страдал при отце. Если народ будет страдать так же, как и при крепостном праве, то призыв к революционным мерам вполне логичен и достаточно обоснован.

Итак, личный идеал общественного служения Добролюбов формулирует еще в студенческие годы, посвящая ему все. Продолжение образования имеет теперь далеко не первоначальный смысл и назначение. Образование необходимо для разработки мировоззрения, которое поможет обновить, перестроить Россию. Очевидно, перед юношей возникала проблема, в качестве кого выступить, какой наиболее приемлемый путь будет способствовать успеху и облегчит его.

Добролюбоведение содержит самые различные и взаимоисключающие решения этого вопроса. Для одних Добролюбов выступал литературным критиком, другие в нем видели публициста и политика, третьи и публициста и критика вместе. Вот извлечения для иллюстрации. Один из первых ценителей Добролюбова — В. А. Зайцев — отмечал: «Хотя Добролюбов писал преимущественно статьи критические, но критиком не был и не мог быть»¹². Он преследовал не литературные цели, а политические — таково объяснение Зайцева. Другими словами, литература выбрана Добролюбовым как предлог, ширма для решения иных задач. Приблизительно ту же идею высказал В. Я. Богучарский: «Это был гениальный публицист, по нужде сделавшийся критиком»¹³.

Несколько компромиссную точку зрения выдвинул Г. В. Плеханов: «Добролюбов был не только блестящим публицистом; он был также прекрасным

литературным критиком. Правда, в его литературной деятельности публицист всегда преобладал над литературным критиком»¹⁴.

В. Полянский склонен был видеть в Добролюбове «вождя крестьянской революции»¹⁵. Он имел в виду деятельность строго политическую, но о ней можно говорить только в плане предположений. Крестьянская революция не произошла, а потому не было и ее вождей. Нам, следовательно, надо исходить из других посылок, — из фактов. Здесь, как мне представляется, ближе всего приближается к истине, если не выражает ее полностью такое определение: «Добролюбов был ярким, увлеченным словесником. Словесность — его первое и основное призвание... Литературный критик непременно должен быть публицистом. Это требовала реалистическая эстетика; тут сказывались и самые дорогие радикалам 50-х годов заветы Белинского», и далее: «Нет обе деятельности сплетаются в один круг на самых высших творчества»¹⁶.

К деятельности писателя-критика Добролюбов шел с упорством и настойчивостью и достиг цели еще на последнем курсе педагогического института, а по окончании последнего (1857 г.) стал постоянным, а вскоре незаменимым сотрудником «Современника». Сближению с «Современником» в значительной степени способствовали знакомство с Чернышевским (весна 1856 г.) и та популярность, которую он сумел приобрести, будучи студентом. Чернышевский, оценив нового сотрудника, сразу же передал ему часть собственных обязанностей в журнале. Разделы политической экономии и философии Чернышевский оставил за собой, а разделы литературы, критики и текущей жизни закрепил за Добролюбовым.

Но цель у них была общая — разработка новой идеологии преобразования России, доказательство необходимости, а потому и желательности революционных потрясений. Для такой роли новый сотрудник «Современника» был вполне подготовлен. Добролюбов отчетливо представлял ожидавшие его трудности. Его письмо к В. В. Лаврскому от 31 августа 1856 г. подтверждает это: «Говорят, что мой путь смелой правды приведет меня когда-нибудь к гибели. Это очень может быть, но я сумею погибнуть недаром»¹⁷. В массе эксплуатируемого и забитого народа Добролюбов увидел главное действующее лицо исторического процесса и единственную силу, создающую материальные ценности. Из такого понимания логически вытекает его особое отношение к угнетенным массам. Очень удачно об этом сказал Чернышевский: «О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя он сделал, этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих»¹⁸.

В понятие «народ» тогда вкладывалось далеко не то, что подразумеваем мы теперь. В то время резко отграничивали народ от общества, не смешивали народ с нацией, проводили грань между народом и населением. Под «народом», следовательно, подразумевалось только эксплуатируемое население, точнее, люди физического труда деревни и города. Такое понимание вошло в энциклопедии тех времен и держалось многие десятилетия, оно оставалось незыблемым до победы учения о классах и классовой борьбе. Легко доказывается, что в литературном наследии Добролюбова содержится не только оригинальный взгляд на народ, а целое и прочное учение о народе. Это учение прежде всего о трудовой общности, о наличии антагонистических противоречий между трудящимися массами и эксплуатирующим меньшинством. Такое противоречие присуще всей истории сословий и классов. Больше того, вся история человечества, вне зависимости от государств и наций, представляет собой борьбу труда с дармоедством. Здесь пружина общественного развития. Настоящее же положение народа крайне затруднительно. Он поработан и с покорностью выносит все невзгоды своей жизни. Это многовековое рабство, торжество грубой силы породило в народе самые отрицательные черты — терпение, отсутствие сознания своего рабского положения, пренебрежение к труду, хитрость, мошенничество, деспотизм в семейной жизни и т. д. Но повинен в этом вовсе

не народ. Вина коренится в тех социально-экономических условиях, в которые народ поставлен. Эти условия не только тяжелы в физическом отношении, но и крайне однообразны, лишены внешних впечатлений, оупляют человека: «Чем менее внешних впечатлений получил человек, тем менее, уже круг его понятий, а следствие того — ограниченнее и способность суждения»¹⁹.

Однако подавленность, забитость не могут полностью убить в народе естественное стремление к иной, свободной жизни. «Бывает время, когда народный дух ослабевает, подавленный силой победившего класса, естественные влечения замирают на время, и место их заступают...насиленно навязанные понятия и взгляды, в пользу победивших... Но скоро общество или народ проснется и почувствует свои естественные нужды, станет искать средств для удовлетворения своим потребностям»²⁰. Тогда главным и естественным вопросом внутренней жизни и внутреннего развития народа, его надеждой являлось освобождение от крепостной неволи. Сдвиг в мыслях произошел не вдруг: «Нужно было, чтобы появилось сначала сознание недостатков, чувство необходимости их исправления; сначала должно было теоретически овладеть умами, чтобы потом практически выразиться в жизни»²¹.

Для собственного пробуждения наш народ имеет как задатки, так и силу. В нем, есть для этого все необходимое, он — народ исторический. В статье Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» сказано: «Народ способен ко всем возвышенным чувствам и поступкам наравне с людьми всякого другого сословия, если еще не больше, и следует строго различать в нем последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений»²². Однако народ не сумеет самостоятельно совершить то, к чему стремится. Он нуждается в помощи народной интеллигенции, которая должна стать умственной силой народа, выражающей его интересы. В свою очередь, интеллигенция, будучи изолирована от народа, обречена, политически бессильна.

Для Добролюбова очевидно, что непризнание народом интеллигенции, отрыв интеллигенции от народа — пагубно для той и другой стороны, вредно для России в целом. Инициатива сближения с народом должна исходить от интеллигенции. «Мы обязаны знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-нибудь сделать для его просвещения и облагораживания»²³. (Это замечательное высказывание Добролюбова приобрело для семидесятников силу завещания.) Вникнув во внутреннюю жизнь народа и вызвав с его стороны расположение, «можно действовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы...»²⁴. Возможностью это окажется только тогда, когда сторонники народа и выразители его чаяний сумеют проникнуть в тайны народного духа, отбросят сословные предрассудки, станут вровень с трудящимися. У людей умственного труда нет будущего без обретшего свободу народа. «Мы, — обращался Добролюбов к интеллигенции, — можем держаться только потому, что под нами есть твердая почва — настоящий русский народ»²⁵. Логический вывод из сказанного: любой общественный поступок интеллигенции должен прежде всего мотивироваться интересами народа, да и понятие «служение родине» немислимо без этого. Любовь к родине должна сливаться с любовью к народу²⁶.

Таким взглядом на народ определяется и понятие прогресса. Прогрессивно только то, что отвечает потребностям и развитию народа. На протяжении тысячелетней истории русский народ имел только одни тяжкие и суровые обязанности. Он создал, расширил и укрепил государство. Из его рядов рекрутировалась армия, которую он содержал. В его обязанности входило и содержание паразитических сословий. Говоря о гнетущих обязанностях народа, Добролюбов был уверен в том, что наступает время, когда трудящиеся отвоюют свои права, станут свободными хозяевами России. Под свободой разумелось не избавление от работы, а создание условий для действительно свободного и радостного труда.

«Нужно, чтобы значение человека в обществе определялось его личными

достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой соразмерности с количеством и достоинствами его труда: тогда всякий будет учиться, чтобы делать как можно лучше свое дело, и невозможны будут тунеядцы»²⁷. Приведенные слова дают краткое определение сущности социализма. Вот именно к этой будущности нужно стремиться. В ней — решение всех проблем нынешнего состояния России и ее трудового народа. Но чтобы достигнуть желаемого, «нужно сломать все гнилое здание нынешней администрации»²⁸ и внушить народу «понятия о достоинстве человека, об истинном добре и зле, о естественных правах и обязанностях»²⁹.

Н. А. Добролюбов, выступая в роли социалиста и революционера одновременно, выражает с этих позиций свое резко обличительное отношение к деятельности правительства, различных комитетов и комиссий по освобождению крестьян. Крестьянский вопрос может быть решен только прямым «воздействием» народа, т. е. революционным путем. Подготовить такое воздействие — основная обязанность литературы и публицистики в частности.

Ориентация на народ как главную силу его же освобождения есть основная черта, или признак, идеологии революционера-разночинца. Средством же освобождения может быть только революция, а не реформа. И, наконец, третьим элементом новой идеологии стал социализм. Итак, народ — революция — социализм — вот суть идеологии освободительного движения пореформенной России. И в каждом из этих составных элементов с удивительной яркостью и неподражаемостью запечатлел себя Добролюбов. В переломное время русской жизни, когда на арене общественной жизни выступали А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, сказать свое, только ему принадлежащее слово может личность колоссальных дарований. Но в данном случае дело не только в потенциальных качествах даровитой личности. Добролюбов оказал решающее воздействие на направление «Современника», который становится органом революционной демократии, пропагандируя наиболее прогрессивные общественные идеи той эпохи. Теперь речь может идти уже о влиянии журнала на общественную жизнь страны.

Вопрос о значении Н. А. Добролюбова в «Современнике» — один из очень интересных и важных. Известно, что после смерти Добролюбова (ноябрь 1861 г.) и ареста Чернышевского (июль 1862 г.) «Современник» довольно быстро утратил свое влияние и значение. Причина заключалась и в потере двух редких деятелей, и не только в этом. История возвышения и падения знаменитого общественного журнала оказалась в 1865 г. предметом спора между сотрудником «Современника» М. А. Антоновичем и редактором «Русского слова» Г. Е. Благосветловым³⁰. Антонович доказывал, что возрождение «Современника» (становление на революционно-демократический путь) произошло в 1855 г., вне зависимости от Добролюбова, и в таком виде-де журнал сохранился до конца. Благосветлов решительно отрицал такое утверждение, заявляя, что даже в 1856 г. указанный журнал «еще не думал возрождаться». Временем его возрождения надо считать 1858-й или 1859 год. И это возрождение всецело связано с Добролюбовым. Позиция сотрудников журнала (А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. Г. Полонский, А. В. Дружинин, П. В. Анненков, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров и др., все — представители либерального или даже консервативного лагеря), а также публиковавшиеся материалы подтверждают такую хронологию. Так говорил Благосветлов, и с этим вполне можно согласиться, вспомнив, что из работ Чернышевского в «Современнике» была опубликована только одна, в теоретическом отношении важная, статья — «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856 г.). Важно также вспомнить о таком факте. Весной 1856 г. группа выдающихся писателей (И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. Н. Островский) дала согласие на исключительное сотрудничество в «Современнике». Известно, что все они не разделяли взглядов Чернышевского, а затем и Добролюбова. Спустя два-три года все они отказались от соглашения

и оставили журнал. Разрыв с сотрудниками либеральной школы можно рассматривать как окончательное становление «Современника» на позиции революционного демократизма. Казалось, что уход столь известных писателей поколеблет авторитет журнала, сделает его менее читаемым. Но произошло то, чего многие не ожидали. Журнал становится еще более читаемым и более влиятельным. И очевидно, что главным «виновником» этого был юный критик. Два свидетельства двух великих писателей укрепляют такое представление. Тургенев, будучи всегда не расположен к Добролюбову, тем не менее писал о нем: «Он по праву считался выразителем общественного мнения»³¹. Не менее определенно, хотя с умышленной заостренностью, в сущности о том же говорил Ф. М. Достоевский.

Выразитель общественного мнения! Как можно выразить его, какими идеями привлечь внимание общественности и «заставить» ее читать то, что печатал «Современник»? — а печатал он больше всего и прежде всего Н. А. Добролюбова. Известный историк русской литературы С. А. Венгеров подсчитал, что за 1857—1858 и 1859 гг. им печаталось до четырех печатных листов в месяц. Причем большинство работ представляли собой крупные явления в литературе, а некоторые оценивались не иначе, как события исторического значения. Это чрезвычайное проявление умственной энергии Н. Г. Чернышевский охарактеризовал такими словами: «Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время»³². Вот только несколько произведений, составивших славу критику и обогативших русскую общественную мысль: «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Органическое развитие человека», «Первые годы царствования Петра Великого», «Литературные мелочи прошлого года», «Роберт Оуэн», «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Народное дело», «Темное царство» (2-я статья), «Всероссийская иллюзия, разрушаемая розгами», «Когда же придет настоящий день?», «Черты для характеристики русского простонародья», «Луч света в темном царстве», «Непостижимая странность», «Забитые люди».

В этом разнообразии тем и сюжетов отразилась жизнь России, перспективы ее развития и неотложные задачи преобразования. Статьи молодого критика оказались столь актуальны, а теоретическая основа их так оригинальна, что «Современник» стал действительно мощной силой воздействия на читающую публику. Ни один журнал той эпохи не мог с ним соперничать с шансами на успех. Литературная деятельность Добролюбова вызвала потребность в борьбе за лучшее будущее. «Человек и его счастье!» — вот добролюбовский девиз. Эти слова стали девизом и того органа, в котором он так настойчиво, не жалея себя, трудился. Добролюбов полностью отдавался делу, оставаясь верным тому стремлению, которое он определил, еще будучи студентом: «Жизнь, безопасность личную я отдам на жертву великому делу»³³. Летом 1859 г. на Добролюбове лежала вся тяжесть выпуска журнала. Он отмечал: «Чернышевский уехал в Лондон, Некрасов — в Ярославскую губернию на охоту, а Панаев не заглядывает, живет на даче». Такого напряжения любой организм не выдержит. Вот почему эти слова из письма к М. И. Шемановскому воспринимаются более чем трагедия одной личности. Уже с 1858 г. Добролюбов довольно часто впадал в состояние апатии и депрессии. С редкой беспощадностью он относился к самому себе, к своим способностям. Пропадала вера в способность сделать что-либо нужное и тем более выдающееся. Переписка с близкими друзьями убедительно отразила это состояние душевной жизни. Из письма к И. И. Бордюгову: «Работа мне сделалась тяжела и отвратительна. Если бы не нужда в деньгах, не взялся бы за перо»³⁴. Из письма к Шемановскому: «Ведь ты знаешь, что вся наша надежда на будущие поколения. Было время, и очень недавно, когда мы надеялись на себя, на своих сверстников; но теперь и эта надежда оказалась неосновательной. Мы вышли столь же вялыми, дряблыми, ничтожными, как и наши предшественники. Мы истомимся, пропадем от лени и трусости»³⁵. Когда резко ухудшалось здоровье

и настроение, в письмах звучали ноты отчаяния. Но все же сознание полезности своей деятельности и ответственности перед временем, а в особенности перед народом, брало верх.

Н. А. Добролюбов продолжал трудиться в «Современнике» с необычайной производительностью и успехом. «Поверь,— говорилось в одном из его писем,— что в жизни есть еще интересы, которые могут и должны зажечь все наше существо и своим огнем осветить и согреть наше темное и холодное житишко на этом свете. Интересы эти заключаются не в чине, не в комфорте, не в женщине, даже не в науке, а в общественной деятельности. До сих пор нет для развитого и честного человека благоприятной деятельности на Руси; вот отчего и вянем, киснем, и пропадаем все мы. Но мы должны создать эту деятельность; к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в природе нашей... Мы можем овладеть настоящим и удержать за собою будущее»³⁶.

Как широк и, в сущности, дерзок план деятельности, насколько он богат мыслями, насколько твердо нацелен на поступок! Начинать надо каждому с самого себя, оставив в стороне все, что связано с чином, государственной карьерой, комфортом, и даже с наукой,— все должно быть посвящено общественной деятельности, а конкретно — кардинальному изменению положения народных масс. Условия для честного труда сами по себе не возникнут; их надо вызвать, создать борьбой. Только в этом случае можно овладеть настоящим и достигнуть желаемого в будущем.

Опираясь на наследство В. Г. Белинского и на пример служения родине А. И. Герцена, Н. А. Добролюбов пересматривает все сложившиеся элементы общественного миропонимания и мировоздействия. Действовал он прежде всего в сфере литературной критики, его господство здесь было безраздельно. Добролюбовым вырабатывался и развивался новый взгляд на литературу, а через литературу на жизнь, на современные ее проблемы. Критическое слово становилось актуальным делом, призывавшим к осмыслению жизни, ее критике и изменению. Речь шла о том, чтобы литература служила народу, выясняла и определяла его стремления и непосредственные задачи. Добролюбовская «реальная критика» имела именно такое назначение, она явилась теорией познания и изменения жизни сознательной волей человека. Отсюда следовал вывод о том, что литературное произведение может быть ценным и значительным только тогда, когда в нем жизнь сказала сама по себе, без тенденций и придуманной программы автора. Социальный заказ состоял в одном — в правдивости выражения жизни. В ней и суть народности. Критик был глубоко убежден в том, что объективное понимание данного этапа состояния жизни народа совпадает с интересами самого народа. Только понимание жизни может быть основой для поступков. Деятельность писателя в этой связи сводится к выполнению известного добролюбовского принципа — писать под диктовку жизни. Кто это умеет, тот созвучен времени, тот не останется в тени истории, тот оказывает прямую помощь прогрессу, ускоряет его. Суть же прогресса состоит в достижении человеком счастья. Благо народа — такова обязанность и задача литературной деятельности. В свете такого подхода все прошлое литературы требует решительного переосмысления. Беллетристика, сатира, поэзия не могут плодотворно развиваться без научной критики, без определения того, как жизнь отзывалась в различных жанрах литературы.

Н. А. Добролюбов оставил непревзойденные литературные памятники. Определяющей мыслью этих его критических произведений был призыв взяться за дело для спасения России от внутреннего зла. Так он писал о «Губернских очерках» (1857 г.) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это зло стало особенно невыносимым и очевидным после войны 1853—1856 гг., но оно было и прежде, обломовщина — ее определение. Статья «Что такое обломовщина?» (1859 г.) преследовала высокие гражданские цели. Это — прежде всего суровое осуждение бездеятельности, инертности, лени, тунеядства, безразличия. Речь шла

о патологическом состоянии общества в целом. Причина этому — крепостной строй русской жизни, его вековые традиции. Такого рода традиция превратилась, по словам автора «Обломова», в «стихийную русскую черту»³⁷. Таким образом, борьба с обломовщиной означала оздоровление нации, пробуждение гражданских чувств в народе.

В. И. Модестов, один из соучеников Н. А. Добролюбова, писал: «Статья „Что такое обломовщина?“ является первой статьей, где литературный талант Добролюбова обнаружился с необыкновенной силой как талант критика и публициста первого ранга с яркою индивидуальную печатью писателя... Статья принадлежит целиком его уму, его таланту, его критическому методу... Какое счастье для романиста, что он нашел себе такого умного ценителя и истолкователя»³⁸.

В 1859 г. в 7-м и 9-м номерах «Современника» напечатана самая большая статья Н. А. Добролюбова о сочинениях А. Н. Островского «Темное царство», а в номере 10 за 1860 г. — «Луч света в темном царстве». Значение этих работ не только и не столько в критическом разборе пьес великого драматурга. Островский дал критику необходимый материал, характерный для крепостной России, для создания цельной концепции «темного царства». Темное царство — особый и обособленный мир. В нем господствует внешняя покорность, доведенная до предела, когда нет места понятию «личность». В мире темного царства взаимоотношения людей покоятся на «рабской хитрости, гнуснейшем обмане и бессовестном вероломстве. Тут никто не может ни на кого положиться... Ничего святого, ничего чистого, ничего правого в этом темном мире: господствующее над ним самодурство, дикое, безумное, неправое, прогнало из него всякое сознание чести и права. И не может быть их там, где повержено в прах и нагло растоптано самодурами человеческое достоинство, свобода личности, вера в любовь и счастье, и святыня честного труда»³⁹.

Так Добролюбов рисует картину «темного царства». Здесь два полюса — забитый и обезличенный человек и безраздельное господство самодурства. И угнетающий, и угнетенный лишены знаний, «работы для мысли — почти никакой», да в ней нет и потребности. Послушание возведено в высший закон. Взаимоотношения между живущими в «темном царстве» определяются так: «то ползают перед высшими, то, в свою очередь, задирают нос перед низшими»⁴⁰. Гнетущая атмосфера «темного царства» естественно возбуждает вопрос, в чем же выход из этого мира богатства, хищничества и порабощения и есть ли он? — «Выхода из „темного царства“ мы не нашли в произведениях Островского»⁴¹. Необходимо заметить, что Добролюбов «темное царство» понимал расширительно. Для него вся крепостная Россия есть темное царство.

Понятно, в свете такой, в сущности, революционной постановки проблемы А. Н. Островский не мог дать ответа на вопрос, где выход, где мысль работала в ином направлении, он воспроизводил жизнь так, какой она ему виделась. Н. А. Добролюбовым же руководила революционная идея преобразования России. Пути различны, но все же драматург дал материал критику, чтобы тот мог решительно сказать, что даже «темное царство» не может полностью вытравить чувство человеческого достоинства, что это чувство живуче и неодолимо. Так появилась в 1860 г. знаменитая статья — «Луч света в темном царстве», то был разбор драмы «Гроза». Автор статьи писал: «Мы имеем в самой драме страшное свидетельство, говорящее нам, что жизнь в „темном царстве“ хуже смерти. Тихон, бросаясь на труп жены, вытащенной из воды, кричит в самозабвении: „Хорошо тебе, Катя! А я то зачем остался жить на свете да мучиться!“ Этим восклицанием заканчивается пьеса, и нам кажется, что ничего нельзя было придумать сильнее и правдивее такого окончания»⁴².

«Луч света» как трактовка поведения и поступка героини Островского складывалась у критика не только из характеристик, данных драматургом. Известный революционный деятель 60-х г., знавший и горячо любивший Добролюбова, заметил: Ф. Н. Снеткова — «трогательнейшая из всех Катерин

вдохновительница статьи Добролюбова — „Луч света в темном царстве“»⁴³. Очевидно, драматург и исполнительница роли Катерины, каждый по-своему воздействовали на критика, который в данном случае становится политическим публицистом. Статья имела прежде всего социально-общественное направление и выходила за рамки литературно-критического обозрения. Подавляющее большинство историков и историков литературы считают статью «Темное царство» вершиной творчества Добролюбова.

В этой связи мне представляется интересным и полезным напомнить, что мотив для изображения «темного царства» был дан еще Н. В. Гоголем. В его книге «Выбранные места из переписки с друзьями» имеются такие строки: «И понятно тоскою уже загорелась земля; черствее и черствее становится жизнь, все мельчает и мельчает, и возрастает в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире»⁴⁴. Приговор однозначный и страшный. Нельзя допустить, что Добролюбов не обратил внимания на это место из «Переписки».

«Темное царство» представляло высшую ступень напряженности людских отношений, когда действительно должна разразиться гроза. Добролюбов отлично понимал, что выход надо было искать не в поступке и не в поступках Катерины. «Луч света» только символ веры в пробуждение народа, а эта тема нашла свое развитие на материале тургеневской повести «Накануне». Произведение написано в 1859 г., а события, описываемые в нем, относятся к кануну войны 1853—1856 гг. Россия накануне позорного поражения и в канун падения крепостного права. И. С. Тургенев взялся за разработку темы громаднейшего исторического значения, переломной эпохи в жизни русского народа. Писатель пытается определить судьбу своей родины, это — отклик на состояние и возможное развитие страны. Тема оказалась очень дорогой и близкой для Добролюбова. Все его размышления и думы были обращены именно в эту сферу. «Когда же придет настоящий день?» — был вопросом всех вопросов для критика и, по существу, политика-революционера, ибо речь шла о проблемах строго политических. Тургеневская постановка вопроса сводилась к тому, чтобы решительное обновление внутренней жизни России произошло мирно, усилиями либерального общества, реформаторским путем. Иную трактовку стоящих перед страной проблем отстаивал Добролюбов, для которого было совершенно очевидным, что ни либералы, ни правительство не способны на коренные поступки в преобразовательной деятельности. «Настоящий день» — это начало борьбы народа за свое освобождение. Если эта мысль только угадывалась в статье «Когда же придет настоящий день?», то в письме своему другу С. Т. Славутинскому (март 1860 г., т. е. время, когда вышла в свет статья) Добролюбов прямо говорит о незамедлительном воздействии на народ всеми доступными способами. Таким образом, перед нами — два несовместимых подхода к одному и тому же предмету. Но «Накануне» — это произведение, дающее все необходимое критику для понимания и изложения настоящего и будущего России. Добролюбов указывает, что как ни плоха наша жизнь, но она тем не менее породила новые идеи, выработала новые типы людей, жаждущих простора и благородного поступка. Уже близко время, когда русский Инсаров окажется во главе масс. Русский Инсаров «необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он, наконец, этот день»⁴⁵. Оптимизм критика имел основание, ибо жизнь требовала новых людей, а они-то могли бы сказать и новое слово, и совершить поступок, достойный этого слова. В исторической литературе можно встретить мысль о том, что добролюбовский разбор «Накануне» содержит обращение к интеллигенции сблизиться с народом, изучить его и выполнить миссию русского Инсарова. В данной связи мне представляется интересным воспоминание Н. Валентинова об отношении В. И. Ленина к критическому творчеству Добролюбова: «Две

его статьи, — одна о романе Гончарова „Обломов“, другая о романе Тургенева „Накануне“ — ударили как молния... Из разбора „Обломова“ он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне“ настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается»⁴⁶.

Разборы произведений И. А. Гончарова, А. Н. Островского и И. С. Тургенева указали на состояние России тех лет, определили новые подходы к пониманию жизни и сформулировали новый революционно-демократический взгляд на современность. Это памятники энергии и мысли. Другие критические работы Н. А. Добролюбова не имеют столь определенного общественно-политического направления.

В характеристике А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова (который ему более других был близок), А. В. Кольцова Н. А. Добролюбов исходил из понимания их В. Г. Белинским, хотя и здесь запечатлел свою индивидуальность. Так, идея народности в литературе обогащена им. Сказано много нового о сатире XVII в. и первых десятилетий века девятнадцатого. Он достойно заменил Белинского.

Не менее значителен вклад Добролюбова в раскрытие закономерностей и особенностей стран Западной Европы. Им вносится в русское общественное сознание новое понимание чрезвычайно важных сторон развития капитализма. Первенствующее значение в этом отношении имеет статья «От Москвы до Лейпцига» (1859 г.). В ней подробно обосновывается мысль о том, что победа капитализма явилась результатом закономерности, что «история делается не мыслителями», а совершается независимо от наших желаний. Утверждение капиталистического строя повсеместно сопровождалось вытеснением мелких ремесел крупными фабриками, разорением крестьянства и появлением более изощренных форм порабощения сильными слабыми, бедными богатыми.

«И вышло, что рабочий народ остался под двумя гнетами: и старого феодализма, еще живущего в разных формах и под разными именами во всей Западной Европе, и мешанского сословия, захватившего в свои руки всю промышленную область. И теперь в рабочих слоях накапливается новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней. Спасут ли Европу от этой борьбы гласность, образованность и прочие блага, восхваляемые г. Бабстом, — за это едва ли кто может поручиться»⁴⁷.

Для России конца 50-х гг. XIX в. вывод о том, что капитализм обречен, несмотря на его бурное развитие, был по сути дела большим откровением в общественной мысли.

Для Добролюбова желателен только такой путь развития, началом которого является решительная перемена в «основании» жизни государства: изменить это основание может «народным способом воздействия», т. е. революционным, «милостыней не устраивается быт человека»⁴⁸.

В свете этой предпосылки становятся ясными слова: «Да, счастье наше, что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше»⁴⁹. Революция даст не только новый импульс для усвоения положительного опыта Европы, но сделает реальным путь собственного русского оригинального развития. Народ, вступивший на поприще исторической жизни, не может копировать чужое развитие, его не поглотит поток европейского капитализма, он останется самим собой, хотя в основе прогресса есть общее начало. Это же относится и к взгляду на социализм. Называя себя отчаянным социалистом, Добролюбов был далек от мысли, что Россия может прямо воспринять европейские социалистические проекты. Он был уверен, что Россия проложит себе путь социального развития. В творчестве народных масс он видел успех в выборе пути социально-политического разви-

тия страны. Пробуждению этого творчества была отдана вся энергия великого ума Добролюбова.

В заключение хочется еще раз вспомнить слова В. И. Засулич о том, что трудно представить себе то время, когда Н. А. Добролюбов потерял бы интерес для общества, для истории общественной жизни. Вера в народ и его неиссякаемое творчество, восприятие жизни современной на базе прошедшего опыта, действие под диктовку требований современных проблем, никогда не устает.

Примечания

- ¹ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 18. Л., 1978, с. 72.
- ² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1950, с. 852.
- ³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. Л., 1981, с. 173.
- ⁴ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 48, 226, 238.
- ⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 370.
- ⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 8. М.—Л., 1964, с. 463.
- ⁷ «Полярная звезда» на 1856 г. Кн. II. Лондон. Факсимильное издание. М., 1966, с. 109.
- ⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. 1. СПб., 1912, с. 31.
- ⁹ Его же. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. 1. СПб., 1855—1858, с. IV.
- ¹⁰ Полянский В. Н. А. Добролюбов. М., 1933, с. 70.
- ¹¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 8, с. 23.
- ¹² Зайцев В. Избр. соч., т. 1. М., 1934, с. 196.
- ¹³ Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества. СПб., 1904, с. 237.
- ¹⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 24. М.—Л., 1927, с. 59.
- ¹⁵ Полянский В. Указ. соч., с. 36.
- ¹⁶ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Под ред. Е. В. Аничкова. т. 7. СПб., 1913, с. 9, 10 (Вводная статья Е. В. Аничкова.)
- ¹⁷ Его же. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 9. М., 1964, с. 254.
- ¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 851.
- ¹⁹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. 1, с. 917.
- ²⁰ Там же, с. 632—633.
- ²¹ Там же, с. 119.
- ²² Там же, т. 4. СПб, 1911, с. 264.
- ²³ Там же, т. 2. СПб., 1912, с. 355.
- ²⁴ Там же, т. 4, с. 335.
- ²⁵ Его же. Полн. собр. соч. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. 1, с. 250.
- ²⁶ Его же. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 1. М., 1935, с. 465.
- ²⁷ Там же, т. 2. М., 1935, с. 187.
- ²⁸ Там же, т. 4. М., 1935, с. 434.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Современник (СПб.), 1865, № 1 («Литературные мелочи»), Русское слово (СПб.), 1865, № 2 («Последнее мое объяснение...»).
- ³¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч., т. 11. М., 1983, с. 88.
- ³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 851.
- ³³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 8, с. 463.
- ³⁴ Там же, т. 9, с. 342.
- ³⁵ Там же, с. 322.
- ³⁶ Там же, с. 257—258.
- ³⁷ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, М., 1952, с. 148.
- ³⁸ Новь (СПб.), 1886, № 6, с. 237—238.
- ³⁹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 8, с. 56.
- ⁴⁰ Там же, с. 111.
- ⁴¹ Там же, с. 133.
- ⁴² Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. 4, с. 434.
- ⁴³ Обручев В. А. Из пережитого.— Вестник Европы, 1907, № 5.
- ⁴⁴ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки к друзьям. СПб., 1847, с. 284.
- ⁴⁵ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 2, с. 240.
- ⁴⁶ Валентинов Н. Встречи с Лениным — Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 134.
- ⁴⁷ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. 3. СПб., 1912, с. 837.
- ⁴⁸ Там же, с. 837.
- ⁴⁹ Там же, с. 849.

О. В. НАУМОВ

**МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СССР
(1917— середина 30-х годов)**

Среди важных в историографии советского общества 1917— середины 30-х гг. остаются вопросы о формировании интеллигенции, в том числе и технической. Без инженеров и техников, руководителей производства невозможно было восстановить разрушенную империалистической и гражданской войнами экономику, ликвидировать разруху и голод и тем более нельзя было успешно решать гигантские задачи индустриализации страны, задачи создания экономического фундамента нового общества.

Первые работы, посвященные истории советской технической интеллигенции, появились уже в 20-е гг. Но интенсивно история формирования одного из наиболее значительных отрядов интеллигенции стала разрабатываться в последние полтора-два десятилетия¹.

Однако при кажущейся изученности темы в литературе нет единого определения самого понятия «интеллигенция», а следовательно, и понятия «техническая интеллигенция». В существующих ныне определениях эти понятия трактуются чрезвычайно разнообразно. Одни исследователи понимают под интеллигенцией всех «нерабочих», другие — лишь лиц, имеющих высшее специальное образование. Но самое главное — во всех существующих определениях интеллигенции отсутствует принцип историзма, т. е. не учитываются качественные изменения этого отряда общества.

Между тем от разработки, например, определения понятия «социалистическая интеллигенция» зависит и решение вопросов о времени перехода буржуазных специалистов от профессионального сотрудничества к сознательному участию в социалистическом строительстве.

В исторической литературе имеются определенные разногласия и в изучении формирования социалистической технической интеллигенции на разных этапах строительства социализма в нашей стране. Во многом это обусловлено тем, что авторы проводят свой анализ на местном материале, распространяя выводы на всю страну.

Что касается использования статистических публикаций для анализа этих проблем, то, как правило, не учитывается специфика статистики того времени, когда не было четко определено понятие «специалист». Выход из такого положения видится в создании базы надежных и сопоставимых данных на основе уже имеющихся сведений. Но для реализации такой задачи необходимы тщательные источниковедческие исследования по всему кругу известных статистических материалов по теме. Такие исследования проводятся². В ряде из них поставлены и источниковедческие, и методические задачи³. Однако в историографии не нашли еще должного освещения специфические вопросы использования массовых источников для анализа именно технической интеллигенции,

Наумов Олег Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

вообще не упоминаются учеты специалистов народного хозяйства, проведенные Народным комиссариатом труда, материалы делопроизводства и личного учета инженерно-технических секций профсоюзов.

В предлагаемой читателю работе рассматриваются информативные возможности массовых источников по истории формирования технической интеллигенции, их состав, программы обследований и т. д.

* * *

Комплекс массовых источников по истории формирования социалистической технической интеллигенции в СССР нельзя ограничивать специальными обследованиями по изучению данного отряда работников умственного труда. Совершенно очевидна потребность проанализировать и массовые источники, в которых отражены сведения о технических специалистах или хотя бы о части их наряду с другими классами и группами населения. Следует отметить, что материалы некоторых обследований уже были объектами источниковедческого изучения, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на условиях их проведения, программах, охваченной территории и т. п. вопросах⁴.

Рассмотрение статистических обследований следует начать с Первой всероссийской профессиональной переписи 1918 г. Правда, весьма емкая по содержанию личная карточка рабочего (основной инструмент обследования) была ориентирована преимущественно на изучение рабочих, а не специалистов. К тому же в публикацию из 37 вопросов, содержащихся в личной карточке, вошли лишь 22⁵. За ее рамки оказались такие важные для социальной характеристики вопросы, как профессия, должность, образование, возраст при поступлении на промышленное предприятие, общий стаж работы в промышленности, преемственность в фабрично-заводском труде. Эффективно использовать опубликованные сведения препятствует аморфность фигурирующей в публикации группы служащих, которая по сути является группой «нерабочих».

Все это диктует необходимость обращения к первичным материалам, повторная обработка которых позволяет дать всестороннюю характеристику производственно-технической интеллигенции. Наибольшее значение для анализа качественного состава специалистов имеют вопросы личной карточки о должности, профессии и образовании. Выяснить место и роль ИТР на производстве помогают следующие графы: общий стаж работы в промышленности, стаж работы в должности и профессии, преемственность в фабрично-заводском труде, прежняя профессия или занятие. На основании личной карточки можно судить об общественной и производственной активности специалистов и руководителей производства, о величине и системе заработной платы. Содержала карточка и демографические сведения.

Большое значение Всероссийской профессиональной переписи 1918 г. состоит в том, что ее материалы позволяют подробно изучить один из ведущих отрядов интеллигенции в первый год диктатуры пролетариата. Следовательно, на повестке дня стоит задача повторной обработки первичных материалов, которые сохранились (за исключением личных карточек по Москве) и находятся в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР⁶.

К сожалению, больше профессиональных переписей в переходный период не производилось. Однако этот пробел в определенной мере восполняется другими массовыми обследованиями профсоюзов.

В апреле—июне 1929 г. ЦСУ провело профсоюзную перепись рабочих и служащих 340 предприятий трех основных индустриальных союзов — металлостроителей, горняков и текстильщиков. Хотя недостаток средств вынудил организаторов сделать обследование выборочным, лица административно-технического персонала переписывались на всех предприятиях полностью. Материалы обследования содержали сведения об образовании, профессии, квалификации и уровне производственной подготовки, стаже работы, занятиях до прихода на производство, а также о партийности, общественной активности и социальном происхождении опрошенных. Особое внимание регистраторов при заполнении графы «Занятие опрошиваемого», представленной в виде таблицы, обращалось на полноту обозначения профессии и специальности на каждом месте работы⁷. Однако итоги переписи, выполненные на высоком профессиональном уровне и опубликованные в различных из-

даниях, касаются преимущественно рабочих⁸. В тех же случаях, когда затрагиваются другие категории, то фигурирует аморфная группа «служащие».

Также выборочному обследованию были подвергнуты в конце 1929 г.— первой половине 1930 г. еще несколько профессиональных союзов: в сентябре 1929 г.— строители, в ноябре—декабре — железнодорожники, в первом полугодии 1930 г.— химики, печатники, бумажники, деревообделочники, кожевники и пищевики⁹. По всей видимости, эти материалы в отношении специалистов не были разработаны, так как в публикации итогов анализ технических сил дается на основании учета, проведенного Народным комиссариатом труда СССР по состоянию на 1 мая 1930 г.¹⁰

Через два года после первой — весной 1931 г.— была проведена повторная перепись металлостов. Однако охват ее был значительно уже: обследованию подверглись только 9 заводов Ленинграда, 7— Украины, 2— Урала и 2 завода Москвы. Но ценно, что программа сбора и обработки данных этой переписи была аналогичной предыдущей.

В 1930 г. ВЦСПС была проведена сплошная перепись новых членов профсоюзов. Бланки заполнялись одновременно с учетной карточкой. Всего было собрано более 1150 тыс. заявлений о вступлении в профсоюз (в том числе 563 тыс. по промышленной группе). В анкете содержались пункты: возраст, национальность, образование, социальное происхождение, партийность. Целый блок вопросов был направлен на выяснение профессионально-должностной структуры как в момент опроса (занимаемая должность и выполняемая работа, в каком цехе или отделе работает), так и до этого (чем занимался до поступления на данное предприятие или учреждение; если раньше работал по найму, то требовалось указать точное наименование предприятия или учреждения, в котором¹ работал последнее время, занимаемую должность и продолжительность работы). Однако итоги обследования, опубликованные в 1933 г., так же, как и рассмотренные выше, содержат данные, касающиеся исключительно рабочих¹¹.

Завершает серию профсоюзных переписей массовое обследование 1932 г., приуроченное к кампании по обмену членских билетов. Она планировалась организаторами как сплошная и всеохватная, но решение о ее проведении приняли только 28 союзов¹². Кроме того, в 1933 г. выборочную перепись на 10 крупных фабриках провели хлопчатобумажники. Однако на представительности материалов обследования отрицательно сказалось то, что не были охвачены такие крупные профсоюзы, как общего машиностроения и железнодорожного транспорта. Переписи подлежали все работающие члены профсоюза на предприятиях и в учреждениях, причем в 11 союзах (в том числе автотракторной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, основной химии, черной и цветной металлургии) регистрировались и нечлены союзов, что существенно повысило степень охвата обследованием. Всего было зарегистрировано 1487 тыс. человек, или более 50% всех работающих. Формуляр анкеты был составлен в значительной степени с учетом того, что перепись проводилась силами добровольцев, т. е. лиц, не обладавших необходимой специальной подготовкой. Поэтому все 25 пунктов были сформулированы очень четко, а в большинстве случаев давалось несколько вариантов ответов на вопросы. На основании материалов анкет можно дать характеристику профессионально-должностной структуры, образовательного уровня, половозрастного, национального, партийного и социального состава, выявить ударников и членов хозрасчетных бригад, выяснить стаж работы по найму, размер заработной платы, связь с сельским хозяйством и т. п. Однако публикация итогов является абсолютно бесполезной для изучения формирования технической интеллигенции, так как разработаны лишь материалы применительно к рабочим и ученикам¹³.

Помимо всевозможных переписей сведения о количественном и качественном составе инженерно-технических кадров СССР содержали единовременные учеты.

В 1925 г. по состоянию на 1 июня был проведен учет персонала фабрично-заводской промышленности, который охватил все ценовые предприятия с числом занятых в них лиц свыше 50¹⁴. Обследование проводилось по двум формулярам, которые заполнялись заводоуправлениями. Бланк «А» включал в себя профессии работавших в производственных отделах, причем для многих производств были составлены с помощью экспертов бланки с перечнем производственных отделов, внутри которых выделялись характерные профессии. В бланке «Б» (общем для всех предприятий) переписывались профессии и должности по отделам, которые имелись на всех заводах и фабриках. В опубликованных итогах переписи интерес для изучения технической интеллигенции представляет таблица 3, где дано распределение всех зарегистрированных служащих по профессиональным группам. Раскрывая внутреннюю структуру ИТР, таблица лишний раз свидетельствует о том, насколько разнородной является группа «служащие», фигурирующая в статистике труда переходного периода.

Отраслевая структура технических сил промышленности СССР отражена в таблице, где дается распределение административно-технического персонала (подразделенного на 10 категорий) по 20 группам производства. Более детальный анализ отраслевой структуры ИТР возможен на основе таблицы «Состав персонала ценовой промышленности СССР по профессиям, полу и основным возрастным группам». В ней выделена 81 подгруппа (примечательно, что для каждой отдельной профессии указывается преобладающий тарифный разряд).

Следующий учет профессионального состава персонала фабрично-заводской промышленности был произведен по аналогичной программе два года спустя — на 1 ноября 1927 г. Используя эти данные, можно вести прямое сопоставление итогов двух массовых обследований. Публикация была осуществлена в восьми выпусках, а в девятом приводились сводные данные. В таблицах содержатся сведения по группам производств и отраслям промышленности о численности различных категорий служащих в 1925 г. с распределением по полу и возрастным группам — подростки, 18—21, 22—29, 30—39, 40 и более лет¹⁵ (аналогично группировке 1925 г.).

В рассматриваемое время проводились и обследования специалистов. Так, в конце 20-х гг. было проведено сплошное обследование институтов научно-технического управления ВСНХ. Материалы этого обследования позволяют изучить положение в одной из групп технической интеллигенции — научно-технической. Всего было обследовано 1640 специалистов, которые были разбиты на 5 групп: 39 управляющих, директоров институтов и их заместителей, 205 заведующих отделами, 415 главных инженеров и инженеров, 765 научных работников, 216 человек прочего административно-технического персонала. Программа обследования включала данные о возрасте, социальном составе, уровне образования, партийности и партстаже, стаже работы и деловой квалификации (в том числе и до революции) и некоторые другие. Итоги обследования не были опубликованы, лишь частично они приводились в статье К. К. Кудряцева¹⁶.

В 1933 г. по состоянию на 1 ноября по широкой программе было проведено обследование специалистов и руководящих работников СССР. Оно охватило служащих ЦИК и СНК СССР и союзных республик, областные (краевые) исполкомы, райисполкомы, горсоветы, НКВД, систему Госплана, Наркомфина, ЦУНХУ, органы бывшего ЦКК НК РКИ, систему Наркомтяжпрома, Наркомлегпрома и других наркоматов, учреждения Академии наук СССР и т. п. Руководящими работниками и специалистами считались: в производственных отраслях — все инженеры, специалисты и руководители предприятий, цехов и смен (начиная от мастеров и десятников); в учреждениях и управленческом аппарате — все руководители учреждений, отделов, секторов и прочих частей аппарата, а также специалисты без административных функций; в вузах и научно-исследовательских институтах — все руководители институтов, кафедр и весь научно-педагогический персонал. Всего было зарегистрировано 86 тыс. человек, что составляло, по мнению организаторов, не менее 90% руководящих работников и специалистов. Опубликованные итоги позволяют осветить три круга вопросов: численную характеристику партийно-политической и рабочей прослойки специалистов; состав коммунистов — руководящих работников и специалистов; удельный вес молодых специалистов, окончивших вузы и втузы в годы первой пятилетки, их партийность и социальный состав. Следовательно, можно выяснить число специалистов, занятых в различных учреждениях, их распределение по должности, образованию, партийности и социальному положению.

Таким образом, богатейшие сведения по истории формирования технической интеллигенции в СССР, содержащиеся в многочисленных массовых профессиональных и профсоюзных обследованиях, как правило, не входили в публикацию итогов. Поэтому перед исследователями стоит задача поиска первичных материалов, а в тех случаях, когда они сохранились и найдены, их повторной обработки.

* * *

Другая группа массовых источников по истории формирования технической интеллигенции в СССР представлена учетами специалистов народного хозяйства, проведенными Главным бюро учета технических сил (которое сначала находилось в ведении ВСНХ, а в 1921 г. было передано Народному комиссариату труда). Данный комплекс включает две разновидности источников. Во-первых, аналогичные первичным материалам переписей персональные регистрационные карточки, заполнявшиеся на всех специалистов на первой стадии проведения учета. А во-вторых, сводные матери-

лы, составлявшиеся как по итогам регистрации, так и периодически (ежегодно, ежеквартально или ежемесячно).

Ценность материалов учетов обусловлена несколькими моментами. Они были нацелены на анализ именно интеллигенции, поэтому наибольшее внимание в анкетах этих обследований уделялось специфическим вопросам, важным для определения облика специалистов, — образованию, должности, производственному стажу и т. п. В них были поставлены такие вопросы, которые позволяют проследить динамику процессов, происходивших в среде технической интеллигенции с начала века, а иногда и раньше. И наконец, материалы учетов специалистов вследствие широты охвата и обширности программы могут быть сопоставлены с любым другим массовым обследованием.

Первый учет технических специалистов был произведен Главным бюро технических сил НТО ВСНХ в 1919—1921 гг. Понятный аппарат еще не был разработан в достаточной степени и к техническим специалистам относили всех, обладавших более или менее высокой квалификацией, независимо от того, каким образом она была получена — путем образования или же практическим опытом. Обязательной регистрации подлежали лица, имевшие высшее образование (за исключением врачей и юристов), а также студенты двух последних курсов высших учебных заведений (кроме юридических и медицинских факультетов). Существенным недостатком данного учета являлось уклонение части специалистов от регистрации из опасения быть мобилизованными. Всего же на учете к 1 мая 1921 г. состояло 28 675 технических специалистов.

Сразу же после передачи Главного бюро учета техсил в ведение Народного комиссариата труда СССР (НКТ СССР) был поставлен вопрос перед СНК о проведении нового учета. Его предполагалось начать 15 мая 1922 г. и закончить в конце лета или начале осени 1922 г. Однако ряд организационных трудностей отодвинул начало учета на месяц, а сбор регистрационных карточек не был закончен даже к середине 1923 г. Учету подлежали все граждане РСФСР без различия пола и возраста, независимо от того, работали ли они в военном или гражданском ведомстве, на кооперативных, общественных или частных предприятиях. Регистрации подлежали и специалисты, работавшие не по найму, и отбывающие наказание по постановлению судебных и административных органов. Учитывались лица, получившие подготовку не ниже среднего специального образования; окончившие низшие технические учебные заведения и специалисты-практики, если они имели стаж руководящей работы более двух лет; ушедшие из высших специальных учебных заведений с последних двух семестров, если в момент учета они работали по одной из технических специальностей, и студенты последнего курса высших технических учебных заведений по специальным спискам Главпрофобра.

Правильность и точность сведений регистрационных карточек заверялись учреждениями, предприятиями или органами труда. Все заполненные карточки пересылались в уездные отделы труда, которые направляли их в губотделы с подробным указанием численности учетных и с разбивкой их по специальностям. В губернских отделах проверяли правильность заполнения карточек и размножали их в двух экземплярах (а в губерниях, входивших в областные объединения или автономные республики, — в трех), один из которых отправлялся в НКТ.

Народный комиссариат труда, основываясь на опыте предыдущего обследования, приложил большие усилия к максимальному охвату технических специалистов. Была проведена широкая пропагандистская кампания, разъясняющая цели и задачи учета, в ходе которой подчеркивалось, что регистрация не влечет за собой принудительной мобилизации, а напротив, вставшие на учет специалисты получают ряд льгот. Эти мероприятия, по свидетельству М. Г. Бравермана, опубликованного единственную статью по итогам учета¹⁷, целиком увенчались успехом.

Следующие учеты специалистов народного хозяйства проводились по решению ЦИК и СНК СССР в 1927—1932 гг.¹⁸ НКТ СССР издавал на их основе постановления, где подробно объяснялись цели и задачи учетов, назывались органы, ответственные за их проведение, и сроки, в которые предполагалось их осуществить¹⁹. К каждому учету издавались специальные инструкции — сначала в «Известиях НКТ»²⁰, а затем отдельными изданиями (за исключением учета 1927 г.)²¹. Учеты проводились по согласованию с другими ведомствами: в 1927, 1928 и 1929 гг. — с ВСНХ, НКПС, НКПиТ, НКВМ и ВЦСПС, в 1930 г. — с Госпланом СССР, в 1932 — с ЦУНХУ СССР. А для обеспечения полной и своевременной регистрации привлекались различные организации: межсекционные бюро инженеров и техников, инженерно-технические секции профсоюзов, страховые кассы и др.

Учеты 1927, 1928, и 1929 гг. охватывали лиц, окончивших высшие технические учебные заведения или соответствующие факультеты (отделения) других вузов и среднетехнические учебные заведения, в том числе и за границей. В 1930 г. происходит существенное расширение круга лиц, подлежащих регистрации. Причем изменяется сам критерий определения группы. Если в 1927—

1929 г. учитывалось лишь наличие диплома об образовании, то в 1930 г. — еще и стаж практической работы (при этом в одних случаях принимался во внимание характер и уровень образовательной подготовки²², в других — этот показатель учитывался самостоятельно²³), а также занимаемая должность²⁴. Существенным отличием учета 1930 г. от всех предыдущих было включение в круг обследуемых научных работников (в том числе и аспирантов) по всем областям знания, а также профессоров и преподавателей высших и средних технических учебных заведений. Еще более расширяется контингент регистрируемых в 1932 г.

Желанием выявить все наличные силы специалистов можно объяснить обязательный учет безработных. Таким образом, во всех учетах постоянно присутствовала основная масса технической интеллигенции. Круг же освобождаемых от регистрации был одинаков: состоявшие на действительной военной службе и утратившие более 50% трудоспособности.

Первичные материалы сначала сосредоточивались в местных органах НКТ СССР, а затем пересылались в подлинниках или копиях в Наркомат труда. Исключением является лишь учет 1932 г., когда все личные карточки, согласно постановлению, должны были храниться на предприятиях и в учреждениях, где работали специалисты, а в органы НКТ отсылались лишь сводные отчеты по утвержденным формам. Но дополнительно был опубликован большой список крупных предприятий и новостроек, которые были обязаны отсылать копии карточек непосредственно в НКТ СССР.

Регистрационные карточки учетов 1927—1930 гг. заполнялись самими специалистами. Но постепенно требования к документальному подтверждению сообщаемых сведений возрастали — вместе с заполненной формой специалисты должны были предоставить свидетельство об образовании, справку о производственном стаже, партийный, профсоюзный и учетно-воинский билеты. А в инструкции 1932 г. появляется пункт, согласно которому личный листок заполнялся работником учетного аппарата. Отличительной чертой учетов 1930 и 1932 гг. было подробное объяснение в инструкции порядка заполнения почти всех пунктов личного листка. Таким образом, с каждым разом достоверность сведений, содержащихся в первичных материалах, увеличивалась.

Регистрационная карточка учета 1919—1921 гг. была недостаточно разработанной. Содержащиеся в ней 18 вопросов можно разбить на несколько тематических блоков. Демографическая группа состояла всего из двух пунктов: фамилия, имя, отчество и год рождения. Квалификационные признаки были более разнообразны: где и когда получил специальное образование; если состоит студентом, то какого учебного заведения и на каком семестре; знание иностранного языка; звание по образованию и профессии; специальность главная и второстепенная; наличие трудов практического или научного характера; место работы и должность в момент учета. Особое значение имеет вопрос об ученой и практической деятельности опрашиваемого в течение последних лет и во время регистраций, где требовалось указать отрасли науки и хозяйства, промышленные предприятия и учреждения, где работал специалист, платные должности и время, когда он их занимал. С самого начала проявляется интерес организаторов учетов к выяснению отношения специалистов к военной службе. В регистрационной карточке присутствовали также пункты, позволяющие выяснить территориальное распределение специалистов: губерния, область, уезд, округ, город, местечко, село, заводской поселок, деревня. Если сравнить карточку с личным листком профессиональной переписи 1918 г., то можно заметить сопоставимость важнейших для характеристики технической интеллигенции параметров: должность, профессия, стаж практической деятельности, уровень образования. Но материалы учета 1919—1921 гг. дают более подробное освещение этих вопросов, уступая переписи в плане демографических характеристик и освещения общественной активности. К тому же учет распространялся на всех технических специалистов, а не только на ИТР промышленности. Следовательно, при совместном изучении этих массовых источников историки могут всесторонне исследовать облик технической интеллигенции в первые годы Советской власти.

Аналогичные тематические блоки содержались и в регистрационной карточке 1922 г. Из изменений укажем на новую редакцию графы «гражданство» — «подданство», цель которой — выявление иностранных специалистов. Несколько иные задачи обследования обусловили появление вопроса «Перемещения в служебном положении после учета». А впервые включенный пункт «Правильность изложенного в анкете по имеющимся документам подтверждается» позволяет судить о степени достоверности сообщаемых данных. Таким образом, материалы учета 1922 г., при сохранении основных параметров предыдущего обследования, более информативны и достоверны.

Регистрационные карточки последующих учетов содержали в основном те же крупные тематиче-

ские блоки. Наряду с ними появились и новые, освещающие общественную активность представителей технической интеллигенции, их социальное происхождение и т. п.

Остановимся на производственных характеристиках специалистов. Отрасль производства можно определить следующим образом: в обследовании 1927 г. был специальный пункт (к какому ведомству относится предприятие, в какое объединение оно входит), в других же учетах точное наименование учреждения или предприятия, род производства указывались в ответе на вопрос о производственном стаже, здесь же отмечалось и местонахождение предприятия, что позволяет раскрыть территориальное распределение технических сил. Значительно расширяет возможности характеристики квалифицированных кадров требование указать в графе о производственном стаже все места предыдущей работы как по вышеперечисленным, так и дополнительно по следующим пунктам: должность, характер и время работы. Причем в учетах 1927, 1928 и 1929 гг. отмечалась и категория предприятия, т. е. было ли оно государственным, кооперативным, частным или концессионным. Таким образом, содержащиеся сведения позволяют выявить и дореволюционную, и послеоктябрьскую производственную деятельность старых специалистов, проанализировать процессы, происходившие в среде технической интеллигенции.

Постоянно расширяющийся комплекс вопросов был направлен на выяснение уровня образовательной подготовки. Наиболее разработан данный вопрос в учетах 1930 и 1932 гг., в регистрационных карточках которых он представляет целую таблицу. В ней указывались все учебные заведения, где обучался специалист по следующим графам: наименование и местонахождение учебного заведения или курсов, окончил или нет данное учебное заведение, название факультета или отделения, продолжительность обучения, год окончания или прекращения занятий, специальность по образованию. Причем в 1932 г. отдельно отмечалось партийное и политическое образование. В трех учетах (1927, 1930 и 1932 гг.) имелись также пункты о наличии изобретений, усовершенствований и научных трудов, рассчитанные в первую очередь на научных работников.

Серьезность обследований вела постепенно к усложнению формуляра регистрационных карточек, что особенно сильно проявилось в 1930 и 1932 гг. Так, в учете 1930 г. расширительно ставился вопрос о специальности — не только по образованию, но и по практическому стажу и занимаемой должности. Интересен пункт об учащихся: получал ли стипендию и какую, законтрактрован ли каким-либо учреждением и на какой срок. Также только в этом учете интересовались заработной платой при уходе с должности и социальным положением на работе (являлся ли специалист владельцем, служащим, участвующим в прибылях, или служащим, не участвующим в прибылях, рабочим). В учете 1932 г. был вопрос о работе по совместительству: название учреждения, количество проработанных часов в неделю, заработная плата. Тогда же появился пункт об основной профессии (для членов ВКП(б) к моменту вступления в партию, а для остальных к началу работы в советских учреждениях).

Все учеты в той или иной мере освещают социальную и производственную активность специалистов. Сведения об этом дают вопросы о членстве в ВКП(б) (с указанием партстажа), о членстве в профсоюзе (также с отметкой о длительности стажа и точным названием союза). К началу 30-х гг. данный комплекс значительно расширяется. При проведении учета 1930 г. интересовались, состоит ли опрашиваемый членом инженерно-технической секции, а в 1932 г. — причинами выбытия из Коммунистической партии (если состоял в ней ранее), членством и длительностью пребывания в ВЛКСМ. С 1930 г. введен новый пункт — «Общественная работа с 1917 г.», где указывалось наименование и местонахождение организации или учреждения, в котором специалист выполнял общественную работу, являлась ли она выборной, в качестве кого там работал и точное указание сроков. В 1932 г. данный вопрос видоизменился, в нем появились новые графы, позволяющие проследить общественную деятельность до 1917 г.

На основании материалов учетов 1930 и 1932 гг. можно судить о социальном положении специалистов по ответам на такие вопросы, как социальное положение родителей, их основные занятия до начала трудовой деятельности опрашиваемого (в 1932 г. указывалось и их бывшее сословие или звание), собственное социальное положение (в 1932 г.). Довольно подробно при учетах исследовалось отношение ИТР к военной службе.

По итогам регистрации органы, проводившие учет, составляли отчет по заранее утвержденной форме, схожей с формами единовременных учетов. Для примера рассмотрим форму отчета, использованную в 1932 г. Она была хорошо приспособлена к статистической обработке: если в первой части содержала нецифровую информацию (местонахождение предприятия или учреждения, название ве-

домства, которому оно подчинялось и отрасли народного хозяйства), то далее — исключительно численные показатели.

Помимо этого (кроме учета 1927 г.) существовала и периодическая отчетность о составе зарегистрированных специалистов.

Выяснение порядка проведения учетов специалистов 1919—1921, 1922, 1927, 1928, 1929, 1930 и 1932 гг. и анализ формуляров регистрационных карточек позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на определенное изменение контингента, подлежащего регистрации, можно выделить довольно представительную группу технической интеллигенции, охваченную этими массовыми обследованиями. В результате появляется возможность проследить динамику изменения количественного и качественного состава специалистов не только в годы первой пятилетки, но и начиная с Великой Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, все учеты проводились одним ведомством по сходным программам, что обусловило получение однородного материала. В-третьих, сравнение формуляров регистрационных карточек свидетельствует, что основные вопросы, связанные с производственными и демографическими характеристиками специалистов, их социальным положением, присутствуют во всех учетах. Это позволяет получить сопоставимые данные. В-четвертых, ширина охвата обследованием как в территориальном отношении, так и по контингенту, хорошо разработанная программа дают возможность сопоставить эти учеты со всеми другими массовыми обследованиями технической интеллигенции в переходный период. Следовательно, материалы учетов специалистов народного хозяйства могут быть использованы в качестве основы, базы массовых данных для изучения социальной структуры всей технической интеллигенции и отдельных ее отрядов.

* * *

Большую группу источников по истории формирования инженерно-технических кадров составляют сведения инженерно-технических секций (ИТС). Многоаспектность деятельности ИТС породила разнообразие массовых источников, которые можно разделить на две группы: личные карточки членов ИТС, сходные с первичными материалами учетов специалистов народного хозяйства, и статистические формы отчетности. Рассмотрим личные карточки членов ИТС, которые в разное время назывались также анкетным листком или просто анкетой. В первый период существования ИТС единой формы личной карточки не существовало — они разрабатывались каждым отдельным профсоюзом, но все они утверждались Всесоюзным межсекционным бюро инженеров и техников (ВМБИТ) и ВЦСПС. С самого начала в формуляры карточек были включены основные тематические разделы, которые позволяют дать всестороннюю характеристику технической интеллигенции. Карточки являлись персональными документами, следовательно, содержали пункты о фамилии, имени, отчестве, а часто и о возрасте и т. д. Были в них вопросы, освещающие уровень квалификации члена ИТС. Характерно, что ответы на этот круг вопросов, как правило, должны были подтверждаться документально, о чем делалась специальная отметка в личной карточке²⁵.

В 1929 г. ВМБИТ разрабатывает и вводит как обязательную единую для всех ИТС профсоюзов личную карточку. Она содержала 15 вопросов, которые можно разделить на те же тематические блоки, что и карточки отдельных профсоюзов. Однако в ней прослеживалось стремление к получению единообразного материала (вопросы о производственном стаже и работе в профсоюзных организациях имеют форму таблиц)²⁶.

Появление следующего варианта карточки обусловлено разработкой в 1933 г. единого списка должностей, вступление в которые требовало обязательного членства ИТС. В ней дословно сохранены графы предыдущей карточки, лишь в иной редакции был дан вопрос о партийности и отношении к воинской службе — «К какой партии принадлежит и с какого времени?», а также добавлены три новых пункта: «Социальное происхождение», «Служил ли в армии, участвовал ли в военных действиях (в какой войне, в качестве кого, когда демобилизован)?», «Состоял ли в других партиях (каких, с какого времени и по какое)?»²⁷.

Последняя из относящихся к рассматриваемому периоду личная карточка члена ИТС появилась в 1936 г. По сравнению с предыдущими она, сохранив аналогичные тематические разделы (за исключением пункта об отношении к воинской службе), несколько сократила свою информативность. Это коснулось сведений о производственном стаже, где вместо заполнения обширной таблицы требовалось лишь указать наименование предприятия, учреждения или организации, должность и продолжительность работы. Совсем исчез пункт о научных трудах и изобретениях, менее детализированным стал вопрос об общественной работе (правда, интересова-

лись уже не только профсоюзной, но и вообще всякой бесплатной работой в секционных, советских и общественных организациях)²⁸.

Таким образом, личные карточки членов ИТС и общесоюзные, и отраслевые, отличаясь степенью разработанности отдельных вопросов, являются вполне сопоставимыми массовыми источниками как между собой, так и — что особенно важно — с целым рядом других. Содержащиеся в них сведения позволяют исследовать демографическую, квалификационную и профессионально-должностную структуру технической интеллигенции и дать характеристику общественной активности ее представителей.

Значительно меньше информативностью обладают списки членов ИТС. Однако их значение определяется тем, что они относятся к начальному периоду деятельности ИТС, а следовательно, позволяют изучить ту часть технической интеллигенции, которая первой перешла на сторону Советской власти и приняла активное участие в восстановлении народного хозяйства. Как преимущество надо отметить их периодичность и доступность — списки посылались в Центральное бюро секций и находились в фондах ЦК профсоюзов (они хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР).

Первые списки членов ИТС относятся к 1920 г. и включают следующие графы: фамилия, имя, отчество, звание и занимаемая должность, место службы²⁹. Данный круг вопросов сохраняется и в 1921—1922 гг., но наряду с ними в некоторых списках присутствуют и пункты о получаемом окладе по тарифу или о разряде³⁰. В последующие годы наряду с крайне ограниченными, включающими сведения лишь о фамилии, имени, отчестве, присутствуют списки, мало уступающие по своей информативности личным карточкам³¹. Характерной чертой списков 1921—1923 гг. является наличие в них вопросов об образовательном цензе, звании по образованию или о наименовании оконченного учебного заведения. Эти пункты сохраняются и в последующие годы³². Следовательно, несмотря на отсутствие единообразия в списках членов ИТС, практически все они содержат вопросы, позволяющие изучить состав и профессионально-должностную структуру инженерно-технических работников, и являются существенным дополнением к личным карточкам.

Значительное количественное увеличение членов ИТС обусловило переход к статистическим формам отчетности, чему способствовало и упорядочение организационной структуры секций. В 1926 г. ВМБИТ разработал и внедрил в практику «Карточку № 1 по учету деятельности губбюро ИТС», которая должна была заполняться на 1 декабря каждого года и отсылаться в Центральное бюро ИТС. Из всего комплекса вопросов для изучения численности инженерно-технических работников наибольшее значение имеет таблица «Численность и состав членов ИТС, членов губбюро, местных бюро, уполномоченных на 1 декабря», которая позволяет определить соотношение числа инженеров, техников и практиков, выявить партийную прослойку среди ИТР, осветить ее роль в руководстве инженерно-техническими секциями профсоюзов как непосредственно в коллективах предприятий и учреждений, так и в губернских бюро. Существенным недостатком информации этой таблицы является отсутствие в ней данных о должностном делении, ибо ИТС объединяли далеко не однородную группу, и поэтому перед исследователем встает вопрос: изучать только ту часть членов ИТС, которые имели звание инженера, и оставить вне поля зрения большую часть техников и практиков, входивших в состав секций благодаря занимаемой должности, или изучать всю совокупность, оговорив, что в нее входят представители среднего, а иногда и младшего обслуживающего персонала? Этим же существенным недостатком обладает и «Карточка учета работы», датируемая 1928 г. Эта форма статистической отчетности была существенно расширена по сравнению с 1926 г. Интересующий нас пункт «Число и состав членов секции» также был расширен, что дает возможность дополнительно выяснить производственный стаж ИТР и долю женщин в их составе. Но наиболее важным является включение разбивки на занятых на предприятиях и в учреждениях, позволяющее проследить выполнение директив Коммунистической партии и Советского правительства по привлечению специалистов непосредственно на производство, которое диктовалось грандиозными темпами развития экономики. В 1931 г. ВМБИТ переходит к новой форме определения состава ИТС — вводится «Карточка срочного учета численности ИТР и членов ИТС», которая заполнялась предприятиями и учреждениями на первое число каждого месяца. Судя по вопросам, произошла переориентация внимания инженерно-технических секций на новые задачи, выдвигаемые в ходе социалистического строительства. Помимо пункта об общем количестве ИТР и членов ИТС в карточке имелись графы об участниках социалистического соревнования (в процентах к общему числу), о количестве ударников, о партийно-комсомольской прослойке среди технической интеллигенции и о занимающихся политической учебой. Выгодно отличается

«Карточка срочного учета» от рассмотренных выше односторонних источников — в ней предусматривалось и должностное подразделение (на инженеров, техников, мастеров и проч.). К тому же сам формуляр был ориентирован на изучение ИТР в динамике, так как по всем пунктам требовалось указать данные на начало и конец отчетного месяца³³.

Дополнительными источниками по количественной и качественной структуре ИТР являются отчеты областных, краевых и республиканских межсекционных бюро ИТС, а также центральных бюро ИТС. В них имеются сведения о составе объединяемых ими инженерно-технических работников с обязательной разбивкой на инженеров, техников и практиков. На основе отчетов можно получить общие цифры о формировании технической интеллигенции. Все отчеты находятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР в практически полной (до 90%) сохранности. Немаловажным качеством является и их периодичность — не менее одного отчета в год (встречаются также полугодовые или ежеквартальные).

В фондах профессиональных союзов сохранилась группа массовых источников, сообщающих об условиях труда и быта, заработной плате инженерно-технических работников. Она включает две разновидности источников. Во-первых, это — относящиеся к первым годам Советской власти поименные списки специалистов с указанием их заработной платы. Их несомненное достоинство заключается в возможности при современном уровне использования вычислительной техники в исторической науке «привязать» эти данные к личным карточкам членов ИТС и, следовательно, дополнить заключенную в них весьма обширную информацию. Сюда же относятся и анкеты обследований условий труда и быта, проведенные различными профессиональными союзами в середине 20-х гг. Второй разновидностью массовых источников являются внедренные в практику делопроизводства ИТС с 1926 г. статистические формы отчетности о заработной плате инженерно-технического персонала, между которыми, несмотря на их определенные различия, прослеживается явная преемственность. Все это делает реальным изучение с середины 20-х гг. динамики роста материального благосостояния представителей технической интеллигенции.

В результате деятельности ИТС профсоюзов был создан поистине уникальный комплекс массовых источников, который позволяет составить социальный портрет наиболее передовой части технической интеллигенции, принявшей активное участие в социалистическом строительстве, — ударников социалистического соревнования и передовиков производства. В первую очередь речь идет о 438 характеристиках инженерно-технических работников, занесенных на Всесоюзную доску почета в июне 1933 г. (в том числе на таких известных деятелей, как И. М. Губкин, Г. О. Графтио, И. В. Мичурин, Н. И. Вавилов, Г. М. Кржижановский и т. п.)³⁴. Все характеристики написаны по единому плану, что в значительной степени облегчает их обработку.

13 июля 1933 г. секретариат ВЦСПС утверждает «Инструкцию о порядке ведения учета и изучения работников, особо отличившихся на фронте социалистического строительства»³⁵. Этому учету подлежали рабочие, ИТР, хозяйственники, научные работники, награжденные орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Почетными грамотами ЦИК СССР и республиканских ЦИК, выдвинутые на Всесоюзные доски почета и т. п. Согласно инструкции, областные, краевые и республиканские комитеты профсоюзов на основе полученных от ФЗМК материалов отбирали работников, которые могли быть использованы в качестве руководителей на предприятиях и в учреждениях союзного значения, и отсылали копии их личных листов в ЦК соответствующих профессиональных союзов. В самих же областных, краевых и республиканских комитетах ставили на учет тех, кого предполагали использовать в пределах края, области или республики. Центральные комитеты профсоюзов вели систематический учет особо ценных работников своей отрасли промышленности и подбирали из их числа кандидатов для выдвижения на должности начальников важнейших и крупнейших цехов, руководителей предприятий, трестов, объединений и их заместителей. ЦК союзов обязаны были представлять в ВЦСПС в двух экземплярах характеристики на работников, которые могли быть выдвинуты на должности директоров заводов союзного значения, объединений, союзных и республиканских наркоматов и т. п. Такой порядок привел к определенной разобщенности источника — часть карточек оказалась в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции, а основная масса — в местных архивах. Это усложняет возможную обработку материала.

Первичный источник — «Карточка выдвиженца (кандидата) на административно-хозяйственную, советскую, кооперативную и прочую работу» — имеет много общего с личной карточкой члена ИТС. Он содержал вопросы о профессиональных качествах учитываемых специалистов, об их образовании и т. п.³⁶

Завершает рассматриваемый комплекс источников «Анкета на инженерно-технического работника, кандидата для занесения в „Красную книгу“ им. VII съезда Союзтов». Несмотря на определенное сокращение вопросов по сравнению с «Карточкой выдвиженца», данный источник позволяет осветить новые черты облика инженера — ударника социалистического соревнования: социальное происхождение, участие в революционном движении, революции и гражданской войне. С другой стороны, наличие общих вопросов позволяет «состыковать» эту анкету не только с массовыми источниками, освещающими облик передовых представителей технической интеллигенции, но и с другими, как например, личные карточки членов ИТС.

Подводя итог, отметим, что все массовые источники, сохранившиеся в фондах профессиональных союзов и сосредоточенные в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (фонды ВЦСПС, ВМБИТ и ЦК профсоюзов) в принципе подразделяются на статистические сводки различной степени разработанности и обобщения и персонализированные источники, практически однотипные с личными карточками переписей и учетов специалистов. К этой же группе нужно отнести списки членов секций научно-технических служащих в первые годы их деятельности, характеристики кандидатов на Всесоюзную доску почета ИТР и анонимные анкеты обследования труда и быта ИТР. Данные источники по своим информативным возможностям, как правило, превосходят первую группу, позволяют глубже и разносторонней проанализировать интересующий нас социальный слой. Однако методика их обработки будет более трудоемкой и сложной, она предполагает применение количественных методов и ЭВМ.

Если оценивать материалы инженерно-технических секций профсоюзов с точки зрения содержащейся в них информации, то можно смело сказать, что они позволяют всесторонне осветить количественные и качественные изменения, произошедшие в процессе формирования новой социалистической интеллигенции в 20—30-х гг.

Таким образом, выявленные и рассмотренные массовые источники различных видов — статистические материалы, учеты специалистов, делопроизводственная документация — представляют единый комплекс. С одной стороны, все они имеют некоторые общие моменты, позволяющие проводить проверку полноты и представительности того или иного источника, а с другой — взаимодополняют друг друга. Ценность и значение отдельных видов массовых источников, равно как и методика их обработки, определяются характером исследовательских задач.

Богатейшая информация содержится в материалах массовых обследований профессиональных союзов, проведенных в рассматриваемый период. Однако эти сведения, как правило, не входили в публикацию итогов. Поэтому источниковедческая характеристика этих обследований ставит перед исследователями задачу интенсификации поиска их первичных материалов и их последующую обработку с применением количественных методов и ЭВМ. Только на этой основе возможна постановка и решение разнообразных задач.

Источниковедческий анализ учетов специалистов народного хозяйства, осуществленных Народным комиссариатом труда в 1918—1932 гг., приводит к выводу, что они могут стать базовым источником по истории формирования технической интеллигенции в первые десятилетия Советской власти. Учеты были нацелены на обследование данного профессионального отряда и поэтому в формулярах их первичных материалов наибольшее внимание уделяется специфическим вопросам, особо важным для характеристики облика специалиста, — образованию, должности, производственному стажу и т. п. Серийность, периодичность и сопоставимость по программе и регистрируемому контингенту позволяет год за годом исследовать колоссальные изменения количественного и качественного состава технических специалистов.

Значительно повышает ценность учетов и сам характер вопросов, что дает возможность проследить динамику процессов, происходивших в среде технической интеллигенции не только с октября 1917 г., но и с начала XX в. а иногда и ранее. К тому же охват и подробность программы делают возможным сопоставление материалов учетов с любым другим массовым обследованием этого периода.

Следовательно, источниковедческий анализ комплекса массовых источников по истории формирования технической интеллигенции СССР 1917 г. до середины 30-х гг., показывая необычайно многообразие исследовательских проблем, которые можно решать на их основе, ставит задачи более активного их вовлечения в научный оборот, интенсификации дальнейшего поиска первичных материалов обследований, выработки специальной методики их повторной обработки с применением математико-статистических методов и вычислительной техники.

Примечания

- ¹ Советская интеллигенция: советская историческая и философская литература за 1968—1977 гг.; Библиографический указатель. Новосибирск, 1978. См. также: Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). Свердловск, 1974, с. 9; его же. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987, с. 4 и др.
- ² См. напр.: Васяев В. И., Дробижев В. З., Захс Л. В., Пивовар Е. И., Устинов В. А., Ушакова Т. А. Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М., 1972; Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976; Изменение социальной структуры советского общества. 1921—середина 30-х годов. М., 1979; Некоторые данные о численности и составе интеллигенции к началу восстановительного периода (По материалам переписей 1922 и 1923 гг.).— Вестник Московского университета, сер. 8, истор., 1979, № 3.
- ³ Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Статистические обследования интеллигенции и служащих СССР (Обзор источников).— История СССР, 1978, № 3; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979 и др.
- ⁴ См.: Массовые источники по социально-экономической истории советского общества; Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Указ. соч.
- ⁵ Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 1—2. М., 1926.
- ⁶ Некоторые результаты повторной обработки первичных материалов переписи 1918 г. в части, касающейся технической интеллигенции, продемонстрированы в статье О. В. Наумова, Л. С. Петросян, А. К. Соколова «Кадры руководителей, специалистов и обслуживающего персонала промышленных предприятий по данным профессиональной переписи 1918 года» (История СССР, 1981, № 6, с. 92—108).
- ⁷ См.: Перепись рабочих и служащих 1929 г. Инструкция переписному персоналу. М., 1929, с. 3.
- ⁸ Труд в СССР 1926—1930 гг. Справочник. М., 1930; Перепись рабочих и служащих 1929 г. Т. 1. Металлисты СССР. М., 1930; Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930; его же. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР в диаграммах и таблицах. Итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930; Галицкий, Генин, Зайцев и Иткина. Состав рабочей молодежи по массовым данным переписи. М., 1931.
- ⁹ См.: Труд в СССР. Справочник. 1926—1930 гг. М., 1930; Труд в СССР. Экономико-статистический справочник. М.—Л., 1932; Гольцман М. Т. Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки (по материалам профессиональных переписей 1929 и 1932 гг.).
- ¹⁰ Об этом и аналогичных учетах специалистов народного хозяйства, проведенных НКТ СССР, подробнее см. далее в статье.
- ¹¹ Состав новых миллионов членов профсоюзов. М., 1933.
- ¹² В том числе профсоюзы транспортного и сельскохозяйственного машиностроения, авиа-автотракторной и электротехнической промышленности, черной и цветной металлургии, нефтяной промышленности, основной химии, бумажников, госучреждений, Рабис и Рабпрот.
- ¹³ ВЦСПС. Статистический отдел. Профсоюзная перепись. 1932—1933 гг. М., 1934.
- ¹⁴ Не были обследованы лишь нефтяная промышленность, торфоразработки, предприятия по добыче прочего минерального топлива (кроме угля), хлопкоочистительные и шерстомойные заводы, папиросно-гильзовое производство и часть пищевой промышленности. По мнению организаторов, учет охватил 90% рабочей силы, занятой в ценовой промышленности. См.: Материалы учета профессионального состава персонала фабрично-заводской промышленности в СССР в 1925 г. М., 1929, с. VII.
- ¹⁵ Профессиональный состав персонала фабрично-заводской промышленности СССР на 1 ноября 1927 г. Вып. 1—9. М., 1927.
- ¹⁶ Кудрявцев К. К. Состав инженерно-технических кадров научно-исследовательских институтов НТУ ВСНХ.— Статистическое обозрение, 1930, № 3—4.
- ¹⁷ Браверман М. Г. Кадры технических и агрономических сил СССР.— Вопросы труда, 1924, № 2. С. 36—42.
- ¹⁸ См.: Сборник законов СССР, 1926, № 48; 1928, № 31; 1929, № 47. Учет 1932 г. проводился без специального постановления ЦИК и СНК СССР, а по согласованию с ЦУНХУ СССР.
- ¹⁹ См.: Известия НКТ, 1926, № 49—50; 1928, № 34—35; 1930, № 4; 1932, № 15—16.
- ²⁰ См. там же.
- ²¹ Руководство для учета квалифицированных специалистов народного хозяйства. М., 1928; Руководство для учета квалифицированных специалистов народного хозяйства. М., 1930; Постановление Наркомтруда СССР и инструкция по учету специалистов народного хозяйства. М., 1932.
- ²² Окончившие юридические факультеты, факультеты общественных наук и факультеты советского права так же, как и не имеющие законченного высшего и среднего технического образования, подлежали учету, если не менее одного года в течение последних трех лет проработали на инженерно-технических должностях.
- ²³ Специалисты-практики учитывались, если они не менее двух из последних пяти лет проработали на инженерно-технических должностях и занимали таковые и в момент учета.

²⁴ Регистрировались все лица, занимавшие технические должности в промышленности, а также занимавшие экономические должности на предприятиях, даже если они не соответствовали требованиям учета по другим параметрам.

²⁵ См., напр.: ЦГАОР СССР, ф. 5469, оп. 7, д. 268, л. 27; оп. 12, д. 539, л. 76.

²⁶ Там же, ф. 5548, оп. 8, д. 50, л. 21.

²⁷ Там же, оп. 10, д. 20, л. 34.

²⁸ Там же, оп. 16, д. 9, л. 68.

²⁹ Там же, ф. 5469, оп. 4, д. 246.

³⁰ Там же, оп. 5, д. 348, 353.

³¹ Там же, оп. 7, д. 268.

³² Там же, оп. 9, д. 577; оп. 10, д. 484.

³³ Там же, ф. 5548, оп. 10, д. 20.

³⁴ Там же, оп. 12, д. 66, л. 41—87.

³⁵ Там же, л. 110—115.

³⁶ Там же, оп. 14, д. 322, л. 39.

К. Г. ЧЕРНЯВСКАЯ

ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ В ТРУДАХ ДВОРЯНСКИХ И БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ РОССИИ

Среди специальных исторических дисциплин важное место занимает топонимия (или топонимика) — научная дисциплина, изучающая совокупности географических названий. Находясь на стыке языкознания, географии и истории, используя их методы исследования, она, в конечном счете, решает задачи восстановления исторического прошлого. Как всякое научное направление эта дисциплина имеет собственную историю.

В настоящем сообщении мы попытаемся охарактеризовать факты изучения топонимов в трудах по истории и географии России дворянскими и буржуазными историками XVIII — начала XX в. и на их основе выявить основные этапы и особенности развития этой научной дисциплины.

Одним из первых специалистов, привлечших в своем географическом труде «Описание земли Камчатки» не только данные архивов, сведения, полученные от русских первопроходцев, но и результаты опроса местных жителей, был С. П. Крашенинников. Он ввел в свой труд большое число местных географических названий с этимологиями и вариантами на русском и местных языках. Именно на этом материале им были отмечены важнейшие особенности образования географических названий и выведены принципы их изучения. Так, С. П. Крашенинников предложил критически использовать народные легенды и этимологии для полноты воссоздания истории местности¹, учитывать, что объекты получают имена по каким-либо только им присущим свойствам или в связи с какими-то событиями истории², что географические имена претерпевают значительные искажения, утрачивая зачастую свой первоначальный смысл, при переходе из одного языка в другой, в частности из местных языков в русский³, и что этнонимы связаны с названиями географических объектов⁴. Таким образом, С. П. Крашенинников не только объяснил топонимы, но и выделил для себя ключевые моменты в их изучении.

Исследованию географических названий уделял внимание историк и археограф XVIII в. Г. Ф. Миллер. Наиболее ранним трудом, в котором он обращается к топонимам, считается его инструкция «География и устройство Камчатки на основании письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 г.» Работа интересна для нас не только попытками объяснить отдельные географические названия, но и тем, что сделана она на топонимии Камчатки. Таким образом, появляется возможность сопоставить выводы, полученные С. П. Крашенинниковым на основе анализа полевых материалов, и заключения Г. Ф. Миллера по исследованию архивных источников, документальных свидетельств. Внимание обоих исследователей привлекало название Камчатка. В своих наблюдениях⁵ они одинаково исходили из предположения, что название это древнее, восходящее к определенным естественным свойствам реки или местности, и считали, что при переходе из одного языка в другой географические имена претерпевают изменения;

Чернявская Ксения Георгиевна — учитель истории.

оба отметили, что коряки, проживающие по реке Олютора, на своем языке называли жителей Камчатки — «кончалю», а так как первые сведения о камчадалах русские получили от коряков, то название вполне могло в устах сибирских казаков трансформироваться при помощи окончания в *Камчатку* ⁶.

Обращая внимание на легенды о происхождении топонимов, народные этимологии, приводя их варианты на русском, немецком и местных языках, Г. Ф. Миллер сопоставлял их с другими имеющимися сведениями: архивными документами, результатами опроса местных жителей и т. д.

Занимал Г. Ф. Миллера и вопрос о происхождении названия *Сибирь*, он отметил, что простого созвучия имен недостаточно для доказательства происхождения того или иного названия ⁷. Г. Ф. Миллер, в частности, указал на то, что название *Сибирь* для земель по Тоболу и Иртышу было известно задолго до покорения русскими Сибири, и предположил, что название это перешло к русским от пермяков и зырян, давших им первые сведения о Сибири ⁸.

Однако при общем понимании специфики такого исторического источника, как географические названия, Г. Ф. Миллер, оперируя большим объемом данных, не делал каких-либо значительных выводов и обобщений, как бы предоставляя материал самому говорить за себя, считая, что «... лучше будет, чтоб древние истории о народах за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное объяснение» ⁹. Примером такого отношения к топонимам являются рассуждения Г. Ф. Миллера о происхождении названия *Тюмень*. Сославшись на ходившие среди татар легенды о князьях, которые то ли управляли десятью тысячами подданных («тумен» — десять тысяч), то ли могли выставить такое количество воинов, то ли имели столько скота, исследователь сопоставил варианты объяснения, ограничился осторожным выводом, что и то, и другое могло быть выдуманно, и, в свою очередь, привел еще один вариант, соотнеся Тюмень сибирскую с Тюменским городком, стоявшим на притоке Терека — реке Тюменке ¹⁰. Но, сопоставив одинаковые названия, исследователь так и не заметил, что в обоих случаях имя поселению давалось по названию реки, на которой оно возникло ¹¹.

В дальнейшем Г. Ф. Миллер написал несколько работ, в которых затрагивались топонимические проблемы. Однако, несмотря на то, что не всегда правильные его этимологии и имеются ошибки в рассуждениях об истории отдельных топонимов, труды Г. Ф. Миллера важны как показатель успешного использования архивных документов, летописей, народных топонимических легенд в историко-географических исследованиях, как ценный источник по топонимии Сибири, Камчатки, Дальнего Востока.

Не раз обращался к изучению и толкованию географических имен России В. Н. Татищев. Он считал, что именно в них заключены наиболее древние и ценные сведения о прошлом природы и человека ¹². Выделяя в географии четыре раздела — астрономический, физический, политический и исторический, — В. Н. Татищев главным в последнем считал имя, т. е. географическое название, которое имеет не только современную, но и древнюю, исторически более верную форму ¹³. Отметим, что в одной из работ В. Н. Татищева выделен особый раздел «О званиях», где первой задачей любого историко-географического исследования он считал выяснение, «... како древние звания тех мест наперед сего были...» ¹⁴.

Как ученый В. Н. Татищев ясно видел неразрывность истории и географии, значение исторических знаний для правильного понимания и толкования топонимов. В то же время он указывал и на обратную связь: географические имена на картах служат важной опорой в историческом исследовании ¹⁵. В трудах В. Н. Татищева большое место занимают исследования, связанные с определением древнего расселения и миграции народов. Он справедливо отмечал, что выполнение такой задачи практически невозможно без знания языка народов, населявших изучаемый регион ¹⁶. В. Н. Татищев подчеркивал необходимость массового и вместе с тем тщательного опроса местного населения, сопоставления имеющихся версий происхождения топонима, чтобы «... из оных вероятнейшее вносить, через что хотя не вскоре, но лучшее познание о сих приобретем» ¹⁷.

Изучая этнонимы, В. Н. Татищев сделал осторожное предположение, что «... многие (народы. — Ч. К.) от рек и гор, при которых обитают, имя получили...» ¹⁸. Это напоминает мысль С. П. Крашенинникова о происхождении некоторых этнонимов Камчатки ¹⁹. Однако при теоретически правильных посылах В. Н. Татищев допускал ошибки, приводя зачастую ложные этимологии. Так, например, он выводил большую часть славянских географических имен вопреки исторической действительности из сарматского языка ²⁰. Некоторые его этимологии, например, названия *Угория*—*Уерия* из гор, вызвали справедливую критику уже его современников как слишком прямолинейные и примитивные ²¹.

Перечисляя множество гидронимов и их варианты на местных языках, В. Н. Татищев обратил внимание на повторяемость в названиях рек частиц *-ра* и *-идель*, *-едель*. Исходя из того, что Волга в древности называлась в некоторых (как он полагал, сарматских) языках *Раа*, а в татарском — *Едель-Идель*, В. Н. Татищев предположил, что обе частицы обозначали одно и то же понятие. Не раз встречались они ему и в названиях других рек²². Таким образом, В. Н. Татищевым был замечен один из принципов образования названий рек: постоянная часть названия обозначает чаще всего воду вообще или реку, а переменная выделяет ее по какому-либо признаку из ряда подобных. Следует, однако, отметить, что этот принцип применялся им не всегда правильно. Очевидна его ошибка в разделении названий рек *Пах-раа*, *Су-раа*, *Уз-раа*²³. Мысль, что В. Н. Татищевым сделаны первые шаги в разработке формантного метода изучения географических названий была высказана Е. М. Поспеловым в 1977 г. в очерке по истории топонимики СССР²⁴.

На татищевские опыты изучения географических названий опирались исследователи второй половины XVIII в. Примером могут служить работы П. И. Рычкова. Являясь историко-географическими описаниями Оренбургской и Астраханской губерний, они содержат многочисленные топонимические примеры. Обращаясь к географическим названиям областей, в значительной мере цитируя В. Н. Татищева и повторяя его ошибки, П. И. Рычков проводил и самостоятельные наблюдения, исследуя местные названия²⁵.

Однако положительный опыт топонимики XVIII в. не всегда достойно представлен в работах на рубеже двух веков. Примером может служить работа В. К. Тредиаковского «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских». Стремление «... показать с достаточною вероятностью, что словенский язык первенствует перед тевтонским...»²⁶, и априори взятое утверждение о «превосходстве», доказываемое любым способом, определили ошибочные в большинстве своем результаты исследования этого автора. Позднее, анализируя причины появления подобной работы, Н. И. Надеждин высказал предположение о том, что «... сюда примешалось мелочное честолюбие, детская национальная гордость отыскать свое происхождение в преданиях глубочайшей древности...»²⁷. Такое предположение исторически объяснимо, учитывая, что работа В. К. Тредиаковского создавалась в период распространения норманской теории.

С публикацией в 1812 г. исследования А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии»²⁸, целиком посвященного географическим названиям, топонимика поднялась на новую ступень развития, качественно и методически отличающуюся от предшествующей. К сожалению, это небольшая по объему статья оказалась практически не замеченной современниками. Между тем труд имел программное значение и предопределил основные пути развития науки о географических названиях на многие годы вперед. Отдельные положения, имеющиеся в нем, известны еще с XVIII в., но ряд мыслей разработан более глубоко.

Рассматривая данные языка в процессе его формирования, сравнивая их на отдельных этапах его развития, стремясь выяснить закономерности изменения слов, А. Х. Востоков отметил относительную долговечность и консервативность топонимов, позволяющие проследить процесс образования и изменения географических имен во времени и пространстве. Такое свойство топонимов, по мнению автора, дает возможность судить по ним о переменах в истории народов. Сохраненные народными преданиями и в трудах историков, «они нередко многими тысячами лет переживают существование того народа, от которого первоначально изречены были»²⁹.

А. Х. Востоков пришел к выводу, подтверждаемому последующими исследователями: из всей совокупности географических названий самыми древними являются названия географических объектов естественного происхождения — рек, озер и т. д.³⁰.

Поставив задачу выяснить языковую принадлежность древнейших географических названий, ученый попытался классифицировать их по определенным повторяющимся признакам. Так же, как и В. Н. Татищев, он обратил внимание на то, что большинство гидронимов состоит из двух частей: постоянной, повторяющейся в целом ряде названий, составляющей основу названия, и переменной, образующей путем прибавления к постоянной новые названия. «Естественное всего предположить, — писал А. Х. Востоков, — что... они... означают воду или же поток рек, то есть текущую воду... а приложенные к оным слоги... суть вероятно прилагательные, коими означается какое-нибудь качество тех рек...»³¹. На территории России выделяется несколько таких основ: *-га*, *-ба*, *-ва*, *-ма* (Вага, Онега, Волга, Москва, Протва, Сосва, Клязьма и др.). Ученый осторожно заметил при этом, что указанный принцип анализа применим не ко всем названиям рек: иногда

-ва, -ма, и т. п. могут быть не «производящей основой» гидронима, а общим окончанием прилагательных или существительных имен на каких-либо финских диалектах...»³².

Группировку топонимов по постоянным основам-формантам А. Х. Востоков положил в основу своей классификации. Полученные группы топонимов он наложил на географическую карту, в результате определил районы их распространения. Этот метод соединения филологических изысканий с географической картой, впервые примененный А. Х. Востоковым, ныне широко используется советскими и зарубежными топонимистами, географами, картографами. Применение методов математической статистики в наши дни подняло формантный метод Востокова на новый уровень. «Задача любителям этимологии» была первым исследованием, целиком посвященным географическим названиям. Востоковым были впервые сформулированы в виде научных положений идеи, известные ранее лишь как отдельные предположения и утверждения. Работа Востокова обращает на себя внимание сочетанием филологических, географических и исторических методов исследования, что и до него, и после встречалось нечасто. Отдельные ошибки в построении топонимических рядов не умаляют ее общего теоретического значения. Можно считать, что положения А. Х. Востокова открывают новый этап изучения географических названий. Последующие работы по уровню научных методов и постановок проблем не выходили за рамки исследований топонимики конца XVIII в., и влияния на них выводов А. Х. Востокова не наблюдается³³.

20-е годы XIX в. — начало нового этапа формирования науки о географических названиях. Оно связано с именами З. Я. Доленга-Ходаковского и Н. И. Надеждина. Результаты их исследований в области топонимики неоднозначно воспринимались и в прошлом веке, и в нашем. Известный русский ученый, занимавшийся изучением географических названий в конце прошлого века, И. П. Филевич, например, положительно оценивал тот факт, что «Ходаковский отметил частую повторяемость некоторых названий на громадном пространстве нынешней славянской территории и указал на связь этого факта с некоторыми сторонами жизни славянского племени»³⁴.

Мы согласны с И. П. Филевичем. Конечно, «система» классификации З. Я. Доленга-Ходаковского излишне усложнена. Например, он предложил распределить материал более чем по 100 «гнездам». Критерии для распределения выбрал в основном лишь с учетом смыслового значения слов. Однако важно то, что изучение географических названий велось системно. Автором был собран значительный топонимический материал, который до сих пор представляет большой научный интерес. З. Я. Доленга-Ходаковский отметил важность топонимических данных для языковеда, занимающегося историей языка, для историка, археолога, географа³⁵. Выявление автором повторяемости многих названий в различных областях славянской территории также имело важное значение для последующего развития топонимики. Неслучайно классификационная система использовалась многими исследователями XIX века.

Из теоретических работ важнейшей по топонимике следует назвать статью Н. И. Надеждина «Опыт исторической географии русского мира», вышедшую в свет в 1837 г.³⁶ В ней разработан ряд важнейших для своего времени вопросов: о значении географических названий для исторических, географических, филологических исследований; о специфике топонимов как источников по истории природы и людей; о методах изучения географических имен и о состоянии науки о географических названиях к моменту написания статьи.

Н. И. Надеждин рассматривал географические названия как исторический источник особого рода³⁷. В связи с этим он подчеркивал необходимость соединения географических, исторических и филологических методов при изучении топонимики. Значительное место при анализе филологических методов исследования автор уделит этимологическому методу. Он дал подробный анализ причин недоверия к этимологическому методу и ошибок, допущенных учеными, не учитывавшими его специфику. Критикуя чисто этимологические исследования, он указывал на то, что изучать топонимы, их этимологию можно лишь на основе «законов, производимых из физиологии слова, оправдываемых гармоническим изучением языков», ибо «слово все в нашей власти, оно беззащитно. Из него можно вымучить всякий смысл этимологической пыткой»³⁸.

Большое значение для развития топонимических методов исследования имеет надеждинский метод работы с географическими названиями — от современных форм к более древним. На этот метод обратил внимание И. П. Филевич в монографии «История Древней Руси» почти шестьдесят лет спустя³⁹. Он провел параллель между методом Н. И. Надеждина и приемами работы с древнерусскими источниками: А. Л. Шлецера. Общим, по его мнению, в методах первого и второго являлась «точка отправления: не от «мрака древности», а от «не подлежащего сомнению факта должно начинаться исследование»⁴⁰.

Таким образом, идя от известного к неизвестному, Надеждин стремился выяснить историю происхождения и формирования каждого топонима ⁴¹. Им подтверждаются наблюдения С. П. Крашенинникова, А. Х. Востокова о том, что названия человеческим племенам или поселениям давались часто по именам естественных урочищ — рек, озер, гор и т. п., при которых те жили. Отсюда — часто встречающиеся общие корни у названий рек, озер и названий населенных пунктов и этноплеменных названий. Вместе с тем автор предложил новый способ выделения хронологических пластов топонимики в зависимости от величины объекта номинации: «Для стратиграфии топонимики важно, что имена больших рек должны быть старше имен ручейков и ключей... что в именах мелких физических местностей естественней и чаще звучит язык позднейших пришельцев» ⁴².

Таким образом, в своем исследовании Н. И. Надеждин установил, что географические названия — объективный исторический факт, указал на большое значение языка (в виде географических названий) как исторического источника, отметил значение этимологического метода в топонимике, провел анализ его особенностей, преимуществ и недостатков на примере исследований прошлого, а также обратил внимание на необходимость применения картографического метода при изучении географических названий в историко-географических исследованиях.

Характерной чертой развития топонимики в XIX в. является возникновение так называемой региональной топонимики. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в начале XIX в. А. Х. Востоковым. Но как самостоятельные направления — славяно-русское, финно-угорское и др. — выделились лишь во второй половине XIX в. Позднее, на рубеже XIX—XX вв., возникла еще одна отрасль региональной топонимики — востоковедческая, открывшаяся работами В. В. Радлова.

Хронологически раньше оформилась славяно-русская топонимика. Одной из первых работ, заложивших ее основы, стал «Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 гг. по южнославянским землям» Н. И. Надеждина ⁴³. В нем впервые со всей серьезностью указано на необходимость тщательного изучения топонимики славян юга и юго-запада России. Автор настаивал на полевом, экспедиционном обследовании, дающем возможность общения с живым языком и его непосредственными носителями ⁴⁴. Растущий интерес к славянской топонимике был связан, видимо, с усилением славянского национально-освободительного движения во второй половине XIX в.

Вслед за «Отчетом...» Н. И. Надеждина выходят в свет заметка М. Н. Лихонина и статья В. В. Григорьева ⁴⁵. Они аналогичны по целям и характеру и затрагивают «больной» вопрос русской топонимики, связанный с изучением и передачей иноязычных топонимов.

Историки XIX в. обращались к славяно-русской топонимике, как и прежде, главным образом в связи с вопросами изучения истории Древней Руси. С углублением специализации топонимики такие «общие» работы уже не достигали поставленных научных целей и не всегда играли самостоятельную роль в развитии топонимики ⁴⁶. Среди работ такого рода встречаются и курьезы. К ним относится «Опыт объяснения названий русских городов» Н. А. Сергеева, который вскоре после выхода стал упоминаться лишь как пример неправильного объяснения и применения топонимических данных ⁴⁷.

Сложнее сложилась судьба «Очерков русской исторической географии» Н. П. Барсова ⁴⁸, вышедших в свет одновременно с работой Сергеева. Вначале их оценивали в целом положительно, неоднократно ссылались на них. Затем, в конце XIX—начале XX в., «Очерки» подверглись критике и долгое время не привлекали внимания топонимистов. В 50-е гг. нашего века они упоминались в работах А. Н. Насонова. В 60-е гг., когда интерес к истории топонимики вновь усилился, о них вспомнили вновь. На этот раз работа вызвала резко отрицательную оценку. Н. П. Барсова критиковали за неправильную этимологизацию названий, ограниченность источниковой базы; отмечалось, что исследование заслуживает определенного внимания только потому, что оказало заметное влияние на многих представителей науки, занимавшихся исторической географией России ⁴⁹. «Очерки» справедливо критиковали за неприемлемое применение топонимического материала. Автор стремился определить на основании только летописных (Повесть временных лет) данных древние племенные границы домонгольской Руси и допустил при этом довольно много ошибок и неточностей. Так, он приписал племенам мери и веси территорию, какой они никогда не могли занимать, построив ее границы на «смеси» топонимов ⁵⁰. Однако следует учесть, что «Очерки» ставили своей целью, как отмечал автор, «не полное и всестороннее изложение географии Руси в эпоху, обнимаемую Начальной летописью, но главным образом разъяснение только тех вопросов этого обширного предмета, которые ставит самая летопись», и потому ограничивались материалом, который она представляет ⁵¹. Исследователь ясно видел трудности:

недостаток данных, на которые можно опереться, ограниченность в источниках, нехватку исторических, этнографических и археологических сведений, обилие фактов, требующих проверки. Сам он указал на необходимость серьезного изучения филологического материала, отметив собственную недостаточную подготовленность в этой области. Назначение своей работы Н. П. Барсов видел прежде всего в использовании ее материала последующими «более подготовленными и более счастливыми исследователями»⁵².

Значение работы Н. П. Барсова заключается, на наш взгляд, в том, что автор обратился к Повести временных лет как к топонимическому источнику, дающему значительный материал по истории Древней Руси. Предыдущие обращения к ПВЛ в работах исследователей XVIII в. — начала XIX в. не имели целью изучение памятников в таком аспекте.

Н. П. Барсов правильно оценил ПВЛ как источник по исторической географии Руси, указав на то, что, хотя «эти известия имеют вид совершенно случайных заметок, сделанных мимоходом в рассказе о том или ином событии, но тем не менее они обнаруживают полноту и систематичность, какой, по-видимому, от них нельзя было ожидать... Самый характер нашей летописи ручается за то, что она передала с достаточной полнотой географические понятия и представления своего времени...»⁵³. При этом исследователь отметил трудности, возникающие при изучении ПВЛ: наличие множества переписчиков обусловило значительное число разночтений, ошибок и неточностей в передаче географических имен в списках. Автором выведен ряд интересных и правильных топонимических наблюдений. Им подтверждено наличие неславянского субстрата в гидронимии России, учтена связь неславянского субстрата с величиной и возрастом географических объектов, на которые указывали А. Х. Востоков и Н. И. Надеждин. Барсов сделал вывод о том, что славянское население на большей части Северной и значительной части территории Средней России — более позднее, пришлое⁵⁴. А его замечания по поводу одинаковых названий рек, сближающихся устьями друг с другом (например, Западный и Южный Буг, две Случи, две Нерли), высоко оцениваются некоторыми современными топонимистами⁵⁵.

Вслед за «Очерками» Н. П. Барсова из печати выходят интересные заметки в области славяно-русской топонимики С. В. Максимова и И. А. Износкова⁵⁶. В своих изысканиях И. А. Износков во многом опирался на топонимические наблюдения С. В. Максимова, большая часть которых построена на изучении гидронимов. Он обратил внимание на отражение в гидронимах и производных от них ойконимах направления передвижений древнего населения. Одним из первых им высказана мысль, что гидронимы *Десна* и *Шуя* говорят о передвижении людей по бассейнам рек с юга на север. Эти данные в совокупности с общими данными о направлении течения рек с юга на север и данными микротопонимии указывают, как полагал автор, на перемещение масс славянского населения вверх по Днепру и его бассейну⁵⁷. Такими переселениями могут быть объяснены многочисленные повторяющиеся друг друга названия⁵⁸.

Тому же движению с юга на север подчинены и названия-ориентиры с приставками *за-*, *под-* (типа *Загорье*, *Подгорье*). Приставка *под-* в названии, как правило, указывает на южную сторону, приставка *за-* — на северную⁵⁹. Эти же особенности отметил и И. А. Износков со ссылкой на С. В. Максимова⁶⁰. Одной из причин такого направления переселения С. В. Максимов считал опасность набегов «поля», которая заставляла земледельческие племена подниматься в верховья Днепра, Сожа, Десны — в более безопасные места на Северо-Востоке. И. А. Износков выделил шесть типов топонимической информации: повод, по которому местность получила название; время заселения местности; родина населения, основные направления миграции; взаимовлияние коренных жителей и переселенцев; направление русел рек; местоположения плотин, курганов⁶¹. Таким образом, была сделана попытка дать характеристику информативности топонима как исторического источника.

С точки зрения методики изучения топонимов небезынтересны работы Я. К. Грота. Исследователем были отмечены основные этапы топонимического исследования, указана специфика топонима как предмета исследования. В информации, которую несет топоним, им было выделено три аспекта: признак, черта объекта, отраженная в названии; происхождение самого объекта номинации; обстоятельства номинации⁶². Для извлечения максимальной информации из топонимии, указывал Грот, необходимо привлечение данных этнографии, истории, географии и лингвистики. Он подчеркнул важность использования филологических методов в топонимике⁶³, обратил внимание на передачу топонимов с одного языка на другой язык и отметил обязательность как можно более точной передачи подлинных славянских названий, как можно менее искаженных транскрипцией⁶⁴. Допуская ошибки в конкретных исследованиях, Грот указал на ряд практических задач,

например, создание многоязычных словарей географических имен в пределах России⁶⁵. Эту идею выдвигал также чешский исследователь Эрбен, опубликовавший свою «Заметку о славянских географических названиях»⁶⁶.

Словарь такого типа был составлен Я. Ф. Головацким и вышел в свет в 1884 г.⁶⁷. Географические словари или словари, широко использовавшие географическую номенклатуру, издавались и ранее⁶⁸. Однако специализированный словарь по топонимике отдельных регионов России появился впервые. В словаре собраны топонимы южных и юго-западных районов России и граничащих с ними славянских территорий. Они приведены со множеством вариантов на русском, немецком и славянских языках с отсылкой к источникам, выбор которых в значительной степени носит случайный характер. На картах, составленных Головацким по топонимическому словарю, ярко выражено желание вытеснить славянской номенклатурой любую иноязычную. Стремясь повсюду найти русские корни и русские формы, составитель не учел исторически сложившуюся систему славянского мира и «заселил» русскими и те земли, где русские составляли лишь незначительную часть населения, или где они фактически не проживали.

Надо заметить, что идея поиска русских корней в топонимии народов южных и западных славянских земель была высказана еще в 1844 г. Н. И. Надеждиным⁶⁹.

Исследования по славяно-русской топонимике южных и юго-западных районов России и пограничных с ними территорий одно за другим выходят вслед за словарем Я. Ф. Головацкого. Наиболее значительными среди них были труды Н. Ф. Сумцова, И. П. Филевича, А. А. Кочубинского.

Работы Сумцова и Филевича помимо прикладного имели и теоретическое значение. К концу XIX в. возникла настоятельная необходимость обобщения на новом теоретическом уровне результатов большого числа конкретных изысканий в области географических названий, подведения итогов развития дисциплины за полтора столетия, обобщения опыта изучения топонимии на основе новых методов топонимического исследования. И хотя труды Сумцова и Филевича разделяет более десяти лет, круг проблем, интересовавший их авторов, приблизительно один и тот же. Оба исследователя указывали на необходимость изучения географической номенклатуры, подчеркивали ее значение и двустороннюю связь с географией, этнографией, историей, языкознанием⁷⁰. Оба обратили внимание на важность использования в топонимических исследованиях разноплановых и многочисленных источников (летописных, фольклорных и др.), сочетания различных методов — историко-этнографического, географического, филологического. При этом ими подчеркивался недостаточный уровень развития и применения филологических методов изучения топонимического материала. Ученые считали обязательным принцип триединства топонимии⁷¹. Оба указывали на общность географической номенклатуры славянских народов⁷². Вероятно, под влиянием трудов западноевропейских топонимистов, Н. Ф. Сумцовым была разработана классификационная система топонимии: топонимы, возникшие под влиянием исторических событий; топонимы, отражающие географические особенности местности, ее флору и фауну⁷³. И. П. Филевич, обратившийся к методике работы с топонимическим материалом, отметил значение для топонимии так называемого «обратного» метода исследования, открытого А. Л. Шлецером и применявшегося Н. И. Надеждиным в отношении географических названий⁷⁴.

Н. Ф. Сумцовым и И. П. Филевичем отмечалось значение народного языка (в виде преданий и легенд) как хранителя и носителя основных языковых законов⁷⁵. Однако при отдельных правильных теоретических посылках⁷⁶ они не избежали ошибок. В работах Филевича на основе имевшихся географических номенклатур были следаны попытки распространить зону русского населения на территорию Молдавии, Валахии, Трансильвании и Румынии⁷⁷. Этой же схемы придерживался и А. А. Кочубинский⁷⁸.

Ошибки подобного рода при ограничении источниковой базы одними топонимическими данными были свойственны не только славяно-русскому направлению отечественной топонимии XIX — начала XX в., но и характерны для многих работ по финно-угорской топонимике, выделившейся во второй половине XIX в. в качестве отдельного направления (Ю. Ю. Трусман, Д. П. Европеус и отчасти М. П. Веске⁷⁹).

Однако при обилии ложных этимологий, насильно притянутых к географическим именам, работы Ю. Ю. Трусмана содержат и ряд ценных для топонимистов материалов по географической номенклатуре Северо-Запада России. Имеются правильные наблюдения и в трудах Д. П. Европеуса. Им, в частности, отмечено наличие неславянского (финского) субстрата на значительной территории средней России, уделено внимание изучению толоформантов. В то же время перевес

в исследовании чисто лингвистических методов привел Европеуса к смешению русских и финских суффиксов и формантов, повлекшему за собой неправомерные выводы о наличии угорского населения на территории, например, современной Ленинградской области. Однако рассматривать его работы как совершенно лишённые исторического и лингвистического основания нельзя⁶⁰.

Неразрывно связаны с изучением финно-угорской топонимии имена М. А. Кастрена и А. М. Шегрена. На наличие финского субстрата в топонимии Северной России указывал еще А. Х. Востоков. Труды М. А. Кастрена, возникшие на материалах его путешествий по Северной России, Сибири, стали второй ступенью в развитии финно-угорского направления русской топонимики. Изучая проблемы этнографии, устанавливая связи языков урало-алтайской семьи, он использовал топонимические данные в историко-филологических исследованиях. В трудах М. А. Кастрена встречается один из первых примеров сплошного топонимического описания местности (бассейна р. Енисей)⁶¹. В целом следует сказать, что труды крупнейшего лингвиста и этнографа XIX в. М. А. Кастрена дают богатейший топонимический материал, который имеет важное историческое значение, а исследование исчезнувших языков дает ключ к разгадке происхождения многих географических имен русского Севера и Сибири⁶². Хотя Шегрен, как и Кастрен, не оставил специальных исследований по топонимике, он очень хорошо понимал значение географических названий для филологического и исторического исследования. В его работах нашли применение формантный и этимологический методы изучения топонимов. Особое внимание автор уделял изучению гидронимии русского Севера⁶³.

Труды В. В. Радлова не являются чисто топонимическими, однако изучение географических названий занимает в них значительное место. Именно с этих работ начинается развитие еще одного направления — топонимики восточных регионов⁶⁴. В исследованиях Радлова основное место занимают географические имена тюркского происхождения. Автор привел максимальное число вариантов таких географических названий. В сочетании с массовым характером описания и полевыми материалами это дало возможность «выскрывать» самый механизм топонимического исследования, исследуя не название само по себе, а топонимические закономерности⁶⁵. Впоследствии над изучением топонимики восточных регионов будут работать А. И. Соболевский, Н. Я. Марр.

Начало XX в. характеризуется новым усилением географического направления в топонимике. Определенный топонимический материал представлен в исследованиях Л. С. Берга, В. П. Семенова-Тян-Шанского⁶⁶. В ряде же работ он имеет особое значение. Это — труды В. В. Ламанского, Ф. П. Саваренского, Д. Н. Егорова. «Опыт народного почвенного словаря» В. В. Ламанского по тематике тесно связан с вышедшим на год раньше исследованием Ф. П. Саваренского «О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными»⁶⁷.

Ф. П. Саваренский первым обратил внимание на новый аспект информации, которую может нести топоним. Им установлена зависимость между названиями различных географических объектов (прежде всего ойконимами) и характером растительности и почв обследуемой местности. Полученные Саваренским данные и по сей день представляют значительный интерес для почвоведов, географов, топонимистов. Саваренский впервые привлек внимание к одному из существенных принципов номинации географических объектов — принципу относительной негативности. Суть его сводится к установлению обратной зависимости между названием объекта и наиболее типичными чертами, свойствами окружающего ландшафта, например: «лесные» названия в безлесной зоне (Борки, Березняки, Гай и др.), «водные» — в засушливых районах (Озерище, Колодези). Впоследствии этот принцип нашел развитие в работах советских топонимистов.

С точки зрения методики изучения топонимов из работ этого периода интересна работа Д. Н. Егорова «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII веке», в которой обращается пристальное внимание на применение картографического метода в топонимических исследованиях. Принципиально важным является замечание автора о необходимости соединения усилий всех трех направлений топонимики⁶⁸. Филологический анализ не может, как считал Д. Н. Егоров, быть конечной целью топонимического исследования. Эта цель гораздо шире, историчнее. Игнорирование такого факта приводит к серьезным ошибкам⁶⁹. Вместе с тем подчеркнута мысль о необходимости более уважительного отношения к лингвистической базе топонимики. В какой мере справедливо замечание Д. Н. Егорова, говорит относительно низкий уровень чисто филологических исследований начала XX в. За исключением ранних работ А. И. Соболевского, они не прибавили практически ничего нового к имевшимся результатам в области топонимической теории и конкретных изысканий, к тому же как правило, содержали большое количество искажений и неточностей⁶⁹.

Рассмотренные материалы о развитии топонимики в XVIII— начале XX в. позволяют выделить два ее этапа. Первый этап начинается работами по изучению географических названий в 30—40-е гг. XVIII в. и включает работы А. Х. Востокова. Анализ трудов, в которых исследователи того времени обращались к географическим именам, показывает, что топонимические изыскания XVIII в. зарождались в рамках географии и истории. В то время формировалось отношение к географическим названиям как важным историческим источникам. Постепенно преодолевалась случайность их привлечения в исследованиях. Обращалось внимание на необходимость активного использования различных сведений, несущих историко-географическую информацию. Неотъемлемой частью топонимического исследования стало использование массового опроса жителей, основных носителей языка обследуемой территории. Была признана необходимость изучения языков неславянских народностей, населявших страну, поиск древнейшего, изначального варианта географических названий. Начала разрабатываться методика исследования топонимических легенд и народной этимологии топонимов, подчеркивалась необходимость их проверки свидетельствами иных источников.

Важным результатом первого этапа развития топонимики явилось выявление принципов номинации географических объектов по их физическим, природным качествам, по связи с ними деятельности людей.

Исследователями были сделаны первые шаги по пути разработки методов изучения топонимов: сравнительно-исторического, филологического. Разрабатывался этимологический метод исследования топонимов, была высказана идея формантного, заложены основы сравнительно-языкового метода.

Все это позволяет рассматривать XVIII столетие как начало изучения топонимов на определенной научной основе.

Говоря о втором этапе развития топонимики — XIX — начало XX в., отметим, что в историографической литературе нет единства в его оценке. Существует мнение, что исследования этого времени «в лучшем случае содержат отдельные приемлемые догадки и замечания частного характера, а обычно нет и этого», что изучение географических названий, как правило, сводилось к «освещению отдельных вопросов, основанному на заранее принятой гипотезе, а не фактическом материале», теория топонимики не развивалась, об обсуждении топонимического материала в широком плане и выяснении рациональных методов его исследования не может быть и речи⁹¹.

Анализ исследований XIX — начала XX в. показал несколько иную картину. Исследователи, используя накопленный опыт, путем проб и ошибок разработали и освоили положения, принципы и методы изучения географических названий, значительная часть которых создала основу для разработки топонимических проблем в советской историографии. В работах этого времени все больше прослеживается тенденция рассматривать топонимику как вспомогательную дисциплину, возникшую на базе истории, географии и языкознания. Появляются специально посвященные географическим названиям исследования.

Вместе с тем оформились и начали развиваться относительно обособленно три направления в топонимике: филологическое, географическое, историческое. На рассматриваемом этапе наблюдается выдвижение на первый план филологических методов исследования, причем в начале этапа доминирует этимологический, в конце — формантный метод изучения топонимов. Важным достижением было появление исследований по региональной топонимике, прежде всего славяно-русской, финно-угорской и топонимике восточных районов.

Результаты изучения возникновения и развития топонимики в России в XVIII — начале XX в. позволяют более глубоко и всесторонне раскрыть связи советской топонимической школы с предшествующими исследованиями.

Примечания

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949, с. 107.

² Там же, с. 359.

³ Там же, с. 361.

⁴ Там же, с. 362.

⁵ См.: Миллер Г. Ф. География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в 1737 г.— В кн.: Streiter. Die Beschreibung vom Lande Kamtschatka. СПб., 1774.

⁶ См.: Миллер Г. Ф. География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в 1737 г.; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 361.

- ⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937.
- ⁸ Там же, с. 195.
- ⁹ Егo же. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, гл. 1.
- ¹⁰ Егo же. История Сибири. Т. 1. с. 273—274.
- ¹¹ Ср.: Крашенинников С. П. Указ. соч., с. 359, 361—362.
- ¹² Татищев В. Н. Напомнение на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств, 1744.— В сб.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 203.
- ¹³ Там же, с. 205.
- ¹⁴ Татищев В. Н. Предложения о сочинении истории и географии Российской, 1737.— В сб.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, с. 79.
- ¹⁵ Там же, с. 77.
- ¹⁶ Доношение В. Н. Татищева в Правительствующий сенат по вопросам организации картографических работ, 1739.— В сб.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, с. 103.
- ¹⁷ Татищев В. Н. Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно, 1749.— В сб.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, с. 231.
- ¹⁸ Там же, с. 229.
- ¹⁹ См.: Крашенинников С. П. Указ. соч., с. 362.
- ²⁰ Татищев В. Н. Напомнение на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств, 1744, с. 205. См. также: егo же. Россия или как ныне зовут Россия. 1739. В сб.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России.
- ²¹ См., напр.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1.
- ²² Татищев В. Н. Россия или как ныне зовут Россия. 1739, с. 113.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Поспелов Е. М. Из истории отечественной топонимики.— Известия АН СССР, 1977, вып. 3, с. 96.
- ²⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургская, ч. 1—2. СПб., 1762; Введение в Астраханскую топографию. СПб., 1774.
- ²⁶ Тредиаковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1793, с. 5.
- ²⁷ Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира.— Библиотека для чтения. Т. 22. СПб., 1837, с. 33.
- ²⁸ Востоков А. Х. Задача любителям этимологии.— Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 2.
- ²⁹ Там же, с. 206.
- ³⁰ Там же, с. 207.
- ³¹ Там же, с. 214—215.
- ³² Там же, с. 215.
- ³³ См., напр.: Марков М. Е. О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Нестеровой летописи. Чернигов, 1814; Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820.
- ³⁴ Филевич И. П. О разработке географической номенклатуры.— Труды X Археологического съезда в Риге. 1896. Т. 1. М., 1899, с. 328.
- ³⁵ Доленга-Ходаковский З. Я. Разыскания, касающиеся русской истории.— Вестник Европы, СПб, 1819, ч. 107, № 2.
- ³⁶ Надеждин Н. И. Указ. соч.
- ³⁷ Там же, с. 27.
- ³⁸ Там же, с. 35—39.
- ³⁹ Филевич И. П. История Древней Руси. Ч. 1. Варшава, 1896, с. 54.
- ⁴⁰ Там же, с. 51.
- ⁴¹ Надеждин Н. И. Указ. соч., с. 39.
- ⁴² Там же, с. 39.
- ⁴³ Егo же. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 гг. по южнославянским землям.— Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. СПб., 1844.
- ⁴⁴ Там же, с. 544.
- ⁴⁵ Лихонин М. Н. О правописании иностранных имен собственных.— Москвитянин, 1849, ч. 4, № 13, кн. 1; Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов.— Географические известия Ростовского географического общества. Вып. 2, 1850.
- ⁴⁶ См.: Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. 1—2. 1838 [б. м.]; Погодин М. Н. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4. М., 1850.
- ⁴⁷ Сергеев Н. А. Опыт объяснения названий русских городов. Н. Новгород, 1875.
- ⁴⁸ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873.
- ⁴⁹ См.: Попов А. И. Географические названия. М., 1965, с. 29.
- ⁵⁰ Барсов Н. П. Указ. соч., с. 44—47, 153—156.
- ⁵¹ Там же, с. 9.
- ⁵² Там же, с. 10.
- ⁵³ Там же, с. 2.

⁵⁴ Там же, с. XXXVII.

⁵⁵ См.: Поспелов Е. М. Указ. соч., с. 99.

⁵⁶ Максимов С. В. Обитель и житель.— Древняя и новая Россия, 1876, № 6; Износков И. А. О названиях населенных мест.— Сборник в память I Русского статистического съезда. Вып. 2. Н. Новгород, 1875; е го же. Какие могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей.— Труды III Археологического съезда. Киев, 1878.

⁵⁷ Максимов С. В. Указ. соч., с. 128.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, с. 129.

⁶⁰ Износков И. А. Можно ли по одинаковым названиям населенных мест, находящихся в разных частях Европейской России, судить о колонизации этих частей? — Труды VI Археологического съезда. Т. I, с. 310.

⁶¹ Износков И. А. О названиях населенных мест, с. 689; е го же. Какие могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей, с. 163—164.

⁶² Грот Я. К. Заметка о географических названиях вообще.— Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. 136, № 11, с. 617.

⁶³ Там же, с. 618.

⁶⁴ Там же, с. 619.

⁶⁵ Там же, с. 620.

⁶⁶ См.: Эрбен. Заметка о славянских географических названиях.— Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. 135, № 10.

⁶⁷ Головацкий Я. Ф. Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран. Вильна, 1884.

⁶⁸ См.: Шекатов А. М. Географический словарь Российского государства. М., 1801—1809; Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1—5. СПб., 1863—1885.

⁶⁹ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 гг. по южнославянским землям, с. 545.

⁷⁰ Сумцов Н. Ф. Малорусская географическая номенклатура.— Киевская старина, 1886. Т. 12, с. 2, 5—7; Филевич И. П. О разработке географической номенклатуры, с. 328, 337—338.

⁷¹ Сумцов Н. Ф. Указ. соч., с. 3, 26—27; Филевич И. П. О разработке географической номенклатуры, с. 333—334, 338; е го же. История Древней Руси. Ч. I, с. 42—65.

⁷² Сумцов Н. Ф. Указ. соч., с. 3—5, 8—9; Филевич И. П. О разработке географической номенклатуры, с. 334—338; е го же. История Древней Руси. Ч. I, с. 36—39, 142—189, 276—342, 214—240.

⁷³ Сумцов Н. Ф. Указ. соч., с. 11—25.

⁷⁴ Филевич И. П. История Древней Руси. Ч. I, с. 42—65.

⁷⁵ Сумцов Н. Ф. Указ. соч., с. 25.

⁷⁶ Филевич И. П. История древней Руси. Ч. I, с. 216—217.

⁷⁷ Там же, с. 142, 189—213, 241—272 и др.

⁷⁸ Кочубинский А. А. О русском племени в Дунайском залестье.— Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887, т. 2. М., 1891, с. 9—67.

⁷⁹ См.: Европеус Д. П. К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян.— Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868, ч. 139; е го же. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России, в Финляндии и северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей. СПб., 1874; Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка.— Известия Общества археологии и этнографии при Казанском университете. Т. 8. Вып. 1. 1890.

⁸⁰ Попов А. И. Указ. соч., с. 30.

⁸¹ См.: Путешествие М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860.

⁸² Агеева Р. А. Топонимика в трудах М. А. Кастрена.— В сб.: Развитие методов топонимического исследования. М., 1970, с. 80.

⁸³ Шегрен А. М. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Russland. СПб., 1831 и др.

⁸⁴ См., напр.: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911; Radloff W. Aus Sibirien, Bd. 1—2. 2 Ausgabe. Leipzig, 1893.

⁸⁵ Благов Г. Ф. В. В. Радлов и топонимика.— В сб.: Развитие методов топонимического исследования, с. 82.

⁸⁶ См.: Берг Л. С. О русской географической терминологии.— Землеведение. М., 1915, № 4; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян.— Землеведение, 1916, № 1—2; е го же. Что может дать краеведение в картографии.— Краеведение, 1923, № 1.

⁸⁷ Саваренский Ф. П. О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными.— Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, кн. 1—2. Тула, 1914; Ламанский В. В. Опыт народного почвенного словаря.— Почвоведение, 1915, № 2.

⁸⁸ Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга. М., 1915, т. 1, с. 447.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Кузнецов С. К. Русская историческая география, т. 1—2. М., 1910—1912, с. 92—93 и др.

⁹¹ См. Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). М.—Л., 1965, с. 4—5.

О ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГОДОВ

Тяжелейшим периодом истории Советского государства была Великая Отечественная война 1941—1945 гг. против напавшей на нашу страну нацистской Германии и ее союзников. Сама Германия, мощные вооруженные силы которой сравнительно легко захватили к лету 1941 г. большую часть Европы и вели бои в Северной Африке, была грозным и смертельно опасным врагом; в планы гитлеровцев входил не только разгром Вооруженных Сил Советского Союза, но и оккупация страны, физическое истребление значительной части ее населения и порабощение остального. Советские люди осознали эту угрозу и не щадили сил для спасения своей социалистической Родины, для освобождения уже захваченных гитлеровцами стран Европы. Но день Победы над Германией — 9 мая 1945 г., ставший одним из самых дорогих для советских людей праздников, — это не только день торжества, но и день скорби, так как победа досталась нам очень дорогой ценой.

Вопрос о том, сколько же именно жизней потерял Советский Союз в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., долгое время оставался без точного ответа. (Замечу, что потери в войне с Японией — 32 тыс. человек — здесь не учитываются.) Во время войны в выступлениях Верховного Главнокомандующего и сводках Совинформбюро сообщалось главным образом о громадных потерях живой силы и техники, которые несут войска Германии; что же касается наших потерь, то о них либо не говорилось, либо они представлялись сравнительно небольшими. Достаточно показателен в этой связи доклад И. В. Сталина на заседании Моссовета 6 ноября 1941 г. в честь 24-й годовщины Октября, в котором, в частности, сообщалось: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной миллионов человек»¹. Такое и подобные заявления можно объяснить не столько привычным для Сталина целенаправленным обманом советских людей, сколько «ложью во спасение», но это была десятикратная ложь. Забегая несколько вперед, следует отметить, что именно в первые, самые страшные месяцы войны, последовавшие за трагически внезапным, подвиге Сталина, нападением нацистской Германии, наши потери только убитыми и пленными составили, вероятно, около 5 млн. человек, а потери немцев, согласно их хорошо налаженной статистике, всего около 245 тыс. убитыми и около 12 тыс. пропавшими без вести².

Как известно, еще до войны Сталин показал себя безжалостным правителем, не считавшимся с жизнью миллионов советских людей; в годы войны эти качества проявились у него еще сильнее. При этом он делал все, чтобы скрыть трагизм своих «достижений» и «побед». После окончания войны, в феврале 1946 г. он заявил, что война стоила советскому народу 7 млн. человеческих жизней. Когда же в послевоенные годы статистический учет населения стал налаживаться и громадные размеры наших потерь стали вырисовываться все более четко, вся статистика населения была засекречена. Почти во всех других воевавших странах после войны (главным образом в 1950—1951 гг.) были проведены переписи населения, материалы которых позволили уточнить и некоторые аспекты военных людских потерь (в оккупированных зонах Германии перепись населения была проведена еще в 1946 г.). В СССР проведение такой переписи было отложено, так как ее результаты пришлось бы обнародовать, а между тем, как показали последующие оценки, общая численность населения СССР на начало 1950 г., несмотря на послевоенный подъем рождаемости, составляла всего 178,5 млн. человек, т. е. была на 15,5 млн. меньше, чем в 1940 г. В стране было мало семей, не потерявших близких во время войны.

Первая послевоенная перепись населения СССР была проведена лишь в начале 1959 г.; в том же году появился и первый статистический сборник «Народное хозяйство в СССР в 1958 г.», содержав-

Козлов Виктор Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института этнографии АН СССР.

ший оценки численности населения и за некоторые предыдущие годы. В изданные тома переписи населения 1959 г. были включены некоторые материалы переписи 1939 г., ранее в таком виде не публиковавшиеся. Все это, казалось, создало возможность для подсчета демографических последствий войны и определения непосредственных людских потерь. Но такие исследования не были проведены. Известный советский демограф Б. Ц. Урланис в своем капитальном труде³ обстоятельно проанализировал военные потери зарубежных стран, в том числе Германии, во второй мировой войне, но обошел молчанием аналогичные данные по СССР. О них, насколько можно судить, впервые было официально сказано в опубликованном в начале 1961 г. письме Н. С. Хрущева к премьер-министру Швеции Т. Эрландеру, где сообщалось, что общие потери Вооруженных Сил и мирного населения Советского Союза составили «свыше 20 млн. человек»; именно эта цифра, неизвестно каким образом полученная, была возведена авторитарным путем в ранг незыблемой, а затем стала и хрестоматийной. Примерно половину, т. е. около 10 млн. человек, стало принято относить к потерям Вооруженных Сил, половину — к потерям мирного населения; иногда первые потери оценивались больше вторых, но мне известно лишь одно отступление от этого «правила», когда историки ГДР предположили, что «на полях сражений Советский Союз потерял более 8 млн. человек, а в общей сложности погибло 20 млн. советских людей»⁴. В недавно вышедшем энциклопедическом справочнике о Великой Отечественной войне кратко повторяется, что война унесла свыше 20 млн. жизней советских людей, часть из них — гражданские лица, погибшие в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода⁵. И даже Л. Е. Поляков, посвятивший свою брошюру специально демографическим аспектам войны и подсчитавший общий демографический урон в 46 млн. человек, отнес 26 млн. к «косвенным потерям», т. е. подогнал свои рассуждения все к той же цифре — 20 млн. человек⁶.

Между тем с развитием гласности данная цифра стала подвергаться сомнениям. Особо отмечу в этой связи небольшую, но очень содержательную статью демографа А. Я. Кваши «Цена победы»⁷, где прямые потери советского народа в годы войны определены ориентировочно в 26—27 млн. человек, «косвенные» — в 22—23 млн. Последовавшая за нею более пространная статья историка Б. В. Соколова примерно на ту же тему ценна главным образом как сводка многочисленных (в том числе зарубежных) сведений о потерях в годы войны; автор уклонился от должного критического анализа основных цифр и констатировал, что «общие безвозвратные потери СССР в годы Великой Отечественной войны, по опубликованным данным, составляют около 21,3 млн. убитых на поле боя, умерших от ран и в плену военнослужащих и погибших мирных граждан»⁸.

В задачу данной статьи не входит детальный анализ военных людских потерь наших врагов и союзников. Отмечу лишь, что в большинстве случаев эти потери были определены западными исследователями вскоре после войны довольно точно. Одним из исключений явились потери Германии, так как немецкие исследователи долгое время относили основную массу «без вести пропавших» (всего около 2 млн. человек) к числу военнопленных, удержанных якобы где-то в восточных областях СССР. Все эти подсчеты были обстоятельно рассмотрены Б. Ц. Урланисом, который установил, что «число погибших немецких солдат и офицеров во вторую мировую войну превышает 4 млн. человек»⁹. К такой оценке, впрочем, близки и некоторые немецкие исследователи, например, Б. Мюллер-Гиллебранд, определивший «общие потери личного состава германских вооруженных сил равными 4 млн. убитых» (подавляющее большинство их погибло на Восточном фронте); однако в это число им были включены убитые и умершие от ран военнослужащие, происходящие из Австрии и Эльзас-Лотарингии и из временно присоединенных к Германии областей Чехословакии и Польши (всего около 500 тыс. погибших)¹⁰. Если основываться на подсчетах Б. Ц. Урланиса относительно численности потерь военнослужащих и к этой цифре прибавить число жертв среди гражданского населения (главным образом от бомбежек) — около 500 тыс. человек, а также немецких граждан (главным образом евреев), уничтоженных за годы войны в концентрационных лагерях, — около 300 тыс. человек, то общие потери Германии составят примерно 5 млн. человек; историки ГДР определили «потери немецкого народа» цифрой «свыше 5 млн.»¹¹ Потери союзников Германии (главным образом Италии и Румынии) составили около 500 тыс. убитыми и умершими от ран. Потери в вооруженных силах Великобритании, воевавшей, как и Германия, на разных фронтах, составили около 265 тыс. человек; среди гражданского населения — более 60 тыс. Военные потери США составили убитыми и умершими от ран 275 тыс., пропавшими без вести — 25 тыс.¹².

В данной статье мне представляется целесообразным уточнить общий демографический урон Советского Союза в результате войны 1941—1945 гг., рассмотреть его основные компоненты и возможность уточнения каждого из них. Отмечу сразу же, что большинство подсчетов носят

ориентировочный характер, но иными они быть и не могут; состояние нашей статистики таково, что исследователь должен зачастую заботиться лишь о том, чтобы не ошибиться на сотни тысяч, а то и на миллионы человек.

Общий демографический урон от войны 1941—1945 гг. в принципе подсчитать сравнительно не сложно, предположив, что войны не было и что демографическое развитие страны шло «естественным» путем. Однако для этого требуются надежные статистические данные на начало и конец исследуемого периода.

Известно, что по данным переписи населения СССР, проведенной в январе 1939 г., общая его численность составила 170,6 млн. человек. Точность этой цифры, полученной спустя два года после забракованных Сталиным данных переписи 1937 г., внушает некоторые сомнения; неизвестно, в частности, как фиксировались этой переписью сотни тысяч (а, возможно, и миллионы) заключенных того времени, тем более что в местах сосредоточения лагерей (например, в Магаданской области) данные о них не просматриваются. В нашей официальной статистике на начало 1939 г. обычно приводится цифра в 190,7 млн. жителей СССР, которая включает население присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии (Молдавия), Литвы, Латвии и Эстонии, а также Северной Буковины. Однако относящаяся к этим территориям цифра в 20,1 млн. человек, полученная нашими статистиками, насколько мне известно, по материалам переписей населения 1930-х гг. в Польше, Румынии и странах Прибалтики, по моим представлениям, занижена. Это особенно относится к Западной Украине и Западной Белоруссии, где многие мужчины старались уклониться от любого учета, чтобы не служить в польской армии; кроме того, официальные данные не отразили сведений о многочисленных беженцах, устремившихся из западных и центральных польских воеводств от наступающих германских войск на Восток. В цифру 20,1 млн. человек не вошла, наконец, численность жителей Закарпатской Украины, включенной в СССР в середине 1945 г., т. е. уже после войны (около 0,9 млн. человек) и фигурирующей во всех послевоенных материалах. Поэтому есть резон увеличить официальные данные о численности населения страны (в ее современных границах) на начало 1940 г. со 194,1 млн. человек до 195—196 млн. человек. Памятуя об этом, вернемся к официальной статистике.

В 1940 г. родилось 6,1 млн. человек, умерло 3,5 млн., естественный прирост составил 2,6 млн. человек¹³. По сравнению с предыдущим годом естественный прирост снизился на 0,8 млн. человек. Основная причина этого — снижение рождаемости, вероятно, за счет уже расширившегося призыва молодых мужчин в армию, да и вообще из-за сгушавшейся военной атмосферы того времени. Возможно также, что в число умерших за 1940 г. были включены и погибшие в войне против Финляндии. Короче говоря, есть все основания полагать, что при нормальном развитии событий естественный прирост населения СССР в 1940 г. должен был составить не менее 3 млн. человек. В последующие 5 лет — 1941—1945 — он должен был возрасти не менее чем до 3,5 млн. человек, так как в активный репродуктивный возраст — 19—20 лет и старше — начинали вступать более многочисленные группы, родившиеся после тяжелой гражданской войны: уместно напомнить, что только в 1926 г. при общей численности населения страны в 147 млн. человек родилось 6,4 млн. человек, а естественный прирост составил свыше 3,4 млн. человек. В 1941—1945 гг. можно было ожидать и некоторого снижения смертности, уровень которой в 1940 г. был довольно высок, в том числе и за счет детской смертности: из каждой тысячи родившихся в стране детей умерло 182, т. е. почти каждый пятый.

Если исходить из возможного годового естественного прироста на 1941—1945 гг. и далее в 3—3,5 млн. человек, то общая численность населения страны могла составить на начало 1946 г. 212—215 млн. человек, а на начало 1950 г. — 225—230 млн. человек. Между тем она составила на начало 1946 г., по неофициальной оценке, всего 167 млн.¹⁴ и на начало 1950 г., по официальным данным, как уже отмечалось, 178,5 млн. человек (в последнюю цифру, кстати сказать, включены жители Закарпатской области, присоединенной к СССР вскоре после войны и не отраженные в данных на 1939 и 1940 гг.). Разница между численностью жителей страны, которая вполне могла бы быть достигнута, если бы не было войны, и реальной численностью на 1946 г. — 45—48 млн. человек (и на 1950 г. 47—52 млн. человек) — составляет общий демографический урон от войны. Л. Е. Поляков, исходя из низкого естественного прироста населения на 1940 г. и оценки на 1946 г., определяет этот урон в 46 млн. человек, А. Я. Кваша — в 48—50 млн., мне же думается, что, приняв во внимание недоучет на 1940 г., его нужно оценить не менее чем в 50 млн. человек.

Но если определить громадную цифру общего демографического урона от войны 1941—1945 гг. сравнительно легко, то расчленив ее на отдельные компоненты и выделить собственно военные потери значительно труднее. Необходимо учесть прежде всего, что этот урон был вызван двумя основ-

ными факторами: резким снижением в военные годы рождаемости и еще более сильным повышением смертности. О снижении рождаемости, главным образом из-за разорванных семейных связей вследствие мобилизации мужчин в армию, из-за отсрочки вступления молодежи в брак и т. д., говорят все исследователи, но количественные параметры этого явления, насколько мне известно, до сих пор еще не были определены. Для решения такой задачи можно привлечь материалы переписи населения 1959 г., в которых отражена численность населения по возрастным группам, в том числе и по группам рождения 1941—1945 гг.; впрочем, более правильно здесь взять рожденных в 1942—1946 гг., так как рождения 1941 г. были обеспечены, так сказать, зачатиями довоенных месяцев, а восстановление брачных связей, в связи с демобилизацией развернулось лишь к концу 1945 г., т. е. могло дать репродуктивный эффект примерно год спустя (в частности, именно поэтому у Л. Е. Полякова получился некоторый недоучет общих демографических потерь по сравнению с данными А. Я. Кваши). Следует учесть, конечно, и «естественную» смертность детей, рожденных в 1942—1946 гг., которым в 1959 г. было 13—17 лет; исходя из уровня повозрастной смертности 1940 г. (который мог бы вероятно, несколько снизиться), до такого возраста доживало примерно две трети всех детей. Не затрудняя читателя дальнейшими демографо-статистическими выкладками, скажу сразу, что по причинам войны наши женщины «недородили» около 10 млн. детей. Именно эту цифру и следует отнести к «косвенным» потерям. Отсюда ясно, что основную часть демографических потерь, непосредственно связанных с войной, — около 40 млн. человек — составляют преждевременная смерть советских людей в тот период, в том числе, разумеется, их смерть на поле боя.

Из каких же составных частей складывается цифра в 40 млн. человек? Распространенное деление на потери военнослужащих и потери среди гражданского населения представляется мне несколько упрощенным, так как оно не учитывает партизан, «располагающихся» как бы между этими двумя основными категориями; между тем общая численность партизан превышала 1 млн. человек, а потери среди них были очень большими; известно, что многие даже сравнительно крупные партизанские отряды были уничтожены карателями по существу полностью. Мне представляется более правильным выделять «воинские» потери, включая в них потери среди всех людей, владеющих оружием, и людей, непосредственно обслуживающих тех, кто владел оружием (санитары, обозники и пр.), а также потери среди «мирного» населения, не имеющего прямого отношения к «воинам», хотя и это деление, конечно, довольно условно. Попытки выделить и здесь какие-то «косвенные» потери (скажем, умерших от голода и болезней, в том числе среди военнопленных) еще более условны.

Основную массу «воинских» потерь составляли потери среди военнослужащих, включая убитых на поле боя или в прифронтовых районах (например, от бомбежек), умерших от ран и болезней, а также попавших в плен и погибших в плену от полученных ранее ран, от голода и болезней, а также застреленных «при попытке к бегству», истребленных в лагерях во время различных «селекций» и т. д. Общее количество наших военнослужащих, оказавшихся в плену, долгое время замалчивалось и прояснилось лишь сравнительно недавно, когда в центральной прессе была приведена как достаточно реальная цифра — 5,8 млн. человек, по данным гитлеровского вермахта на 1 мая 1944 г. Почти все они попали в плен в 1941—1942 гг., когда вражеские войска рвались на Восток и несколько раз окружали даже по нескольку наших армий, включая многочисленные дивизии плохо вооруженных ополченцев (например, в октябре 1941 г. под Вязьмой). Насколько точна эта цифра, сказать трудно, тем более, учитывая, что в первые месяцы войны большинство пленных из числа украинцев, белорусов и прибалтов было отпущено «домой». В довоенное время представители Советского Союза в Лиге Наций не подписали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, поэтому советские пленные были лишены минимальной в условиях нацистского режима поддержки со стороны Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, которой пользовались пленные из армии наших союзников. Известно (эти данные приводит Б. В. Соколов), что к началу 1944 г. погибло 3,3 млн. советских военнопленных; общее же число погибших, не дождавшихся прихода советских войск, вероятно, намного превышает 4 млн. Впрочем, и тем, кто дождался, как известно, пришлось несладко, так как почти все они были объявлены «изменниками Родины» и отправлены в жестокие сталинско-бериевские лагеря.

Более или менее точную цифру потерь наших Вооруженных Сил, возможно, дадут военные историки, имеющие доступ к соответствующим архивным материалам. Могу предположить лишь, что, поскольку наши военнослужащие обычно попадали в плен лишь в исключительных обстоятельствах, часто ранеными, то число убитых соизмеримо с числом пленных, и уже к началу 1943 г. вся эта группа наших потерь достигла в целом, вероятно, не менее 10 млн. человек. Столь огромные армейские потери в первый период войны объясняются несколькими причинами. Вначале — это допущенная

Сталиным «внезапность» нападения Германии, неподготовленность наших частей к оборонительным боям и профессиональная слабость командного состава, основные кадры которого были уничтожены приспешниками Сталина в предвоенные годы. Встречающиеся до сих пор ссылки на военнотехническое превосходство германских сил, выделенных вермахтом для нападения на СССР, оказываются несостоятельными, как это показано, кстати сказать, и в статье Б. В. Соколова. Другое дело, что многие наши самолеты были уничтожены в первые дни войны на аэродромах, а многие танки — почти без боя, главным образом атаками с воздуха. Вследствие всего этого армейское командование, подчиняясь грозным приказам из Ставки, пыталось останавливать наступающие бронетанковые колонны врага бросаемыми в бой цепями пехоты, а иногда даже безрассудными атаками кавалеристов.

Быстро растущие потери Красной Армии покрывались мобилизацией мужчин призывного возраста, которая во многих сельских районах была чуть ли не поголовной. Общее число мужчин, мобилизованных на фронт, Б. В. Соколов определяет примерно в 30,6 млн. человек, что составляло около трети всего мужского населения страны (в Германии, по его подсчетам, 40%), но к этому следует добавить тыловые части (запасные полки и военные училища), войска НКВД, а также мобилизованных в армию женщин (около 2 млн. человек — главным образом санитарки, связистки и т.п.); служба в некоторых «мирных» профессиях, например, на транспорте, также была приравнена к армейской. (При таких людских резервах самому Сталину и командирам, следовавшим его жестокому стилю действий, предоставлялась возможность не считаться с потерями.)

С середины 1943 г., когда после победы на Курской дуге наши армии уверенно пошли на Запад, наши потери пленными резко сократились (а у немцев и их союзников — сильно возросли). Однако количество убитых продолжало оставаться очень большим. Враг оборонялся умело и, кроме тех случаев, когда мы переигрывали его стратегически, осуществляли глубокие прорывы с окружением значительных группировок (например, в Корсунь-Шевченковской операции, в Белоруссии и др.), проявлялась та закономерность войны, что при сравнительно равных условиях наступающая сторона несет большие потери, нежели обороняющаяся. Это усугублялось действием приходящих, так сказать, факторов, например стремлением неопытных командиров атаковать «в лоб», а командующих — приурочить крупную победу к очередному празднику, скажем, связать освобождение Киева с праздником XXVI годовщины Октябрьской революции или взять штурмом Берлин к 1 Мая. О Берлинской операции надо сказать особо, так как большие потери наших войск, понесенные в этой последней страшной битве (свыше 100 тыс. только убитых)¹⁵ не были столь уж необходимы для Победы. Берлин был взят в кольцо армиями 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, соединившимися к западу от столицы около г. Кетцена 25 апреля 1945 г.; выбраться из этого кольца было невозможно, и можно предположить, что недели через две берлинский гарнизон все равно капитулировал бы. Конечно, это было бы менее эффектно, чем решение задачи «добить зверя в его берлоге», но зато сотням тысяч советских женщин не пришлось бы лить горькие слезы по своим мужьям, братьям, сыновьям, которые погибли за несколько дней до Победы. И вообще, концепция, выраженная словами песни о том, что нам нужна одна победа и «мы за ценой не постоим», была чужда солдатам и принесла советскому народу огромные потери и непреходящую скорбь.

О больших потерях среди партизан уже говорилось; из-за плохого санитарного обслуживания и летальному исходу у них нередко приводили даже не очень тяжелые ранения; что же касается пленных партизан, то с ними гитлеровцы обычно обходились еще более безжалостно, чем с пленными военнослужащими. Более или менее точно определить число партизан и число погибших среди них вряд ли удастся, так как в ряде случаев они сливаются с числом потерь среди мирного населения оккупированных врагом территорий.

Но «воинские» потери этим не ограничиваются; как это ни покажется кому-то «неприятным», к ним, вероятно, следует прибавить (разумеется, в особой графе) и тех бывших советских граждан, которые по тем или иным причинам (нередко под страхом смерти или из-за враждебности к сталинизму) поступили на военную и полицейскую службу к оккупантам, что при всех условиях было предательством по отношению к советскому народу. В связи с расширяющейся гласностью, видимо, настала пора для освещения и этих темных сторон Великой Отечественной войны, тем более что, судя по всему, бывшие архивы германского вермахта и других служб позволяют сделать это достаточно основательно. Не беря на себя такую задачу, считаю необходимым отметить, что в число военнослужащих, сражавшихся на стороне гитлеровцев, входили не только солдаты и офицеры дивизии «Русской освободительной армии» под общим командованием генерала Власова, набранных главным образом из военнопленных (по некоторым оценкам, их было до 140 тыс. человек)¹⁶, но и различные национальные части вроде западноукраинской галицийской дивизии СС (воевавшей главным

образом в Югославии), а также соединений крымских татар и некоторых северокавказских соединений; в батальонах крымских татар, например, насчитывалось около 20 тыс. человек, что по отношению к общей численности татарского населения Крыма в то время составляло 10%¹⁷, но среди мужчин 20—40 лет — относительное большинство! Известно, что набор на полицейскую службу проводился оккупантами повсеместно, т. е. и в тех местах, где не было активной деятельности партизан, поэтому можно предположить, что общее число полицаяев измерялось многими сотнями тысяч человек и что, вероятно, примерно половина их так или иначе погибла от рук партизан либо казнена за измену Родине после прихода Красной Армии. Отдельно следует сказать о националистических западноукраинских отрядах бандеровцев, которые старались сохранить некоторую самостоятельность и иногда выступали против оккупантов, но в целом их действия имели антисоветскую направленность.

Здесь уместно отметить, что значительное число бывших советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, ушло с их отступавшими войсками. После капитуляции Германии большая часть их находилась в ее западных зонах, попавших под контроль США, Англии и Франции, и вместе с оставшимися там по той или иной причине группами советских военнопленных и гражданских лиц, насильно привезенных гитлеровцами для работы в промышленности и сельском хозяйстве, вошла в разряд так называемых «беженцев и перемещенных лиц», пользующихся протекцией со стороны International Refugee Organization (специально созданной международной организации). По материалам этой организации (не охватившим, разумеется, тех, кто уклонился от регистрации) в западных зонах Германии (и отчасти Австрии) оставалось свыше 200 тыс. украинцев, свыше 80 тыс. латышей, свыше 55 тыс. литовцев и около 30 тыс. эстонцев (кроме того, в Швеции — около 25 тыс. эстонцев); группы русских и белорусов были сравнительно малочисленны¹⁸. В последующие годы основная масса таких «беженцев и перемещенных лиц» выехала на поселение в заокеанские страны, часть осталась в Западной Европе (их также нужно учитывать при подсчете общего демографического урона, причиненного войной).

Что касается собственно потерь среди мирного населения из-за повышенной (преждевременной) смертности, можно сказать, что в основном люди гибли во время обстрелов и бомбежек в прифронтовой полосе, двигавшейся сначала на восток, а затем — на запад, и на оккупированной врагом территории, где фашистами был установлен режим кровавого террора. За неповиновение оккупационным властям и особенно за помощь партизанам жителям грозил расстрел (нередко повешение) или отправка в лагеря уничтожения. Население страдало от голода и болезней как в городах, где было нарушено снабжение, так и в сельской местности, жители которой подвергались постоянным поборам; сильнее других в таких условиях страдали, конечно, дети и старики. Несколько миллионов советских людей (преимущественно женщины) было вывезено на работу в Германию (отчасти в Австрию), и часть их погибла там, не дождавшись прихода советских войск.

Общую огромную сумму людских потерь в прифронтовых районах и на оккупированной территории определить трудно, но некоторые ее компоненты выступают более четко, чем другие. Известна, в частности, цифра потерь в блокадном Ленинграде, где только от голода, холода и болезней погибло «свыше 641 тыс. жителей», а десятки тысяч — во время эвакуации¹⁹; если добавить к этому погибших от артобстрелов и бомбежек, то общая цифра потерь составит не менее 800 тыс. человек. Есть достаточные основания и для оценки численности погибших евреев. Для утверждения своего национально-расового господства гитлеровцы, как уже говорилось выше, намеревались уничтожить многие народы, но своей первой задачей они поставили уничтожение евреев. По переписи населения 1939 г., в СССР насчитывалось немногим более 3 млн. евреев; основная масса их жила в западных областях страны (в том числе на Украине — 1,5 млн., в Белоруссии — 375 тыс. и т. д.); кроме того, в воссоединенных областях Западной Украины и Западной Белоруссии было около 1 млн. евреев, к которым присоединилось около 200 тыс. польских евреев, бежавших на Восток от наступающих германских войск; в республиках Прибалтики жило около 250 тыс. евреев, в Бессарабии — около 300 тыс. С началом войны несколько сот тысяч евреев, вероятно, было эвакуировано или бежало из западных областей страны на восток, а подавляющее число оставшихся — очевидно, более 2,5 млн. человек — было уничтожено во время массовых расстрелов, как это было в Бабьем Яру в Киеве, или отправлено в лагеря уничтожения — Освенцим, Майданек и др. Как известно, гитлеровцами уничтожались и все еврей-военнопленные, однако число их установить трудно.

Весьма значительной была в годы войны и смертность населения в тыловых районах. Ухудшение здравоохранения, скудное картофельное снабжение в городах, приводившее к полуголодному существованию, тяжелый труд в промышленности, где установленная 12-часовая продолжительность рабоче-

го дня часто превышалась, а также нелегкая жизнь сельчан, зачастую получавших за свои труды только «галочки» в учетных книгах, были причиной преждевременной смерти многих сотен тысяч людей даже в «рабочем» возрасте (включая подростков); вероятно, еще большей была преждевременная смертность в детском и пожилом возрасте. Особенно пострадало в этом отношении эвакуированное население, численность которого только до февраля 1942 г. составила более 10 млн. человек²⁰, так как условия труда и быта у него обычно были хуже, чем у местного населения.

Говоря о повышенной смертности в годы войны в тыловых районах, нельзя забывать и о миллионах заключенных в сталинско-бериевских лагерях; снабжение основной части таких заключенных как «врагов народа» во время войны еще более ухудшилось, а нормы выработки возросли, что само по себе должно было привести к еще более высокой смертности, чем до войны. Условия жизни населения в годы войны ужесточились (достаточно вспомнить указ, предусматривавший 10 лет заключения за сбор колосков на убранном поле); репрессивный аппарат продолжал свою деятельность. Некоторая часть осужденных мужчин направлялась, правда, не в лагеря, а в штрафные батальоны, а там, как известно, потери были гораздо выше, чем в обычных армейских подразделениях. Значительные потери были связаны, наконец, и с насильственным переселением в азиатскую часть страны в самом начале войны из Поволжья и других регионов европейской части страны около 1 млн. немцев, а также с переселением в 1943—1944 гг. некоторых народов, обвиненных в сотрудничестве с врагом (калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары и др. — всего свыше 1 млн. человек). Жестокое обращение с ними как с «изменниками Родины» сильнее всего сказалось на повышении смертности во время транспортировки, а также в очень тяжелый период налаживания жизни на новых, нередко не обжитых до того местах.

Подводя итог всем охарактеризованным (иногда только обозначенным) выше компонентам демографического урона в годы войны из-за преждевременной смерти советских людей («эмиграция» имела здесь небольшое значение), мне трудно разделить более или менее точно общую сумму этих потерь в 40 млн. человек на «воинские» потери и потери среди «мирного» населения; можно предположить, что первые составляют 15—20 млн. (из них армейские — 11—13 млн.) и что как те, так и другие свидетельствуют не только о беспримерной готовности советских людей отдать свои жизни для победы над врагом, но и о безжалостном отношении к ним со стороны Сталина и сталинистов.

В заключение кратко остановлюсь на этнических (национальных) аспектах людских потерь в войне 1941—1945 гг., отчасти уже затронутых выше, где речь шла о евреях и о репрессированных Сталиным народах. В войне против гитлеровской Германии и ее союзников участвовали все народы Советского Союза, но степень их активности была не одинаковой; об этом можно судить, например, по числу представителей той или иной национальности, получивших звание Героя Советского Союза (в скобках — на каждый миллион населения): русских — 8 тыс. (80), украинцев — 2 тыс. (60), белорусов — около 300 (35), татар — 161 (37) и др., в том числе таджиков — 15 (10), киргизов — 12 (10), латышей — 12 (10), эстонцев — 9 (9), молдаван — 2 (1). Разными в абсолютных и относительных цифрах были и понесенные теми или иными народами потери. Очень сильно пострадали от войны белорусы (в большей степени за счет потерь среди «мирного» населения); до переписи 1959 г. они еще не восстановили своей довоенной численности. Судя по зафиксированной этой переписью диспропорции мужчин и женщин в возрастных группах, подлежавших мобилизации в годы войны, воинские потери были относительно велики среди русских, но еще выше — среди некоторых народов Поволжья — мордвы, чувашей и др., которые были слабо заняты в промышленности и поэтому почти не пользовались «бронированием»; по переписи населения 1959 г., численность женщин в возрасте 45—50 лет была среди них в 2,5 раза выше, чем мужчин²¹. Сравнительно небольшие потери понесло коренное население Средней Азии; половозрастная структура среднеазиатских народов на 1959 г. оказалась близка к нормальной, что способствовало высоким темпам их послевоенного естественного воспроизводства.

Представленные выше исчисления наших людских потерь в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. доведены в основном до начала 1946 г. Однако, как и все другие, эта война имела тяжелое демографическое «продолжение» — «эхо». В военных госпиталях и гражданских больницах, в домашних условиях и в домах инвалидов продолжали преждевременно умирать от ран, увечий, нервных стрессов десятки, если не сотни тысяч участников войны. Да и условия жизни

гражданского населения улучшались медленно, и смертность среди него еще довольно долго оставалась выше «нормальной».

Детальная оценка тяжелых социально-экономических и других последствий громадных людских потерь в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. требует специального анализа.

Примечания

- ¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, с. 20.
- ² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1935. Т. III. М., 1976, с. 343.
- ³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1961.
- ⁴ Всемирная история. Даты и события. Эпоха перехода от капитализма к коммунизму. М., 1968, с. 138.
- ⁵ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 23.
- ⁶ Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985, с. 87.
- ⁷ Советская культура. 1988, 3 сентября.
- ⁸ Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. — Вопросы истории, 1988, № 9, с. 117—118.
- ⁹ Урланис Б. Ц. Указ. соч., с. 205.
- ¹⁰ Мюллер — Гиллебранд Б. Указ. соч., с. 340.
- ¹¹ Всемирная история..., с. 138.
- ¹² Урланис Б. Ц. Указ. соч., с. 229—231.
- ¹³ Здесь и далее сведения о естественном движении населения СССР даны по: Население СССР. Численность, состав и движение населения. 1973. Стат. сб. М., 1975, с. 69, 81 и др. См. также: Население СССР 1987. Стат. сб. М., 1988. Данные на 1939 г. приводятся по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962.
- ¹⁴ Поляков Л. Е. Указ. соч., с. 87.
- ¹⁵ Наши общие потери в Берлинской операции, продолжавшейся с 16 апреля по 2 мая 1945 г., оцениваются в 300 тыс. человек убитыми и ранеными (к последним отнесены, вероятно, лишь госпитализированные бойцы, часть из которых, вероятно, позднее умерла от ран). См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1967, с. 497.
- ¹⁶ Verriant J. The Refugee in the Post-War World. L., 1953, p. 84.
- ¹⁷ См.: Крым: прошлое и настоящее. М., 1988, с. 83.
- ¹⁸ Verriant J. Op. cit., p. 68—70.
- ¹⁹ Великая Отечественная война. 1941—1945, с. 401.
- ²⁰ Там же, с. 803.
- ²¹ См.: Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982, с. 186—190.

ПАВЛОВСКИЙ КУСТАРЬ Г. К. ПЕРЧАНКИН: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Б. Н. ПЕРЦЕВ

Занимавшийся в свое время вопросами зарождения рабочего движения в нашей стране профессор О. Д. Соколов ошибочно назвал павловского кустаря Г. К. Перчанкина марксистом. Местные краеведы немедленно подхватили эту версию и вместо тщательной проверки ее по архивным документам занялись домыслами. В результате на свет появился целый ряд фальшинок, «доказывающих», что в селе Павлове, известном своими кустарными промыслами, в 60—70-х гг. XIX в. действовала революционная организация «Союз коммунистов», успешно занимавшаяся пропагандой марксизма и практически осуществившая слияние рабочего движения с научным социализмом. Вместо того, чтобы критически отнестись к допущенной неточности, Соколов воспринял «открытия» краеведов как подтверждение своих выводов, снабдил их надлежащей терминологией и пустил в научный оборот. Таким образом, возник заколдованный круг: Соколов ссылается на «изыскания» краеведов, краеведы как щитом прикрываются авторитетом ученого. Версия о «кустаре-марксисте» не осталась незамеченной и историками. Все это делает необходимым серьезно разобраться в сути возникшего вопроса.

1. ВЕРСИЯ ПРОФЕССОРА О. Д. СОКОЛОВА

О. Д. Соколов, собирая материал для своей книги «На заре рабочего движения в России», обнаружил в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР среди многочисленных бумаг по делу народников 70-х гг. XIX в. рукопись, озаглавленную «Международное товарищество рабочих»¹. На стандартных листах почтовой бумаги каллиграфическим почерком переписаны 5 документов: Программа и Устав I Интернационала, Программа и Устав Русской секции I Интернационала, обращение Русской секции в связи с ее образованием под названием «Русская ветвь Международного товарищества рабочих». Установив, что рукопись была отобрана у павловского кустаря Г. К. Перчанкина во время обыска в его доме 26 июля 1874 г. и не прибегая к дополнительным изысканиям, Соколов провозгласил Перчанкина одним из первых пропагандистов марксизма в России.

Начиная с 1964 г. в ряде публикаций, в том числе помещенных в газете «Правда» и журнале «Коммунист», О. Д. Соколов последовательно развивал эту идею, дополняя ее деталями. В результате в научный оборот была введена версия о слесаре-марксисте, сущность которой сводится к следующему.

В течение нескольких десятилетий в селе Павлове Нижегородской губернии занимался революционной работой и пропагандировал марксизм слесарь Г. К. Перчанкин. В середине 60-х гг. XIX в. он создал кружок единомышленников, которые «... на занятиях читали и обсуждали „Манифест Коммунистической партии“ К. Маркса и Ф. Энгельса, книгу Н. Г. Чернышевского „Что делать?“. Кружок развил активную деятельность среди рабочих многих фабрик Павлова»². В 70-е гг. он принимает название «Союза коммунистов». Перчанкин в это время распространяет «...документы I Интернационала и его Русской секции»³. В отобранной при аресте Перчанкина рукописи О. Д. Соколов «обнаружил» дополнительный абзац, якобы приписанный к обращению Секции⁴, свидетельствующий о революционной решимости и марксистской последовательности группы.

В 1876 г. Г. К. Перчанкин за свои убеждения попадает в ссылку, но после возвращения в Павлово с новой энергией принимается за революционную деятельность. «В период первой русской революции, — пишет О. Д. Соколов, — Перчанкин стал большевиком и активно участвовал в работе местного комитета РСДРП... Рабочий, впервые примкнувший к революционному движению при

жизни Маркса, распространявший его идеи в 70-х годах прошлого века, стал пламенным пропагандистом идей Ленина»⁵.

Естественно, возникает вопрос, по каким источникам О. Д. Соколов воссоздал революционную биографию Г. К. Перчанкина? Тщательная проверка документов, на которые историк ссылается, показывает, что только один из них — протокол об обыске в квартире Перчанкина⁶, подтверждающий изъятие у последнего рукописи, — может быть принят серьезно. Остальные не выдерживают критики.

О. Д. Соколов ссылается на два документа и газетную публикацию⁷: воспоминания М. М. Перчанкиной-Квашенкиной, якобы хранящиеся в Государственном архиве Горьковской области (далее — ГАГО), ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 41—44. (Воспоминания записаны местным краеведом В. В. Рябовым); Протокол № 9, находящийся в ЦГАОР СССР (ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 161) и заметку «Марксов союз», подписанную В. В. Рябовым («Павловский металлист», 1977, 2 ноября).

Воспоминания внучки Г. К. Перчанкина (М. М. Квашенкиной) в фонде 2 ГАГО отсутствуют⁸. Протокол № 9, фиксирующий первый допрос Перчанкина жандармским подполковником П. С. Перфильевым действительно имеется. Кстати, помечен документ листами 16—18, а не 161-м, как указано у О. Д. Соколова.

У О. Д. Соколова не вызвали сомнения следующие факты из статьи В. В. Рябова «Марксов союз»: «Пришло мне, — сообщил Рябов, — письмо из Вареза (село, расположенное в 5 км от г. Павлово. — Б. П.)... В конверт с церковными бумагами вложен членский билет № 24 Хвостова Ксенофонта Ивановича, сословие — рабочий, занятие — купец. Год вступления в „Союз Коммунистов“ — 1864, 3 ноября. Предкомитета СК Перчанкин, секретарь А. Бочкарев“. Билет представляет собой листок тонкого картона. На первой странице сверху — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, ниже — „Союз коммунистов. Международное товарищество рабочих“⁹.

О. Д. Соколов два раза приезжал в Павлово, неоднократно встречался с Рябовым. Неужели ему не захотелось подержать в руках этот билет и заодно установить его подлинность?

Версия о революционной организации, занимающейся пропагандой марксизма, с названием «Союз коммунистов» в селе с населением 6—7 тыс. человек¹⁰ была придумана В. В. Рябовым. Вначале ее абсурдность немного смутила О. Д. Соколова. Он даже заявил, что подлинность некоторых документов, подтверждающих существование организации с таким названием «может быть оспорена»¹¹. Однако позже, в публикации 1983 г., Соколов сам называет несуществующий кружок Г. К. Перчанкина «Союзом коммунистов»¹². Утверждая, что Перчанкин в 1905 г. вступил в РСДРП, активно участвовал в работе местной партийной организации, стал большевиком, «пламенным пропагандистом идей Ленина», Соколов ограничился лишь ссылкой на «павловского краеведа». На самом деле Перчанкин никогда не был членом партии¹³, нет никаких доказательств, что он хотя бы был знаком с произведениями В. И. Ленина.

Нельзя согласиться с утверждением О. Д. Соколова о том, что в отобранной у Г. К. Перчанкина рукописи к «Обращению Русской секции» был приписан новый абзац, отсутствовавший в подлиннике. Известны две публикации документов I Интернационала, осуществленные Русской секцией, — в газете «Народное дело», затем в отдельной книге (брошюре). Не исключена возможность третьей публикации, скорее всего дополнительного тиража к уже выпущенной книге (брошюре). При переиздании руководители Секции считали себя вправе совершенствовать текст «Обращения». Возникли разночтения. Цитируемый Соколовым абзац лишь подтверждает наличие разночтений. Вот его содержание: «Мы призываем всех и каждого на борьбу за целостное освобождение всемирного пролетариата. Во имя успеха этой борьбы будем дружно и энергично стремиться к тому, чтобы Интернациональная организация быстро проникла в русский рабочий мир и охватила собой все ремесленные, фабричные и земельные слои народа»¹⁴.

А вот что читаем в статье «Русская ветвь Международного товарищества рабочих», опубликованной в газете «Народное дело»: «Мы должны быть добросовестными выразителями этого движения и всеми силами должны мы стремиться к тому, чтобы Интернациональная организация успешно проникла в русский рабочий мир и охватила собою все ремесленные, фабричные и земельные слои народа»¹⁵.

Версия О. Д. Соколова о «слесаре-марксисте» строится всего лишь на одном достоверном факте — изъятии у Г. К. Перчанкина рукописи документов I Интернационала. Но ведь рукопись могла оказаться у Перчанкина случайно: кто-то попросил ее спрятать или дал ему почитать, имея целью втянуть его в революционную работу. Может быть, полуграмотный Перчанкин¹⁶ ее не читал, а если и читал, ничего в ней не понял. Но не будем спешить с выводами.

2. Г. К. ПЕРЧАНКИН И НАРОДНИКИ

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР хранится объемистый том, содержащий многочисленные материалы о расследовании деятельности нижегородской группы народников во главе с А. И. Ливановым, возникшей в начале 1874 г. Весной того же года группа выбрала объектом «хождения в народ» село Павлово. Два ее эмиссара — П. Н. Александровский, устроившийся на работу в складочную артель Н. П. Зернова в качестве писаря, и Н. Ф. Биткин, работавший по найму у местных богатеев, — пытались создать в Павлове самостоятельную революционную организацию. В сфере их деятельности оказались юрист А. Е. Фаворский, учитель А. И. Митропольский, кустари Н. А. Личадеев, Г. К. Перчанкин и еще несколько человек. Под видом плотника Александра Петрова-Коркина в Павлове поселился впоследствии известный революционер А. О. Лукашевич.

Н. А. Личадеев и Г. К. Перчанкин привлекли внимание П. Н. Александровского не случайно. Они выделялись среди безграмотных кустарей сравнительно более высоким уровнем развития, а также тем, что являлись членами правления складочной артели, т. е. принимали определенное участие в общественной жизни села. До 1876 г. Перчанкин вместе с семьей — женой и двумя малолетними детьми — жил в собственном двухэтажном доме¹⁷. Низ здания был приспособлен под мастерскую, часть его сдавалась внаем, второй этаж являлся жилым помещением. Семья была относительно состоятельной, Перчанкин содержал наемного работника¹⁸. Это обстоятельство обойдено в работах О. Д. Соколова, ни разу не назвавшего Перчанкина кустарем. Именуя его слесарем, Соколов сместил таким образом его социальную принадлежность в сторону наемного рабочего.

При внимательном анализе протоколов допроса Г. К. Перчанкина¹⁹, высказываний о нем других членов группы становится очевидным: он совершенно случайно оказался причастным к делу народников, ни о каком социальном протесте с его стороны в 1874—1876 гг. не могло быть и речи²⁰. Фактически Перчанкин не являлся членом группы, П. Н. Александровский и А. О. Лукашевич ему не доверяли²¹. В каждом его высказывании просматривается психология кустика — человека хитроватого, заботящегося в первую очередь о своей выгоде. Его интересы были весьма ограничены²². За два с половиной месяца контактов с народниками Перчанкин не совершил ничего такого, что может быть квалифицировано как революционное действие.

Как же рукопись с документами I Интернационала оказалась у Г. К. Перчанкина?

А. И. Митропольский к и: «Рукопись эта писана моей рукой. Я списал ее в одном экземпляре с печатной книжки, которую дал мне Александровский. Он принес ее ко мне и показал, а я попросил у него позволения списать, на что он и согласился. Списав, рукопись я оставил у себя, а печатный экземпляр отдал обратно Александровскому... Этот список случайно увидел у меня Биткин и попросил отдать ему, что я и сделал. Затем я спрашивал у него ее обратно, но он ответил, что она уничтожена. Каким образом рукопись попала к Перчанкину, мне неизвестно»²³.

Г. К. Перчанкин: «Однажды пошли мы с ним (с Н. Ф. Биткиным. — Б. П.) на Ключ (так до революции называлась находящаяся у истоков ручья часовня, расположенная в 3 км восточнее Павлова. — Б. П.). Дорогой стал он говорить мне о работе, о том, что хозяин его плохо содержит, не кормит. А затем разговор перешел к тому, что нужно проучить хозяев. На мой вопрос: как же? — столяр Николай Федоров вынул из подштанников рукопись, найденную у меня при обыске, и сказал: прочитай — узнаешь. Так как я писанного не читаю, она и валялась у меня. По почерку, кажется, писана она рукой учителя Митропольского»²⁴.

Следовательно, затем судьи в ходе «процесса 193-х» не придали рукописи серьезного значения. В то же время чтение книги «История одного французского крестьянина»²⁵, содержащей революционные призывы к крестьянству и пропагандировавшей идеи Французской буржуазной революции конца XVIII в., вменили тому же Г. К. Перчанкину в вину государственное преступление.

Достаточно было просмотреть публикацию «Процесс 193-х»²⁶, чтобы убедиться — народники 70-х гг. неоднократно использовали марксистскую литературу. Это вовсе не значит, что они разделяли или хотя бы понимали идеи научного социализма. Им не хватало печатного материала для ведения пропаганды, и тогда они стали действовать по принципу «всякая книга хороша, если она может нанести ущерб царскому самодержавию».

Говорить о возможностях распространения идей I Интернационала в селе Павлово по меньшей мере наивно. Население села состояло преимущественно из кустарей, ремесленников и торгового люда. На двух купеческих мануфактурах-фабриках Калякина (основана в 1813 г.) и Варыпаева

(основана в 1816 г.) трудилось всего несколько десятков рабочих, из них больше половины — надомники²⁷. Засилье мелкотоварного производства порождало здесь удушливую атмосферу верноподданничества, слежки и доносительства. Самые незначительные проявления недовольства режимом немедленно становились известными начальству²⁸.

Вернемся к рассказу о Г. К. Перчанкине. 19 июля 1874 г. Махнаев донес станковому приставу унтер-офицеру Ястребову, что на Николу в доме Перчанкина ночевали двое неизвестных молодых людей, приехавшие, видимо, из Петербурга. Уединившись в отдельной комнате, они вели с хозяином дома продолжительную беседу. Через пару дней рапорт Ястребова лежал на столе исполняющего обязанности начальника Нижегородского жандармского управления подполковника П. С. Перфильева. Для жандармерии время было беспокойное. Из разных губерний приходили известия об агитаторах, внедрявшихся в крестьянскую среду и, как правило, выдаваемых полиции теми, к кому они обращались. Нюх опытной ищейки подсказал Перфильеву, что обнаруженный след может привести к крупной добыче. Вместо того чтобы поручить расследование одному из своих подчиненных, он самолучно, в сопровождении прокурора окружного суда Абакумова, отправляется в село Павлово. Тщательно допросив отставного солдата, он учиняет обыск в доме Перчанкина. При этом были обнаружены запретная книга «История одного французского крестьянина» и рукопись «Международное товарищество рабочих». Чуть позже проводятся обыски еще у ряда лиц, оговоренных Махнаевым. Но лишь обыск у Н. А. Личадеева дал Перфильеву дополнительные улики.

Допрошенный первый раз в день ареста, 26 июля, Г. К. Перчанкин пытался хитрить, и все, что могло быть использовано против него, свалил на двух ночевавших у него молодых людей²⁹. Утаив, что они были приведены к нему на ночлег П. Н. Александровским, допрашиваемый заявил: неизвестно, откуда пришли, неизвестно, куда ушли. И тут же предал их. «Они говорили о тяжелом положении рабочих и простого народа, — читаем мы его показания, — присовокупляя, что все вскоре повернется к лучшему, уже везде готовится возмущение и напрасно у нас в Павлове все тихо»³⁰.

Посидев несколько дней под арестом, Перчанкин сам напрашивается на допрос. «Я желаю рассказать всю правду по делу, и прошу себе снисхождения», — заявляет он Перфильеву³¹. О себе, собственно, рассказывать ему было нечего. Все его дальнейшие показания — предательство товарищей, и прежде всего П. Н. Александровского, Н. Ф. Биткина, А. О. Лукашевича. Более подробно рассказывает он о ночевавших у него молодых людях, заявив, что привел их Александровский. «Гости сказали мне: Богатство все вообще награбленное, от трудов не разживешься. Правительство действует в угоду богатым. Советовали нам (кустарям. — Б. П.) стремиться к освобождению, действовать, иначе никто о нас не подумает»³².

Тут выясняется далеко не маловажное обстоятельство: Александровский скрыл от Перчанкина цель приезда молодых революционеров, не назвал их имен. «Я думал, они поступят в члены артели, — говорил Перчанкин, — а поэтому принял гостей с уважением, сам поил их чаем, рассчитывал, что они замолвят за меня слово писарю (Александровскому. — Б. П.)»³³. На следующий день Лукашевич ведет переговоры с незнакомцами. Перчанкин комментирует: «Все утро сидели вместе и о чем-то беседовали»³⁴. А ведь дело происходит в его доме. Значит, посвящать хозяина в суть переговоров не считали нужным. Наконец, после отъезда гостей снова явился Александровский и «... стал расспрашивать, что говорили незнакомцы»³⁵. Видимо, его беспокоила мысль: не проговорились ли они.

О деятельности группы Перчанкину было известно не так-то много, в основном из случайно услышанных разговоров. Ему приходится напрягать память, выискивая в ней факты, чтобы показать подполковнику Перфильеву свое желание быть до конца откровенным. Так, он вспомнил: «Раз случилось мне услышать, что в Нижнем, в чайной торговца Стригулина или Щелкова, есть приказчик, отпускающий товар, Холтурин, также из этих людей»³⁶. Этой фразой была выдана полиции главная явка нижегородской группы народников.

А вот еще один пример «откровенности» Перчанкина. Плотник Александр Петров (Лукашевич), показывая он Перфильеву, беседовал с П. Н. Александровским «... о неких товарищах. Под товарищами я разумею тех лиц, которые должны были участвовать в вооруженном восстании. Оба говорили, что в Петербурге войска и артиллерия согласны идти за ними (революционерами. — Б. П.)... и солдаты тоже. А мы, крестьяне, должны были подняться на своих бар с топорами и вилами»³⁷. «Однажды при мне Александровский в разговоре с Личадеевым упомянул: надо бы составить список всех лиц, которые читали книгу „История французского крестьянина“ и которые, как я думаю, способны (по их мнению. — Б. П.) на восстание»³⁸. Чтобы у следователя не оставалось сомнений в его личной позиции, Перчанкин заявил: «Я все это слушал, но сам не решился окончательно пристать к ним»³⁹.

Протокол допроса Г. К. Перчанкина от 8 августа 1874 г., третий по счету, заканчивается словами: «Больше ничего сказать не могу, если что вспомню, то скажу по чистой совести»⁴⁰. Текст протокола буквально испещрен синим карандашом следователя, выделены важные места в показаниях. Не удовлетворившись жирными линиями на полях, Перфильев подчеркнул большинство строк, особо выделив те места, где Перчанкин говорит о А. О. Лукашевиче и Н. Ф. Биткине. Сведения, касающиеся П. Н. Александровского и сообщение о чайной Стригулина — явке народников в Н. Новгороде — подчеркнуты красным карандашом. В руках жандарма оказалась нить, с помощью которой он намеревался размотать клубок антиправительственного заговора.

Закончив допрос подследственного, Перфильев, ссылаясь на показания Г. К. Перчанкина, 12 августа 1874 г. распоряжается (постановление № 9): «1) провести обыск у крестьянина Биткина, взяв его под стражу... 2) проверить возможно точно обстоятельства, указанные Перчанкиным»⁴¹.

Немедленно начинается ведомственная переписка с жандармскими начальниками Москвы и Петербурга о задержании оговоренных Г. К. Перчанкиным П. Н. Александровского и А. О. Лукашевича, которые выехали из Павлова и могли ускользнуть из расставленных полицейей сетей. 18 августа проводится обыск в чайной купца Стригулина на Нижегородской ярмарке⁴², где действительно работал названный Перчанкиным приказчик Д. С. Холтурин. Явка народников разгромлена, найдено много запретных книг. Холтурин, выполнявший посреднические функции, струсил и на первом же допросе предал своих товарищей. Немедленно были арестованы оговоренные им А. И. Ливанов, братья Серебровские и др. Нижегородская организация народников перестала существовать.

Задержанный в Москве П. Н. Александровский был доставлен в столицу и заключен в Петропавловскую крепость, где он не перенес тяжелых условий содержания и погиб⁴³. А. О. Лукашевича, Н. Ф. Биткина, Н. А. Личадеева как важных государственных преступников наряду с другими участниками «хождения в народ» предали суду, и они предстали на процессе «193-х»⁴⁴. А. Е. Фаворского и Г. К. Перчанкина признали виновными в меньшей степени и подвергли административному наказанию в виде ссылки⁴⁵.

«Павловские события» по-разному повлияли на судьбу их участников. А. О. Лукашевичу и Н. Ф. Биткину они помогли избрать путь профессиональных революционеров, А. Е. Фаворскому — «отрезвиться» и превратиться в благонамеренного чиновника, Н. А. Личадеев стал впоследствии местным фабрикантом. Сделал для себя выводы и Г. К. Перчанкин. Он твердо уяснил — революционная работа не для него. Возможно, его мучила совесть за неблагоприятное поведение во время следствия. Вернувшись в Павлово, он прожил на родине более тридцати лет, лишь однажды оставив след в полицейских донесениях. 12 января 1905 г. Перчанкин прочел группе рабочих на фабрике Щеткина статью о забастовках в Петербурге, напечатанную в либеральной газете «Русь», и при этом ругал царя. Судя по донесению, полиция к этому времени уже успела забыть его «революционное прошлое». Сообщая о случившемся, полицейский надзиратель говорит о нем как о «мастерском села Павлово»⁴⁶.

3. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПРОФЕССОРА О. Д. СОКОЛОВА

Версия профессора О. Д. Соколова о слесаре-марксисте Г. К. Перчанкине несостоятельна, так как не подтверждается фактами. Кроме того, она не вписывается в ленинскую периодизацию революционного процесса в России. Это обстоятельство должно бы было обратить на себя внимание ученых, но с их стороны в адрес Соколова не сделано ни одного критического замечания. Нашлись и такие, которые дополнили легенду о Перчанкине новыми деталями. Так, М. С. Волин и Ю. З. Полевой в статье «Рабочий класс России в конце XIX в.», помещенной в коллективной монографии «Рабочий класс России от зарождения до начала XX века», утверждают, что Перчанкин вместе с известными нижегородскими революционерами Г. Я. Кознным, П. А. Заломовым и др. в середине 90-х гг. закладывал «начало связи социализма с рабочим движением... в Нижнем, Сормове, Канавине»⁴⁷. При этом авторы не сочли нужным сослаться на какие-либо источники.

В журнале «Вопросы истории» опубликована статья «Кузнец Перчанкин». Ее автор Ю. Галай не потрудился вникнуть в суть дела и познакомиться с главным источником — следственными материалами, хранящимися в ЦГАОР СССР. Он не понял, что «павловские события» — это акция «хождения в народ», предпринятая нижегородской группой народников, что осуществлялась она П. Н. Александровским, Н. Ф. Биткиным, А. О. Лукашевичем. Ю. Галай утверждает, что в 1874—

1876 гг. Перчанкин был не кустарем, а пролетарием; не приведя доказательств, пытается представить его рабочим революционером. В распоряжении Ю. Галая было лишь несколько второстепенных документов, хранящихся в Горьковском архиве, и статьи в местной печати, написанные недобросовестными людьми. Он сам признал несостоятельность своих утверждений, заявив: «... Что касается конкретной революционной деятельности Перчанкина в Павлове, то определенного так ничего и не удалось установить»⁴⁸.

По вполне понятным причинам публикации профессора О. Д. Соколова вызвали особый интерес в г. Павлове. Шутка ли: первая марксистская организация появилась не в Петербурге, не в одном из крупных промышленных центров России, а в нашем селе. В связи с 60-летием Октября именем Г. К. Перчанкина назвали одну из улиц города. В активную пропаганду его «деятельности» включилась местная газета «Павловский металлист». Без предварительной проверки фактов она опубликовала большое количество статей краеведов В. В. Рябова и А. Федякова, писавших по заданию горкома КПСС о революционных событиях в селе и уезде. Вот один из примеров их творческой импровизации: «„Союз коммунистов“ накапливал силу,— пишет А. Федяков, имея в виду 60-е гг. XIX в.,— в нем политической агитацией занималось 54 человека, а всего состояло 58 членов. И в основном это рабочие. „Союз“ начал поддерживать связь с революционными кружками Петербурга, Москвы, Оренбурга, Твери и Н. Новгорода»⁴⁹.

В соседнем с Павловом Вацком районе краеведы решили, что им не пристало отставать от других. Районная газета «Ленинский путь» в марте 1988 г. писала по этому поводу: «Начиная со второй половины XIX века в рабочие массы Вачи и окрестных сел проникают революционные идеи. В 1869 году была организована секция „Союза коммунистов“, созданная в 1864 году в с. Павлове-на-Оке кузнецом Гавриилом Перчанкиным. В программу этого союза входили основные положения „Манифеста Коммунистической партии“. Вацкая секция объединила 16 рабочих с предприятий Кондратова и Коробкова»⁵⁰.

Версия о «слесаре-марксисте» продолжает работать. Она не только внесла путаницу и элементы профанации в историческую науку, но и вызвала определенные моральные издержки. Попробуйте поинтересоваться: кому в Павлове известно имя руководителя местной группы народников Павла Николаевича Александровского, до конца выполнившего свой долг и погибшего в Петропавловской крепости? Ответ окажется почти отрицательным. Зато имя Г. К. Перчанкина, предавшего его и его товарищей, носит одна из улиц города.

Примечания

¹ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 2, д. 1898.

² Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. М., 1978, с. 224.

³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1983, с. 292.

⁴ Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России, с. 223.

⁵ Соколов О. Д. Пометки на русской книге.— Правда, № 124, 1968, 3 мая.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 7—8.

⁷ Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России, с. 268. Сноска № 7.

⁸ Воспоминания М. М. Квашенкиной хранятся не в ГАГО, а в Архиве г. Павлова, куда этот «дбкument» был сдан В. В. Рябовым. См.: Гос. архив г. Павлова, ф. В. В. Рябова. Согласно утверждению В. В. Рябова, 84-летняя внучка Г. К. Перчанкина в 1977 г. продиктовала ему свои выписки из дневника деда и дала некоторые пояснения к ним.

⁹ Павловский металлист, 1977, 2 ноября. По утверждению В. В. Рябова, в «Союзе коммунистов» были введены членские билеты. В его личном фонде в Госархиве г. Павлова находятся три фотокопии, якобы сделанные с таких «документов»: на имя Перчанкина Г. К. (билет № 1), И. Ф. Федулова (билет № 16), Н. И. Шишина (билет № 105). В указанной выше статье, на которую ссылается О. Д. Соколов, говорится уже о подлинном билете, «... представляющем листок тонкого картона» на имя Ксенофонта Хвостова. Однако, кроме самого Рябова «подлинного билета» никто не видел. Его фантазии хватило лишь на то, чтобы воспроизвести современный партийный билет с одной лишь разницей. На обложке «рябовского» документа имеется дополнительная надпись: «Международное товарищество рабочих», что должно было подтверждать принадлежность «Союза» к I Интернационалу.

Официальная подчерковедческая экспертиза, проведенная по просьбе редакции журнала «История СССР», установила, что подпись Г. К. Перчанкина, имеющаяся в фотокопиях вышеуказанных членских билетов, не идентифицируется с подлинной подписью «Гавриил Перчанкин», сохранившейся в протоколах допросов в жандармском управлении (см.: ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 42).

¹⁰ В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXII-а, с. 562) читаем: «К 1 января 1896 г. числились в Павлове 8212 человек».

¹¹ Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России, с. 224.

¹² См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX века, с. 292.

¹³ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на запрос павловской журналистки А. А. Ларионовой ответил (исх. № К-124 от 21 марта 1979 г.): «В Центр. парт. архиве Института (фонд старых большевиков) нет данных о принадлежности Г. К. Перчанкина к большевистской партии». Неверно, на наш взгляд, утверждение Соколова, что в 1905 г. в Павлове существовал комитет РСДРП — первая партийная ячейка в селе была создана в августе 1917 г.

¹⁴ Соколов цитирует этот текст, пытаясь доказать, что группа Перчанкина придерживалась более радикальных взглядов, чем Русская секция I Интернационала. Называя документ с приписанным абзацем «рукописью Перчанкина» (см.: Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России, с. 223), Соколов косвенно намекает, что Перчанкин сам или кто-то из его окружения внес дополнение к «Обращению Русской секции».

¹⁵ Народное дело, № 1, 1870, 15 августа, с. 3.

¹⁶ На первом допросе после ареста Перчанкин заявил: «писанное я разбираю с большим трудом» (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 18). И хотя к тому времени он приобрел к чтению книг («... я читал книги духовного содержания, которые брал у отца Евгения». — Там же), судя по ответам следователю, кругозор его был ограниченным.

¹⁷ Описание дома Перчанкина дано в протоколе обыска (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 7). Дом по ул. К. Маркса (бывшая улица Перекров) просуществовал до 1977 г., его помнят многие жители Павлова.

¹⁸ Наличие у Перчанкина наемного работника по имени Александр подтверждает на допросе отставной солдат Махнаев (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 47). Упоминание об этом факте есть и в других документах. Именно Махнаеву Перчанкин сдавал внаем часть нижнего этажа своего дома.

¹⁹ Перчанкин допрашивался четыре раза. Сохранились протоколы 1, 3-го и частично 4-го допросов.

²⁰ Семилетняя ссылка, семейные неурядицы расстроили хозяйство Перчанкина. После возвращения в Павлово он становится рабочим. Естественно, его взгляды изменились и у него могло возникнуть недовольство существующим порядком вещей. Но это произойдет позже. В рассматриваемое нами время убеждения Перчанкина определялись его положением мелкого товаропроизводителя.

²¹ О недоверии к Перчанкину Александровского и Лукашевича см. ниже.

²² Характеристика Перчанкина дается мною на основании тщательного анализа следственных материалов.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 201.

²⁴ Там же, л. 41—42.

²⁵ Этой книгой, не имеющей выходных данных, широко пользовались народники для пропаганды своих идей среди крестьянства.

²⁶ См.: Процесс 193-х. М., 1906.

²⁷ ГАГО, ф. 61, оп. 216, д. 835.

²⁸ О полицейской слежке и доносительстве, процветавшем среди кустарей села в конце XIX — начале XX в., говорят многие документы, хранящиеся в ГАГО.

²⁹ У Перчанкина ночевали приехавшие из Петербурга народники Нефедов и Жуков.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 262, л. 16.

³¹ Там же, л. 40—42.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 42.

⁴² Там же, л. 78, 78 об. 81, 83.

⁴³ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Вып. 1, т. 2, М., 1929, стб. 23.

⁴⁴ Процесс 193-х, с. 178—179.

⁴⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 490. Предписанием министра внутренних дел нижегородскому губернатору от 14 апреля 1876 г. (дело Г. К. Перчанкина) Перчанкин был сослан на 7 лет (1876—1883) в г. Шенкурск Архангельской губ. По воспоминаниям революционеров, которые в то время находились в Шенкурске, он пользовался относительной свободой, занимался кузнечным ремеслом. Полиция предложила ему забрать из Павлова семью, жена согласилась на переезд, но он отказался. После возвращения из ссылки он пробыл в Павлове 10 дней, взял в волостном правлении паспорт и на несколько лет выехал из села. Вернулся в Павлово в конце 80-х гг.

⁴⁶ См.: Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг. Горький, 1955, с. 31.

⁴⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века, с. 325.

⁴⁸ Вопросы истории, 1986, № 3, с. 179.

⁴⁹ Павловский металлист, 1984, 21 августа.

⁵⁰ Ленинский путь, 1988, 4 марта.

ЗА ГРАНЬЮ ДОПУСТИМОГО

О краеведческих «изысканиях» А. Д. Тельчарова

Обзорные краеведческие работы о Вязниках — приклязьминском городке Владимирской области — относятся в основном к концу прошлого столетия¹. За истекшее время знания об историческом прошлом Вязников были существенно пополнены, более того, поставлены на научную основу благодаря трудам советских историков и археологов. Так, археологами В. В. Седовым и М. В. Седовой проведено подробное археологическое обследование древнерусского городища на Клязьме, ниже Вязников, отождествляемого ими с летописным Ярополчем²; высказаны соображения о цели строительства Ярополча и его месте в системе городов-крепостей Северо-Восточной Руси³; открыты новые страницы истории Ярополческой волости и Вязников в период Смуты⁴; привлечены новые архивные и малоизвестные печатные источники к вопросу о строительстве «дворцового города Ярополча» времен царя Алексея Михайловича и прослежена короткая история этого городка-крепости⁵; изучено шумное вязниковское дело XVII в. о процессе над «богомерзкими мужиками» — капитоновцами, возводившими «хулу на державу»⁶, и опубликованы новые архивные документы, относящиеся к этому процессу⁷; проведен разбор этапов развития льняной промышленности города⁸. Все это сделало желательным и даже необходимым опубликование нового сводного краеведческого труда о Вязниках.

В разное время попытки составления обновленной и дополненной истории города предприняли С. А. Змеев (20-е гг.), И. А. Симонов (50-е гг.), В. Н. Маштафаров (70-е гг.). По разным причинам работы этих авторов о Вязниках в печати не появились. Тем большее любопытство у краеведов вызвал выход книги А. Д. Тельчарова «Вязники»⁹, а особенно ее раздел «Страницы истории». Рукопись книги серьезно не обсуждалась среди местных краеведов, и с ее содержанием читателю знакомятся по опубликованному тексту. Поверхностные и откровенно комплиментарные рецензии местных газет¹⁰, по существу, не содержат анализа историко-краеведческого раздела книги и исторических справок о Вязниках дореволюционного периода. Отсутствие реакции в печати специалистов-историков на эту книгу, замалчивание, вольное или невольное, явных несообразностей в упомянутой работе привели к тому, что следующая публикация А. Д. Тельчарова — авторский текст к набору открыток «Вязники»¹¹ — выполнена им в том же ключе, что и книга «Вязники», с тем же «облегченным» отношением к историческим фактам. Выход этого набора открыток также сопровождался восторженными рецензиями в местных газетах¹², и опять не было обращено внимание читателя на явные фактические неточности в авторском тексте. Все это вызывает необходимость трезвого и внимательного разбора материалов по истории Вязников, публикуемых А. Д. Тельчаровым.

Каких-либо обобщающих выводов и заключений по истории малых приклязьминских городов А. Д. Тельчаров в своей книге не делает. Его задача — донести до читателя определенный набор конкретных фактов, описаний событий из истории города. Именно с этих позиций и рассмотрим предложенный А. Д. Тельчаровым читателю материал. Насколько достоверны сообщаемые им сведения, насколько убедительна их трактовка? Вот набор утверждений автора, бросающийся в глаза при первом же прочтении.

А. Д. Тельчаров со всей определенностью пишет (с. 3), что «начало изучению прошлого и настоящего (так у автора) этого города положила книга К. А. Веселовского «Город Вязники. История его, древности и статистика» (Владимир, 1871).

Данное утверждение ошибочно. Ни в коей мере не умаляя вклада К. А. Веселовского в становление вязниковского краеведения, заметим, что первая работа, в которой было дано историко-статистическое описание городка, принадлежала вязниковскому купцу Л. Е. Никитину¹³. Ошибка А. Д. Тельчарова — не случайная. В своих газетных публикациях¹⁴ он уже повторял это утверждение. То, что именно Л. Е. Никитин был автором первой краеведческой статьи о Вязниках, давно уже установлено местными краеведами и обсуждалось в их публикациях¹⁵. Однако эти работы были либо неизвестны А. Д. Тельчарову, либо проигнорированы им. Добавим к этому: труд Л. Е. Никитина вышел в неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей», которую редактировал в ту пору А. И. Герцен, и замалчивание работы Л. Е. Никитина — в равной степени и замалчивание роли Герцена в становлении местного краеведения.

Цитируя известную договорную грамоту 1389 г. московского князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем, А. Д. Тельчаров утверждает: «Это было первое упоминание

о новом Ярополче, основанном на взгорье недалеко от древнерусского города с тем же именем» (с. 7). Утверждение по меньшей мере спорно. Историки, изучавшие эту договорную грамоту, считают, что в ней упоминается не город, а волость Ярополч. Существование в XIV—XV вв. какого-то нового, «возродившегося» Ярополча исторически не доказано¹⁶. Совершенно неясно, какое соседнее с городом «взгорье» имеет в виду А. Д. Тельчаров. Если это гора Ярополь, ныне входящая в черту города, то при шурфовке, проведенной В. В. Седовым, там не обнаружено никаких материальных остатков, относящихся к периоду до XVI в.¹⁷ Вполне возможно, что А. Д. Тельчаров имеет иную точку зрения по данному вопросу, и он, естественно, вправе ее иметь. Но в подобной ситуации А. Д. Тельчаров должен был до выхода на широкого читателя обосновать научность этой точки зрения, вынеся ее на суд специалистов. А. Д. Тельчаров же обнародовал в популярном издании как общепринятую свою версию о «новом» Ярополче, версию не только необоснованную, но даже четко не сформулированную, что недопустимо.

Вопрос о возможности существования Ярополча как города в XIV в. требует дополнительного обсуждения и привлечения новых доказательств. Гипотезу о существовании «трех» Ярополчей — летописного, Ярополча XIV—XV вв. и «дворцового города Ярополча» времен царя Алексея Михайловича — выдвинули А. Тиц и покойный вязниковский поэт и краевед Ю. Мошков¹⁸. А. Д. Тельчаров не только не ссылается на эту гипотезу, но даже и не упоминает о ней. Ю. Мошков так представлял эволюцию Ярополча: существовал древний, летописный Ярополч, валы которого остались у села Пировы Городищи; он погиб во время нашествия монголов и не возродился; Ярополч XIV—XV вв. был выстроен в окрестности селений Толмачево и Бутыры (версию о времени гибели этого города Ю. Мошков не высказал) и, наконец, «дворцовый город Ярополч» Алексея Михайловича — город, сгоревший в 1703 г. Для обоснования своей точки зрения о факте существования «второго» Ярополча Ю. Мошков ссылался на обнаружение культурного слоя в районе Бутыр и Толмачева местным археологом, бывшим директором Вязниковского музея К. М. Большаковым. Однако сам К. М. Большаков о том, что открытый им культурный слой принадлежит именно «второму» Ярополчу, в печати никогда не высказывался. Автор этих строк обсуждал с ним вопрос о возможности отнесения находки к Ярополчу XIV в. К. М. Большаков указал на преждевременность такого вывода в связи с полной неизученностью открытых им следов поселения*. Таким образом, состояние вопроса весьма далеко от позитивного решения. Но если гипотеза Ю. Мошкова отличается хотя бы определенностью, то ее интерпретация А. Д. Тельчаровым отнюдь не проясняет дела. В книге не указано, где, по мнению А. Д. Тельчарова, «возродился» город, чем это доказывается, а постоянные намеки на ближайшее соседство этого «возрожденного» города с Вязниками наводят на мысль, что А. Д. Тельчаров имеет в виду Яропольскую гору. О том, что шурфовка Ярополя не дала никаких следов города XIV—XV вв., он просто умалчивает.

А. Д. Тельчаров указывает: «В марте 1612 г., двигаясь на освобождение Москвы, ополченцы останавливались в Ярополче, пополняли здесь свои силы» (с. 8).

Между тем известно, что ополчение К. Минина и Д. Пожарского «двигалось» вовсе не через Ярополч и Вязниковскую волость, а через Балахну и Ярославль. Именно в Ярославле во имя успеха всего дела было необходимо присутствие вождей ополчения и военных сил. Ополченцы шли в Москву более длинной дорогой, через Ярославль¹⁹. Можно предположить, что сведения о походе ополченцев через Вязники А. Д. Тельчаров почерпнул в книге А. Тица²⁰. Однако автор специального краеведческого исследования должен был бы покопаться и в первоисточниках. А в них сведений о походе через Вязники и Ярополческую волость нет. Соображение о том, что, мол, само название *Минина гора* (прежнее название Яропольской горы) свидетельствует о приходе сюда Козьмы Минина, слишком поверхностно, чтобы быть предметом серьезного обсуждения и отражения в краеведческой книге. Дело в том, что «село на Мининной горе» появилось не позднее конца XVI в., т. е. еще до похода ополчения Минина и Пожарского. В начале XVII в. «село на Мининной горе» фигурирует уже не как новостройка, а как сложившееся, давно существующее²¹. Названия *Минино*, *Минина гора* появились, таким образом, еще до выхода К. Минина на историческую арену.

Упомянув грамоту царя Алексея Михайловича о планах строительства дворцового города Ярополча, А. Д. Тельчаров пишет, что она содержала «царское повеление построить на месте Ярополча город-крепость» (с. 8).

Между тем ничего подобного в грамоте, конечно, нет. И не могло быть, потому что никакого города Ярополча в то время не существовало. Даже пересказ первоисточников А. Д. Тельчаров

ведет тенденциозно, находясь в плену своей, ничем не подкрепленной версии. Достоверно известно, что «город-крепость» Алексея Михайловича строили заново на месте села Минино, и крестьяне, выселенные из него, получили при этом новые земельные наделы в окрестностях Нового Толмачева²².

Приводя описание дворцового города Ярополча, А. Д. Тельчаров говорит, что деревянная стена Ярополча перемежалась с «блокаменными башнями» (с. 8).

Создается впечатление, что автор незнаком с описанием города, которое взялся пересказывать. Дело в том, что в этом давно опубликованном описании²³ нет ни слова о «блокаменных башнях». О бытующей версии про «каменные башни» Ярополча уже упоминалось²⁴. Заметим лишь, что с известной натяжкой можно говорить о наличии одной-единственной башни, целиком каменной или с каменным фундаментом. Некоторым основанием для такого вывода могут служить сведения, приведенные в еще не привлекавшемся к вопросу о «башнях» источнике — труде П. П. Семенова²⁵, появившемся в свет ранее книги К. А. Веселовского о Вязниках — книги, в которой впервые была высказана подхваченная А. Д. Тельчаровым версия о «каменных башнях» по углам стены. П. П. Семенов указывал, что город состоял «из земляного вала, окруженного деревянной стеною с каменною башнею». Каменная башня здесь названа в единственном числе, и потому она не могла «перемежаться» с участками стены. «Город построен деревянной», — так гласят и первоисточники²⁶, с которыми, как мы видим, рассказ А. Д. Тельчарова совсем не согласуется. Башни Ярополча были в основном, видимо, деревянными.

А. Д. Тельчаров, описывая дворцовый город Ярополч, утверждает, что «в нем правили воеводы, заседавшие вместе с думными дьяками» (с. 9).

Думный дьяк — это высшая должность в царской чиновничьей администрации XVII в. Эпитет *думный* показывает, что дьяк заседает в Боярской думе, т. е. при царе, в столице. История Ярополча не знает ни одного наезда думных дьяков, ни одного заседания с их участием. Да и вопрос с ярополческими воеводами не столь прост, как это представляется А. Д. Тельчарову, — он не может решаться без учета конкретного временного отрезка истории города. Городок был невелик: «в 1677 г. в нем проживало всего 133 человека». В такие пункты назначать воевод не полагалось. И действительно, строитель Ярополча Субота Чаадаев, много лет возглавлявший ярополческую администрацию, носил скромный чин «приказчика»²⁷. Андрей Пекин, представлявший местную власть в период процессов над капитановцами, назывался «путным ключником» Ярополческой приказной избы. Справедливости ради следует отметить, что, конечно, известны и ярополческие воеводы — А. Хитрово (1678 г.), Я. Румянцев (1685 г.), А. Ржевский (1689 г.), И. Языков, Бахметев и др. Но воевод стали назначать в Ярополч уже в последний период его короткой истории.

Неожиданно следующее сообщение: «Проезжавший неоднократно через слободу во Флоришеву пустынь на богомолье царь Алексей Михайлович» (с. 13).

Даже «неоднократно»! Но ведь ни об одной поездке царя Алексея Михайловича через Вязники во Флоришеву пустынь неизвестно. А ездил во Флоришеву пустынь царь Федор Алексеевич, сын Алексея Михайловича²⁸.

А. Д. Тельчаров сообщает, что «у его (Ярополча. — Ю. Е.) стен выросла Вязниковская слобода» (с. 5).

Совершенно неясно, о каких стенах здесь идет речь. Ведь Вязниковская слобода зародилась и выросла в то время, когда ни Ярополча, ни, соответственно, его «стен» вовсе не существовало (первое упоминание — самое начало XVII в., 1608 г.). Летописный Ярополч был давно разорен монголами и не возродился. Ярополч Алексея Михайловича еще не был построен. Именно о последнем можно сказать, что город вырос у «стен» уже существовавшей Вязниковской слободы.

Рассказывая далее об облике летописного Ярополча, А. Д. Тельчаров утверждает, что город «имел бревенчатые стены длиной до 2 км». Как может город, занимавший площадку, в плане близкую к кругу, величиной 2,8 га, иметь периметр до 2 км, непонятно.

Еще одна цепочка несообразностей. «Земский собор избрал на царский престол Михаила Федоровича Романова. Одним из первых его действий, пишет А. Д. Тельчаров, была передача Ярополча князю Ф. И. Мстиславскому» (с. 8). Автор сообщает также читателям, что потом Ярополч был все-таки «отнят» у Мстиславского. Однако земли в Ярополческой волости (Ярополча, повторяем, тогда не существовало) отошли к Мстиславскому вовсе не при Михаиле Романове, а при Василии Шуйском²⁹. И никто у Мстиславского земель в Ярополческой волости никогда

не отнимал. Он владел ими до своей смерти, а потом они перешли к его вдове и сестре, и только после их смерти возвратились как выморочные в состав дворцовых земель.

А. Д. Тельчаров датирует окончание строительства городка-крепости Ярополча на Мининой горе «1660 г.» (т. е. с 1657 по 1660 г.), не ссылаясь на источники (с. 8). Такая датировка окончания строительства никак не обоснована. Известно, что ряд краеведов называл срок строительства города — двадцать лет³⁰. В аннотации к своей книге А. Д. Тельчаров отмечает, что «книга посвящается исполняющемуся в 1989 г. 600-летию письменной истории Вязников» (с. 2). Ни здесь, ни далее в книге пояснений, о каком источнике, подтверждающем «600-летие письменной истории Вязников», идет речь, — не приводится. Действительно, в 1389 г. была составлена договорная княжеская грамота, в которой упомянуты Ярополч и Медуши, но не Вязники. Для такого ответственного заявления собственных построений А. Д. Тельчарова о «преемственности» истории населенных пунктов в окрестностях Вязников никак недостаточно. К тому же недалеко от Вязников есть и известная неолитическая стоянка Холomonиха. Так, может быть, руководствуясь принципом «преемственности», с нее и начинать?

Перечень подобных замечаний, увы, можно продолжить.

Недоумение оставляют те обоснования выводов, которые использует А. Д. Тельчаров. Приводите сами. Приводя легенду о происхождении названия *Вязники* (с. 5) от словосочетания «*Вязни, Кий!*» А. Д. Тельчаров делает глубокомысленный, но довольно-таки неопределенный вывод: «Так это было или не так — установить трудно». Но через несколько строк — категорическое утверждение о том, что название дано «по большому количеству произраставших здесь некогда вязов». Но если от вязов, значит, не от «*Вязни, Кий!*»?

Приводя отрывок из известной грамоты о приходе «черкас» в Ярополческую волость (1618 г.), А. Д. Тельчаров делает из нее совершенно неожиданный вывод: во всех бедах ярополческих жителей виноват... владелец земель, князь Ф. И. Мстиславский (с. 8). Не Смута, не интервенты, не анархизирующие отряды казаков и юртовских татар, а владелец слободы. Но, например, соседнее село Пыровы Городищи, принадлежавшее не Мстиславскому, а Троице-Сергиеву монастырю, пострадало не меньше. В нем после Смуты — «8 дворов пустых», причем крестьянина «Потапка Амосова убили казаки», а другие «сошли безвестно» или «убиты при осаде Троицы»³¹.

Не удержусь от того, чтобы не привести еще один подобный отрывок из книги А. Д. Тельчарова. Автор цитирует описание Казанского храма в Вязниках, сделанное К. А. Веселовским: «По внутреннему украшению это один из богатейших храмов во Владимирской епархии» (с. 13). Зачем понадобилась А. Д. Тельчарову эта цитата? Оказывается, для того, чтобы заключить: «Не соборами, а трудом мастеровых людей славна была Вязниковская слобода». Позвольте, как же это — «не соборами»? Ведь нас только что уверяли (и уверили), что вязниковский Казанский собор — «один из богатейших», один из самых славных соборов Владимирщины. К тому же постройка собора — это разве тоже не отражение труда мастеровых? Тем не менее вывод таков: «не соборами, а трудом мастеровых».

Список литературы по истории вязниковского края (с. 93) очень беден, если не сказать — убог. Имеющееся в аннотации уверение в том, что «автором использованы обширные архивные и ценные документальные материалы» применительно к разделу «Страницы истории», списком литературы не подтверждается. Не привлечены и даже не упомянуты ни справочные издания, дающие представление о Вязниках XVIII—XIX столетий — И. Кирилова, А. Щекатова³², П. Семенова, ни книга П. Мельникова. Не вошли в список и работы советских историков, относящиеся к вязниковскому краю, — В. В. Седова, М. В. Седовой, В. А. Кучкина, В. С. Румянцевой, краеведа В. Н. Маштафарова. В соответствии с крайне скудным перечнем источников беден и перечень вопросов и фактов, освещаемых в разделе «Страницы истории». Читатель не узнает из этой книги ни о том, что известно о «городище на Клязьме, ниже Вязников» ввел в научный обиход З. Я. Доленга-Ходаковский, ни о впечатлениях академика К. М. Бэра, проезжавшего мимо развалин Ярополча³³, ни о трудных путях развития просвещения в Вязниках в XVIII — начале XIX столетий. Выпали даже самые яркие страницы его истории, например, сожжение в Вязниках старца Вавилы, представителя тех «богомерзких мужиков», которые хулили державу. Эта страница истории Вязников давно уже вошла не только в историческую, но и в художественную литературу³⁴. А вот в краеведческую книгу А. Д. Тельчарова, посвященную специально Вязникам, не попала.

Таким образом, можно заключить, что книга А. Д. Тельчарова «Вязники» по своему содержанию не соответствует уровню историко-краеведческого изучения города и его округа, существенно отстает от достигнутого к настоящему времени уровня.

Что же было дальше? Уже появились газетные отклики, отмечавшие, что далеко не все благополучно в этом краеведческом опусе³⁵. Может быть, А. Д. Тельчаров отреагировал на критику и стал более внимательно относиться к фактам из истории города? Как бы не так! Недавно появилась возможность ознакомиться с его очередным «трудом» — авторским текстом к набору открыток «Вязники», вышедшему в издательстве «Советская Россия»³⁶. Что же в этом тексте?

«Договорная грамота 1389 г. московского князя Василия I с князем Владимиром Андреевичем (удельный князь старицкий)...» — вводит нас А. Д. Тельчаров в хитросплетения вязниковской старины. Вот это авторское пояснение: «удельный князь старицкий» (?!). К сведению автора, Владимир Андреевич, который заключал договор, был князем серпуховско-боровским. Это настолько общеизвестно, что даже и отмечать как-то неловко. Грамота постоянно находится в поле зрения исследователей вязниковской старины. Владимир же старицкий, двоюродный брат Ивана Грозного, — это, простите, из другой эпохи.

«Прошли столетия, прежде чем небольшой пограничный поселок на северо-востоке Киевской Руси — древний Ярополч Залесский — стал сегодня одним из центров льняной промышленности...» Знают ли специалисты по льняной промышленности «сегодня» такой ее центр — Ярополч Залесский? Конечно, нет. Посмотрите на карту — нет такого города. Потому что (в который уж раз повторяем это!) погиб он во время монгольского нашествия на Русь в 1238—1239 гг. И возник Ярополч Залесский вовсе не как «поселок». Он с самого начала был задуман и построен как город — с земляным валом, с городской стеной. Именно как город, а не «поселок» он упомянут в «Списке градов русских дальних и ближних». И «столетия» Ярополч Залесский не стоял — история его коротка, он просуществовал около ста лет³⁷.

«Как доказали археологи, первое славянское поселение на месте ныне существующего города (Вязники.— Ю. Е.) появилось в 1135—1239 гг.» Интересно — кто они, эти анонимные «археологи», доказавшие исключительную древность Вязников? Никому, кроме, видимо, А. Д. Тельчарова, такие публикации не известны. Прочитаем выводы М. В. Седовой, участвовавшей в археологическом обследовании этого района. «Ни древнерусского слоя, ни даже отдельных фрагментов керамики старше XVI в. обнаружить не удалось», — пишет она³⁸. Н. П. Рождественский на основании археологических находок из других районов города пришел к выводу, что в XVI в. поселение на этом месте существовать могло³⁹. Но ведь это в XVI-м, а не в XII-м в., как утверждает А. Д. Тельчаров.

«Спустя полтора века после золотоордынского нашествия оправился Ярополч, восстал из пепла», — рассказывает А. Д. Тельчаров о дальнейшей судьбе летописного городка. Позвольте опять предоставить слово специалисту. М. В. Седова определенно пишет: «Ярополч после татаро-монгольского разгрома не смог возродиться, и жизнь на нем постепенно угасла»⁴⁰. И, кстати, правомерно ли называть, как это делает А. Д. Тельчаров, нашествие «золотоордынским»? Ведь Золотая Орда образовалась после монгольского похода на Русь, а не до и не во время его.

«Договорная грамота 1389 года ... содержит первое упоминание о городе», — снова сообщает А. Д. Тельчаров так же бездоказательно, как и в книге. Вновь обратимся к монографии М. В. Седовой: «В жалованных грамотах великих князей XIV—XV вв., когда речь идет о Ярополче, всегда говорится не о наместниках, как обычно в городах, а о волостелях ярополческих. Следовательно, Ярополч не считался городом...»⁴¹. Итак, он не возродился после разгрома.

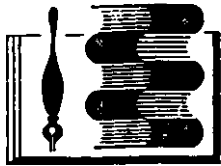
«А еще через двести с небольшим лет в документах встречается упоминание о возникшей при Ярополче Вязниковской слободе. Произошло это (не очень понятно, что такое „это“ — возникновение или упоминание, но таков уж язык авторского текста.— Ю. Е.) в 1608 году», — ведет в том же ключе, что и ранее, свой рассказ А. Д. Тельчаров. В 1608 г. Ярополча не было, и у каких «стен» возникла Вязниковская слобода — ясно только А. Д. Тельчарову.

Несколько слов об отражении истории Вязников уже нашего века. Насколько можно верить составленным А. Д. Тельчаровым подписям, судить будем по такому факту. «Бывшая земская больница. 1903—1905. Архитектор Н. Корецкий», — дает А. Д. Тельчаров подпись к одному из архитектурных видов. Заинтересовавшийся читатель может подойти к этому дому и прочитать слова на памятной доске: «... окончена в октябре 1905 года по проекту и под наблюдением архитектора С. К. Родионова». Родионова, а не Корецкого!

Приезжали, приезжают и будут приезжать в город туристы. Будут покупать брошюру о Вязниках, комплекты открыток. Знакомиться по этим материалам с прошлым города. Да-да, именно по ним! Ведь обстоятельная книга М. В. Седовой вышла 10 лет назад и тиражом всего 3400 экз. А вот этот набор открыток с поясняющим текстом — тиражом 30 тыс.!

Примечания

- ¹ Мельников П. И. Описание городов путешествия Александра II в 1858 г. по России. Вып. II. Вязники. М., 1858; Веселовский К. А. Город Вязники. История его, древности и статистика. Владимир, 1871; Соловьев Н. И. Город Вязники и его уезд.— Исторический вестник, 1899, № 9.
- ² Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.
- ³ Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских болгар.— В кн.: Историческая география России XII— начала XX в. М., 1975.
- ⁴ Маштафаров В. Н. Роковая масленница для ярополческих крестьян.— Маяк (Вязники), 1975, 4 ноября; Станиславский А., Маштафаров В. Вязники в начале XVII века.— Маяк, 1979, 16 мая.
- ⁵ Маштафаров В. Н. Дворцовый город Ярополч.— В кн.: Памятники истории и культуры. Вып. I. Ярославль, 1976.
- ⁶ Шульгин В. С. Капитоновшина и ее место в расколе XVII в.— История СССР, 1969, № 4, с. 139—140.
- ⁷ Румянцева В. С. О крестьянах-раскольниках кануна восстания С. Т. Разина.— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков. М., 1974, с. 271—278.
- ⁸ Симонов Б. Т. Льянная радуга.— Маяк, 1983, 2 сентября.
- ⁹ Тельчаров А. Д. Вязники, Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1986.
- ¹⁰ Книга о Вязниках.— Маяк, 1986, 20 мая.
- ¹¹ Вязники. Набор открыток. Авторский текст А. Д. Тельчарова. М., изд-во «Советская Россия», 1987.
- ¹² Малышева Т. Виды нашего города.— Маяк, 1988, 10 февраля.
- ¹³ Никитин Л. Е. Состояние народной промышленности в Вязниках.— Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1838, № 3—5.
- ¹⁴ Тельчаров А. Д. Из истории вязниковского краеведения.— Маяк, 1979, 30 ноября.
- ¹⁵ Рождественский Н. П. Вязниковская слобода — город Вязники.— Пролетарий (Вязники), № 137, 1944, 6 декабря. «Самый первый историк г. Вязники»,— называет Л. Е. Никитина автор этой статьи. Маштафаров В. Н. Первая краеведческая работа о Вязниках — Маяк, 1961, 29 декабря.
- ¹⁶ Седова М. В. Указ. соч., с. 127.
- ¹⁷ Там же, с. 12.
- ¹⁸ Мошков Ю. Из биографии города — Маяк, 1978, 23 сентября.
- * «У Бутыр и Толмачева раскопок практически не производилось; были просто выкопаны несколько траншей, обнаружен мощный культурный слой, датируемый приблизительно этими двумя недостающими веками... Но это место еще ждет исследователей»,— писал К. М. Большаков автору этих строк 10 июля 1983 г.
- ¹⁹ Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. М., 1981, с. 232—235.
- ²⁰ Тиц А. По окраинным землям владимирским. М., 1969.
- ²¹ Памятники деловой письменности XVII века. М., 1984.
- ²² Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856, № 32; Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир. Вып. IX, 1871; Маштафаров В. Н. Дворцовый город Ярополч, с. 67.
- ²³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872.
- ²⁴ Ерофеев Ю. Н. О некоторых неточностях в изложении истории исследований Ярополча Залесского.— Советская археология, 1982, № 4, с. 260—264.
- ²⁵ Географо-статистический словарь Российской империи. Сост. П. П. Семенов. Т. 1. СПб., 1863, с. 585.
- ²⁶ См.: Смирнов А. В. Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир, 1901.
- ²⁷ Румянцева В. С. О крестьянах-раскольниках кануна восстания С. Т. Разина, с. 272.
- ²⁸ Георгиевский В. Т. Флорищева пустынь. Вязники, 1896.
- ²⁹ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, с. 125.
- ³⁰ Рождественский Н. П. Знать историю своего города.— Пролетарий, 1944, № 99.
- ³¹ Материалы для истории церквей Владимирской губернии. Отд. 3, вып. 6. М., 1911.
- ³² Щекатов А. Географический словарь Российской империи. Ч. 1. М., 1801, с. 1281.
- ³³ Бэр К. М. Дневник.— Научное наследство. М.— Л., 1948, с. 90.
- ³⁴ Жуков Д. А., Пушкарев Л. Н. Русские писатели XVII века. М., 1972, с. 121.
- ³⁵ Мнение высказывает специалист.— Маяк, 1986, 25 октября; Аносов Л. И. Умолчали единодушно...— Призыв (Владимир), 1987, 4 января; Ерофеев Ю. Н. Не слишком ли много неточностей?— Книжное обозрение, 1987, № 52, 25 декабря.
- ³⁶ Вязники. Набор открыток. М., 1987.
- ³⁷ Три вопроса археологу.— Знамя (Вязники), 1962, 13 июня.
- ³⁸ Седова М. В. Указ. соч., с. 12.
- ³⁹ Пролетарий, № 101, 1950, 20 августа.
- ⁴⁰ Седова М. В. Указ. соч., с. 129.
- ⁴¹ Там же, с. 127.

Л. М. ЛЫЧ. ЛИКВИДАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК: НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР (1917—1941 гг.). Минск, «Наука и техника», 1987, 287 с., Тир. 1000

Проблема ликвидации фактического неравенства национальных республик на примере Белорусской ССР еще не была предметом специального исследования обществоведов. Автор поставил перед собой задачу: проследить объективный процесс преодоления экономического и социально-культурного неравенства народов «в условиях страны, приступившей к социалистическому строительству, процесс в его историческом развитии, выделяя, что было основным и главным на каждом из его этапов» (с. 15).

Положив в центр изучения сферы национальных отношений ленинскую мысль о том, что «национальный вопрос должен быть поставлен исторически и экономически»*, автор избрал в качестве основного аспекта исследования экономические отношения народов нашей страны, специфику их проявления в рамках общих закономерностей. Учитывая, что экономические преобразования в пределах той или иной республики — это составная часть реализации общенациональной политики партии и государства, автор обстоятельно анализирует этот процесс не только с точки зрения достижений «своей» республики, но и в зависимости от интернациональных интересов общественного производства, от взаимодействия наций и народностей страны в этой сфере. К числу важнейших форм межнациональных связей автор справедливо относит проведение единой государственной политики в планировании производства, определение его типов и форм; материальную и финансовую помощь по линии центральных финансовых органов и общественных организаций; осуществление отчислений своих (местных) доходов в союзный бюджет; взаимнообмен кадрами; взаимопомощь в области

обеспечения товарами и материалами; реализацию идеологических, политических и культурных мероприятий. В то же время вряд ли можно согласиться с автором, что одной из важнейших форм межнациональных связей является наличие однотипной структуры органов государственной власти и управления. Последнее может рассматриваться лишь как фактор, создающий предпосылки, условия для развития рациональных межнациональных связей.

Справедливое решение национального вопроса, обоснованно подчеркивается в книге, достижимо только в условиях социалистического общества, базирующегося на общенародной собственности, при целенаправленной деятельности Коммунистической партии и Советского государства в соответствии с научной теорией ликвидации национального неравенства (с. 3—4, 18—38, 119, 130—138, 269, 271—272, 274). Обобщенный автором материал показывает, что советская политика решения вопроса ликвидации экономического и социально-культурного неравенства основывается на марксистско-ленинской теории по национальному вопросу, проникнутой глубоким уважением ко всем большим и малым нациям независимо от того, на какой стадии социально-экономического развития они находились. К концу 30-х гг. все советские народы, включая и те, что не прошли капиталистической стадии до Великого Октября, навсегда покончили с вековой отсталостью и добились значительного прогресса в преодолении коренных различий в уровнях своего развития.

Хронологические рамки работы охватывают период от победы Великого Октября до начала Отечественной войны. Признавая в целом

правомерность названных в заглавии дат, следует вместе с тем отметить, что 1927 год как дата внутреннего деления переходного периода (относительно проблемы) нуждается в обосновании, ибо разбивает надвое взятый партией в 1925 г. курс на изменение политики приемов руководства обществом, на социалистическую индустриализацию страны. Впрочем, автор не придает особого значения внутренним временным границам этапов, нередко смещая их по ходу изложения материала и показывая тем самым условность обозначенных рубежей.

В целом же и структура книги, и изложение материала обусловлены степенью изученности проблемы. В частности, вопросы ликвидации фактического неравенства в годы довоенных пятилеток освещены в книге более детально и рельефно, чем в предшествующее десятилетие. Автор обоснованно сосредоточил главное внимание на характеристике сущности советской политики ликвидации фактического неравенства, национально-государственного строительства, образования СССР, экономического сотрудничества и взаимопомощи, уровня культурного развития и материального благосостояния трудящихся в 1921—1927 гг. Этого, однако, не удалось сделать по отношению ко времени свершения Октябрьской революции, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией в 1918—1920 гг.

Проследившая относительно высокие темпы социально-экономического развития БССР за первые десять лет Советской власти, как и страны в целом, автор приходит к выводу, что успехи хозяйственного строительства не позволяют, однако, говорить о заметных сдвигах в преодолении фактического неравенства наций и народностей. Причинами тому были, говорится в книге, невозможность в столь короткий срок ликвидировать унаследованный от царской России разрыв в уровнях хозяйственного и духовного развития отдельных наций и народностей. Обстановка характеризовалась острой нехваткой в стране материальных и финансовых средств, малочисленностью квалифицированных кадров (с. 121—122, 124, 126—127). Вместе с тем на темпах развития промышленного производства в Белоруссии, степени технического оснащения труда сказывался отраслевой профиль в республике, который определяли мелкие предприятия деревообрабатывающей, пищевой и легкой промышленности. Говоря об относительно быстром достижении аграрным сектором респуб-

лики дореволюционного уровня (в 1925 г. он был превзойден) по сравнению с рядом других регионов, страной в целом, автору следовало бы объяснить причины такого явления, а также показать, как серьезные успехи в сельскохозяйственном производстве влияли на темпы роста национального дохода.

В монографии подчеркивается, что уже в первые годы после Октября, в восстановительный период экономические связи БССР с союзными республиками имели двусторонний характер, а это значит, что экономическое сотрудничество не сводилось лишь к получению помощи от более развитых республик (с. 60, 81—82, 112—116). В основе складывавшихся между советскими нациями и народностями отношений сотрудничества лежали гуманные принципы пролетарского интернационализма, равноправного содружества, бескорыстной помощи более развитых народов менее развитым.

Рассмотрение процесса общегосударственного и регионального общения во взаимосвязи с внутренним развитием республик страны позволило автору выявить возрастающую их роль в решении задач социалистического строительства.

К сожалению, автор недостаточно внимания уделил негативным процессам: не попытался представить хотя бы в самых общих чертах отрицательные последствия складывавшегося директивно-командного стиля руководства народным хозяйством, его влияния на экономическую и социальную сферы. Следовало остановиться на том, каким было понимание работниками партийных, государственных и хозяйственных органов республики основных вопросов социально-экономической политики на этапе индустриализации и коллективизации (темпов и методов индустриализации и коллективизации, источников накоплений для финансирования предстоящих обширных капиталовложений, практика корректирования перспективных планов, степени их выполнения). Это позволило бы лучше осветить суть происходивших в республике событий. Важное значение имело бы исследование вопроса о вкладе Белоруссии в экономическое развитие страны, сравнение этого вклада с уровнем развития производительных сил республики.

Подчеркивая позитивные результаты, автор по существу не охарактеризовал те издержки социальной политики, которые были порождены игнорированием ленинских принципов социалистического строительства (сужение демократических начал в обществе, начавше-

еся отчуждение крестьянства от земли, низкий жизненный уровень большинства населения по сравнению с уровнем благосостояния привилегированных групп).

В книге показано, что главным достижением всех советских республик в социальной жизни было создание однотипной социалистической социально-классовой структуры общества, образование социалистических наций, сближение ранее отсталых народов бывших национальных окраин России с народами ее центра.

Развитие культуры шло в русле воспитания трудящихся в духе преданности идеям пролетарского интернационализма. Нерусское население приобщалось к достижениям передовой русской культуры. Исключительно важную роль в развитии интернационального единства белорусского народа и других национальностей, населявших республику, сыграло признание БССР в 1924 г. русского языка языком сношений своих государственных органов и других учреждений с учреждениями СССР, остальных союзных республик, введение русского языка (наряду с белорусским) в качестве обязательного предмета преподавания в учебных заведениях республики (с. 103).

Отметим далее, что автору следовало бы сказать о допущенных перегибах в борьбе с мелкобуржуазным национализмом, массовых репрессиях и беззакониях. Они нанесли ущерб раскрытию творческих сил народа, породили нетерпение в массах, рвавшихся из отсталости к полноценной жизни.

В книге встречается ряд неточных, нечетких положений. Например, говорится, что население Средней Азии и Казахстана, по данным на 1927 г., еще не поднялось до уровня самостоятельного управления своей государст-

венной и общественной жизнью (с. 99). Утверждается, будто реализация ленинских принципов национальной политики осуществлялась «в полном соответствии с реальными экономическими и, социально-политическими условиями» (с. 130). В работе недостаточно освещены вопросы быта и духовной культуры классов и групп населения. Сосредоточение внимания автора лишь на экономических и социально-культурных проблемах несколько обедняет представление о переходном периоде. Неполны характеристики некоторых социальных категорий населения (например, батрачества, строительных рабочих, железнодорожников, рабочих совхозов и МТС, ремесленников и кустарей). В некоторых случаях автор не избежал сюжетных повторов (например, с. 69 и 83, 93 и 102, 84—89 и 123—126). Работа не лишена библиографических неточностей (с. 102, 109, 151, 177, 178).

В общем, автору удалось осветить ряд сложных вопросов, относящихся к истории советского общества переходного от капитализма к социализму периода. Однако исследованию недостает обстоятельного анализа негативных явлений и ошибок, объективных противоречий и трудностей на пути решения национального вопроса. Тем не менее полученные результаты представляют определенную ценность и будут стимулировать дальнейший исследовательский поиск в разработке проблемы.

А. Н. Сорокин, В. И. Шабайлов

Примечания

* Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 385.

КООПЕРАТИВНО-КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТАДЖИКИСТАНЕ. 1917—1929 гг. Документы и материалы. Душанбе, «Ирфон», 1987, 448 с., тир. 1800

Увидел свет очередной том общесоюзной серии «История кооперативно-колхозного строительства в СССР». Он вызывает интерес не только в связи с возросшим вниманием общественности к проблемам коллективизации. Составители будущих аналогичных сборников могут провести соответствующие сопоставления с подготавливаемыми публикациями.

В этой связи есть смысл рассмотреть результаты работы, проделанной составителями рецензируемого сборника.

Первое, что бросается в глаза, — это сравнительно нормальный объем издания; ведь последние худосочные тома (по ЦЧО, Якутии, Уралу и др.), можно сказать, привели в уныние. Полнотой и разнообразием

отличается и научно-справочный аппарат. Данный сборник содержит и такой специфический указатель, как «Словарь восточных терминов», и редко встречающийся ныне «Список использованных фондов и периодических изданий».

Материалы о сельскохозяйственной кооперации и колхозном строительстве в 20-е гг. частично уже публиковались в ранее изданных сборниках документов по истории Бухарской Народной Советской Республики, первых аграрных преобразований в Узбекистане и Таджикистане. Тем не менее рецензируемый сборник включает в себя много ранее неизвестных документов.

Из найденных в процессе выявления материалов примерно тысячи документов опубликовано 226. Это преимущественно документы низ республиканских и местных советских и партийных архивов (около 80%). Несколько более 10% составляют документы, ранее опубликованные; примерно столько же извлечено из газет. Соотношение вполне приемлемое. Хотя число материалов из недавно вышедших сборников можно было бы без ущерба уменьшить.

Составители остановились на разумном сочетании директивных и отчетно-информационных документов. Однако материалы личного происхождения, показывающие отношение к событиям тех, кто непосредственно был причастен к грандиозным социально-экономическим преобразованиям, представлены очень слабо.

Содержание сборника дает много нового для исследования предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. В этой связи, как известно, одним из основных положений советской историографии, в том числе и таджикской, является утверждение о наличии в стране (республике) достаточно развитого кооперативного движения, в том числе и его производственных форм (колхозов) накануне массовой коллективизации, что явилось одним из условий ее осуществления.

Материалы рецензируемого сборника свидетельствуют о непродолжительности существования сельскохозяйственной кооперации с момента ее возникновения в Таджикистане (1924—1925 гг.) до начала массовой коллективизации — всего 4—5 лет. За столь короткое время и при сильнейшем сопротивлении всему новому со стороны феодально-байского уклада кооперативная работа не могла привести дехкан к осознанию необходимости перехода к коллективизации. Да и сама кооперация пред-

ставляла собой не столь могучую силу, как ее обычно характеризуют. В основном это была кредитная кооперация, частично выполнявшая и сбыто-снабженческие функции. Ее специализация только начиналась и проходила вяло из-за слабой материально-технической базы, организационной неустроенности, пассивности населения.

Обращает на себя внимание тот факт, что все документы — на русском языке. Это не перевод, а, как следует из археографического предисловия, язык оригинала. Руководящий состав кооперации, ее организаторы — партийные и советские работники — были преимущественно из русских, что подтверждают и подписи на документах. Это значит, что кооперирование проводилось сверху, в основном, стало быть, бюрократическими методами. Документы и говорят об этом: хотя в 1928 г. кооперацией было охвачено около 50% хозяйств, кооперирование проходило, как видно из документа 170, во многом формально. Но известно, что сила кооперации — в самостоятельности и активности ее членов. В целом вопрос о роли кооперации Таджикистана 20-х гг. в советской историографии нуждается, как показывают документы сборника, в существенном уточнении.

Не подтверждаются оптимистические оценки ряда историков, относящиеся к колхозам. Из документа 169 узнаем, что к осени 1928 г. «производственные формы объединения (колхозы, машинные товарищества и т. д.) дехканского хозяйства почти совершенно не получили развития и распространения».

Десятка два возникших колхозов находились далеко не в лучшем состоянии. Сплошное обследование колхозов осенью 1927 г. «выявило массу дефектов в жизни колхозов» (док. 181). В результате к осени 1928 г. «из имевшихся 25 колхозов половина уже развалилась из-за несоблюдения элементарных правил при их создании. Ни одна организация Таджикистана всерьез вопросов колхозного строительства не ставила» (док. 169).

А что представляли собой колхозы, которые продолжали существовать? Картина в общем-то безрадостная. В резолюции I Ходжентского окружного съезда колхозов (16 декабря 1928 г.) о колхозном строительстве читаем: «Со стороны участников отмечались и подвергались критике нерациональное и слабое использование рабочей силы колхозов, неудовлетворение дехкан землей, отсутствие организационной работы в колхозах, отсутствие правильной организации труда и неправиль-

ная постановка распределения приходных сумм» (док. 180). Далее в резолюции отмечалось, что «в колхозах агрономическая работа проведена очень слабо, а в некоторых колхозах таковая работа не проделана совершенно (...) в колхозах отсутствует необходимое количество культурного инвентаря». Ослабляло колхозы и то обстоятельство, что «дехканские хозяйства в колхозах не централизованы, а наоборот, таковые находятся вразброд — на далеком расстоянии друг от друга» (док. 180).

Плохо обстояло дело с механизацией. Из 17 имевшихся в колхозах тракторов в 1928 г. многие требовали капитального ремонта. Дехкане «совершенно не интересовались трактором» (док. 178).

Чрезвычайно низким был уровень грамотности колхозников (5,5% на июль 1929 г.). А неграмотный человек — вне политики, вне осознанного включения в активное строительство новой жизни. Постоянная же, кропотливая, столь необходимая здесь культурно-просветительная работа среди населения отсутствовала или носила кампанейский характер (док. 178).

Таково было состояние колхозов Таджикистана в 1928 г. Через год на этой зыбкой основе началась массовая коллективизация.

Привлекают внимание данные о темпах коллективизации уже в начале 1929 г. Так, если во всем Таджикистане в 1927 г. насчитывалось примерно 20 колхозов, то только в Ходжентском округе за весеннюю кампанию 1929 г. образовалось 52 колхоза (док. 203). Однако историки не оценили значения этого отнюдь не нового факта, свидетельствующего о безусловном форсировании колхозного строительства. Оказывается, в декабре 1928 г. Таджикский обком ВКП(б) поставил перед партийными организациями в качестве первоочередной задачи работы в кишлаке коллективизацию дехканских хозяйств (с. 23—24). К сожалению, документ об этом распоряжении не вошел в сборник (о нем упоминается в предисловии).

И осенью 1929 г. проявились результаты спешки. В частности, в Тенджентском округе организованные весной 1929 г. колхозы не были землеустроены, и «разбросанность определенных участков в некоторых колхозах доходила до 42 участков, что не давало

никакой возможности правильно руководить работой в колхозах» (док. 214).

Самодетельность и инициатива трудящихся не стали основой при кооперировании, а затем и коллективизации, проводившихся зачастую людьми некомпетентными. Как следует из документа 216, причиной распада многих коллективов в 1928 г. было то, что их организация «проводилась без плана и людьми, практически в вопросах колхозного строительства не имеющими опыта».

Такое положение создалось во многом из-за того, что советские и партийные организации не занимались колхозным строительством. II Пленум Таджикского обкома КП(б) Узбекистана (23 сентября — 3 октября 1928 г.) отмечал, что основным недостатком колхозного строительства является «неустойчивость колхозов вследствие отсутствия внимания со стороны соответствующих организаций» (док. 169).

Можно согласиться с автором предисловия Б. А. Антоненко в том, что колхозы «в организационно-хозяйственном отношении были еще очень слабыми» (с. 25).

Примечательно, что большинство сведений о кооперативно-колхозном строительстве базируется на данных по наиболее развитому Ходжентскому округу. Самая же сложная ситуация была в центральных и юго-восточных районах республики, наиболее пострадавших в ходе гражданской войны, где положение дехкан было очень тяжелым. Поэтому кооперативно-колхозное строительство здесь сколько-нибудь заметно не развивалось. В протоколе заседания по колхозному строительству отдела земледелия Ура-Тюбинского вилюята от 1 июня 1928 г. говорится: «Стимулирование роста колхозов в текущем операционном году в силу недостаточности обслуживающего аппарата, вследствие чего могут быть весьма нежелательные и отрицательные для дальнейшего развития колхозов результаты, считает нерациональным...» (док. 162).

Эти и другие материалы сборника дают возможность существенно уточнить наши представления и оценки относительно предпосылок коллективизации сельского хозяйства Таджикистана. Они, как нам думается, позволяют освободиться от схематизма сложившихся представлений.

В. В. Кабанов

Журнал «Былое» — один из интереснейших журналов дореволюционной России, имевший короткую, но полную испытаний судьбу. Возникнув на гребне первой российской революции 1905—1907 гг., журнал стал первым в России легальным периодическим органом, посвященным истории русского революционного движения. Революция пробудила в самых широких общественных кругах живой интерес к своему революционному прошлому. Под давлением этого возрастающего интереса был открыт доступ, хотя и ограниченный, к материалам правительственных архивов, долгие годы совершенно закрытых для исследователей. Это, естественно, создавало более благоприятные, нежели ранее, условия для освещения истории и практики революционной борьбы. Публикации журнала «Былое» явились ответом на запрос общественности, которая на примерах не столь отдаленного прошлого стремилась понять и осмыслить переживаемые современные революционные события.

Программа журнала, в которой история освободительного движения рассматривалась от Радищева до 1905 года, «с освещением всех революционных партий и организаций»¹, привлекла пристальное внимание широкого круга читателей. Об этом свидетельствует и такой немаловажный факт, как издание первых книг журнала тремя изданиями, небывалыми для того времени большими тиражами. Публикации журнала высоко были оценены В. И. Лениным. В библиотеке Владимира Ильича имелись отдельные номера издания². Л. Н. Толстой считал «Былое» «самым революционным журналом» и с нетерпением ожидал поступления очередных книг³.

Революционная направленность курса журнала не могла не обратить на себя внимание властей. П. Е. Щеголев, один из редакторов журнала, верно оценивал положение, когда писал позже, что журнал «мог выполнять четко и настойчиво свое дело и вести историко-революционную пропаганду, только опираясь на могучие революционные волны 1905—1906 годов»⁴. Власть в то время не могла не считаться с репутацией журнала, которую он снискал в читательских кругах. Однако отступление революции сопровождалось усилением реакции по всему фронту, и прежде всего в области печати.

Журнал «Былое» оказался в эпицентре событий и в 1907 г. после многих мытарств на десятой книге был закрыт, а приговором от 13 января 1909 г. Судебная палата определила «само название данного журнала запретить навсегда»⁵. Стремление редакторов (П. Е. Щеголева, В. Я. Богучарского и В. Л. Бурцева) спасти журнал и продолжить начатое дело, хотя бы под другим названием, по существу, не дало желаемого результата. Основанный ими в 1908 г. журнал «Минувшие годы» держался только год.

Возрождение «Былого» начинается в июльские дни 1917 г. по инициативе Щеголева. Журнал продолжал публиковать материалы, освещавшие основные этапы российского освободительного движения, а также статьи и воспоминания об Октябрьской революции, гражданской войне и империалистической интервенции. Тем не менее, публикуя в основном материалы о народниках, эсерах, анархистах, журнал все больше отходил от требований текущей жизни и исторической науки, что и обусловило его конец в 1926 г. Нельзя не учесть и того обстоятельства, что довольно ощутимую конкуренцию старому журналу стали составлять новые журналы — «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Красный архив», «Летопись революции» и др. Кроме того, сказались также и финансовые затруднения, испытывавшиеся журналом, и начавшаяся централизация всего издательского дела в стране.

Публикации журнала прочно вошли в фонд исторической науки, ими широко пользуются до сих пор. Но история самого журнала в должной мере еще не изучалась, историография его, по существу, исчерпывается небольшими заметками в наших энциклопедиях; невелик также и список справочной литературы. Здесь следует отметить указатели Д. П. Сильчевского к журналам «Былое» и «Минувшие годы»⁶. После Октябрьской революции вышла еще одна роспись⁷. В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в последнее время оказалась, по сути, преданной забвению культура библиографического описания изданий. Наша историческая наука имеет в своем арсенале лишь одно подобное издание, посвященное двадцатилетней деятельности журнала «История СССР»⁸. И все. Не мало ли? Ведь речь идет о том, что насущно необходимо для работы исследователя.

В первой из трех частей рецензируемого издания («Былое», 1906—1907 гг. и исторический сборник «Наша страна», 1907 г.) и во второй («Минувшие годы», 1908 г., исторический сборник «О минувшем», 1909 г. и «Былое», 1917—1926 гг.) помещены росписи журналов и приложений к ним по номерам; в третьей — указатели (именной; указатель лиц, изображенных на портретах; тематический). Всему изданию предпосланы краткая статья от составителя, посвященная истории журнала и необходимые пояснения к хронологической росписи.

Представляется необходимым сделать ряд замечаний, в основном они касаются установления авторства тех или иных публикаций журналов, раскрытия псевдонимов. Это важно потому, что ликвидация в соответствующих случаях лакун существенно расширит наше представление об авторском активе журнала. В этом направлении автор-составитель Ф. М. Лурье проделал большую работу и аннулировал большинство белых пятен. С другой стороны, многие известные факты не нашли отражения в росписи.

Так, в первом номере «Былого» за 1906 г. были опубликованы бел. подписи материалы под заглавием «Заседание Государственного совета 8 марта 1881 года» (№ 11 росписи). Их автором был Е. А. Перетц (1833—1899), государственный секретарь, автор дневника, опубликованного полностью в 1927 г. А. Е. Пресняковым и освещавшего события 1880—1883 гг. Составитель не учел этого.

В восьмом номере журнала за 1906 г. (№ 189) опубликована подборка материалов под заглавием «К биографии А. И. Желябова и С. Л. Перовской». Данная подборка является перепечаткой (довольно неполной и с некоторыми существенными искажениями) двух брошюр 1882 г., написанных в своей основе Л. А. Тихомировым. Кроме того, страницы о пребывании Перовской в Харькове написаны эмигранткой Е. А. Хотинской (Мощенко), а обширное примечание о сношениях Перовской с чернопердельцами осенью 1879 г. принадлежит Л. Г. Дейчу⁹. Подобного же рода замечание нужно отнести и к публикации «Материалы для биографии П. Н. Ткачева» (№ 477), которая является перепечаткой статьи «П. Н. Ткачев» (1886 г.). Ее автор — основатель и один из редакторов журнала «Общее дело» А. Х. Христофоров¹⁰.

Публикация «Правила работы в мастерской Шлиссельбургской крепости» (№ 375), подписанная «С. Кир-ъ», принадлежит С. Д. Кир-

пичникову. Автором воспоминаний «Красноярск 1905 года» (№ 418), подписанных «К-въ» был П. Кузнецов. К сожалению, и нам не удалось узнать большего об этом авторе. Переписка редакторов журнала дает возможность установить, что автором статьи «Банкетная кампания в Саратове (1904—1905)» («Минувшие годы», 1908, № 12, № 731), подписанной «И. Л-ий», является И. М. Майский, будущий советский историк, академик, подписывавший некоторые свои работы прежней фамилией — Ляховецкий. В то же время П. Е. Щеголев не мог явиться автором статьи «Петр Сергеевич Поливанов в Омске» (№ 353, подпись «Ш-въ»), что следует из содержания самой статьи — ведь повествование ведется свидетелем сибирской ссылки Поливанова, где Щеголев никогда не был.

Утверждение составителя, что автором статьи «Граф Бисмарк — организатор русской политической агентуры за границей» (№ 437, подпись «N. N.») является В. Я. Богучарский, вызывает сомнение. Придерживаясь такой точки зрения, составитель считает также, что и другая статья — «Н. Г. Чернышевский в Вилюйской ссылке» (№ 576), подписанная тем же криптонимом «N. N.», принадлежит перу того же Богучарского, хотя на самом деле автором ее является В. Пржиборовский, как это можно установить, пользуясь «Словарем псевдонимов»¹¹. С его помощью можно также установить, что автор статьи «К истории возникновения Р. С. Д. Р. партии» (№ 539, подпись «Б. Д.») — Б. Л. Эйдельман. Псевдонимом «Диброва, Иван» подписал свою статью «Из истории рабочего движения на юге России» (№ 478) известный публицист А. А. Дивильковский. Псевдоним «Катин Н.» принадлежит Н. П. Коншину (№ 533), а криптоним «М. К-въ» — историку М. В. Ключкову (№ 339). Автором статей, посвященных М. А. Бакунину и Н. П. Огареву (№ 449, 596), подписанных — «А. Баулер», является А. В. Гольштейн. Вызывает недоумение указание, будто автором статьи «Восстание л.-гв. Волынского полка в феврале 1917 г.» (№ 823) был некто Фишман (?). На самом деле автор — Т. И. Кирпичников. Подобное же недоумение связано с утверждением составителя, что авторство статьи «Как я бежал из Якутии» (№ 579 росписи) и рецензии (№ 630) принадлежит Ю. М. Стрелкову, хотя в действительности — Ю. М. Стеклову.

Неверно, к сожалению, атрибутирован криптоним «А. Б.» Рецензии с такой подписью

были написаны А. К. Бороздиным, а не В. Я. Богучарским (№ 16, 76, 220). А вот криптоним «Б. В.» принадлежит именно В. Я. Богучарскому (№ 76, 176, 202). Неточен составитель и в пояснении к криптониму «И. Б.», которым подписаны две рецензии (№ 671, 706). Их автором является Бороздин Илья Николаевич, а не И. П. Белокопский.

По достоинству оценивая установление составителем авторства ряда публикаций П. Е. Шеголева, заметим в то же время, что вне поля зрения оказались при этом некоторые статьи, и прежде всего — «Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине» (№ 632). Сами по себе воспоминания принадлежат З. К. Ралли-Арборе, но были обработаны Шеголевым и перепечатаны им же в его авторских сборниках под названием «Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина»¹². То же относится и к статье «Николай I в заботах о декабристах» (№ 271). Обнаруженные нами данные позволяют существенно расширить этот список, однако размер рецензии лишает нас такой возможности.

Сделанные замечания существенны и в другом отношении. Речь идет о том, что не только установление прямого авторства, но также и участия в подготовке той или иной рукописи к публикации, написаний к ней вступительной статьи, примечаний делают очевидной истинную долю участия каждого из трех редакторов в подготовке номеров журнала. И, таким образом, выясняется исключительная роль именно Шеголева. В этой связи можно было бы со всей определенностью указать в росписи, что В. Л. Бурцев явился публикатором, автором вступительной статьи и примечаний к биографии народовольца А. Д. Михайлова (№ 27), а В. Я. Богучарский осуществил ту же работу относительно публикации материалов, посвященных процессу 20 народовольцев (№ 14). Необходимо было также отметить, что Г. А. Лопатин стал переводчиком писем К. Маркса (№ 548, 570, 571).

Осознавая трудности, вставшие перед составителем и в определенной части преодоленные им в работе, отдавая должное его упорству и настойчивости в установлении истины, приходится тем не менее с сожалением констатировать: зачастую не соблюдено главное и неперемное условие — безусловная точность, scrupulous соблюдение каноничности библиографического описания. И, конечно, множество оступлений от этого правила в изданиях никак нельзя оправдать. Об очевидных опечатках не приходится и говорить. Укажем

лишь, что вместо авторских подзаголовков «По неизданным источникам» или «материалам» напечатано — «По неизвестным...» (№ 22 и др.). Как правило, в описании отсутствуют авторские подписи, даты и места написания статей (№ 31, 34, 36 и т. д.).

К ошибкам принципиального характера относятся допущенные искажения в описаниях заголовков статей. Скажем, «Северо-Русский рабочий союз» (№ 10) вместо «Северный союз русских рабочих». Вместо правильного «Любопытный документ» — «... донос» (№ 298); статья Е. А. Гурвича «Первые еврейские рабочие кружки» превратилась в «Первые европейские...» (№ 420); вместо «Свода указаний...» — «Свод показаний...» (№ 423). Статья И. И. Майнова называется «На закате народовольчества...», а не «народничества» (№ 827, 990, 1033).

Курьезный характер носит упоминание в рецензируемом издании о публикации статьи А. И. Герцена: «28 января (Посвящается другу моему Диомиду)...» вместо «...Диомиду». Ведь речь-то идет не о каком-то мифическом «Диомидове», а о реальном Диомиде Васильевиче Пассеке. Так неряшливость и невнимательность ведут к нелепостям. Много опечаток и в инициалах: Полонский Я. И. вместо Я. П. (№ 6), Гуревич П. М. вместо П. И. (№ 309, 454, 479), Герцфельд-Лешерн П. Л. вместо М. П. (№ 790); следует: М. И. Гурович — «Харьковцев» (№ 965), а не «Харьковец» и т. д.

Вся рецензируемая в разделе «Библиография» (№ 488) польская литература приводится в русском переводе, хотя в журнале она представлена соответственно на польском языке. Очевидно, что в данном случае игнорируется основное правило библиографического описания.

Неполон, по нашему мнению, предметный указатель; содержание «Былого» и «Минувших годов» существенно богаче представленного автором-составителем. Свое право на учет имеют такие рубрики, как «Анархизм», «Внешняя...» и «Внутренняя политика царизма», «Иностранная интервенция», «Масонство», «Сектантство», «Цензура» и т. д. В то же время непонятно, что означает рубрика «XVIII век»? Может, ее стоило обозначить в росписи как «Революционное движение конца XVIII века» (в журнале есть материалы об А. Н. Радищеве и Федоре Кречетове) и «Дворцовые перевороты»? Нерасписанными оказались материалы раздела «Библиография» — и напрасно, ибо они являются также

важной частью и «Былого», и «Минувших годов».

Следовало, на наш взгляд, ввести в «Именной указатель» (включающий авторов, публикаторов и лиц, упомянутых в заглавии) и «Указатель безавторских статей». Отсутствие последнего усложняет поиск в росписи по номерам необходимой статьи подобного характера. Например, читатель знает, что в «Былом» была помещена статья «Александр III о студентах», но как ее найти в росписи, если в данном случае неизвестен автор? В «Хронологической росписи» также нужно было указать, что первые номера «Былого» выходили тремя изданиями, а поэтому номера страниц могут не совпадать.

Как видим, подготовка публикаций, подобных рецензируемой работе, требует неукоснительного тщательного подхода, сосредоточенного внимания. Тем не менее данная роспись, обладающая несомненными достоинствами, принесет ощутимую пользу исследователям.

Примечания

¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

² См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 543, № 6856.

³ Литературное наследство. т. 90, кн. 2, с. 33.

⁴ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 777, оп. 6, д. 91, л. 34.

⁶ См.: Вестник истории и литературы, 1908, № 1, декабрь; Приложение к журналу «Минувшие годы», 1908, № 12.

⁷ См.: Систематический указатель статей и материалов, помещенных в журналах «Былое» и «Минувшие годы» за 1906—1908 гг.—Социалистическая академия. Библиография периодики, вып. 4. М., 1923.

⁸ См.: История СССР. Указатель содержания журнала. 1957—1976 гг. М., «Наука», 1978.

⁹ Об этом см., напр.: Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974, с. 215.

¹⁰ Там же, с. 267.

¹¹ См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1960, т. IV, с. 389.

¹² См.: Шеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Изд. 3. Т. 2. М.—Л., 1931.

Ю. Н. Емельянов

А. П. КОРЕЛИН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРЕДИТ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX В. М., Наука, 1988, 261 с., тир. 1150

При том внимании, которое уделяется в советской историографии проблемам землеведения в России и аграрной политики царизма, отсутствие специальных монографических исследований, посвященных ипотечному и сельскохозяйственному кредиту, представляется, пожалуй, даже странным. В нашей литературе нет ни одной монографии о Дворянском банке. Что касается истории Крестьянского банка, то она рассматривается, в частности, в книге В. А. Вдовина применительно к ограниченному периоду деятельности этого учреждения¹. Исследование мелкого кредита, которым активно занимались в предреволюционные и первое послереволюционное десятилетия в связи с общим интересом к проблемам кооперации, было затем искусственно прервано и возобновилось относительно недавно. Больше повезло лишь частным ипотечным банкам, деятельностью которых занимался Ю. Л. Райский. Поэтому выход в

свет работы о сельскохозяйственном кредите вызывает удовлетворение.

Рецензируемая монография отличается солидной статистической базой, взвешенностью выводов, учитывающих неоднозначность процессов, протекавших в сельском хозяйстве России в конце XIX—начале XX в.

Основная цель исследования состояла, по словам автора, в том, чтобы показать процесс формирования в России основных форм и видов сельскохозяйственного кредита, рассматривая их как отражение потребностей капитализирующейся российской деревни, с одной стороны, и как важный фактор, оказывавший влияние на развитие аграрного капитализма — с другой (с. 12). В действительности содержание книги шире. Ограничимся, однако, в рамках рецензии рассмотрением проблемы, которую сам автор считает основной.

В советской историографии общепринята

точка зрения, согласно которой после реформы 1861 г. создались условия для постепенного перехода помещичьих хозяйств к капиталистическим методам производства, однако «значительная часть дворянства оказалась неспособной повернуть свое хозяйство на капиталистический путь»². Это явление хорошо прослеживается и в исследовании А. П. Корелина.

Оценивая наиболее распространенную в России форму аграрного кредита — ипотечную, автор отмечает двойственный характер ее влияния на капиталистическую эволюцию сельского хозяйства. С одной стороны, большая часть ипотечных ссуд, полученных помещичьим дворянством, особенно из государственных земельных банков, была каналом перемещения средств из сельского хозяйства в неземледельческую сферу, оказывала тормозящее влияние на изживание сословных феодальных градаций в землевладении (с. 82). С другой стороны, ипотечный кредит, облегчая сделки купли-продажи, ускорял мобилизацию земельной собственности и, хотя и медленно, утрачивал чисто сословный характер (с. 24—26). Ответ на вопрос, в какой мере такая, преимущественно сословная, мобилизация помещичьих земель являлась капиталистической, зависит от оценки степени капиталистической перестройки помещичьих хозяйств, в частности и с точки зрения характера использования различных форм кредита.

Автор констатирует непроизводительное использование большей части ипотечных ссуд. Здесь, однако, советским аграрникам пора бы перейти от следования выводам дореволюционных авторов к собственным изысканиям. Думаю, что вывод современников о внесельскохозяйственном употреблении и просто «проедании» помещиками ипотечных ссуд на протяжении всей второй половины XIX в. такие изыскания подтвердят. Но, скажем, диссертационное исследование М. М. Островского³ показало, что в XX в. в Петербургской губернии часть ссуд дворянского банка уже вкладывалась в капиталистическую организацию хозяйства. Было бы интересно выяснить, в какой мере этот вывод верен применительно к другим губерниям разных регионов страны. Точно так же пора уже от умозрительных предположений о более высоком уровне капиталистического развития поместий заемщиков частных земельных банков переходить к изучению материалов об имениях, заложенных в этих банках.

Особое внимание в работе уделено формам

кредита, предназначенного именно для капитализирующихся хозяйств, — мелиоративной, соло-вексельной, подтоварной. Автор показывает, что не более половины соло-вексельного кредита шло в итоге на капиталистическое ведение хозяйства (с. 55), подтоварный кредит попадал в основном в торговлю и влиял на развитие аграрного капитализма лишь косвенно (с. 75), мелиоративные ссуды не достигли значительного размаха как из-за ограниченности отпущенных на них средств, так и из-за отсутствия широкого спроса, причем действительное целевое использование мелиоративных ссуд еще нуждается в дальнейшем исследовании (с. 40).

Позволим себе, однако, не согласиться с автором, когда он пишет, что выданные ссуды в своей значительной части не являлись в строгом смысле мелиоративными (с. 33), поскольку шли на развитие скотоводства, садоводства, на создание в имениях предприятий по переработке собственной продукции. Деятельность современного Минводхоза приучила нас отождествлять мелиорацию с ирригацией. А в практике XIX в. (в том числе и западноевропейской) под мелиорацией понимались сельскохозяйственные улучшения вообще, причем капиталовложения в узкую специализацию хозяйства и переработку произведенной в имении продукции (ссуды на нее я не стал бы называть промышленными, если речь идет не о сахарном и крупном винокуренном производстве) быстрее всего отражались на интенсификации хозяйства и повышении его товарности. Об этом говорит и сам А. П. Корелин. Тем не менее неоспорим, на мой взгляд, общий вывод автора о том, что и объем специализированного сельскохозяйственного кредита, и степень охвата им частновладельческих поместий, и постоянная тенденция превращать целевой кредит в свободный, а краткосрочный — в долгосрочный отражают преобладание хозяйств переходного типа с недостаточно высоким уровнем капиталистической организации (с. 82).

Большая часть рецензируемой книги посвящена мелкому (крестьянскому) кредиту. Процесс капиталистической перестройки крестьянского хозяйства тормозился как самым фактом сохранения феодально-крепостнических пережитков в деревне, так и порожденным этим гнетом экономическим кризисом массы крестьянских хозяйств. В таких условиях, как напоминает А. П. Корелин, в начале 900-х гг. в значительной части страны крестьянские доходы не покрывали текущих

расходов или в лучшем случае не превышали их (с. 159). Вовлечение этой пауперизирующей массы в сферу капиталистических отношений происходило в значительной мере на основе вынужденной товаризации продукции, изымаемой из собственного потребления.

Поскольку аграрная политика царизма во всех ее аспектах была направлена на торможение капиталистической эволюции в сельском хозяйстве, данный процесс нашел свое проявление и в мероприятиях по развитию мелкого кредита. Как справедливо отмечает автор, задачей этих мероприятий было не создание благоприятных условий для усиления буржуазной верхушки деревни, а поднятие среднего уровня крестьянских хозяйств путем подтягивания к нему слабых хозяев с целью повышения общей платежеспособности деревни (с. 108) и замедления социального расслоения (с. 121). Такой цели отвечало и Положение 1895 г., открыто ориентированное на «маломощных», и Положение 1904 г., в котором, как мне представляется, автор без достаточных оснований видит сдвиг к ориентации на «крепких» хозяев. Не случайно и в годы столыпинской реформы даже Управление мелкого кредита, ведавшее кредитной кооперацией, видело, как признает сам А. П. Корелин, свою задачу по-прежнему «в содействии подъему общего благосостояния всего крестьянства» (с. 188).

Другое дело, что такая установка была заведомо утопична и, как убедительно вытекает из материалов, изученных автором, кредитная кооперация обслуживала среднее и зажиточное крестьянство и способствовала ускорению социальной дифференциации деревни. При этом показательно, что масштабы операций учреждений мелкого кредита уже не удовлетворяли «наиболее крепкие экономически верхи деревни», обращавшиеся за средствами к другим источникам (с. 221—229). Вопросу о социальном составе учреждений мелкого кредита автор посвящает специальную главу, резонно видя в его изучении важную составную часть ответа на вопрос о значении мелкого кредита для капиталистической эволюции крестьянства. Не абсолютизируя роль кредита в этой эволюции, исследователь отмечает, что сама деятельность кредитной кооперации оказывалась наиболее эффективной там, где уже были более развиты товарно-денежные, капиталистические отношения, но, в свою очередь, в таких районах

прослеживается и более заметное воздействие кредита на развитие этих отношений (с. 213).

Подробно рассматривается в монографии использование средств мелкого кредита. Задуманный в основном как краткосрочный, мелкий кредит использовался и в качестве ипотечного, и мелиоративного. В работе отмечается возрастание долгосрочных кредитов в общей сумме ссуд, полученных крестьянами из учреждений мелкого кредита, что свидетельствовало, с одной стороны, о происходящей перестройке хозяйств, а с другой — об их малоземелье, вынуждавшем тратить средства на покупку и аренду земель (с. 187). В то же время автор указывает, что попытка царизма использовать учреждения мелкого кредита в качестве инструмента финансирования столыпинской земельной реформы потерпела неудачу и по причине недостаточности их средств, и в результате позиции Министерства финансов, не без оснований увидевшего в увеличении землеустроительных функций мелкого кредита угрозу для мобилизации им частных средств в виде вкладов и займов (с. 126, 157). Анализ целевого назначения мелкого кредита приводит автора к выводу о том, что низкие предельные нормы ссуд, использование половины их не на строго сельскохозяйственные нужды, преобладание долгосрочных кредитов над краткосрочными, малая распространенность ссуд на улучшение угодий свидетельствуют о сложности процесса социально-экономической перестройки деревни, затрудненной многочисленными феодальными пережитками (с. 190).

Оценивая значение мелкого кредита, автор считает возможным заключить, что будто только за последние предвоенные годы деревня через учреждения мелкого кредита получила около 3 млрд. руб. Этот подсчет вызывает возражения. Правомерно было бы сказать, что за эти годы вырос (более чем в 4 раза) размах ссудных операций. Но суммировать эти ссуды неосторожно. Значительная часть ссуд сословных касс (27%) просрочивалась и просто переписывалась, заведомо не подлежала двойному счету. Большая часть долгосрочных ссуд, которые в учреждениях мелкого кредита были, собственно, среднесрочными (3—5 лет), тоже должны были быть возвращены за рассматриваемый автором период. Поэтому о притоке в деревню за 1908—1914 гг. 3 млрд. руб. (годового бюджета страны!), по-моему, речи быть не могло.

Влияние кредита на развитие капиталисти-

ческих отношений в деревне проявлялось не только в его воздействии на отдельно взятое помещицье или крестьянское хозяйство, но и во втягивании деревни в целом в сферу приложения финансового капитала. По отношению к помещицью землевладению этот процесс был исследован Ю. Л. Райским (его итоговая монография осталась, к сожалению, лишь депонированной⁴). По отношению к крестьянской кооперации заявка на подобного рода исследование была в свое время сделана В. В. Кабановым⁵. Эта заявка, насколько мне известно, осталась нереализованной. Идя за Ю. Л. Райским в первой части книги, А. П. Корелин самостоятельно разработал проблему притока капиталов в кредитную кооперацию и ее связей с банковским капиталом. Основанные на большом материале его выводы значительно осторожнее деклараций В. В. Кабанова. А. П. Корелин считает себя вправе говорить лишь о «начале важного процесса включения кредитной кооперации в единую систему современного капиталистического кредита», когда в основном источнике накоплений кооперации — вкладах — преобладали местные средства (с. 166—167), а начавший действовать с 1912 г. Московский народный банк до первой мировой войны оперировал весьма ограниченным капиталом.

Полагаем, что к рецензируемой монографии будут обращаться исследователи, занимающиеся общими вопросами финансовой и аграрной политики царизма, истории кооперативного движения в России и т. п. Ряд проблем, только упомянутых в книге, нуждается в дальнейшем изучении. К ним относятся:

источники мобилизации средств учреждениями мелкого кредита и социальный состав вкладчиков (о котором автору пока сведений найти не удалось), соотношение влияния различных факторов на подъем сельского хозяйства и кредитной кооперации в 1908—1914 гг., роль сельскохозяйственного кредита в распределении притока капиталов в народное хозяйство страны в целом. Книга А. П. Корелина, отвечая на многие стоявшие перед исследователями вопросы, одновременно ставит новые. Но это всегда свойственно серьезному научному труду.

В. С. Дякин

Примечания

¹ Вдовин В. А. Крестьянский поземельный банк (1883—1895 гг.). М., 1959.

² Б о в ы к и н В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988, с. 40.

³ См.: Островский М. М. Помещицье хозяйство Петербургской губернии в конце XIX— начале XX в. (По материалам земской статистики и Государственного Дворянского земельного банка). Канд. дис. Л., 1980.

⁴ Р а й с к и й Ю. Л. Акционерные земельные банки и помещицье землевладение в России во 2-й половине XIX в. Курск, 1980.

⁵ См.: Ка б а н о в В. В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов (К вопросу о роли кооперации в социально-экономической структуре капиталистической России).— Вопросы истории капиталистической России. Сб. ст. Свердловск, 1972, с. 100—108.

А. И. А Г А Ф О Н О В. ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО И ПРИАЗОВЬЕ В ДЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД. Изд-во Ростовского ун-та, 1986, 192 с., тир. 2000

В этой монографии анализируется широкий круг проблем социально-экономического развития, административного управления, социальной политики правительства в одном из крупных южных регионов России в дореформенный период. Рассматриваются заселение и хозяйственное освоение Области Войска Донского и Приазовья, развитие различных

отраслей сельского хозяйства, промышленности и торговли, сословно-классовая структура населения края, организация власти и управления казачеством в первой половине XIX в. Особое внимание, уделяется изучению роли казачества и крестьянства в освоении Подонья-Приазовья, формирования мелко-варного и капиталистического хозяйства,

эволюции различных сословий и социальных групп, феодально-крепостнического законодательства.

Рецензируемая монография, по сути, первое исследование, в котором характеризуются социально-экономическое и административно-политическое развитие края, выявляется роль социальной политики правительства по отношению к казачеству.

Предшествующая литература, как правило, касалась военно-политической истории казачества и дворянства, некоторых вопросов истории крестьянства, его роли в хозяйственном освоении края¹. Еще не были предметом специального изучения, как отмечает автор, проблемы генезиса капитализма на материалах этого региона России и связанный с ним процесс формирования новых социальных слоев. Правда, в исследованиях советских ученых, посвященных проблемам хозяйственного, социального развития России в предреформенные десятилетия, этот регион упоминается. При этом социально-экономические процессы, протекавшие здесь, в литературе оцениваются неоднозначно. Некоторые исследователи считают Область Войска Донского районом экстенсивного земледелия с довольно низким уровнем развития². В ряде работ, вышедших в последние годы, выявлен факт широкого развития земледелия в южных районах страны, в том числе и в Области Войска Донского и Приазовье. Здесь достаточно быстро по сравнению с центральными губерниями в сельском хозяйстве формировались предпосылки развития капиталистических отношений и многие его отрасли приобретали товарный характер³.

Рецензируемая монография убедительно показывает, что для глубокого и всестороннего изучения социально-экономических процессов, кризиса феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма необходимы наряду с обобщающими научными трудами и отдельные региональные исследования; последние позволяют значительно расширить круг источников, выявить особенности в развитии названных процессов и тем самым углубить наши представления о сущности и особенностях кризиса феодально-крепостнического хозяйства и генезиса капитализма в России.

Отметим, что широкая источниковая база, использование массовых источников, как архивных (местных и центральных архивов), так и опубликованных (статистические обзоры, составленные офицерами Генерального штаба, учеными-экономистами, статистика-

ми, законодательные материалы), придали основным положениям и выводам рецензируемой работы аргументированность и убедительность.

Как отмечает автор, «в настоящее время необходим систематический анализ региональных, межотраслевых, внутриотраслевых, территориальных, хронологических особенностей проявления общих закономерностей социально-экономического и политического развития Российской империи» (с. 4). Автор прав, подчеркивая, что проблема разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, с одной стороны, и формирование капиталистических отношений в экономике — с другой, — суть две стороны единого процесса (с. 12). Стремление рассматривать их как самостоятельные проблемы в ряде случаев ведет к тому, что «оценки и выводы, полученные в результате анализа отдельных отраслей хозяйства распространялись на экономику края; это не только „подтягивало“ его к уровню развития центральных губерний, но и стирало особенности социально-экономических процессов, протекавших „а окраинах страны» (с. 12).

В такой огромной по территории стране, как Россия, социально-экономические процессы в различных регионах отличались многовариантностью. И в конечном счете это обстоятельство определяло сложность общероссийских процессов, происходивших в дореформенной экономике. Вместе с тем резонно замечание автора о том, что при изучении социально-экономических процессов в ряде случаев не всегда в достаточной мере учитывалась влиявшая на них политика самодержавия.

В рецензируемой монографии предпринята попытка исследовать все эти проблемы в совокупности и взаимосвязи.

Работа А. И. Агафонова позволяет представить конкретную и в то же время обобщенную картину хозяйственного и социального развития края к концу крепостной эпохи. К середине XIX в. на Дону и в Приазовье формируется единый экономико-географический район, в котором ведущую роль начинает играть земледелие. Но хозяйство в целом продолжало сохранять экстенсивный характер.

Автор подчеркивает большую роль миграционных процессов в заселении и хозяйственном освоении края. Наряду с народной колонизацией, наиболее важной для освоения края, правительство насаждало здесь дворянское

землевание, стремясь укрепить свою социальную базу. Переселенцы, главным образом из внутренних районов России, приносили на Дон и в Приазовье свои хозяйственно-культурные навыки, обычаи, обогащали местную земледельческую и промышленную культуру. Колонизация содействовала освоению и вовлечению в хозяйственный оборот новых земель, развитию различных отраслей в сельском хозяйстве и промышленности, что было свидетельством роста общественного разделения труда, товарности хозяйства. Иными словами, колонизация способствовала развитию таких процессов в экономике края, которые были связаны с генезисом капитализма. Расширение масштабов земледелия, увеличение его товарности вызвало появление в крае новых отраслей промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов. Как известно, крепостной промышленности в крае не было, продукция производилась на мелкотоварных капиталистических предприятиях.

Простая капиталистическая кооперация стала преобладающей формой экономической организации казачьих, крестьянских и купеческих промышленных заведений на Дону и в Приазовье (с. 109—110). При этом, как отмечает автор, для данного региона, в отличие от центральных промышленных губерний России с более высокими формами экономической организации (мануфактура, заведения, переходные от мануфактуры к фабрике, фабрика), рост предприятий мелкотоварного типа, простой кооперации был не только характерной чертой, но и свидетельством прогресса в промышленности (с. 110).

В период позднего феодализма, в процессе социально-экономического развития и проведения ряда правительственных мер претерпела изменение сословно-классовая структура населения исследуемого региона. Эти сюжеты обстоятельно рассматриваются в книге.

В последние предреформенные десятилетия завершилась длительная эволюция донского казачества, ставшего замкнутым служилым сословием; царизм рассматривал его как военную и социальную опору своей политики внутри страны. Крестьяне Нижнего Дона и Приазовья были «навечно» закреплены за помещиками, а дворянство из среды старшин и казачьих офицеров влилось в состав высшего сословия Российской империи. Изучение сословно-классовой структуры общества в период позднего феодализма предполагает рассмотрение вопроса о возникновении новых

социальных слоев, связанных с развитием мелкотоварного и капиталистического уклада в экономике. Поэтому правомерно выделен в книге вопрос о формировании буржуазии и пролетариата.

Сословие казачества — преобладавшая часть населения этого региона — под влиянием товарно-денежных отношений, ширившихся рыночных связей и мелко-товарного производства разлагалось. Но правительство всячески препятствовало этому, стремясь сохранить казачество как особую, замкнутую социально-сословную группу. Все проводившиеся правительством реформы административного управления этим краем по существу были направлены к указанной цели (с. 131—132).

Военная служба отрывала казаков от хозяйства, отвлекала от торгово-предпринимательской деятельности, сдерживала имущественное и социальное расслоение в их среде. Стремление правительства сохранить сословную корпоративность казачества явилось негативным фактором в социально-экономическом развитии этого края, как, впрочем, и России в целом. Следует согласиться с автором в том, что «на формирование буржуазии и пролетариата сословные права и привилегии казачества и дворянства оказывали тормозящее влияние» (с. 140).

Однако принципиально ставя вопрос о формировании нового буржуазного слоя в дореформенный период, определяя источники накопления капитала (подряды, откупы), следовало бы, на наш взгляд, более осторожно оценивать результаты данных процессов в изучаемое время. В дореформенный период на Дону и в Приазовье скорее стали появляться предпосылки для складывания буржуазного слоя, определялись источники накопления капиталов. Из-за недостаточного развития промышленности в этом регионе наблюдалось преобладание торгового капитала. Политика правительства по отношению к казачеству была серьезным тормозом в развитии и углублении всех этих процессов. Следует к тому же сказать, что формирование буржуазии и пролетариата — общероссийские процессы, характерные для социально-экономической жизни страны в целом. Поэтому вряд ли правильно, с точки зрения точности понятия, писать о «донской», «казачьей» буржуазии (с. 130, 133).

В дореформенный период в рассматриваемом регионе складывался рынок наемной рабочей силы для промышленности. Это было связано с особенностью края, не имевшего

крепостной мануфактуры. Однако степень развития промышленности была такова, что ограничивала рост рынка наемной рабочей силы. В то время число вольнонаемных рабочих было невелико и составляло примерно 1% всего населения Нижнего Дона и Приазовья. К тому же охранительная политика правительства в отношении казачьего сословия резко замедляла и в какой-то степени деформировала и процесс складывания класса наемных рабочих. Поэтому вывод автора о «возникновении пролетариата» в рассматриваемый период на Дону и в Приазовье нуждается в уточнении (с. 172). Для дореформенного времени правильнее говорить о появлении слоя постоянных рабочих (с. 138). Формирование слоя постоянных рабочих было характерным явлением для отраслей обрабатывающей промышленности центральных губерний России, применявших наемный труд.

Заметим в заключение следующее. Поскольку автор ставил задачу комплексного подхода к изучению истории этого южного региона страны, следовало обратить внимание на общественно-культурную жизнь, состояние

школы, уровня грамотности и образованности населения.

Полагаем, что монография А. И. Агафонова окажется полезной исследователям проблем истории дореформенной России.

Л. В. Кошман

Примечания

¹ См., напр.: Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв. М., 1971; Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма (1825—1860). М., 1980.

² См., напр.: Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Сб. ст. М., 1959, с. 9.

³ См.: Ковальченко И. Д. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. — Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. М., 1979.

А. Н. ЕРЫГИН. ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТИКА (Диалектика и исторические знания в России XIX века). Изд-во Ростовского ун-та, 1987, 221 с., тир. 800

Рецензируемая монография посвящена творчеству К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина — историков либерально-буржуазного направления, которых историографическая традиция объединяет в государственную школу в русской историографии. Рассматривая их теоретико-методологические взгляды и исторические концепции, автор ставит вопрос о специфике исторического мышления в буржуазной историографии 40-х гг. XIX в. При этом он стремится охарактеризовать роль гегелевской философии в формировании новой методологии познания в русской исторической науке. Эта проблема давно волнует отечественную историографию, однако в ее решении, на наш взгляд, еще много схематизма. Об этом свидетельствует, например, статья А. Н. Медушевского, опубликованная в журнале «Вопросы философии»¹. Автор статьи, как нам кажется, исходит из достаточно упрощенного представ-

ления о философии истории Гегеля. Доказав в целом гегельянский характер взглядов Б. Н. Чичерина, он экстраполирует свои выводы на всю государственную школу, полагая при этом, вслед за В. Е. Иллерицким, что разница во взглядах Кавелина, Соловьева и Чичерина была несущественной. Трудно согласиться с таким выводом прежде всего из-за его априорности, ибо в огромной литературе, посвященной Кавелину, Соловьеву и Чичерину, как справедливо отмечает А. Е. Шикло, «нет еще всестороннего и глубокого исследования как концепции государственной школы, так и исторических взглядов ее отдельных представителей»².

В этой связи проблемы, рассматриваемые в рецензируемой монографии, написанной на стыке историографии и истории философии, представляются весьма актуальными. Историографическая ценность работы состоит в том, что она выявляет закономерности раз-

вития исторической науки в России, и в первую очередь ее буржуазно-либерального направления. Историко-философская значимость труда определяется тем, что рассматриваемое исследование позволяет глубже понять освоение гегелевских идей в общественной мысли. Опыт такого освоения в прошлом важен для понимания современных интерпретаций диалектического метода и использования его в современной исследовательской практике.

В историографии уже давно утвердилось представление о необходимости изучать исторические концепции не только как готовые результаты научной деятельности, но и с точки зрения их методологической обусловленности. Но это требует от исследователей высокой философской культуры. Отсутствие же глубоких профессиональных знаний в области философии истории приводит к широкому распространению дилетантизма и освещению методологических проблем исторической науки, что влечет за собой упрощенчество и догматизм.

Автор изучает взгляды Кавелина, Соловьева и Чичерина с точки зрения их конкретности, с одной стороны, а с другой — рассматривает эти взгляды в историко-философском и иногда еще шире — в историко-культурном контексте.

Что же нового вносит исследование А. Н. Ерыгина в решение поставленных проблем? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, отметим следующее. В философской литературе утвердилось представление о том, что в России увлечение гегелевскими философскими идеями поначалу доходило до фанатизма, причем Гегель становился философским знаменем самых различных общественно-политических сил — от революционно-демократических до реакционно-консервативных. Но увлечение вскоре прошло, и на русской почве философские идеи Гегеля за редким исключением не прижились³. Начиная с 40-х гг. философия Гегеля стала подвергаться критике: то ли она устарела, как считают многие современные философы, то ли она вообще противоречила, как полагал А. Ф. Лосев, самому духу русской философии⁴. Этот вывод о судьбе гегелевских идей в русской философской мысли несомненно привлекает внимание при рассмотрении гегелевской традиции в русской исторической науке. Историки философии этим вопросом до недавних пор не занимались. В историографии же прочно укоренился стереотип: «Философская система Гегеля оказала значительное влияние на формирование концепции государственной школы,

во многом определив ее философские, правовые и исторические взгляды и подходы к изучению российского исторического процесса»⁵. Это положение вошло во все учебные пособия по отечественной историографии, воспроизводится в многочисленных историографических статьях и монографиях. Оно стало настолько расхожим, что превратилось в догму.

Однако некоторые исследователи проявляют сдержанность в оценке влияния гегелевской философии на взгляды историков-«государственников». Так, П. С. Шкуринов подчеркивает, что Соловьев и особенно Кавелин ориентировались не только на Гегеля, но и на философию позитивизма⁶. На это же обращал внимание Н. П. Павлов-Сильванский еще в дореволюционное время⁷. Тогда же Б. Н. Сыромятников высказал мнение о том, что Кавелин и Соловьев шли по пути «примирительного синтеза различных взглядов, а увлечение Гегелем было для них лишь временным отвлечением от общей повинности»⁸. Большой интерес с точки зрения решения проблемы «русская историческая наука и гегелевская философия» вызывает исследование З. А. Каменского, посвященное творчеству Т. Н. Грановского, близкого по взглядам Кавелину и Соловьеву. Автор показывает, как менялось отношение историка к философии истории Гегеля — от критики отдельных положений ее в первом периоде Грановский переходил к углублению этой критики во втором, а в третьем периоде уже определенно высказывал неудовлетворенность его философией истории в целом⁹.

А. Н. Ерыгин тоже поставил под сомнение положение о гегельянском характере исторических воззрений Кавелина и Соловьева и доказал его научную несостоятельность. Ему удалось это сделать благодаря иному подходу к изучению проблемы.

Идея о гегельянстве Кавелина, Соловьева и Чичерина была подсказана В. О. Ключевским, но «духовным отцом» ее был П. Н. Милюков, который объединил этих историков на почве гегельянства в особую «юридическую школу», получившую в советской историографии название государственной благодаря работам М. Н. Покровского, Н. Л. Рубинштейна и В. Е. Иллерицкого.

Каким же образом утверждалось представление о гегельянстве как методологической основе государственной школы? Надо отметить, что одни исследователи попросту доверились самим историкам-«государственникам»: в их мемуарах содержатся многочис-

ленные показания об «увлечении философией Гегеля», о «большом влиянии Гегеля на их мировоззрение». Другие исследователи решили проверить эти показания и стали высказывать гегельянские мотивы в общих представлениях историков об историческом процессе, о задачах исторической науки, о методах исторического познания.

Оказалось, что найти эти мотивы — дело нетрудное, достаточно ознакомиться с высказываниями Кавелина, Соловьева и Чичерина по этим вопросам. Но исследователи, изучавшие подобные высказывания, отработали только одну версию — гегельянскую. Это, а также априорная убежденность в гегельянстве историков-«государственников» привели к абсолютизации философии Гегеля в качестве методологической основы государственной школы. Кроме того, недостаточно глубокое знание истории философии приводило к тому, что некоторые методологические положения были объявлены гегелевскими, хотя таковыми не являются или являются общими для разных философских систем. Так, гегелевская философия была объявлена теоретическим источником идеи историзма, которой следовали историки-«государственники». Безусловно, проблема историзма занимает важное место в философии истории Гегеля. Но заслуга постановки этой проблемы принадлежит не только и не столько Гегелю — она возникла до него, а реализовали идею историзма в историческом исследовании французские историки эпохи Реставрации, с творчеством которых были хорошо знакомы буржуазные историки в России. В этой связи нам представляется, что и А. Н. Ерыгин преувеличивает роль Гегеля в становлении и реализации принципа историзма в трудах русских историков.

А. М. Сахаров высказал одну простую и одновременно весьма плодотворную мысль: «Методология научного исследования может быть оценена и понята лишь в ее конкретном воплощении — в исторической концепции»¹⁰. Мы также полагаем, что о методологии научного творчества надо судить не по тому философскому мундиру, который надевают на себя историки, и не по тому, что они сами о себе говорят, а по их подходу к изучению истории и достигнутым результатам.

В рецензируемой книге всестороннюю реализацию при изучении методологических позиций того или иного историка получило именно это требование.

Анализируя взгляды русских историков, сравнивая их между собой, а также с геге-

левской философией истории, автор пришел к двум принципиально новым выводам, один из которых имеет существенное значение для истории философии, другой — для историографии. Во-первых, ему удалось показать, что идеи Гегеля в исторической науке, так же, как и в философии, не получили широкого распространения. Во-вторых, исследователь пришел к выводу, что различия между историками в теоретико-методологическом плане и во взглядах на русский исторический процесс были настолько велики, что говорить об особой государственной школе в русской историографии неправомерно.

Из содержания монографии следует, что проблемы исторического познания в духе гегелевского монизма решал только Чичерин, а Кавелину и Соловьеву был свойствен дуализм. Гегель не считал историю наукой, для него наукой была философия истории. Для Кавелина история — наука, но историк не смог преодолеть априоризма гегелевской схемы всемирно-исторического процесса и, предлагая социологический подход к русской истории, подчинил конкретно-исторические факты спекулятивным теоретическим построениям. Соловьев, как отмечается в книге, критикуя философско-историческую концепцию Гегеля как спекулятивную, конструкцию, двигался в сторону сциентизма. Но, пытаясь преодолеть крайности эмпирической историографии, Соловьев сохранил социологические представления об общих законах «органического строения и роста общественной жизни». Автор считает, что Соловьев, пытаясь развести философию и историю, метафизически совместил крайности спекулятивно-монистского и эмпирически-плюралистского подходов. Как нам представляется, надо подчеркнуть также, что различие между Гегелем и Соловьевым было и в том, что философ развивал теорию исторического познания в рационально-априористском духе, а историк — в духе сциентизма. Поэтому источником исторической теории у Гегеля выступает разум, а у Соловьева — наблюдения над конкретными фактами. Разум у Соловьева — не источник содержания теории, а лишь средство познания. Вот почему, если Гегель ищет в истории проявления разума, то Соловьев — проявления внутренних закономерностей.

Автор считает, что философия Гегеля позволила Кавелину, Соловьеву, Чичерину составить представление о русской истории как единстве всемирно-исторического и национально-специфического, как о целом, на-

ходящемся в процессе развития. В связи с этим автор опровергает распространенное мнение о том, что историки-государственники противопоставляли историю России и Запада. Единство русской и западноевропейской истории они усматривали в том, что Россия, как и другие народы, прошла в своем развитии ряд последовательных стадий — от родовых отношений до государственных.

Вместе с тем «государственники» не отождествляли русскую и западноевропейскую историю. Исследователи давно обратили внимание на то, что Кавелин, Соловьев и Чичерин много места уделяли освещению различных или даже противоположных сторон в исторических судьбах разных народов. Абсолютизация этой стороны их взглядов и привела к выводу о том, будто бы они противопоставляли Россию и Запад. А. Н. Цамутали, вероятно, первым обратил внимание на то, что «государственники» рассматривали эти различия в рамках признания единства русской и западноевропейской истории. Исследование А. Н. Ерыгина не только подтвердило эту гипотезу, но и придало ей статус важного теоретического положения, диалектически вскрывающего сущность взглядов историков либерально-буржуазного направления.

Гегель соединил историю и диалектику. Однако диалектическим методом, как показал А. Н. Ерыгин, овладел лишь Чичерин; Кавелин и Соловьева отличал метафизический подход к истории.

Сравнительный анализ взглядов Кавелина, Соловьева, Чичерина и Гегеля позволил автору заключить, что гегелевская философия истории безусловно оказала влияние на формирование методологических и исторических концепций русских историков. Но только Чичерина можно признать гегельянцем, в превращенной, иррационалистской форме воспринявшим философию Гегеля. Кавелин и Соловьев ряд проблем поставили безусловно благодаря Гегелю, но решали их далеко не гегелевски, пытаясь преодолеть априоризм гегелевской схемы исторического процесса, с одной стороны, но не поднимаясь до высот гегелевского диалектического метода — с другой.

В целом результаты проведенного автором исследования благодаря философскому подходу существенным образом меняют наши представления и о государственной школе в русской историографии, и о влиянии философии Гегеля на русскую историческую науку. Вме-

сте с тем надо отметить, что автор привнес в свое исследование не только объективные достоинства философского подхода, но и его недостатки. И главный из них, свойственный многим философам, — недостаточное внимание к своим научным предшественникам, идеях которых были в лучшем случае лишь объектом негативной критики. Так, вообще без внимания остались работы Б. Н. Сыромятникова и Н. П. Павлова-Сильванского, «Воспоминания» П. Н. Милокова, в которых содержится ряд оригинальных идей, причем созвучных отдельным положениям концепции, которую предлагает сам автор.

В изучении взглядов Кавелина, Соловьева и Чичерина автор в целом стоит на позициях историзма, прослеживая, как изменялись взгляды историков. Однако при рассмотрении вопроса об их отношении к философии Гегеля автор, на наш взгляд, в некоторой степени чувство историзма утрачивает. Так, А. Н. Ерыгин утверждает, что философия Гегеля была для Соловьева объектом тотальной критики. Это верно для творчества Соловьева в 60—70-х гг. XIX в., но не для раннего Соловьева. В 40-х гг. Соловьев, как и многие другие историки, прошел «школу Гегеля» и не поднялся еще до критики философской системы Гегеля в целом, ограничиваясь критикой лишь отдельных ее положений. Это было еще время «скитания мысли» и «невьдержанности убеждений».

В книге обстоятельно показано, что именно привлекло общественную мысль 20—30-х гг. к гегелевской философии, однако остался открытым вопрос о том, почему в русской исторической науке гегельянство не сложилось в особое течение. Надо сказать, что на этот вопрос попытался ответить еще в 80-х гг. прошлого столетия В. О. Ключевский, который писал, что философско-априорные схемы «стали терять цену, как еще раньше потеряли ее разные историко-дидактические построения судеб человечества»¹¹. Здесь, как нам представляется, подмечен важный методологический момент — в середине XIX в. в России происходили изменения в историческом мышлении. Эта перемена была связана с перерождением исторической науки с логико-дедуктивной модели познания на эмпиристско-индуктивную модель.

В монографии А. Н. Ерыгина, а также в исследовании З. А. Каменского освещена судьба гегелевских идей в русской исторической науке. В работе П. С. Шуринова выявлено

влияние позитивистов на формирование теоретико-методологических взглядов русских историков XIX в. В. М. Далин охарактеризовал роль идей французских мыслителей в их творчестве¹². Можно наметить и надо провести анализ других философских пластов в мировоззрении того или иного историка. Вместе с тем от анализа уже можно переходить к синтезу, к целостному воспроизведению методологических и теоретических взглядов историков в общем контексте социально-политического и культурно-идеологического развития, преодолевая при этом крайности в интерпретации историко-философского и историографического процессов в России.

Эти крайности состоят в том, что одни исследователи абсолютизируют самостоятельность и оригинальность русской философской и исторической мысли, а другие рассматривают ее как дочерний филиал западноевропейской философии и историографии. Полагаем, что историческая наука в России, вовлеченная в водоворот идейной борьбы первой половины XIX в., вобрав в себя массу новых философских идей и проблем, волновавших европейское общество, постепенно стала осознавать ограниченность и эмпиризма, и национального «историзма» романтиков, и априоризма гегелевской философии истории. Пытаясь преодолеть крайности эмпиризма и априоризма, русская историческая наука, в частности в лице Кавелина, а затем Соловьева, переходит от увлечения той или иной философской концепцией к рецепторному их синтезированию. Усваивались и перерабатывались различные стороны просветительской, романтической, гегелевской, а затем и позитивистской философии, что и привело к созданию оригинальных

теоретико-методологических и конкретно-исторических концепций, какие были у Кавелина и особенно у Соловьева.

А. В. Лубский

Примечания

¹ См.: Медушевский А. Н. Гегель и государственная школа в русской историографии.— Вопросы философии, 1988, № 3.

² Шикло А. Е. История русской исторической мысли последней трети XVIII — второй трети XIX века в современной советской историографии (Некоторые дискуссионные проблемы).— История СССР, 1987, № 4, с. 172.

³ См.: Гегель и философия в России. М., 1974; Коган Л. А. О понятии «русское гегельянство».— Вопросы философии, 1975, № 6.

⁴ См.: Лосев Алексей. Русская философия.— Век XX и мир. 1988, № 2—3.

⁵ Медушевский А. Н. Указ. соч., с. 115.

⁶ Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980, с. 102—115, 310.

⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988, с. 12—15.

⁸ Сыромятников Б. Н. Введение. Традиционная теория русского исторического процесса. СПб., 1907, с. 334.

⁹ Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988, с. 156. См. также: Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский как историк.— В кн.: Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987, с. 338.

¹⁰ Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978, с. 15.

¹¹ Ключевский В. О. Соч., т. VII. М., 1959, с. 131.

¹² См.: Далин В. М. Гизо и развитие исторической мысли в России.— В кн.: Люди и идеи. М., 1970.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ. ФЕОДАЛИЗМ В РОССИИ. М., «Наука», 1988, 696 с., тир. 35000

В наши дни в стране заметно возрос интерес к истории. Это прежде всего относится к истории советского общества. Но и история народов СССР более отдаленных и даже древнейших периодов стала объектом пристального внимания как профессионалов, так и широких кругов читателей.

Дефицит увлекательных научных трудов по истории отчасти восполняется историческими романами, повестями, биографиями деятелей прошлых времен. К сожалению, в большинстве таких книг действительные характеристики людей и времени подменяются набором занимательных эпизодов, не обогащаю-

щих читателей пониманием исторического процесса.

Естественно стремление советских людей познакомиться с дореволюционной исторической классикой. Этому будет способствовать переиздание трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Но в этой связи возникает весьма серьезная проблема. Русская историческая наука не стояла на месте: ее методологические основы, круг использованных источников, критические приемы изучения источников, формы и доступность изложения во времена Соловьева были иными, нежели во времена Карамзина, а у Ключевского — иными, чем у Соловьева. Да и Ключевский читал свой Курс русской истории сто лет назад. И после него историография шла вперед.

Правда, советский читатель располагает историографической литературой, помогающей критически осваивать наследие выдающихся историков прошлого. Так, творческой биографии В. О. Ключевского посвящена монография М. В. Нечкиной. Краткий очерк жизни и творчества С. М. Соловьева принадлежит В. Е. Иллерицкому, а о борьбе исторических течений во времена Соловьева специальную монографию написал А. Н. Цамутали. Интересные соображения об исторических построениях Карамзина недавно высказал Ю. М. Лотман*. Но эти и другие критические современные работы не могут заменить характеристику поступательного движения исторической науки, нашедшую отражение в трудах ученых, выступивших на общественной арене до и после Карамзина, до и после Соловьева, до и после Ключевского. Одним из таких выдающихся ученых был Н. П. Павлов-Сильванский. Его труды, по оценке Б. Д. Грекова, явились блестящей страницей в развитии русской исторической науки, наиболее полным и содержательным исследованием по вопросам древнерусского феодального права в сравнительно-историческом освещении. По словам самого Павлова-Сильванского, мысль о глубоком различии между Россией и Западом объединяла лучших историков, хотя одни выясняли «совершенную самобытность» русской истории, другие — «ее крайнее своеобразие», третьи — ее «полную противоположность» истории западной, до резкого «контраста» (с. 5).

В отличие от славянофилов Соловьев полагал, что путь от рода к государству был пройден как Восточной, так и Западной Европой. Но природные условия были различ-

ными: равнинная, деревянная Русь, прилегающая к степям, по которым двигались орды кочевников из Азии, резко отличалась от гористой, каменной и защищенной Русью от степняков-кочевников Запада. У нас все непрочно, все похоже на степную траву «перекати-поле», а на Западе «все прочно, все определено, благодаря камню». Павлов-Сильванский не отрицает влияния географического фактора на историю страны. Но природные условия могли лишь ослабить проявление тех начал средневекового порядка, которые оставались одинаковыми в России и в западноевропейских странах и только «ярче выразились в истории Запада» (с. 18—19). Это относится к феодализму. Тезис о чрезвычайной близости феодального права в России и в Западной Европе был в построениях Павлова-Сильванского основным пунктом его разногласий не только с Соловьевым, но и с Ключевским и другими крупными историками второй половины XIX — начала XX в.

Естественно, что для переиздания сочинений Павлова-Сильванского (отв. редактор С. О. Шмидт) были выбраны «Феодализм в Древней Руси» и «Феодализм в удельной Руси». Первый из этих трудов отдельной книгой вышел в 1907 г. и был затем переиздан в 1923-м и 1924 гг. Второе исследование автор не успел завершить, и оно посмертно — после тщательной подготовительной работы, проделанной А. Е. Пресняковым, близким другом Павлова-Сильванского, — увидело свет в 1910 г.

Рецензируемое переиздание двух главных трудов Павлова-Сильванского в хорошо известной серии «Памятники исторической мысли» — большая заслуга С. О. Шмидта и С. В. Чиркова. Они снабдили новую книгу ценными приложениями: перепиской Н. П. Павлова-Сильванского с А. Е. Пресняковым и Г. В. Чичериным и статьями М. С. Ольминского, М. Н. Покровского и Б. Д. Грекова об авторе и его трудах.

Переписка с А. Е. Пресняковым свидетельствует, во-первых, о творческих муках Н. П. Павлова-Сильванского. Он пишет о многих тяжелых днях в начале работы (с. 549). А Пресняков его утешает, говоря: «Ты слишком чуток к критике, хотя бы пустой по существу» (с. 552). «Милый ты человек», пишет Пресняков в другом письме, «атаки поучительны», ибо показывают, «что ты не селшь новое, свое», что «твое новое» требует «перестройки схемы русской истории». «Ты... славно кладешь нужный камень в фундамент

новой постройки. Какого тебе еще черта нужно?» (с. 555). Переписка свидетельствует, во-вторых, о такой дружбе ученых, которая не допускает ухода от взаимной острой критики, даже когда речь идет о частных расхождениях между единомышленниками. Переписка, в-третьих, говорит о различиях в подходе к важнейшим историческим проблемам и о взаимовлиянии крупных ученых, мало озабоченных личными амбициями и думающих только о приближении к истине. Пресняков признал, что «феодализм русский = феодализму западному» (с. 552). Но в то же время его больше занимали отличия процессов. Павлов-Сильванский готов согласиться, что есть отличия истории России от истории Запада. Но исторические пути разошлись, по его мнению, не в древности. Из переписки ясно выступают социологические интересы Павлова-Сильванского и немало других исследовательских проблем.

Н. П. Павлов-Сильванский, не сдав экзамен в аспирантуру, стал работать в Министерстве иностранных дел и там сблизился с Г. В. Чичериным, будущим наркомом иностранных дел Советского государства. В письмах, относящихся к 1901—1908 гг., Чичерин говорил об отличиях западного феодализма от того, что было в России: «Коллекция аналогий,— писал он,— этого мало» (с. 571). В этом отношении у Чичерина немало общего со старыми историками-профессионалами, выступавшими против Павлова-Сильванского. Но Чичерин высоко ценил труды своего корреспондента и готов был оказать ему содействие при переводе его книги на иностранный язык.

Историк-большевик М. С. Ольминский, откликнувшийся на смерть Павлова-Сильванского, одним из первых признал, что, не будучи марксистом, этот выдающийся ученый «собрал и обработал обширный материал для марксистского понимания прошлых судеб нашего отечества» (с. 575).

Оценку трудов Павлова-Сильванского Б. Д. Грековым мы уже приводили — она была дана в конце 1930-х гг. и не может поэтому заменить современных отзывов. Отзывы эти мы находим в статьях С. О. Шмидта «Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры» и С. В. Чиркова «Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме», специально написанных для рецензируемой книги.

Некоторые тезисы в этих статьях обосо-

ваны, на наш взгляд, слабо. Так, не подтверждено важное положение о том, что «Павлов-Сильванский не был склонен вкладывать содержание русской истории в разработанные западной медиевистикой теории феодализма» (с. 615). Нужно было разъяснить важное положение о том, что под влиянием многих возражений Павлов-Сильванский переходил от сравнительного описания явлений к сравнительно-историческому изучению их эволюции (с. 622). В статьях следовало, быть может, упомянуть о современных спорах о русском феодализме и его периодизации. Мысли Павлова-Сильванского используются и сегодня спорящими сторонами.

Следует сказать и о принадлежащих С. В. Чиркову примечаниях. Составитель избежал назидательного тона, которого придерживаются иногда авторы примечаний к историческим памятникам прошлого. Он не критикует текст с сегодняшних позиций и тем более не обвиняет автора в том, что тот не учел положений, которые будут достигнуты наукой через 20—50 или 70 лет после его смерти. Примечания содержат справки о прежних изданиях текста, об упоминаемых в нем историках и исторических произведениях. Такие примечания окажутся безусловно полезными читателю. Иногда, впрочем, позиции Павлова-Сильванского подвергаются в примечаниях критике, но делается это исходя из научных выводов именно современников ученого (с. 648—649).

Актуальность нового издания трудов Н. П. Павлова-Сильванского доказывается обсуждением рассмотренных им проблем не только в историографии нашего времени, но и в публицистике. Последнее относится, в частности, к вопросу об общине, обстоятельно освещенному в сочинении «Феодализм в удельной Руси». Сегодня русская сельская община иногда трактуется как учреждение, поддерживавшее трудовой и моральный уклад народа, а ее ликвидация в период коллективизации — как историческое обстоятельство, нанесшее крестьянству и сельскому хозяйству тяжкий урон. С другой стороны, живучесть общины после реформы 1861 г. рассматривается подчас как причина нищенского и застойного состояния русской пореформенной деревни.

Исследования советских историков доказали, что отставание сельского хозяйства и нищета пореформенного крестьянства были прежде всего следствием полукрепостническо-

го характера реформы 1861 г. Но всестороннее изучение пореформенной общины и ее влияния на социально-экономическое развитие деревни необходимо продолжать и углублять.. Проблема сельской общины и коллективизации тоже остается одной из актуальных для современных историков-аграрников. При серьезном ее изучении приходится обращаться к многовековому развитию сельской общины, а в этом деле «Феодализм в удельной Руси» несомненно принесет пользу.

Проблема общего и особенного в истории России в наше время — одна из центральных в историографии — отечественной и зарубежной, — и в политике. Тут накоплен богатейший

опыт с времен Павлова-Сильванского. Но и его наблюдения и обобщения не могут игнорироваться сегодняшней наукой.

А. Л. Шапиро

Примечания

* Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974; Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980; Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

В. М. АТАЛИКОВ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Нальчик, изд-во «Эльбрус», 1987, 205 с., тир. 2000

В рецензируемой работе автор стремился представить читателю возможно более полный обзор зарубежных европейских источников XIII—XVIII вв., «содержащих сведения по истории и этнографии не одного отдельно взятого этноса, а большинства народов» (с. 3) Северного Кавказа. Ученый выявил, систематизировал источники, сделал ряд уточнений и частично осуществил перевод (либо впервые, либо заново) материалов с различных западноевропейских языков. В книге дана оригинальная интерпретация нарративных источников, отразивших факт постоянного, хотя и далеко не равномерного роста осведомленности европейского мира сперва об аланах и зихах, затем — адыгах (кабардинцах, черкесах, адыгейцах) и — чем дальше, тем существеннее — о неизвестных до того даже по названиям балкарцах и карачаевцах, осетинах, чеченцах и ингушах.

Книга состоит из трех глав: «Зихи и аланы (Источники XIII—XV вв.)», «Черкесы (Источники первой половины XVIII в.)», «От Кубани до Терека (Источники второй половины XVIII в.)». Каждая из них включает в себя емкий био-библиографический очерк, представляющий многочисленных европейских авторов и основные издания их трудов, касающихся Северного Кавказа, а также параграфы, суммирующие по каждому периоду сведения нарративных источников об этнической

карте и этногенезе, основных занятиях и материальной культуре (сельское хозяйство, ремесло, торговля, поселения и жилища и т. п.), общественных и семейных отношениях, духовной культуре и религии, сгруппированные в соответствии с названными народами. Объемное (более трети всей книги) «Приложение» содержит переводы важнейших фрагментов источников и подборку репродукций с рисунков из сочинений XVIII в., дающих представление о том, какими виделись северокавказцы той поры ученым и путешественникам.

Итак, перед нами переводы соответствующих свидетельств, из которых автор книги извлек, сопоставив между собой, разнообразные данные, показывающие степень осведомленности тех, кто лично наблюдал северокавказские народы или получил сведения о них «из первых рук». Доминирование в книге материалов и авторских трактовок об адыгах продиктовано самим характером источников; однако автор постарался привлечь свидетельства об их соседях в границах изучаемого региона.

Мы не ставим своей задачей реферировать эту богатую содержанием и критикой источников книгу, которая существенно пополняет источниковедение истории большей части Северного Кавказа. Полагаем, что рецензируемая работа применительно к историческому

кавказоведению помогает, в частности, составить правильное представление о степени историко-этнографической компетентности тех без малого полусотни авторов, труды которых на протяжении шести веков были основным источником сведений для читающей Европы (в том числе и России) о Северном Кавказе.

Важнее, как нам представляется, обратить внимание читателя на некоторые недоработки и пригласить к размышлению над проблемами, высвеченными самим выходом издания в свет.

На первой же странице книги В. М. Аталиков излагает свой взгляд на соотношение «русских источников и литературы» и «иностранных» и «зарубежных» свидетельств о Северном Кавказе. Он не совсем точен, относя первые лишь к XVI и последующим столетиям, так как русские источники касаются Северного Кавказа уже с X в.¹

Возникает, кстати, и принципиальный вопрос: правомерно ли именовать источники и литературу XVIII—XIX вв. «русскими», а все материалы, привлеченные автором, — «зарубежными», «иностранными» и соответственно подходить к ним при интерпретации? Во-первых, Россия той эпохи — государство многонациональное (разноэтническое), и ее научно-общественная мысль олицетворялась трудами, хотя и в массе своей созданными на русском языке, но отнюдь не всегда принадлежавшими перу только русских по происхождению авторов. Во-вторых, В. М. Аталиков просто не замечает ложности того положения, при котором он (как и многие его предшественники) безоговорочно относит к числу «зарубежных», «иностранных» источников произведения плеяды представителей Петербургской Академии наук (Гюльденштедт, Георги, Паллас и др.), офицеров длительной российской службы (Гербер, Штедер и др.), политических деятелей (Кантемир, Потоцкий и др.), выполнявших свой служебный долг или удовлетворявших свою любознательность в строгих рамках российской государственной концепции и практики. Многие из них десятилетиями (порой до самой кончины) жили и работали в России, и сочинения их составили неотъемлемую часть российской феодально-великодержавной идеологии.

Очевидно, что далеко не праздной задачей советского историковедения и историографии (особенно в рамках национальных регионов) является уяснение гражданского статуса таких авторов. При этом язык написания и публикации оригиналов, место издания трудов мо-

гут оказаться вовсе не решающим аргументом. Да и, так сказать, «дуплеты» параллельного обнародования части трудов в России и Германии нуждаются в непредвзятом толковании, ибо они сами по себе не отвергают вышесказанного. Иначе вольно или невольно обедняется и искажается истинная панорама становления отечественной, российской науки, которая в известные периоды истории была сильна не только использованием сугубо внутреннего потенциала, но и прочным включением в свое русло внешних (а точнее — вновь приобретенных) исследовательских сил, синтезируя их.

Книга побуждает задуматься и еще над одной проблемой. Достаточно долгая (и оправданная на определенном этапе) традиция сосредоточивала использование российских и иностранных свидетельств о ранней истории Северного Кавказа в руках этнографов. Не свободен от нее и автор, сконцентрировавший внимание на тех областях знаний, которые более всего относятся к этнографии. Сегодня требуется признать ограниченность такого подхода.

Актуальной остается история истоков и становления русско-северокавказского государственного единства, вхождения горских народов в состав России в широком, глобальном контексте². Собранные и проанализированные в рецензируемой книге источники содержат неопределенный материал для уяснения политического положения, внешнеэкономических связей, социально-культурных контактов на тех или иных этапах прошлого Северного Кавказа, их объективно обусловленной эволюции. Сочинения иностранных и российских авторов — щедрый источник для изучения истории Северного Кавказа в системе международных отношений, истории региона, где длительное время сталкивались интересы России, Османской Порты и вассального ей Крымского ханства, шахского Ирана, западноевропейских государств, источник для уяснения места и роли самих местных народов в поступательном общеисторическом процессе, который неизбежно привел их к концу XVIII в. в состав Российской империи³.

Однако автор, назвав свою работу «Страницы истории», по сути устранился от этих проблем. Читатель при специальном рассмотрении краеугольных исторических аспектов (в виде особых параграфов) вынужден удовлетвориться бессистемно разбросанными фрагментами, беглыми намеками, не создающими, разумеется, общей картины. Это до-

сдно, и в особенности потому, что в последнее время некоторые историки, куда хуже вооруженные источниками, нежели автор рецензируемой книги, все же предприняли первые шаги в нужном направлении⁴. К сожалению, автор не обратил внимания на эти усилия, на их перспективную суть; а ведь он мог бы со знанием дела и поправить этих исследователей там, где они в том нуждаются.

Введенные в книгу изобразительные источники не используются в авторском анализе. К тому же допущены и ошибки. Например, рисунок, изображающий ногайских женщин (с. 175), сопровождается подписью «Черкешенки», а двое ингушей на другом рисунке (с. 193) названы «Чеченцы». Этого бы не случилось, если бы из поля зрения автора не выпала бы, в частности, работа Н. Г. Волковой⁵.

И, наконец, общее замечание относительно «Приложения» в данной книге и в связи с другими публикациями источников. Неоспоримо право исследователя (стесненного рамками работы и конкретными интересами) опускать те или иные части вводимых в оборот материалов. Но было бы целесообразно не ограничиваться отточиями, а наикратчайше аннотировать содержание пропущенного. Подобные издания должны играть роль не только фактического основания для последующих изысканий в русле замыслов публикатора, но и служить своеобразным путеводителем для тех, кто захочет выйти из этих рамок.

Высоко оценивая в целом рецензируемую

книгу, добавим, что именно она и побудила высказаться по поводу назревших вопросов, к которым, как нам представляется, не могут быть безразличны ни автор работы, ни читатели.

В. Б. Виноградов, К. З. Махмудова

Примечания

¹ См.: Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974.

² См.: Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. Обзор литературы за 1975—1985 гг.: итоги и перспективы изучения.— История СССР, 1987, № 3.

³ См.: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII—80-е годы XIX в. М., 1984.

⁴ См., напр.: Виноградов В. Б. Иностранные авторы XVI—XVII вв. о русско-северокавказских отношениях.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный. 1979; Ахмадов Я. З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV—XVI вв.— В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980; Гаджиев Т. В. Французский консул в Тифлисе Гамба об ингушах.— В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 3. Грозный, 1985.

⁵ Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.

А. Д. ПРЯХ И Н. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (1917 — середина 30-х гг.). Изд-во Воронежского университета, 1986, 286 с., тир. 1600

Исследования по истории советской археологической науки носят либо региональный, либо проблемно-историографический характер¹. В последнее время многое было сделано в изучении процесса формирования теоретических основ археологии в СССР².

Рецензируемая работа свидетельствует о том, что историографическое направление в археологической науке совершенствует свой исследовательский арсенал, переходит к более сложному типу трудов. Автор после-

довательно, четко придерживаясь хронологических рамок, проследил становление советской археологии, учел наблюдения предшественников по данной проблеме. Монография отличается прежде всего широтой подхода, анализом всей совокупности процессов, характеризующих развитие археологии как единого научного организма.

Многоплановый характер исследования обусловил необходимость более полной проработки наличного фактического материала

о развитии археологии в первое советское двадцатилетие. Впервые рассмотрены полевые исследования, проводившиеся в тот период.

Выяснению вопросов периодизации развития археологической науки с 1917 г. до середины 30-х гг. отведено в книге значительное место. Предшественники автора обосновали свои соображения о переломных вехах в археологии исходя лишь из реалий ее собственного — развития. А. Д. Пряхин более продуктивно решает эту сложную проблему. Признавая важность учета при решении этого вопроса специфики археологии как науки со своим предметом и методами исследования, особенностей ее развития (с. 7), он считает, что, поскольку археология является одной из областей исторической науки (обоснованию этого тезиса и освещению его постепенного утверждения в археологии первых десятилетий Советской власти как существенного проявления ее развития в исследовании уделено пристальное внимание), то при определении начальной и конечной хронологических граней первого периода истории советской археологии и его внутренних этапов необходимо принять во внимание и уже имеющийся опыт периодизации истории советской исторической науки.

Октябрьская революция положила начало «серьезной организационной перестройке» отечественной археологии, изменила и роль ее «в общественной жизни» (с. 107), создала условия для пересмотра ее предмета, целей и методов исследования и теоретического наследия. В середине 30-х гг. археология в СССР превратилась в полноправную область марксистской исторической науки (с. 217—218).

Рецензируемое исследование делится на две части — в соответствии с первым и вторым этапами развития советской археологии. Метод сопоставления археологического и историографического процессов и здесь позволил автору предложить новое решение.

В. Ф. Генинг, первым обратившийся к вопросу о периодизации истории археологии, трактовал внутренний поворот в ней как переход со стадии организационного оформления на уровень теоретико-методологических работ³ и относил его к концу 20-х — началу 30-х гг. А. Д. Пряхин же, прибегнув к анализу организационных и теоретических сдвигов, несколько «отдалил» начало второго этапа и «открыл» его серединой 20-х гг. Обоснованием этому послужили охарактеризованные по-новому историко-социологические аспекты

в научных докладах, прочитанных в секции теории и методологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в 1926—1927 гг., и зарождение на теоретическом фронте археологической науки в середине 20-х гг. «метода восхождения», возводившего археологический памятник на уровень источника для изучения общественно-экономической формации (с. 109—111).

Серьезное внимание, уделенное в исследовании периодизации, требует тщательного выяснения вопроса о ее критериях. К сожалению, этот последний не нашел в книге убедительного решения и не упомянут даже в терминологическом смысле. Полагая, что «в основу периодизации кладется комплекс факторов и показателей (теоретические концепции и их реализация, совершенствование методики, выполнение социальных функций, организационные изменения, исследовательская проблематика, полевые работы и последующая обработка и анализ полученных данных, совершенствование системы подготовки кадров), каждый из которых на разных этапах развития науки может иметь разную степень значимости» (с. 8), автор перенес на археологическую науку то неудовлетворительное решение вопроса о критериях периодизации истории советской исторической науки, в том виде, в котором он остался после дискуссии начала 60-х гг.⁴ и отразился в последующих историографических исследованиях⁵: отход от монизма и объективную уступку теории «множественности факторов».

Однако, рассматривая конкретные направления развития археологической науки на протяжении двух десятилетий (создание и совершенствование организационных основ, подготовку кадров специалистов, динамику теоретико-методологической мысли, изменения в проблематике и методах исследования, участие археологов в охране памятников истории и культуры и краеведческом движении и др.), автор следует за фактическим материалом и утверждает верную мысль о том, что главное содержание археологического процесса состояло в работе над теоретическими проблемами. Преодоление старого «вещеведческого» наследия, споры о предмете археологии и ее соотношении с другими науками, внедрение в методологию и методику исследований принципов исторического материализма, дискуссия о теоретических проблемах первой половины 30-х гг. и распростра-

нение на археологию «социологического метода» предстают в книге как стержневое направление развития науки, влиявшее на все другие области ее жизни. Именно самоопределение в области теории позволило археологии, запоздавшей в формировании как науки в дореволюционный период, ускоренно пройти этот процесс в советское время и завершить его к середине 30-х гг. под знаком утверждения основ нового направления (с. 220).

Принципиальное значение имеет авторская позиция, согласно которой процесс становления советской археологии на марксистских началах распространяется на все первое двадцатилетие ее развития. В научной и учебной литературе по истории советской исторической науки из-за нечеткости понятия «становление» утвердилось мнение, будто названный этап наука прошла до середины 20-х гг. Это верно, если под становлением понимать организационное оформление марксистской историографии в стране и первоначальное осознание ею своих профессиональных задач и функций. Однако с точки зрения ведущей закономерности развития процесс становления означает постепенное укрепление исторической науки на позициях марксистско-ленинской теории и методологии, а он завершился только к середине 30-х гг. В этом отношении рассматриваемое исследование вызовет раздумье историков о точности качественных характеристик первых этапов развития исторической науки в советское время.

Автор исторически объясняет «палеонтологический уклон» в археологии, концепцию автохтонизма, стадийные построения Н. Я. Марра, социологический схематизм, определяя их как «издержки роста» молодой науки, которых она не могла избежать (с. 218). С позиций историзма отмечается и несостоятельность имеющих место в литературе утверждений, будто приобщение советской археологии к социологическим поискам второй половины 20-х гг. подорвало ее научные основы (с. 133). В то же время автор не скрывает реальных издержек в археологическом процессе тех лет, вызванных тенденцией подменить гражданскую историю социологией.

Привлекая внимание к фактам развития археологии, А. Д. Пряхин способствует решению все еще недостаточно разработанной проблемы значения для этой науки

дореволюционного наследия, использования профессионального опыта и прогрессивных традиций археологов старой формации. Подход к этой проблеме в книге диалектичен — преодоление, с одной стороны, несостоятельности дореволюционной археологической мысли и творческое усвоение позитивных достижений в археологии — с другой. В этом же плане рассматривается сюжет о смене и преемственности кадров археологической науки в 20-х — первой половине 30-х гг. В книге помещены портреты выдающихся деятелей старой науки — А. А. Спицына и В. А. Городцова — и археологов советского поколения — А. В. Арциховского и В. И. Равдоникаса. Заметим, что материал о дореволюционном наследии оказался, к сожалению, разбросанным по разным главам. Учитывая важность и недостаточную разработанность темы, его желательно было бы емко изложить во вводной части книги и рассмотреть под углом зрения итогов дореволюционной отечественной археологии и исходных позиций ее развития в советское время.

Появление в Воронеже первого обобщающего труда по истории советской археологической науки говорит о том, что местная школа археологов, центр которой находится в университете, занимает одно из ведущих мест в разработке теоретических, методологических и историографических проблем советской археологической науки.

В. И. Чесноков, П. А. Шорин

Примечания

¹ См., напр.: Апакидзе А. М. Развитие археологической науки в Советской Грузии. — Советская археология, 1967, № 4; Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии. — Советская археология, 1975, № 4; Вергей В. С. Развитие археологической науки в БССР (1919—1939 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1984.

² См.: Геннинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев, 1982.

³ См. Там же, с. 14—15.

⁴ См. Нечкина М. В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки. — История СССР, 1962, № 2.

⁵ См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 12.

И. А. ДЬЯКОНОВА

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследования японских ученых, посвященные революции 1905—1907 гг. в России, до настоящего времени остаются в значительной мере вне сферы внимания как советской, так и американской и западноевропейской историографии. Они практически не упоминаются в трудах советских историков. Не многим бóльшую осведомленность о них проявляют и наши западные коллеги¹. Между тем интенсивно ведущиеся с 60-х гг. японские исследования по проблемам революции 1905—1907 гг. бесспорно заслуживают не только упоминания, но и самого пристального изучения.

Поскольку столь обычные для наших зарубежных коллег стажировки в заграничных библиотеках, в частности в библиотеках Японии, в практике Академии наук СССР даже применительно к специалистам, владеющим японским языком, являются, скорее, исключением, чем правилом, автор настоящей статьи, поставивший перед собой задачу дать советским читателям краткую информацию об исследованиях по истории революции 1905—1907 гг., созданных за последний период японскими учеными, был вынужден ограничить свою поисковую работу, опираясь лишь на японские библиографические издания, имеющиеся в библиотеках СССР. Особенно широко было использовано такое известное японское справочное издание, как ежегодник «Сюпан энкан». Были также просмотрены все имеющиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина комплекты японских исторических журналов «Рэкисигаку кэнкю:» и «Рэкиси-хё:рон». Большую помощь оказали автору этих строк и консультации известных японских специалистов по истории революции 1905—1907 гг., прежде всего С. Хинады (Хиросима), Х. Вады, А. Вады, Х. Накаемы (Токио), которым автор приносит глубокую искреннюю благодарность. В результате проделанной работы удалось выявить около трех десятков японских исследований, посвященных истории революции 1905—1907 гг., однако возможно, что этот список еще далеко не полон.

Обозревая начальный период японских исследований по проблемам революции 1905—1907 гг., необходимо отметить, что в предвоенные годы и непосредственно после окончания второй мировой войны история первой российской революции затрагивалась японскими историками в основном в общих трудах, посвященных истории России². Источниковая база этих работ была весьма скудна. Перелом приходится на 60-е гг. Решающую роль в этом, на мой взгляд, сыграли два обстоятельства. Во-первых, немалый позитивный импульс изучению истории России вообще и революции 1905—1907 гг. в частности дало созданное в феврале 1956 г. «Научное общество по изучению истории России»

Дьяконова Ирина Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

(«Росиа-си кэнкю:кай»), объединившее новое поколение японских историков-русистов³, ярко проявивших свое стремление к поискам решения исторических проблем на основе анализа источников, а не априорных схем, а также по-своему учитывавших имевшиеся к тому времени позитивные достижения советской историографии. Не меньшую роль (и на это указывают сами японские авторы)⁴ сыграл и тот факт, что в СССР в связи с широким празднованием 50-летнего юбилея революции 1905—1907 гг. была проведена крупномасштабная работа по публикации первоклассных архивных источников по истории этой революции (достаточно в связи с этим назвать обычно широко цитируемую в японских исследованиях по этой теме фундаментальную многотомную публикацию «Революция 1905—1907 гг. в России», главным редактором которой была академик А. М. Панкратова).

Следует отметить, что резкое неприятие нашими издательствами в застойный период публикаций архивных документальных сборников отразилось и на японских исследованиях по истории первой российской революции: в конце 70-х — начале 80-х гг. количество японских работ по этой теме сократилось, ряд японских историков, в особенности из числа тех, кому так и не удалось поработать в советских архивохранилищах, занялись иной проблематикой, подчас резко изменив направление исследований.

Большинство лучших японских трудов по истории революции 1905—1907 гг. в России отличает отрицание наиболее очерствелых, догматических схем американской и западноевропейской историографии революции 1905—1907 гг. Так, японский историк Т. Хиросэ в статье, носящей название «О первой российской революции», резко выступает против воззрений американского политолога Т. фон Лауэ, заявившего в одной из своих работ, что «российский кризис 1905 г. едва ли заслуживает названия революции, ибо в результате не произошло перехода власти от одного класса к другому», да и «сам инцидент скорее напоминает бурный шквал при плохой погоде»⁵. Японский исследователь резонно напоминает в этой связи Т. фон Лауэ, что хотя в результате революции 1905—1907 гг. и не произошло смены господствующего класса (она закончилась поражением), но она вывела на сцену истории народные массы, жаждавшие установления собственной власти. На борьбу с царизмом поднялся народ (в ряде мест Т. Хиросэ называет это противоборство «тайкэцу», т. е., если переводить буквально, «очной ставкой с царизмом») ⁶. Т. Хиросэ также справедливо обращает внимание на тот факт, что в ходе революции 1905—1907 гг. в ряде районов России (преимущественно на окраинах) возникли республики, элиминировавшие старую власть на местах, причем многое из того, что произошло в 1905 г., «напоминает события следующей, Февральской революции 1917 г.»⁷

Другой японский исследователь — Т. Хара — также выдвигает аргументы, опровергающие схему Т. фон Лауэ, ядром которой является утверждение о якобы «безрезультатности» и «непродуктивности» 1905 г. По мнению Т. Хары, центральной проблемой исследования революции должно быть конкретное изучение «сути устремлений народных масс установить собственную власть» и «было бы ошибкой из-за того, что революция окончилась поражением, низко оценивать суть этих устремлений»⁸. Важной чертой подхода Т. Хары (и этот подход присущ в большей или меньшей степени всем лучшим японским работам, посвященным революции 1905—1907 гг. в России) является его желание постигнуть «глубокий динамизм народного движения» этой революции⁹.

Опираясь на периодизацию революции 1905—1907 гг., данную Р. Люксембург на основе анализа развития стачечного движения¹⁰, Т. Хара также выделяет в истории первой российской революции ряд этапов. В первом периоде (его японский историк называет «предысторией борьбы» и датирует 1896—1905 гг.) Т. Хара особо выделяет такие события, как Ростовская стачка 1902 г., стачечное движение 1903 г. на Юге России и события 1904 г. в Баку. Под напором массового рабочего движения, отмечает Т. Хара, царские

власти пытаются маневрировать, результатом чего явилась так называемая «либеральная весна». Далее японский историк выделяет «первую волну стачечного движения (с января по весну 1905 г.)»; под ее нажимом царское правительство идет на некоторые уступки рабочим, в частности на учреждение так называемой комиссии Н. В. Шидловского¹¹. Вторая волна стачечного движения рабочих России охватывает, по мнению Т. Хара, период октября 1905 г., а апогеем следующей, третьей волны стачечного движения является декабрь 1905 г.¹² Ответными маневрами царских властей по отношению к этим шедшим по нарастающей стачечным волнам были Булыгинская Дума и издание Манифеста 17 октября¹³.

Хотя многие суждения японского историка и носят печать определенной созерцательности и в них прослеживается своеобразный бесконфликтный взгляд на историческое развитие (к примеру, он практически не рассматривает жесткие репрессивные действия царизма по отношению к бастующим рабочим) его концепция тем не менее выгодно отличается, в частности, от точки зрения американского историка М. Шефтеля, который, сосредоточившись на чисто юридических аспектах появления тех или иных законодательных актов царизма периода первой российской революции, силится создать ложное впечатление, что «единственным источником преобразований того времени был демократический порыв Николая II»¹⁴.

Сам Т. Хара полагает, что многие работы американских и западноевропейских историков по проблемам революции 1905—1907 гг. по своим концепционным постулатам весьма близки к основным течениям белоэмигрантской историографии этой революции, которая в качестве основной исторической канвы событий рассматривает не подъем народного движения, а «конституционное антиправительственное движение либералов»¹⁵. В качестве характерного примера такого подхода Т. Хара приводит книгу английского историка С. Харкейва «Первая кровь. Российская революция 1905 г.»¹⁶ По мнению Т. Хара (и с ним нельзя не согласиться), С. Харкейв игнорирует при анализе революции 1905 г. главное — стремление народных масс России создать собственную власть, и рассматривает события революции, следуя по проторенной колее белоэмигрантской историографии («весна свободы накануне революции, активизация либерального движения, Манифест 17 октября, конституционный строй в том виде, в каком он сложился со времени 1906 г.»)¹⁷.

В то же время ряд упреков бросает японский историк и советским исследователям революции 1905—1907 гг. Он считает, что в советской историографии, уделяющей основное внимание движению рабочих и крестьянских масс в ходе революции, необоснованно обходятся молчанием или затрагиваются мимоходом такие важные вопросы, как деятельность эсеров, меньшевиков, троцкистов. Т. Хара полагает, что при изучении рабочего движения периода первой российской революции советские историки не дают в своих работах комплексного анализа позиции Петербургского Совета, а при изучении крестьянского движения недооценивают роль эсеров и трудовиков¹⁸. Заметим, однако, что уже ко времени написания Т. Харой его статьи¹⁹, и в особенности в последние годы, советскими исследователями был создан ряд работ как раз по указанным японским автором проблемам, далеких от упрощения и вульгарного догматизма. Появились такие исследования и в других социалистических странах (например, статья венгерского историка Л. Варги, посвященная Петербургскому и Московскому Советам в 1905 г.)²⁰. Поэтому японский историк проявил известную односторонность, не отметив достижений тех советских коллег, которые стремятся постичь историческую правду во всей ее многообразной сложности и как бы поднимаются при этом по все новым и не всегда легким ступеням.

Хотя большинство современных японских историков, пишущих о революции 1905—1907 гг., подчеркивают ее глубокий народный характер, трактуется ими это понятие весьма по-разному. Так, японский историк А. Нисидзима считает,

что «особенностью революции 1905 г. с точки зрения мировой истории было то, что это была буржуазная революция, где основную роль играл рабочий класс», причем он полагает, что в революции 1905—1907 гг. «по сравнению с народными революциями пролетарского типа эпохи империализма более ярко выступил характер народной революции буржуазно-демократического типа под водительством рабочего класса»²¹. Как мы видим, А. Нисидзима в значительной мере приблизился к советской историографии в трактовке характера революции 1905—1907 гг., хотя, как показывают его работы, ему не удалось в полной мере понять классическую ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Как известно, буржуазная революция в России в 1905 г. была по своему содержанию прежде всего крестьянской (она преследовала в первую очередь решение аграрного вопроса), по методам же борьбы она была пролетарской. Ее гегемоном был рабочий класс, методы борьбы которого, такие, как всеобщая стачка и вооруженное восстание, были взяты на вооружение всем народом. Демократическая революция, осуществляемая народом во главе с рабочим классом, приведя к самой решительной и полной победе над феодализмом, не может ограничиться задачей ликвидации пережитков феодализма, ибо рабочий класс и трудовое крестьянство стремятся к освобождению от всех форм эксплуатации. Поэтому, завершив демократический этап революции, в меру своих сил и своей организованности они начинают переходить ко второму этапу революции — к революции социалистической. Происходящая в эпоху империализма буржуазно-демократическая революция имеет все основания к тому, чтобы перерасти в революцию социалистическую. «... От революции демократической, — писал В. И. Ленин в сентябре 1905 г., — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»²²

В годы первой российской революции А. Л. Парvus и Л. Д. Троцкий, извращая идею К. Маркса о непрерывной революции, выдвинули свою собственную теорию, где непрерывность последовательных этапов революционного процесса по сути дела подменялась полной субъективизма концепцией, произвольно смешивавшей все этапы революции. При этом игнорировалась закономерная связь между ними, отрицался буржуазно-демократический характер революции и выдвигалась авантюристическая идея о возможности непосредственного перехода к социалистической революции. «Основная ошибка Троцкого, — писал В. И. Ленин в 1909 г. в работе «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической»²³.

Влияние схемы Парвуса и Троцкого, несомненно, испытал в своей интерпретации революции 1905—1907 гг. японский историк Т. Хара. Полагая, что «революция является взрывом структурных противоречий одного общества», он смешивает задачи буржуазно-демократической и социалистической революции в России, преувеличивая при этом зависимость страны от иностранного капитала (так, он считает, что «Россия была восточной окраиной империалистического мира, находящейся в зависимости от Франции») ²⁴.

Слабой стороной японской историографии первой российской революции является почти полное отсутствие в ней исследований, посвященных предпосылкам революции и ее предыстории. Лишь в статье Т. Хиросэ «О первой российской революции» вскользь упоминается о том, что «в начале XX столетия все российское общество под ударами экономического кризиса пришло в движение»²⁵. Из особо важных событий — предтеч революции 1905—1907 гг. — Т. Хиросэ выделяет Обуховскую оборону в Петербурге в мае 1901 г. и крестьянское движение 1902 г. в Харьковской губернии²⁶.

В связи с анализом русско-японской войны японские историки полагают, что в советской историографии, за исключением исследования Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны»²⁷, отсутствуют специальные труды, посвященные этой проблеме. Критически обзревая состояние собственной исторической науки, они приходят к выводу, что в Японии пока нет работ, посвященных анализу внутреннего положения России накануне и в период русско-японской войны²⁸. Заметим в этой связи, что у советских историков бесспорно большой интерес вызвала бы разработка японскими историками темы не только российского, но и японского общества в период русско-японской войны.

Что касается упомянутой выше фундаментальной монографии Б. А. Романова, то ее научная глубина и значимость настолько велики, что ее опубликование, пожалуй, сделало ненужным появление многих десятков мелкомасштабных работ, написанных по той же тематике. Поэтому вновь браться за разработку той же темы имеет смысл, на мой взгляд, лишь ученому, способному тягаться с Б. А. Романовым по эрудиции, силе и глубине выводов и обобщений. Поскольку в книге Б. А. Романова отсутствует анализ японских источников, интересные результаты могла бы дать, вероятно, коллективная разработка проблем русско-японской войны советскими и японскими авторами.

Пристальное внимание уделяется в японской историографии началу первой российской революции — Кровавому воскресенью. Так, А. Нисидзима написал специальную статью «Ассоциация Гапона и стачки на Путиловском заводе: развитие рабочего движения вплоть до инцидента Кровавого воскресенья». Японский исследователь считает, что основательно изучить этот вопрос стало возможным лишь после выхода в Советском Союзе в конце 50-х — начале 60-х гг. многочисленных документальных публикаций, посвященных революции 1905—1907 гг.²⁹ В предыстории Кровавого воскресенья А. Нисидзима выделяет три основных этапа: 1) от сравнительно мелкого инцидента увольнения нескольких человек на Путиловском заводе до начала стачки на всем заводе (декабрь 1904 — 3 января 1905 г.); 2) от начала стачки на Путиловском заводе до распространения ее на другие заводы Петербурга (4—9 января 1905 г.); 3) распространение движения на другие города, т. е. процесс становления революции как всероссийской (с 9 января 1905 г.)³⁰.

А. Нисидзима полагает, что «ассоциация Гапона», делавшая свои первые шаги как разновидность организации зубатовского толка, в условиях ослабления контроля со стороны властей перешла с монархистских позиций на культурно-просветительские. Ее высшее руководство постепенно переходит от полиции к самому Гапону, затем от Гапона к небольшой группе «уполномоченных», причем само движение рабочих все более и более развивается по своим собственным законам, не следуя ни в фарватере полиции, не подчиняясь ни Гапону, ни группе «уполномоченных»³¹.

А. Нисидзима задается вопросом: почему сравнительно мелкий по тем временам инцидент увольнения нескольких рабочих на Путиловском заводе перерос в забастовку, охватившую весь завод, и приходит к выводу, что основной причиной разрастания стачки до размеров всего завода «было существование гапоновской ассоциации»³². Между тем архивные документы (а именно к ним японский историк справедливо считает необходимым прислушиваться в первую очередь) свидетельствуют о том, что после неудачи переговоров депутации во главе с Гапоном с администрацией завода с требованием восстановить уволенных рабочих рабочие-путиловцы не без влияния включившихся в разворачивавшиеся события большевиков добавили к своим исходным требованиям новые, более радикальные (о 8-часовом рабочем дне, об отмене сверхурочных работ, о повышении заработной платы). Уже 5 января 1905 г. Петербургский комитет РСДРП не только призывает рабочих-путиловцев продолжить забастовку, но и призывает рабочих других заводов последовать их примеру. Гапон и его соратники, не на шутку обеспокоенные распростране-

нием большевистских листовок, призывали рабочих «листочек не читать и жечь», а «политических вопросов не затрагивать»³³. Таким образом, документы рисуют картину в несколько ином свете, чем ее пытается представить А. Нисидзима, хотя его мысли о том, что было бы упрощением представлять Гапона в качестве ординарного полицейского провокатора, видимо, заслуживают более детального изучения, причем с привлечением не только российских, но и японских источников.

Известные японские историки Х. Вада и А. Вада, как бы отталкиваясь от изысканий А. Нисидзimy, посвящают свою монографию «Кровавое воскресенье» началу первой российской революции. Подобно А. Нисидзиме, они не разделяют точки зрения о том, что Гапон был провокатором царской охранки, считая ее заимствованной из «Краткого курса истории ВКП(б)»; причем эта схема, по их мнению, оказала влияние как на советскую, так и на японскую историческую литературу³⁴. Х. Вада и А. Вада едва ли не впервые в японской историографии ставят вопрос о важности изучения социальной психологии народного движения периода 1905 г.³⁵ Японские исследователи дают интересные и яркие психологические зарисовки общественной жизни России начала XX столетия (в этом смысле особо впечатляет глава «Две смерти», где мастерски выписаны контрастирующие образы А. П. Чехова и В. К. Плеве).

По сравнению с А. Нисидзимой авторы книги «Кровавое воскресенье» гораздо чаще употребляют (по отношению к гапоновскому «Собранию русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга») термин «ацумари» («собрание»), чем обозначение «Гапон кумиай» («ассоциация Гапона», «гапоновский профсоюз») ³⁶, которое вряд ли дает японскому читателю адекватное представление о сути этой организации.

Оценивая значение Кровавого воскресенья в истории России XX столетия, Х. Вада и А. Вада приходят к выводу, что это событие, во-первых, разбило надежды масс и изменило традиционный образ царя в сознании народа. Во-вторых, по мнению японских исследователей, открытое насилие, примененное государственной властью в ответ на мирную демонстрацию народных масс, элиминировав моральный ореол власти, обусловило глубокий перелом в народном сознании. «Первое явление было расставанием со старым (оно составляло особенность России), второе — было исходным пунктом нового; оно было значимым с точки зрения современной мировой истории... Власть народа решительно вышла на первый план истории. В России началась революция»³⁷, — резюмируют свое понимание событий 9 января 1905 г. японские исследователи.

Монография «Кровавое воскресенье» является одним из наиболее оригинальных и значительных исследований по истории революции 1905—1907 гг. в России из числа созданных японскими историками. К сожалению, в ней явно неполон анализ различных «уровней» сознания петербургских рабочих, поэтому при чтении книги зачастую создается впечатление, что повествование ведется лишь о наиболее отсталых настроениях в рабочей среде.

Бесспорный интерес представляет трактовка японскими авторами роли российского рабочего класса в революции 1905—1907 гг. Показательна в этом отношении статья М. Такэды, рассматривающая влияние рабочего класса России на студенческое и гимназическое движение накануне и в годы первой российской революции³⁸. Статью М. Такэды, приближающуюся по своему объему (как, впрочем, и многие другие японские статьи по истории революции 1905—1907 гг. в России) к размерам небольшой монографии, отличает исключительная скрупулезность исследования источников, прежде всего опубликованных, в данном случае: требований учащихся российских средних учебных заведений. Японский исследователь приходит к выводу, что на развитии требований, выдвигавшихся учащимися России в период революции 1905—1907 гг., сказались «влияние социал-демократической рабочей партии, а формы борьбы определялись ситуацией, во главе которой стоял рабочий класс»³⁹.

Х. Ямагата посвящает свою статью движению рабочих-текстильщиков в годы первой российской революции⁴⁰. В ней содержится ряд интересных выводов и наблюдений, причем справедливо отмечается, что «одной из основных отличительных черт рабочего движения первой российской революции была его боевитость и стойкость, где существенную роль играла организованная борьба»⁴¹. Важной чертой российского рабочего движения было, по мнению Х. Ямагаты, сосуществование в нем «различных по уровню течений, как передовых, так и отсталых»⁴². Он полемизирует с Т. фон Лауэ, который в своей статье «Российские крестьяне на фабрике в 1892—1904 гг.» пытается представить российский пролетариат накануне революции 1905—1907 гг. в образе неких «рабочих-крестьян»⁴³. Х. Ямагата, выражая несогласие с весьма упрощенными представлениями Т. фон Лауэ, дает более взвешенную оценку облика российских рабочих начала XX столетия: «Хотя в субъективном плане связь рабочих с землей была довольно глубокой, однако считать этих рабочих просто рабочими-крестьянами было бы односторонним». Так, в частности, напоминает американскому политологу Х. Ямагата, «ивановская текстильная промышленность имела ко времени революции давние традиции», поэтому «сформировавшийся здесь рабочий класс еще с XIX столетия накопил опыт передовой борьбы»⁴⁴. Характеризуя «уровень сознания российского пролетариата» периода революции 1905—1907 гг., японский исследователь считает, что «уже стачки начала 1905 г. показали, что российский пролетариат вел борьбу не только с царизмом, но и с капиталом»⁴⁵.

В то же время работа Х. Ямагаты, в которой содержится немало верных и точных наблюдений, проигрывает из-за отсутствия в ней данных о рабочих-текстильщиках Царства Польского, составлявших крупный отряд российских рабочих, занятых в текстильной промышленности. Японским ученым также допущена явная идеализация механизма выборов в комиссию Шидловского.

Ряд интересных соображений относительно союза рабочего класса с крестьянством высказан в статье М. Охаты «Первая российская Дума и характер крестьянского движения»⁴⁶. По его убеждению, «не подлежит сомнению, что большой толчок крестьянскому движению давали рабочие», ибо при этом «спонтанное движение крестьян» «получало позитивное влияние со стороны рабочих»⁴⁷. Поскольку исследование посвящено аграрной проблематике, особое внимание М. Охата уделяет участию рабочих в сельской крестьянской сходках, считая, что выработанные на таких сходах приговоры и наказания были «и радикальнее, и имели большую политическую направленность»⁴⁸. Это один из конкретных примеров «складывания союза рабочего класса и крестьянской прослойки»⁴⁹, приходит к заключению японский историк.

Большое внимание уделяется в японской историографии крестьянскому движению периода первой российской революции 1905—1907 гг. В этой области давно и плодотворно работает один из самых известных японских историков-аграрников — С. Хинада, глубокая характеристика взглядов которого на аграрное развитие России конца XIX — начала XX в. была дана А. М. Анфимовым⁵⁰. В отличие от большинства работ своих японских коллег, посвященных первой российской революции, опубликованных только на японском языке, многие исследования С. Хинады были опубликованы и на русском, и на английском языках. В работах С. Хинады (главной среди них является обстоятельная монография «Исследования по аграрной истории России. К вопросу об отработочном аграрном строе накануне революции 1905 г.»⁵¹) широко использована земская статистика, содержится серьезный анализ советской и российской дореволюционной литературы. Едва ли не первым в японской историографии он обратил внимание на важность использования при характеристике аграрного движения в России рубежа веков такого важного источника, как крестьянские наказания и приговоры. В отличие от ряда американских и западноевропейских историков С. Хинада не считает, что основной тенденцией развития помещичьих хозяйств в пореформенной России было разорение дворянских гнезд (в этом

случае, по его мнению, невозможно было бы понять причины первой российской революции), а видит стержень пореформенного аграрного развития в постепенном превращении крепостнических поместий в капиталистические. Как известно, переход к капиталистическому ведению хозяйства происходил в Центральной России через различные промежуточные формы, при этом важную роль играли отработки. Однако, по мысли С. Хинады, и этот аспект его концепции вызывает жаркие споры в историографии⁵², — отработочная система не представляла собой переходного звена от феодализма к капитализму, а входила в структуру капиталистического производства в России, постоянно воспроизводя самое себя. По мнению С. Хинады, низкий уровень оплаты труда в условиях отработок был одной из опор не только самой отработочной системы, но и всего капиталистического хозяйства России (именно отсюда японский историк выводит союз рабочего класса и крестьянства в период революции)⁵³. Как отмечает А. М. Анфимов, С. Хинада в силу логики развития своих мыслей должен неизбежно прийти к отрицанию того, что основным содержанием крестьянского движения в России указанного периода была борьба за землю, вместе с тем японский историк несколько преувеличивает значение крестьянских требований о повышении трудового вознаграждения⁵⁴. Как мы видим, концепция С. Хинады стала предметом оживленных споров в историографии, свежие мысли и наблюдения, огромный фактический материал, содержащийся в его работах, заслуженно снискали ему признание специалистов по аграрной истории России.

Другой специалист по этой проблематике — М. Охата — анализирует крестьянские наказания в Думу. По подсчетам М. Охаты, основанным на советских публикациях крестьянских приговоров, из 31 наказа, исходившего от крестьянских сходов деревень Центрально-Черноземного района, Украины, Поволжья и Урала, 29 наказов (т. е. 93%) содержали крестьянские требования относительно земли⁵⁵.

Решающее влияние на крестьянское движение, как и на другие события революции, оказывал, по мнению японского исследователя, «подъем рабочего движения, игравшего верховодящую роль»⁵⁶. М. Охата приводит примеры совместных действий рабочих и крестьян в период революции 1905—1907 гг. Так, в Тверской и Екатеринославской губерниях проводились собрания рабочих и крестьян; на Урале стачки заводских рабочих поддерживали крестьяне⁵⁷. М. Охата приходит к выводу, что в ряде крестьянских наказов (в частности, в анализируемом им наказе крестьян Саратовской губернии) нашли свое отражение политические требования большевиков⁵⁸. Главным препятствием на пути складывания союза рабочих и крестьян японский историк считает стойкие царистские пережитки в сознании крестьянства⁵⁹.

Специальную работу, посвященную трудовикам в первой российской революции, опубликовал японский исследователь Т. Кано⁶⁰. Автор полагает, что в советской историографии несколько недооценивается связь трудовиков с крестьянскими массами⁶¹. Т. Кано обращает внимание на важное значение такого источника, как крестьянские приговоры и наказания, полагая, что на основе изучения и анализа этих документов возможен анализ как уровня аграрного развития тех местностей, откуда исходили те или иные наказания, так и уровня крестьянского сознания и целей движения крестьян⁶². Свои выводы Т. Кано строит прежде всего на материалах Самарской губернии. Японский исследователь приходит к заключению, что, «несмотря на подавляющую поддержку крестьян», трудовики «не смогли стать самостоятельным политическим формированием»⁶³. Т. Кано справедливо полагает, что ради проведения в жизнь своей тактики сохранения Думы трудовики постоянно шли на компромиссы с кадетами⁶⁴. Здесь следовало бы добавить, что кадеты пользовались неопытностью крестьянских депутатов в политических вопросах, нагнетая боязнь трудовиков и их опасения относительно разгона «царского парламента»⁶⁵.

«Потеря трудовиками Думы в качестве центра» означала для них, по мнению японского историка, «и потерю организма, способного руководить движением», ибо российский крестьяне издавна свыклись с подчинением приказам, исходявшим «сверху»⁶⁶. Думается, что в данном случае Т. Кана явно преувеличивает возможности стронительства в России того времени партии «из Думы» чисто легальным путем, практическое отсутствие шансов для которого прекрасно показала в своей монографии Д. А. Колесниченко⁶⁷. Представляется, что японский историк правильно поставил вопрос о необходимости продолжения исследования важного вопроса о связи трудовиков с массами крестьян, о степени того резонанса, который находила деятельность трудовиков в крестьянской среде, привлекая при этом новые типы источников. Однако вряд ли можно и переоценивать глубину этих связей, экстраполируя данные по одной-двум губерниям на всю Россию, а также видеть возможности решения глобальных противоречий российской действительности начала XX в. на путях не пролетарской, а крестьянской революции.

Довольно много написано японскими историками о разворачивании революции 1905—1907 гг. в окраинных регионах Российской империи. Так, Т. Хара, посвящая свою статью истории известной «Новороссийской республики», специально указывает на особую важность изучения данной тематики. Он полагает, что «отличительной чертой народного движения в отдаленных от центра абсолютистской власти регионах была сложившаяся там локальная всеобъемлющая кавернизация власти», поэтому на этих примерах можно ясно проследить «ростки временного осуществления власти народа»⁶⁸.

Т. Хара, как видно, излишне упрощает развитие событий в революции 1905—1907 гг. на российских окраинах, ибо царская власть отнюдь не сдавала своих позиций, добровольно «кавернизируясь». В частности, в Новороссийске, как это показано в исследовании Л. Т. Сенчаковой, захват власти, происшедший хотя и при помощи вооруженных сил, но без вооруженной борьбы, стал возможным благодаря умелой военно-технической подготовке восстания большевиками и имевшейся у «Новороссийской республики» сильной революционной дружине⁶⁹. Недаром Ленин в «Докладе о революции 1905 года» говорит о том, что в «республиках» 1905 г. «правительственная власть была смещена»⁷⁰. В то же время при конкретном анализе событий Т. Хара вынужден прийти к выводу, что именно незаконченность слома старой государственной машины явилась одной из главных ошибок революционеров (японский историк обращает внимание на тот факт, что, хотя Совету рабочих депутатов в Новороссийске удалось взять в свои руки типографское дело, он не сумел овладеть ни банком, ни сберегательными кассами)⁷¹.

Другая статья Т. Хары — «Революция 1905 г. в Сибири» — также освещает ход революции 1905—1907 гг. на российских окраинах⁷². Автор дает интересный анализ истории «Читинской республики» и «Красноярской республики», существование которых относится к числу важнейших событий первой российской революции. Японский историк справедливо полагает, что значительную роль в «Читинской республике» играли социал-демократы, в особенности большевики В. К. Курнатовский и И. В. Бабушкин⁷³. Что касается «Красноярской республики», то он особо выделяет создание здесь большевиками объединенного Совета рабочих и солдат⁷⁴.

Еще одну свою статью Т. Хара посвящает развитию солдатского движения в годы первой российской революции. По его мнению, в этом движении рассматриваемого периода самую заметную роль играли моряки, однако революционное движение в армии отнюдь не ограничивалось восстанием на броненосце «Потемкин», наиболее известном японской общественности⁷⁵. Т. Хара обращает внимание на то, что среди моряков, артиллеристов, саперов, а также в железнодорожных войсках преобладали представители пролетариата. Что касается пехоты, то здесь большинство были выходцы из крестьянства. Вместе с тем японский историк считает, что было бы непозволительным упрощен-

чеством рассматривать события в армии в период революции 1905—1907 гг. по примитивной схеме, противопоставляя «отсталую» пехоту более «прогрессивным» морякам, артиллеристам, саперам и представителям железнодорожных войск. В период первой российской революции имели место и выступления пехоты, однако они были значительно менее организованными и менее продолжительными по сравнению, скажем, с выступлениями моряков⁷⁶.

Хотя и в Петербургский, и в Московский Советы входили представители армии, но эти Советы так и не переросли в Советы рабочих и солдатских депутатов. Одну из причин поражения первой российской революции Т. Хара видит в том, что рабочие выступления и восстания в армии зачастую происходили раздельно, и в ходе революции «не сложилась собственная власть, основанная на соединении рабочих и солдат»⁷⁷.

Меньший научный интерес представляет статья Х. Момосэ, посвященная истории Финляндии в 1905 г. автор которой в основном сводит анализ сложных и нестандартных ситуаций Финляндии того времени к описанию во многом копировавшей эсеров деятельности партии «активного» сопротивления во главе с К. Зиллиакусом⁷⁸.

Немало догматического багажа, заимствованного из старых схем англо-американской историографии, явно контрастирующего со многими точными и верными конкретными наблюдениями, имеется в статье А. Нисидзими «Об образовании Советов в Иваново-Вознесенске». С одной стороны, А. Нисидзима правильно полагает, что Советы являлись «продуктом творческой мысли рабочих масс»⁷⁹, однако он оспаривает ту крупную роль, которую сыграли в Иваново-Вознесенском Совете и в выборах в Совет большевики⁸⁰. Факты же свидетельствуют о том, что именно большевистская партийная организация (она насчитывала там около полусотни членов) являлась руководителем иваново-вознесенских рабочих⁸¹. Что касается утверждения А. Нисидзими о том, что выборы в Советы были якобы «невыгодны» для большевиков, то, по-видимому, его лучше всего опровергают сами конкретные итоги выборов в Совет рабочих депутатов Иваново-Вознесенска, куда был избран 151 депутат, из них 70 большевиков, которые вместе с сочувствовавшими составляли большинство членов Совета⁸².

Заметный резонанс в историографии первой российской революции получила статья М. Ватанабэ, посвященная декабрьскому вооруженному восстанию⁸³, который, по словам японского историка Т. Хиросэ, «делает выводы, близкие к выводам современной советской исторической науки»⁸⁴.

М. Ватанабэ, внимательно изучивший произведение В. И. Ленина, трактующие проблемы вооруженного восстания, приходит к верному выводу о том, что «вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г. было апогеем первой российской революции»⁸⁵. По мнению М. Ватанабэ, если в среде московского пролетариата с конца ноября 1905 г. наблюдался явный революционный подъем, то этого нельзя сказать об изнуренном ноябрьскими локаутами петербургском пролетариате⁸⁶. Этот вывод вполне совпадает с заключением В. И. Ленина о том, что в 1905 г. в Питере «истощенные и обесилленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки»⁸⁷.

М. Ватанабэ полагает, что при вооруженном восстании решающим фактором является переход войск на сторону народа, однако из-за того, что руководству Московского Совета приходилось коррелировать свои действия с решениями Петербургского Совета, благоприятный шанс использования войск на стороне восстания был упущен⁸⁸. Одной из главных причин поражения декабрьского вооруженного восстания М. Ватанабэ считает тот факт, что из-за шатаний захваченного меньшевиками руководства Петербургского Совета петербургский пролетариат не смог выступить во главе вооруженного восстания в первой российской революции⁸⁹.

Более объективную оценку получают сейчас в японской историографии и события русско-японской войны, и проблема влияния первой российской

революции на Азию. Так, С. Араи в статье «Первая российская революция и Азия» выступает против сильного в японском обыденном сознании мнения о русско-японской войне как некоей священной войне Японии за освобождение азиатских народов. С. Араи приводит конкретные факты, показывая, что Япония имела совершенно определенные сферы интересов, в частности в Корее⁹⁰. По его мнению, западные исследователи явно недооценивают влияние первой российской революции на азиатские страны, к примеру, на Османскую империю, где революционные события в России в 1905—1907 гг. «отозвались непосредственным эхом»⁹¹.

Как мы видим, в 60—80-е гг. японские историки революции 1905—1907 гг. в России создали немало оригинальных исследований, содержащих критику ряда окаменевших схем американской и западноевропейской историографии первой российской революции. Характерен пристальный интерес японских исследователей к работам советских авторов по проблемам первой российской революции, и в особенности к издаваемым в СССР архивным публикациям по данной тематике, снижение интенсивности которых в «застойный» период, как уже отмечалось, создало трудности и для японских исследователей, работающих в данной области⁹².

Вызывает, однако, сожаление тот факт, что выводы японских историков, далекие от консервативных западных догм, не нашли своего отражения в учебнике истории для средних учебных заведений Японии, где в связи с повествованием о 1905 г. революция в России вообще не упоминается, а лишь содержится глухая констатация о «революционном движении внутри России»⁹³.

Советским специалистам по проблемам революции 1905—1907 гг. в России необходим открытый, нацеленный на сотрудничество и свободный от интонаций менторства диалог с японскими исследователями первой российской революции, ибо без учета и анализа их работ на сегодняшний день вряд ли уже можно представить себе мировую историографию этого эпохального исторического события во всей его полноте и многосторонности.

Примечания

¹ См. об этом: История СССР, 1988, № 5, с. 203—204.

² См.: Н и с и д з и м а А. Гапон-кумиай то Путиров-кодзэ: но суторайки. Ти-но нитиё: би дзи-кэн-ни итару родо: ундо: но хаттэн. — Родо: ундо: си кэнкю, 1960, № 9, с. 30.

³ См.: Рэкиси-хё: рон, 1958, № 6, с. 95—96.

⁴ См.: Н и с и д з и м а А. Указ. соч., с. 30.

⁵ См.: Рауэ Т. фон. Росиа-какумэйрон. — Кинокунъя-сэтэн, 1969, с. 65. Вышеуказанная работа Т. фон Лауэ является переводом на японский язык его книги: Laue T. H. von. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia, 1964.

⁶ См.: Хиросэ Т. Дайитидзи Росиа-какумэй ни-цуйтэ. — Рэкиси-хё: рон, 1973, № 8, с. 51.

⁷ См. там же, с. 51.

⁸ См.: Хара Т. 1905-нэн Росиа-какумэй кэнкю: но хохо: то ронтэн. — Гэндайси кэнкю:, 1970, № 24, с. 3.

⁹ См. там же.

¹⁰ Избранные произведения Р. Люксембург, и в частности ее известная брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы» (эта работа, несмотря на ряд содержащихся в ней неверных и спорных суждений, получила высокую оценку В. И. Ленина), были опубликованы в переводе на японский язык в 1962 г. японским издательством «Гэндай-ситё:ся» (см.: Люксембург Р. Какумэй-но хотери. 1962).

¹¹ См.: Хара Т. Указ. соч., с. 5.

¹² См. там же, с. 4.

¹³ См. там же, с. 4—5.

¹⁴ Доклад М. Шефтеля и критику его взглядов см.: 1905, La première révolution russe. Paris, 1986, p. 53—58.

¹⁵ См.: Хара Т. Указ. соч., с. 8.

¹⁶ См.: Hargrave S. First Blood: the Russian Revolution of 1905. L., 1964.

¹⁷ См.: Хара Т. Указ. соч., с. 8.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ Так, в частности, о трудовиках в 1967—1968 гг. были опубликованы интересные работы Д. А. Колесниченко. См.: Образование и деятельность Трудовой группы в период первой русской

революции.— История СССР, 1967, № 4; Аграрные проекты Трудовой группы в I Государственной думе.— Исторические записки, т. 82. М., 1968.

²⁰ См.: L. V a r g a. Pétérvar és Moszkva munkássága és szovjetje az 1905-ös forradalomban.— A nemzetközi munkásmozgalom történetéből. Evkönyv, 1980, Budapest, 1979.

²¹ См.: Нисидзима А. 1905-нэн какумэйрон.— Росиа-какумэй-но кэнкю., 1968, с. 123, 110.

²² Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 222.

²³ Там же, т. 17, с. 381.

²⁴ См.: Хара Т. Указ. соч., с. 2.

²⁵ См.: Хиросэ Т. Указ. соч., с. 54.

²⁶ См. там же.

²⁷ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1905. М.—Л., 1955.

²⁸ См.: Хиросэ Т. Указ. соч., с. 55.

²⁹ См., Нисидзима А. Гапон-кумиан то Путиров-кодзэ: но суторайки. Ти-но нитиэ: би дзикэн-ни итару родо: ундо: но хаттэн, с. 30.

³⁰ См. там же.

³¹ См.: Нисидзима А. Гапон кумиан то Путиров-кодзэ: но суторайки. Ти-но нитиэ: би дзикэн-ни итару родо: ундо: но хаттэн.— Родо: ундо: си кэнкю., 1961, № 1, с. 48.

³² См. там же, с. 46—48.

³³ См.: Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981, с. 80.

³⁴ См.: Вада Х., Вада А. Ти-но нитиэ: би. Токио, 1973, с. 11.

³⁵ См. там же, с. 111.

³⁶ См. там же, с. 53.

³⁷ См. там же, с. 195—196.

³⁸ См.: Такеда М. Росиа-какумэй (1905-нэн) ки-но ко: ко: сэй ундо: но даиссэ: тэки кэнкю.:— Хоккайдо: дайгаку кэ: ику-гакубу киэ: (Саппоро), 1967, № 9.

³⁹ См. там же, с. 36.

⁴⁰ См.: Ямагата Х. Росиа-дайтидзи какумэйки-ни окэру сэннй родо: ся-но сосикика катэй.— Рэкисигаку кэнкю., 1973, № 403.

⁴¹ См. там же, с. 3.

⁴² См. там же, с. 5.

⁴³ См.: Laue T. H. von. Russian Peasants in the Factory 1892—1904.— The Journal of Economic History, 1961, vol. XXI, № 1.

⁴⁴ См.: Ямагата Х. Указ. соч., с. 8.

⁴⁵ См. там же, с. 6.

⁴⁶ См.: Охата М. Росиа-дайтидзи коккай то но: мин-ундо: но сэйкаку.— Сиэн, 1966, № 96.

⁴⁷ См. там же, с. 93.

⁴⁸ См. там же, с. 95.

⁴⁹ См. там же.

⁵⁰ См.: Анфимов А. М. Аграрная история пореформенной России в работах японского ученого С. Хинада.— История СССР, 1965, № 4, с. 201—203.

⁵¹ См.: Хинада С. Росиа-но: сэйси кэнкю.: Кэкисэйтэки но: гё: ко: дзо: но ронри то даиссэ:. Токио, 1966. Кроме того, перу С. Хинады принадлежат многие другие работы по аграрному развитию России в конце XIX — начале XX в., в частности: Росиа-но 1905-нэн какумэй.— Сэкай рэкиси, 1969, № 23; 1905-нэн Росиа но: мин-ундо: си-но итдзирэй.— Росиа-си кэнкю., № 18; 1905-нэн сёто: Росиа-какумэй-но но: мин мойдай. Сёгэн, 1970; Росиа-сихонсюги то ми: ру кё: до: тай — Сякайкагаку-но хохо, 1972, № 5; его же. Росиа-но: мин кё: до: тай то сэкай хэндо: Хиросима дайгаку со: го: кагакубу киэ: II, 1982.

⁵² См.: Маки С. Кю: Росиа сихонсюги сайсэйсанко: дзо: это но: гё: кэйтай бунсэн-но ити сикаку.— Сё: гаку ронсю.: 1965, № 1; 1966, № 4; его же. Кю: Росиа сихонсюги то но: гё: ко: дзо: — Там же, 1966, № 3; Ивасаки Х. 20 сэйки сёто: ни окэру но: минкэйэй-но тэнкай ко: дзо: — Хиросима кэйдзай дайгаку кэнкю: ронсю.: 1971, № 4; его же. 19 сэйки мацу Росиа-ни окэру кю: дэннусирё: но: минкэйэй-ноко: дзо: — Сигаку кэнкю.: 1971, № 110.

⁵³ См.: Анфимов А. М. Указ. соч., с. 201—203.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См.: Охата М. Указ. соч., с. 106.

⁵⁶ См. там же, с. 92.

⁵⁷ См. там же, с. 96.

⁵⁸ См. там же, с. 103.

⁵⁹ См. там же, с. 105.

⁶⁰ См.: Кано Т. 1905-нэн какумэй-но торудовики.— Рэкисигаку кэнкю.: 1983, № 518.

⁶¹ См. там же, с. 1.

⁶² См. там же.

⁶³ См. там же, с. 12.

⁶⁴ См. там же, с. 14.

⁶⁵ См.: Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985, с. 283.

⁶⁶ См.: Кано Т. Указ. соч., с. 12.

⁶⁷ См.: Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.

- ⁶⁸ См.: Хара Т. Новоросийску-кё:вакоку. Хэнкё:-ни окэру дайитидзи Росиа-какумэй.— Сякай-ундо:си, 1973, № 2.
- ⁶⁹ См.: Сенчакова Л. Т. Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М., 1975, с. 149.
- ⁷⁰ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 322.
- ⁷¹ См.: Хара Т. Новоросийску-кё:вакоку. Хэнкё:-ни окэру дайитидзи Росиа-какумэй, с. 72—75.
- ⁷² См.: Хара Т. Сибэриа-ни окэру 1905-нэн какумэй. Сёгэн, 1970.
- ⁷³ См. там же, с. 116.
- ⁷⁴ См. там же, с. 125.
- ⁷⁵ См.: Хара Т. Дайитидзи Росиа-какумэй-ни окэру хэйси-ундо:.— Росиа-си кэнкю:, № 18, с. 25.
- ⁷⁶ См. там же.
- ⁷⁷ См. там же.
- ⁷⁸ См.: Момосэ Х. 1905-нэн Фуинрандо.— Росиа-си кэнкю:. № 18.
- ⁷⁹ См.: Нисидзима А. Иваново-Вознэсэнску-ни окэру совизто-но кэйсэй-ни цуйтэ.— Сэй-сигаку ронсю:, 1968, с. 385.
- ⁸⁰ См. там же, с. 383—385.
- ⁸¹ См.: Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981, с. 125—126.
- ⁸² См. там же, с. 128.
- ⁸³ См.: Ватанабэ М. 12-гацу-но Мосукува-ни окэру бусо:хо:ки то Рэ:нин.— Рэкиси-хё:рон, 1968, № 3.
- ⁸⁴ См.: Хиросэ Т. Дайитидзи Росиа-какумэй-ни цуйтэ.— Рэкиси-хё:рон, 1973, № 8. с. 58.
- ⁸⁵ См.: Ватанабэ М. Указ. соч., с. 63.
- ⁸⁶ См. там же, с. 69, 74.
- ⁸⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 150.
- ⁸⁸ См.: Ватанабэ М. Указ. соч., с. 71.
- ⁸⁹ См. там же, с. 74.
- ⁹⁰ Арай С. Росиа-дайитидзи Росиа-какумэй то Адзиа.— Гакусю:ин-сигаку, № 4, с. 2.
- ⁹¹ См. там же, с. 8.
- ⁹² Даже одна из немногих появившихся в те годы интересных публикаций, выполненная в отделе истории империализма Института истории СССР АН СССР (я имею в виду «Особые журналы Совета министров царской России»), была на долгие годы по указанию свыше закрыта грифом «для служебного пользования».
- ⁹³ См.: Тю:гакко:сякай.— Рэкиситэки бунъя, 1977, с. 238.

Д Ж. БРУКС. КОГДА РОССИЯ УЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ. Грамотность и народная литература, 1861—1917. Принстон, 1986, XXII, 450 с. *

В монографии профессора Чикагского университета Дж. Брукса впервые в историографии подвергнуто системному, комплексному сравнительно-историческому анализу развитие массового народного сознания, рассматриваемого сквозь призму коммерческой народной литературы пореформенного периода. Широкий круг затронутых автором вопросов. Несмотря на это, книга оставляет впечатление цельности; она является именно монографией, а не очерками, по той причине, что все в ней подчинено единой задаче: выяснить, какие изменения произошли во внутреннем мире простого человека, представителя низших социальных слоев города и деревни после отмены крепостного права и до первой мировой войны. Обосновывая актуальность избранной для исследования проблемы, автор справедливо указывает, что «мышление простого народа — часть русской истории; народная литература дает ключ к пониманию характера русской культуры как целого... Мы много знаем о богатом творческом мире образованной России, но мало о воображении и интеллекте остальной части русского общества» (с. XIII).

Исходный тезис проф. Брукса состоит в том, что изменения во внутреннем мире людей отражались в литературе, которой они отдавали предпочтение, при условии, если читатель имел выбор, что читать. Именно поэтому автор для анализа избирает дешевую коммерческую народную литературу: фольклорную, детективную, «женскую» и т. п. беллетристику (с. XIV—XV), на долю

которой в 1892—1894 гг. приходилось 60% всех книг, издаваемых для народа (с. 62).

Однако, прежде чем обратиться к анализу этой литературы, проф. Брукс изучает развитие грамотности (гл. 1), акцентируя внимание на мотивах и способах ее приобретения народом. Он насчитал одиннадцать разных потребностей в обучении у крестьян и городских низов. По его мнению, крестьяне в литературе искали главным образом ответ на вопрос «как жить?», городские жители, наоборот, были довольно равнодушны к дидактизму и искали в литературе разнообразную информацию, развлечения (с. 30—35).

Всестороннему анализу подвергает проф. Брукс постановку начального образования для народа в главе 2, затрагивая такие вопросы, как виды школ, посещение учебных занятий, учителя, программы, учебники. Интересны его наблюдения о влиянии обучения на детей. Он считает, что из-за кратковременности обучения влияние школ было ограниченным, но важным (с. 54). Не изменяя человека радикально, школа тем не менее развивала любознательность, способствовала преодолению предрассудков, изменяя отношения между полами и между старшим и младшим поколениями. Прошедшие обучение более критически относились к традиционной системе ценностей (с. 57). Для суждения о влиянии школы показателен такой факт, приводимый в книге: согласно опросам, среди учащихся в начале XX в. только 2% мальчиков и 1% девочек желали идти по стопам своих родителей (с. 56). Если учащиеся дети почти единодушно хотели порвать с традиционной крестьянской жизнью, может быть неверно говорить об ограниченности влияния школы на молодое поколение?

Две главы книги (3-я и 4-я) посвящены изучению механизма создания — издания — распространения народной литературы в России в форме книг, буклетов, картинок, а также в газетах. Здесь читатель получит представление о том, кто, что и почему писал, издавал, распространял и читал, какие жанры народной литературы предпочитали разные социальные слои, какие темы были наиболее популярны.

Подвергнув контент-анализу сюжеты лубочной литературы, автор приходит к важному выводу об изменении вкусов и симпатий читателей. Популярность фольклорных тем, сказок о рыцарях и купцах, а также дидактических произведений со временем падала: в 1860-е гг. на их долю приходилось 60%, в 1890-е гг. — 40%, в 1910-е гг. — 20% всех сюжетов. Напротив, популярность рассказов о разбойниках, преступлениях, любви, науке постепенно возрастала: в 1860—1880-е гг. доля этих сюжетов составляла 16%, а в 1900-е гг. — 40%. Устойчив был читательский интерес к рассказам по истории, о войнах и путешествиях: они занимали стабильно около 25% всех сюжетов коммерческой народной литературы (с. 68—69).

Колебания в популярности отдельных сюжетов были бы не так важны для историка, если бы за ними не стояли изменения в трактовке авторами народной литературы основополагающих жизненных принципов. Проф. Брукс в центральном и наиболее оригинальном разделе книги, включающем 5—8-ю главы, исследует достаточно радикальные перемены в интерпретации народными писателями (автор считает — также и читателями, самим народом) таких ключевых проблем народного сознания, как свобода и порядок, русская национальная идентификация и образ иностранцев, наука и суеверие, жизненный успех и социальная мобильность.

До начала XX в., по народным представлениям, свобода и порядок являлись *альтернативными* ценностями. Свобода достигалась только путем бунта против властей, поэтому свободный человек (это был, как правило, разбойник) оставался вне общества и вернуться в него он мог, только раскаявшись и искупив свою вину службой государству и церкви. Не раскаявшемуся спасения не было, он обязательно погибал (с. 171). После 1905 г., под влиянием войны и революции *дилемма — свобода или порядок — исчезла*. Но произошло это в новом жанре — детективной беллетристике. Частный детектив — герой

порядка, но порядка общественного, а не государственного, он защитник справедливости, но справедливости общественной, неофициальной, а не государственной. Детектив — свободен, но не стоит вне общества, он не преступник, а уважаемый человек. Таким способом старое противоречие русского традиционного сознания оказалось снятым (с. 207—210).

До конца XIX в. «русскость», т. е. принадлежность к русскому народу, в лубочной литературе отождествлялась с верностью православию и русскому царю (с. 214). С начала XX в. национальность стала ассоциироваться *со страной как географической и социальной общностью* (с. 216). Одновременно исчезает «иностраницефобия», и в литературе обнаруживается сильная космополитическая тенденция, русские герои начинают уважительно относиться не только к иностранцам, но и к российским инородцам (с. 217).

По мнению автора, народная литература на протяжении всего пореформенного периода боролась с предрассудками и разоблачала суеверия (с. 250). Однако на рубеже XIX—XX вв. на ее страницах появляется *рациональный, активный герой*, который добивается своих целей благодаря энергии и личной инициативе. Проф. Брукс полагает, что появление такого героя наносило сильный удар по суеверию и предрассудкам, по престижу человека с магическим сознанием, полагавшего в своих действиях на указания сверху или на потусторонние силы (с. 268). Одновременно с активностью новый герой (и детектив, и преступник новой формации) обнаруживает знакомство с новейшими достижениями науки, которые также используются им для реализации своих, пусть и преступных, целей. Так, считает автор, утверждается взгляд на науку как на важное средство улучшения жизни (с. 259—260). Мысль спорная, но интересная!

Судя по лубочной литературе, существенно изменяется взгляд народа и на жизненный успех. С начала XX в. успех начинает ассоциироваться не с подвигами во имя царя и церкви, а с *богатством и комфортабельной жизнью в городе* (с. 271). Средствами его достижения становятся образование, деньги, социальная мобильность, личная инициатива, капиталистическая предприимчивость; судьба же как главный фактор успеха уходит на задний план (с. 280, 369).

Автор считает, что новая русская коммерческая литература утверждала буржуазные ценности, *общие для народных литератур всех индустриально-развивающихся стран Европы* и правильно, на наш взгляд, связывает это с развитием капитализма в России (с. 355). Он прав также в том, что новая ментальность не стала еще господствующей, она с боем пробивала себе дорогу в борьбе с традиционными ценностями (с. 356).

Однако, по нашему мнению, выводы проф. Брукса об идейных изменениях в народной литературе пореформенного периода следует считать *гипотетическими, предварительными*. Они основаны не на сплошном качественно-количественном анализе произведений народной коммерческой литературы, не на контент-анализе научно обоснованной выборки ее произведений, а на традиционном, за двумя исключениями, анализе сравнительно немногих образцов народной словесности, которые оказались у него под рукой (с. 363).

Важное место уделено в книге реакции государства, церкви и образованного общества на коммерческую народную литературу. В целом, по мнению проф. Брукса, реакция была отрицательной. Правящему классу, считает автор, не нравилось, что рынок начинает влиять на культурную жизнь, на мировоззрение народа; ему не импонировали ни индивидуалистические и материалистические идеи, ни новые ценностные ориентации, утверждаемые коммерческой литературой, которые исподволь разрушали традиционную, официальную систему ценностей (с. 296).

Интеллигенция, утверждает проф. Брукс, в целом также негативно относилась к народной литературе, но по другим и разнообразным причинам. Одни видели в лубке угрозу культурному единству нации, другие считали, что коммерческая литература не только не поднимает культурный уровень народа,

но ведет к его моральной деградации, третьим не нравилась скрытая пропаганда лубком буржуазных взглядов (с. 295—296).

Противники коммерческой литературы организовали контрпропаганду путем массового выпуска литературы иной этической и идеологической направленности. Но эта литература не имела успеха в народе, полагает автор (с. 297). В этой связи проф. Брукс высказывает две сколь плодотворные, столь же и спорные мысли. Полемика вокруг коммерческой народной литературы, по его мнению, не являлась просто литературным спором, это были экономические и политические дебаты (с. 296). Низшие слои русского общества лучше и глубже усваивали ценности буржуазного общества, соответствовавшие рыночной экономике, чем высшие слои, настроенные большей частью антибуржуазно (с. 356).

Особенно спорным представляется нам утверждение о большой предрасположенности крестьянства и городских низов к буржуазной ментальности, чем интеллигенции. Этот тезис слабо аргументирован (и вообще трудно поддается проверке), поэтому имеет пока априорный, декларативный характер. В то же время он противоречит установленному в историографии факту о либерально-буржуазной политической ориентации большей части политически активной интеллигенции во второй половине XIX — начале XX в.¹ Однако постановка вопроса интересна, проблема заслуживает дальнейшего изучения.

Большой интерес представляет библиографическо-источниковедческий очерк, помещенный в конце монографии (с. 357—370). Здесь автор дает читателю представление об источниковой базе исследования. Кроме научной литературы на всех европейских языках, он использовал личный фонд Н. А. Рубакина из Отдела рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и три коллекции русской народной литературы: 1) из Государственной публичной библиотеки г. Ленинграда (1529 названий), 2) Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве (727 названий), 3) Библиотеки Кливлендского университета (100 названий). Разумеется, ни прочесть, ни тем более тщательно проанализировать эту огромную массу литературы автор возможности не имел. Он просмотрел 461 произведение (их библиография приложена к монографии, с. 415—436), только дважды использовав качественно-количественный анализ (контент-анализ). Однако и эта работа оказалась громадной, потребовав от автора десяти лет кропотливого труда.

«Российский читатель, и «серый», и «полукультурный», и наиболее интеллигентный, остается иксом, — писал в 1895 г. известный русский книговед Н. А. Рубакин в «Этюдах о русской читающей публике». — Он не известен не только в качественном, но даже в количественном отношении»². Проф. Брукс своей интересной, новаторской книгой попытался решить трудное уравнение — определить в первом приближении этот «икс». Написанная с глубокой симпатией и неподдельным интересом к русской культуре и русскому народу, его книга не только вносит вклад в историографию русской народной культуры, но несомненно способствует взаимопониманию русских и американцев.

Б. Н. Миронов

Примечания

^{*} Books Jeffrey. When Russia Learned to Read: Literacy and popular literature, 1861—1917. Princeton University Press, 1986. XXII, 450 p.

¹ См., напр.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; ее же. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981, с. 218—254; ее же. Зарубежная историография о дореволюционной интеллигенции России. — Историографический сборник. Саратов, 1978, т. 4(7); Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

² Рубакин Н. А. Избранное. В 2-х т. Т. 1. М., 1975, с. 37.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

14 апреля 1988 г. в бюро Отделения АН СССР состоялось заседание, посвященное дискуссиям 20-х — начала 30-х гг. в советской исторической науке. С докладами выступили Г. Д. Алексеева и В. А. Дунаевский (Москва).

Г. Д. Алексеева, отметив ряд теоретических и методологических аспектов научной дискуссии (дискуссия как тип и форма организации творческого процесса ученых, как средство научного общения, как фактор прогресса науки и способ разработки планов научного исследования, как борьба старого с новым; дискуссия как объект научного изучения: тип дискуссии, условия организации и проведения, повод, цели и предмет спора, состав участников; морально-этические аспекты научной дискуссии и их влияние на ее содержание, развитие и итоги и т.д.), остановилась на вопросах, связанных с исследованием дискуссий по проблемам отечественной истории. Г. Д. Алексеева подчеркнула, что дискуссии происходили в обстановке, когда шел процесс утверждения марксистско-ленинской концепции исторического процесса, формировался новый тип организации науки, создавались новые научные центры, различные общества. В докладе были охарактеризованы основные дискуссии этого периода: об общественно-экономической формации, монополистическом капитале, по истории революционного движения (революция 1905-1907 гг., Февральская и Октябрьская революции, декабристы, Н. Г. Чернышевский, «Народная воля») и т.д. Тематами дискуссий были теоретические и методологические проблемы исторического процесса и исторического познания: общие закономерности всемирно-исторического процесса, предмет и задачи исторической науки. Г. Д. Алексеевой были выявлены и проанализированы недостатки в содержании дискуссий 20-х — начала 30-х гг., в частности ограниченность источниковой базы обсуждаемых проблем, недостаточная обоснованность общих положений и выводов, слабая теоретическая подготовка молодых специалистов, принимавших участие в них, а также существование в то время «авторитетов» и «зон» вне критики (М. Н. Покровский). Тем не менее, отметила докладчица, дискуссии сыграли важную роль в процессе утверждения марксистско-ленинской концепции отечественной истории. Раскрывая связь дискуссий в исторической науке с политическими и социальными проблемами общественного развития и идейной борьбой партии в тот период, Г. Д. Алексеева уточнила, что зависимости между последовавшими в 30-х гг. репрессиями историков и их участием в научных дискуссиях конца 20-х гг., в отличие от участников политических дискуссий того же периода, не было. В заключение Г. Д. Алексеева заметила, что опыт дискуссий 20-х — начала 30-х гг. актуален для решения проблем современности. Она предложила издать в серии «Памятники исторической мысли 20-х гг.» стенограммы дискуссий тех лет, опубликовать выступления их участников, помещенные на страницах исторических журналов того времени, а также подготовить сборник статей о дискуссиях конца 20-х гг.

Доклад В. А. Дунаевского был посвящен дискуссиям по проблемам истории нового времени стран Запада: о генезисе капитализма, о международной роли большевизма в период, предшествовавший мировой войне 1914-1918 гг., о специфике развития германской социал-демократии в условиях империализма (социальные корни оппортунизма, периодизация истории партии, отношение В. И. Ленина к каутскианству и к немецким «левым» и т.д.). Указав на плодотворность дискуссий для исторической науки, В. А. Дунаевский подчеркнул, что в начале 30-х гг. в связи с изменившейся международной обстановкой и внутренним положением в СССР, а также со сложностью ситуации в международном социалистическом и коммунистическом движении в период, последовавший за так называемым «процессом Промпартии», на котором фигурировало имя академика Е. В. Тарле, характер дискуссий резко изменился, и их последствия негативно сказались на изучении ряда тем истории нового времени. Осо-

бое внимание докладчик уделил дискуссии «Буржуазные историки Запада и СССР» (18 декабря 1930 г.). «Процесс Промпартии» оказал непосредственное влияние на ход этой дискуссии, участники которой стремились доказать наличие прямой связи представителей буржуазной исторической науки в СССР с буржуазной контрреволюцией и выдвинули необоснованные обвинения в первую очередь в адрес Е.В.Тарле, а также Н.И.Кареева, В.П.Бузескула и др. В напряженной внутривнутриполитической обстановке проходила дискуссия о положении и задачах западноевропейского научного фронта (февраль-май 1931 г.) в Международной ленинской школе. В подготовленных организаторами дискуссии тезисах в самом негативном плане рассматривалась вся работа советских историков в области истории Запада. Как подчеркнул докладчик, крайне отрицательное воздействие на историческую науку имело также письмо И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931 г.), опубликованное в журналах «Пролетарская революция» и «Большевик». Предельно резкая критика Сталиным историков (А.Слуцкого и др.), навешивание на них ярлыков, как показал на фактах докладчик, немедленно привели к невозможности проведения в дальнейшем творческих обсуждений и к репрессиям. В той же статье Сталин необоснованно приписал В.И.Ленину стремление расколоть II Интернационал сразу же после вступления в него большевиков, представил Р.Люксембург в качестве одного из авторов теории «перманентной революции», создателями которой были Парвус и Троцкий, сугубо негативно оценил деятельность германских радикалов.

В прениях по докладам выступили академики Ю. В. Бромлей и И.И.Минц, С.О.Шмидт и Ю.А.Мошков. Было предложено изучать и издавать материалы дискуссий конца 20-х — начала 30-х гг., в том числе тех, которые в свое время не были опубликованы (И.И.Минц, С.О.Шмидт). В ходе обсуждения докладов была поддержана точка зрения о необходимости вернуть исторической науке имена репрессированных историков (Ю.А.Мошков, С.О.Шмидт). Выступавшими было также отмечено, что трудности, существующие в современной науке, в частности в этнографии, краеведении, уходят корнями в 30-е гг., когда этнографические и краеведческие исследования были обращены только к прошлому, арханке (Ю.В.Бромлей, С.О.Шмидт). Ю.В.Бромлей высказался за необходимость проведения дискуссий по актуальным проблемам общественных наук, но их обсуждение специалистами, подчеркнул он, должно предшествовать полемике в среде широкой общественности на страницах периодической печати.

Е.Б.Емченко

ДОНАЛД РЭЛЕЙ: «ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗАИНТЕРЕСОВАНО В УСПЕХЕ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Интервью с редактором американского журнала «Советские исследования в области истории»

Более года прошло с тех пор, как на страницах нашего журнала видные советские историки и специалисты в области историографии обсуждали за «круглым столом» проблемы взаимоотношений советской исторической науки с современной немарксистской историографией*. Одна из основных практических рекомендаций, сделанных участниками «круглого стола», заключалась в том, что необходимо шире предоставлять возможность серьезным ученым из капиталистических стран самим знакомить советских читателей со своей научной деятельностью и взглядами на пути налаживания более тесных контактов между зарубежными и советскими историками.

Уже во время проведения «круглого стола» ощущалась недостаточность рассмотрения широкого круга поставленных вопросов только с точки зрения советских специалистов. Сама тема, поднятая нашим журналом, предполагает продолжение дискуссии на многосторонней основе, с участием зарубежных ученых. Публикуемое ниже интервью, как нам кажется, позволит советскому читателю не только познакомиться с одним из интересных представителей молодого поколения американских историков-русистов и узнать об опыте издания специального журнала переводов «Советские исследования в области истории», но и задуматься над рядом вопросов, ка-

сающихся взаимоотношений наших научных, архивных, издательских учреждений с иностранными учеными и издательствами.

Редакция считает, что вопросы, поднятые в интервью, безусловно заслуживают гласного и всестороннего рассмотрения и предлагает всем заинтересованным читателям и учреждениям высказаться по ним.

Почему Вы стали советологом? — Позвольте мне для начала заявить, что я считаю себя историком, занимающимся Россией и Советским Союзом, но отнюдь не советологом. Термин «советолог» имеет сейчас в русском языке ярко выраженное отрицательное значение (впрочем, также, как и слово «историк» во многих кругах вызывает недоверие, — я в этом убежден). Подчеркивая свою принадлежность к историкам, я не столько хочу отмежеваться от коллег-советологов, сколько подчеркнуть, что мой подход к научной работе носит сугубо исторический характер.

Отвечая на Ваш вопрос, я вынужден признаться, что причиной, побудившей меня заинтересоваться Советским Союзом и Россией, был страх. Я родился в 1949 г. Страх перед ядерной войной с Советским Союзом занимал значительное место среди моих детских впечатлений. В школе чувство страха еще более усилилось: с нами часто проводили тренировки на случай воздушных налетов, а после запуска первого искусственного спутника больше внимания стало уделяться естественным наукам и физической подготовке. Я вспоминаю такой случай: однажды учительница выхватила у меня из рук конфету со словами: «Русские едят хлеб, и они сильнее нас. Ешь хлеб!» На воскресной службе (я получил католическое воспитание) мы молились о мире и о том, чтобы коммунистическая, атеистическая Россия встала на путь истинный. Со всей серьезностью восьмилетнего ребенка я пытался убедить родителей построить бомбоубежище в подвале нашего дома. Затем Нью-Йорк посетил Никита Сергеевич (Хрущев. — *Ред.*). Его вспыльчивое, необычное поведение на заседании ООН напугало меня до такой степени, что я кинулся к своему школьному атласу мира, чтобы взглянуть на страну, которая хочет мне зла. Я помню, что был потрясен ее размерами: она была больше Соединенных Штатов, которые в то время казались мне самой большой страной в мире.

Первый, кто познакомил меня со сложными проблемами русской истории, был изумительный преподаватель старших классов (который тоже пугал меня). В 1967 г. я начал изучать русский язык в Ноке колледж, где профилирующими предметами выбрал те, которые входили в междисциплинарную программу по изучению русского региона (я изучал русский язык, литературу, историю, внешнюю политику, экономику и др.). На старшем курсе я защитил курсовую работу о роли военных в советской политике с 1960 по 1970 г. Мне повезло, что меня послали на один семестр в Ленинградский университет на стажировку по русскому языку. В результате этой поездки возрос мой интерес к русской истории и обществу, и я принял решение писать диплом по истории.

Почему темой своей научной работы Вы избрали Октябрьскую революцию? — Осенью 1971 г. я начал работать над докторской диссертацией в Университете штата Индиана. В то время в Соединенных Штатах самые интересные работы писались по теме русского революционного движения и о событиях 1917 г. Большое влияние на меня оказал мой научный руководитель Александр Рабинович, чье пионерское исследование о партии большевиков в 1917 г. и ее связях с массами получило широкое признание как на Западе, так и в Советском Союзе. Работы некоторых советских ученых также повлияли на выбор темы моей диссертации. Среди них мне хотелось бы выделить такие имена, как Э. Н. Бурджалов, П. В. Волобуев, А. М. Анфимов и А. Я. Аврех. Новая социальная история, бывшая в то время в большой моде в Соединенных Штатах, а также увлекательные работы по местной истории (я имею в виду несколько монографий о Великой Французской революции и новаторского характера работу Рональда Сьюни о Бакинской коммуне) вдохновили меня написать о том, как проходила революция в одном из провинциальных городов. Однако несколько имевшихся в моем распоряжении трудов западных авторов, посвященных революционным событиям вне Петрограда, описывали то, что происходило на окраинах России, т. е. в тех местах, где национальные конфликты наложили своеобразный отпечаток на социальные противоречия и политику. Я решил написать о провинциальном городе европейской части России, чтобы несколько восстановить равновесие. После тщательного предварительного изучения я остановился на Саратове. Моя книга «Революция на Волге: 1917 год в Саратове» (Корнелл юниверсити пресс, 1986) является первой работой такого рода, написанной не советским, а зарубежным автором.

Какие отклики получила Ваша книга в научных журналах? — На сегодняшний день 17 газет и журналов в семи странах опубликовали свои рецензии. Я не могу пожаловаться ни на количество, ни на характер рецензий. Но в Советском Союзе дело обстоит иначе. Хотя некоторые советские историки положительно отзывались о моей книге в обзорных статьях (См: История СССР, 1987, № 5, с. 161—162; Новое время, 1987, № 44, с. 29. — *Ред.*), ни одной специальной рецензии на нее не было, если не считать пересказа ее содержания в «Реферативном журнале» ИНИОН. К сожалению, подробная рецензия на мою книгу, предложенная журналу «Вопросы истории», не была напечатана в связи с изменением состава редколлегии. Другой советский историк написал рецензию для «Вестника Ленинградского университета» (серия «история»), однако судьба ее мне неизвестна. Я, безусловно, очень огорчен тем обстоятельством, что в Саратове также никто не обратил внимания на мою работу.

Как Вы оцениваете состояние советологии в тот период, когда Вы стали ею заниматься? — По правде говоря, этот вопрос сначала не приходил мне в голову. Я стал работать в этой области, чтобы удовлетворить свое интеллектуальное любопытство. Но скоро мне стало ясно, что тему диплома я выбрал в такое время, когда человеку с гуманитарным образованием было очень сложно найти работу. Славистика, как и многие другие гуманитарные науки, испытывала в 70-е гг. настоящий кризис. Набор студентов резко сократился. Исследовательские и учебные фонды иссякли, и те немногие, кто защищал диплом в этой области, не имели гарантии получить должность научного сотрудника или преподавателя. (Чтобы понять причины создавшейся ситуации, следует обратиться к американской истории после войны во Вьетнаме, рассмотреть международные отношения вообще, и с Советским Союзом в частности, а также тенденции развития мировой экономики.) Тем не менее я решил преодолеть все препятствия, которые могли встретиться на моем пути. 1974/75 учебный год я провел в Московском университете, собирая материал по своей теме. Именно тогда я и задумался о состоянии советологии и пришел к выводу, что наиболее интересно и увлекательно о русской и советской истории пишут те, кто жил и работал в СССР. Я считаю, что приобретенный таким образом личный опыт более, чем что-либо другое, помог поколебать устоявшиеся взгляды на советское общество и его политику, широко распространенные среди советологов того времени.

В завершение рассказа о моей научной деятельности добавлю следующее: в июне 1977 г. я занял административную должность, связанную с программой научного обмена с Советским Союзом (свободных мест научных сотрудников тогда не было). В ноябре 1978 г. я защитил докторскую диссертацию и перешел на работу в Гавайский университет, где и преподавал до тех пор, пока не получил назначение профессора истории в университете штата Северная Каролина в 1988 г.

Изменилось ли положение советологии за последние десять лет? Если да, то каким образом? Что послужило причиной этих изменений? — Сегодня состояние славистики в Соединенных Штатах лучше, чем десять лет назад. Почему? — Во-первых, американцы поняли, что назрела необходимость преодолеть множество негативных тенденций и решить те неотложные задачи, которые возникли в системе нашего образования в 70-е гг. Улучшение всей системы образования в целом отразилось и на славистике. Затем, когда после ввода советских войск в Афганистан наступило ухудшение в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами, интеллигенция и правительство поняли, что в этой области, находившейся в заброшенном состоянии, нужны обученные специалисты. Их недостаток начал по-настоящему ощущаться к середине 80-х гг., когда послевоенное поколение американских славистов стало сходиться со сцены, а представителей младшего поколения, которые должны их заменить, немного. Было бы неверно представлять сегодняшнее положение дел в радужном свете. Тем не менее мне кажется, что годы «поста» не прошли бесследно и что из них были извлечены важные уроки. Так, национальная славистская ассоциация (Американская ассоциация по развитию славистики) приняла ряд своевременных мер, которые обеспечивают, хотя и скромный, но неуклонный прогресс. Все то, что происходит сегодня в Советском Союзе, вызывает огромный общественный интерес, и я не помню, чтобы он когда-нибудь был так велик. Сегодня Ваша страна стала гораздо более привлекательным объектом для изучения.

Что побудило Вас перевести и опубликовать в Соединенных Штатах книгу Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция»? — В феврале 1972 г. профессор Рабинович поручил мне в качестве подготовки к коллоквиуму для студентов-выпускников прочесть первый том книги Эдуарда Николаевича (о Петроградском восстании 1917 г.). Я был в таком восторге от книги, что Рабинович, которому было известно, что и другие специалисты его поколения высоко ценят ее, предложил мне заняться переводом. Предложение показалось мне заманчивым, но в то время я был занят более неотложными делами — мне предстояло сдать экзамены для получения докторской степени, защитить диссертацию, найти работу по специальности и соответственно проявить себя на ней (т. е. завершить работу над своей собственной книгой). В январе 1979 г., когда я начал преподавать в Гавайском университете, я стал еще и редактором журнала «Советские исследования в области истории». Свой первый номер я посвятил частичному переводу бурджаловского шедевра о Февральской революции. Накопленный опыт укреплял меня в решении когда-нибудь перевести эту книгу полностью. Кроме того, меня заинтересовало так называемое бурджаловское дело, т. е. события 1956—1957 гг., связанные с журналом «Вопросы истории»; мне хотелось проследить путь от сталинизма до объективного взгляда на историю, который проделал Бурджалов-ученый, и эволюцию профессии советского историка в целом.

Но для этого мне нужна была финансовая поддержка со стороны; без нее я не мог посвятить целый год моей жизни осуществлению своих замыслов. В 1982 г. я стал победителем конкурса на дотацию, выделяющуюся в соответствии с программой, которую финансировал Национальный гуманитарный фонд. Благодаря щедрой поддержке этого фонда весь 1983/84 учебный год я проработал над книгой Бурджалова — переводил, редактировал и писал примечания. Позже я составил библиографию тех книг, на которые ссылался автор, подготовил указатель, а также позаботился о фотографиях и картах. В начале января 1986 г. я приехал в Москву, чтобы здесь в течение 6 месяцев продолжить свои исследования. Мне не терпелось подарить рукопись Эдуарду Николаевичу. Увы, он умер за десять дней до моего приезда.

Летний номер журнала за 1987 г. я также посвятил частичному переводу второго тома книги Бурджалова. В нем напечатана богатая фактическим материалом глава о Февральской революции 1917 г. в Москве.

Расскажите, пожалуйста, о ежеквартальном журнале, который Вы редактируете. — «Советские исследования в области истории» (*Soviet Studies in History*. Далее — «СИИ». — *Ред.*) печатает переводы; он издается с 1962 г. один раз в три месяца. Его первым редактором был Пол Арон, который проработал в этой должности до 1979 г., а затем его место занял я. Ваших читателей может заинтересовать рассказ о том, как я стал редактором. В 1977 г. издатель журнала прочитал мою рецензию на книгу Г. А. Герасименко «Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. (на материалах Нижнего Поволжья)» (Саратов, 1974) и обратился ко мне с просьбой отредактировать номер, в котором будут напечатаны отрывки из этой книги. После того, как номер был готов, представитель издателя встретился со мной в Вашингтоне (где я в то время работал) и в разговоре постарался узнать мое мнение о журнале. Он задал мне вопрос, что бы я сделал, будучи редактором, чтобы изменить формат и направление журнала? Мне и в голову не могло прийти, что можно назначить редактором 28-летнего историка без академической должности, поэтому я, не стесняясь, высказал свои критические замечания и советы. А затем, к моему изумлению, мне было предложено место редактора. Позднее я узнал, что м-р М. Е. Шарп охотно привлекает молодых людей к участию в своих мероприятиях.

Но вернемся к журналу. Задача редактора, как я ее себе представляю, заключается в том, чтобы читатели во всем мире могли познакомиться с лучшими трудами советских историков, прочитав отрывки из их произведений. Будучи редактором, я отбираю для перевода то, что наилучшим образом отражает современные направления в советской исторической науке. Один раз в три года я назначаю консультативный комитет из редакторов, который выносит свое заключение относительно предполагаемых планов. Издатель обеспечивает меня подписку на основные советские исторические журналы. В соответствии с договором между издателем и Всесоюзным агентством по авторским правам (ВААП), я имею право выбрать любой материал из утвержденного списка журналов при условии, что английский перевод появится не позднее пятнадцати месяцев со времени публикации в Советском Союзе. На все остальное требуется особое разрешение, поэтому я часто обращаюсь в ВААП с просьбой разрешить перевести отрывки из монографий советских авторов. В некоторых случаях советские историки писали специально для моего журнала. Так,

например, недавно опубликован сокращенный вариант замечательной книги «Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861 гг.» (Москва, 1984), принадлежащей перу профессора Московского университета Л. Г. Захаровой. «СИИ» также посвятил сдвоенный номер работе Р. Г. Скрынникова. Ранее в номерах журнала освещалась работа американистов Московского университета под руководством ныне покойного Н. В. Сивачева; еще один номер давал представление об успехах советских историков в изучении периферийных районов Тихого океана.

Номер журнала бывает посвящен какому-нибудь одному крупному историку или состоит из подборки статей на определенную тему. Кто-нибудь из западных ученых редактирует номер и пишет предисловие, в котором освещает вклад советских ученых в ту или иную область исторической науки, а также дает критическую оценку отобранных для перевода работ. Я убежден, что это в особенности увеличивает ценность журнала и способствует установлению диалога. Вот некоторые из тем, к которым мы обращаемся: индоевропейская проблема, изучение средневекового Новгорода, эпидемия чумы и противэпидемические меры в России в эпоху позднего средневековья, история семьи в работах советских ученых, советские ученые об образовании и грамотности в России, газетная журналистика в дореволюционной России, советская историография о Великой Отечественной войне за период с 1970 по 1985 г., революция 1905 г., преобразование русской деревни 1861—1914 гг., современная советская историческая наука о Латинской Америке и т. п. Я также стремлюсь привлечь внимание читателей журнала к творчеству отдельных историков. Среди еще не названных следует упомянуть А. А. Зимина, А. М. Сахарова, И. Я. Фроянова, П. А. Зайончковского, П. В. Волобуева, В. С. Дякина, Т. В. Гамкрелидзе, Н. Н. Болховитнинова, Н. М. Пирумову. Недавно журнал опубликовал статьи и главы из книг таких хорошо известных советских историков, как Б. Н. Миронов, Н. М. Дружинин, И. Д. Ковальченко, В. И. Старцев, О. Н. Знаменский, В. С. Дякин, В. Л. Янин, С. М. Стам, Ю. Ю. Кахк и Н. Я. Эйдельман. Мы перевели и напечатали исследование Н. Н. Болховитнинова «Россия и Соединенные Штаты. Аналитический обзор архивных документов и исторических трудов»; познакомили наших читателей с новинками местных издательств (например, «Средневековый город» саратовского издательства).

Несмотря на то, что меня главным образом интересуют новейшие течения советской исторической науки, я тем не менее для одного из номеров отобрал полемические статьи, на которые в прошлом были отрицательные отзывы, обойденные молчанием в западной прессе в момент их появления. Сегодня, оглядываясь назад, думаю, что сам характер дискуссии и ее результат оставили глубокий след в советской исторической науке. Я имею в виду спор, разгоревшийся вокруг книги «Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония» (Москва, 1970).

Вашим читателям, наверное, интересно будет узнать, как организована техническая сторона нашего издания. Благодаря компьютеризации она стала более эффективной. Бригада переводчиков, живущих по всей стране, передает работу при помощи гибких дискет или по телефону (посредством модема). Мой редактор по рекламе, например, живет на ферме в штате Нью-Йорк, но благодаря компьютерной технике ей нет необходимости покидать свой дом.

Какое место среди Ваших источников Вы отводите журналу «История СССР»? — Могу смело сказать, что около 50% своего материала наш журнал черпает из «Истории СССР» и «Вопросов истории». Они, таким образом, являются для нас основными источниками. Издательская политика, которую они сегодня осуществляют, дает основание предположить, что и в будущем они будут по-прежнему привлекать наше внимание. До недавнего времени следующими по значимости были: «Новая и новейшая история» и «Вестник Московского университета». Необходимый мне материал я находил также в «Советской этнографии», «Новом мире», «Вестнике древней истории», «Военно-историческом журнале», «Советских архивах», «Журналисте», «Микробиологическом журнале» и «Коммунисте». До этого года я воспользовался всего лишь одной публикацией в «Вопросах истории КПСС».

Расскажите, пожалуйста, если можно, о том, как финансируется Ваш журнал и как производится подписка на него. Приносит ли Ваше издание доход? — «СИИ» является одним из целой серии журналов, издаваемых фирмой М. Е. Шарп Инк., которая прежде называлась Интернэшнл Артс энд Сайенс Пресс Инк. Журнал «Проблемы экономики» был первенцем этой фирмы; он начал выходить в 1958 г. и печатал переводы советских экономистов. В настоящее время М. Е. Шарп Инк. издает 30 научных журналов (по советской, восточно- и западноевропейской, а также азиат-

ской тематике) и параллельно с ними книги по общественным наукам и региональным исследованиям. Тематика книжной продукции весьма разнообразна, начиная от всякого рода справочной литературы и специальных монографий и кончая книгами для более широкого круга читателей, которые могут быть использованы на учебных занятиях. Центральное место среди изданий фирмы занимают 17 журналов, в которых печатаются переводы материалов, изданных в СССР и странах Восточной Европы. Вот некоторые журналы, посвященные советской тематике: «Советское образование», «Советское обозрение», «Советское право и правительство», «Советское литературоведение», «Советские исследования в области философии» и «Советская антропология и археология».

Производственные затраты на «СИИ» высоки. Часть денег от подписки выплачивается подписным агентам и другим распространителям. Из них же издатель платит гонорар, установленный ВААПом (который по имеющемуся соглашению получают авторы, чьи работы мы переводим). Тысячи долларов стоит подписка на советские журналы, газеты и книги, из которых мы отбираем нужный материал. Издатель выплачивает гонорар научным редакторам, переводчикам, корректорам и другим специалистам. Помимо этих имеются еще расходы на набор, печатание, брошюровку, рекламу, маркетинг, складирование и пересылку почтой. Высокие производственные затраты отражаются на цене журнала: индивидуальным подписчикам он обходится в 48 долларов в год. По существующей в нашей стране практике, подписка для учреждений стоит дороже; средства от нее идут частично на покрытие расходов по индивидуальной подписке. В настоящее время подписная цена для библиотек составляет 198 долларов в год.

Специализированный характер нашего журнала и его баснословно высокая цена объясняют тот факт, что основными нашими подписчиками являются библиотеки. Примерно 400 подписчиков в более чем 30 странах получают «СИИ». Общее количество экземпляров, разумеется, превышает эту цифру, так как журнал поступает и в розничную торговлю, чтобы любой желающий мог его приобрести. Общий тираж определяется содержанием номера. В некоторых случаях преподаватели заказывают отдельные номера, которые можно использовать для дополнительного чтения по курсу истории.

В настоящее время во всем мире возрос интерес к Советскому Союзу, к тем процессам, которые в нем происходят. Последние и еще только готовящиеся номера нашего журнала отражают процесс перестройки применительно к профессии историка. То, о чем сейчас пишут и что обсуждают советские историки, без сомнения, привлечет к себе внимание наших читателей. К сожалению, я вынужден констатировать, что сегодня журнал переживает один из самых глубоких кризисов за свою двадцатисемилетнюю историю, грозящий ему закрытием. Дело в том, что с увеличением издержек производства издатель вынужден бывает сокращать свою долю доходов, поднимать подписную цену и даже прибегать к обоим этим мерам одновременно. Но увеличение подписной цены приводит к сокращению числа подписчиков.

В настоящее время издательство занято бесплодными переговорами с ВААПом, который уведомил М. Е. Шарп Инк., что советские авторы недовольны компенсацией, которую они получают с того времени, как вошел в силу договор 1976 г. Новые условия, на которых настаивает ВААП, учитывая «законные желания и требования советских авторов», предусматривает увеличение гонораров в таком объеме, который не может быть под силу ни «СИИ», ни большинству других журналов этой серии, особенно по гуманитарным и социальным отраслям науки. Таким образом, требуемый ВААПом гонорар вынудит издательство прекратить публикацию большинства журналов советской серии, а также всех тех, чей доход меньше предполагаемых гонораров. При рассмотрении этого вопроса нельзя не учитывать тот факт, что журналы, пользующиеся наибольшим спросом, помогают покрывать расходы тех, что едва держатся на поверхности.

Нас очень беспокоит создавшаяся ситуация, и мы надеемся спасти положение. Нам бы хотелось расширять, но ни в коем случае не сокращать обзор советской исторической литературы. Хочу добавить следующее: данная ситуация касается только программы советских переводов, программы по Восточной и Западной Европе и по Азии продолжают действовать согласно существующим нормам. Это означает, что другие авторы и издательства не имеют претензий по вопросу об авторских гонорарах.

Каждый год издательство посылает ВААПу полный список авторов с указанием количества переведенных страниц по каждому автору в отдельности, чтобы у ВААПа была возможность распределить ежегодные выплаты в соответствии со вкладом каждого автора. Я был немало удивлен, узнав со слов советских авторов, что в ряде случаев они и не подозревали, что их работы появились в английском переводе в нашем журнале! Во избежание недоразумений я часто

сам устанавливаю контакты с советскими авторами и прошу их личного разрешения на перевод. За девять лет работы ни один советский историк не ставил вопроса о денежной компенсации, точно так же, как не возникла эта мысль у меня, когда редакция «Истории СССР» обратилась ко мне с просьбой дать интервью. У меня имеется вопрос к советским авторам, чьи работы появились на страницах нашего журнала: считаете ли вы достаточным тот гонорар, который мы предлагаем вам через ВААП? Удовлетворяет ли вас количество экземпляров журнала, которое вы получаете? Пожалуйста, ответьте. Нам очень нужна ваша помощь. Хочется надеяться, что к тому времени, когда это интервью появится на страницах «Истории СССР», издательство сможет убедить ВААП пересмотреть свои необычные требования. Нам хочется сотрудничать с вами, чтобы сделать журнал «СИИ» интересным и увлекательным, каким он и должен быть **.

Каковы Ваши дальнейшие планы в качестве редактора «СИИ»? — В той степени, в какой это согласуется с его начальными задачами, я бы хотел превратить журнал в трибуну, с которой можно было бы излагать вопросы гласности и перестройки. Я собираюсь предоставить место работам таких видных молодых советских историков, как, например, Е. В. Анисимов. В мое намерение входит посвятить отдельные номера историкам из провинциальных университетов. Я хочу познакомить наших читателей с работой научно-исследовательских институтов. Я собираюсь продолжать освещать последние достижения по отдельным направлениям (история Африки, Китая). Шесть номеров журнала, которые сейчас находятся в работе, дают представление о сегодняшнем состоянии советской исторической науки. Удивительное возрождение журнала «Вопросы истории КПСС», который до середины 1987 г. невозможно было читать, также не осталось незамеченным. В нескольких номерах мы поместим перевод дискуссий за «круглым столом». Будет опубликована недавняя дискуссия между советскими историками и писателями, которая появилась на страницах журнала «Вопросы истории». Наши будущие номера расскажут о национальном вопросе, о переосмыслении роли Сталина и о сталинизме в различных его проявлениях. Насколько мне известно, младшее поколение советских историков собирается создать общесоюзную организацию. Хочется надеяться, что «СИИ» сможет познакомить западных читателей с ее направлением. Приглашаю всех писать нам и рассказывать о своей работе.

В том случае, если ВААП и наше издательство придут к обоюдному согласию относительно авторских гонораров, наш журнал сможет выходить шесть раз в год.

Какие научные проблемы занимают Вас в настоящее время и будут привлекать Ваше внимание в ближайшем будущем? — После опубликования «Революции на Волге» в 1968 г. и завершения перевода книги Бурджалова я сосредоточил свои силы на изучении периода гражданской войны в Саратовской области. С этой целью я провел полгода в Москве и Ленинграде в 1986 г. и еще два месяца летом 1988 г. Моя работа вылилась в публикацию «Дневник русской гражданской войны. Алексис В. Бабин в Саратове, 1917—1922 гг.» (Дьюк юниверсити пресс, 1988). Через один-два года я собираюсь приступить к монографии о гражданской войне. В настоящее время готовлю сборник, который условно называю «Хрестоматия, посвященная вопросам гласности», составленный по материалам, опубликованным или готовящимся к публикации в «СИИ». По завершении работы над книгой о гражданской войне в Саратове (предполагаемый срок — 1991—1992 гг.) я предполагаю заняться темой «Профессия советского историка с 1921 г. до настоящего времени».

Каким представляется Вам будущее советологии? — Часто говорят, что лучше всего советология чувствует себя в тот период, когда отношения с Советским Союзом находятся в состоянии наибольшего напряжения. В этом есть своя доля истины, особенно если иметь в виду последние сорок лет. Однако я считаю, что по мере того, как Советский Союз будет становиться все более интегральной частью международного сообщества (т. е. будет меньше отличаться от остальной части развитого мира), и по мере того, как советские ученые будут считать нас скорее своими коллегами, а не идеологическими противниками, интерес к Советскому Союзу будет возрастать, будут развиваться торговля и другие формы мирного сотрудничества. Это, в свою очередь, окажет благоприятное влияние на советологию. Другими словами, будущее этой профессии связано с вашим будущим, с успехами ваших реформ.

Как Вы оцениваете перспективы перестройки? — У меня богатый опыт общения с вашей страной. Начиная с 1971 г. я побывал в ней шестнадцать раз. Я понимаю, как велики задачи, которые вам предстоит решить, насколько велика сила исторических традиций, инерции, сложившихся групповых интересов. Но это меня не смущает, я преспокоен оптимизма и энтузиазма относительно будущего перестройки. Приехав летом 1988 г. в вашу страну, я был поражен теми изменениями, которые здесь произошли со времени моего прошлого посещения в июне 1986 г. Знаменательным является и сам факт этого интервью.

С перестройкой я связываю надежды двоякого рода. Первые касаются непосредственно вашей страны. Мне кажется, что проблемы, вставшие перед СССР накануне XXVII съезда КПСС, носили, скорее, нравственный, нежели политический, идеологический или экономический характер. Перестройка, хотя и медленно, но движется вперед как раз потому, что она обращается к моральным проблемам своей страны. По мере расширения и углубления процесса перестройки возможно появление более демократических принципов человеческого общения. Эти изменения будут иметь более осязаемое влияние на политические процессы, на экономику страны и на будущее всего человечества. Все человечество заинтересовано в успехе перестройки.

Если говорить о том, как это касается лично меня, то я надеюсь, что перестройка облегчит проведение научной работы в советских архивах и библиотеках. Хочется надеяться, что мне представится возможность посетить Саратов и поработать с моими советскими коллегами. Надеюсь также, что гражданам наших двух стран будет легче ездить друг к другу и работать вместе.

Как Вам работается в советских архивах и библиотеках? — Каждая наука, будь-то марксистская или любая другая, не может успешно развиваться в условиях, когда отсутствует доступ к материалам исследования, когда запрещена их выдача или когда они уничтожены. Такая подборка материала, которая заведомо отражает определенную точку зрения, что, я почувствовал, обычное явление для советских архивов, тоже отрицательно влияет на работу. Иностранным ученым невероятно трудно работать в советских архивах и библиотеках, гораздо труднее, чем советским историкам, у которых, разумеется, есть свои заботы.

Что касается библиотек, то, на мой взгляд, самая профессиональная обстановка создана в ИНИОНе и в Библиотеке Академии наук в Ленинграде, а наихудшие условия в Библиотеке им. Ленина; по качеству обслуживания и доступа к материалам между двумя этими полюсами я бы поставил Ленинградскую Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина и Государственную Историческую библиотеку в Москве (я имею в виду те случаи, когда они бывают открыты). В 1986 г. условия в Ленинской библиотеке были невыносимыми. Мне не выдали ни одной из нужных мне газет, и при этом я стал жертвой своеобразного заговора: мне с улыбкой говорили, что «библиотека не располагает данной газетой», «газета находится в плохом состоянии и на руки не выдается», что «газета выдана другому читателю» и т. п. Часто бывало трудно, а порой и совсем невозможно получить редкие издания, особенно небольшевистские, опубликованные в период гражданской войны. То состояние, в котором сейчас находится ксерокопирование и микрофотосъемка, не может не вызывать, мягко говоря, недоумения. И хотя к 1988 г. условия в Ленинской библиотеке значительно улучшились, я не могу не испытывать чувства горечи при виде того, как там поставлено дело.

Но еще хуже положение в советских архивах. А ведь они являются той почвой, на которой советские и иностранные ученые могли бы объединить свои усилия на благо науке. Когда я готовил материал для книги «Революция на Волге», я не получил ни одного архивного документа. Главное архивное управление официально ответило мне, что документов по моей теме не существует. Когда же я подал список, в котором значилось более двадцати советских публикаций, авторы которых ссылались на те архивные материалы, которые я затребовал (видите, как трудно бывает иностранцам), мне бесцеремонно заявили, что я придираюсь. Первый раз я получил доступ к архивам в 1986 г. В ЦГАОР СССР мне выдали некоторые необходимые материалы, но это было не совсем то, что нужно. Поскольку иностранцам доступ к описям закрыт, я попросил выдать мне другие и дополнительные дела или разрешить обратиться к архивариусу. Но просьбы мои услышаны не были. Мне также не разрешили поработать в архивах и библиотеках Саратова. Несмотря на то, что саратовский архив (ГАСО) выслал мне небольшую подборку документов, с которыми я мог бы поработать в Москве, документы эти представляли для меня мало интереса. То же самое случилось нынешним летом: материалы ЦГАОР мне выдал только накануне моего отъезда в Ленинград (то же самое бывало и с моими коллегами) (нам официально разрешают

заказать не более 200 страниц в год). Кстати микрофильм, заказанный мной в 1986 г., снимали полтора года, а когда он был готов, то оказалось, что в нем половина страниц либо отсутствует, либо они даны в неправильной последовательности.

Большинству западных исследователей, как и мне, приходится мириться с этими условиями. Мы не жалуемся, так как боимся, что наши жалобы могут затруднить следующую поездку в Советский Союз. Многих эти условия отпугнули, и они вынуждены были сменить профессию или отказаться от своей темы. Перемены, происходящие сейчас в Советском Союзе, не могут оставить меня равнодушным. И поэтому я не хочу признавать нормальными те условия, с которыми мирился прежде, но которые по сравнению с другими странами просто невыносимы. Программа обмена между нашими двумя странами не может осуществляться в полном взаимодействии, пока не будет изменен существующий порядок вещей.

Но мне хотелось бы закончить ответ на этот вопрос на более светлой ноте. Я встретил много ученых и работников библиотек, отлично знающих свое дело; они охотно помогали мне, и благодаря им мои поездки увенчались успехом. Я вспоминаю этих людей с любовью и чувством благодарности.

Какое значение имеет для Вас общение с советскими историками? — Одинаковые интересы и заботы очень сближают специалистов. Контакты с советскими историками я считаю важной частью своей профессии. Иногда, правда, нашему общению мешали осторожность, предубеждение, а случалось, и подозрительность с их стороны. Так, например, проработав в общей сложности при Московском университете около полутора лет, за что я весьма признателен, я должен сказать, что стоял несколько в стороне от коллектива. Меня не так активно приглашали принять участие в профессиональных и других мероприятиях, как это принято в других странах. Мои отношения с научным консультантом были весьма далекими, и я не был знаком ни с одним дипломником, пишущим о советском периоде истории. (В Ленинградском университете обстановка в последние годы стала гораздо лучше.) Позвольте привести еще один пример того, как трудно бывает вести плодотворный диалог. Несколько лет тому назад мы с моими коллегами решили созвать конференцию по истории Саратовской области за период с 1861 по 1917 г. На эту конференцию мы послали приглашение четырем советским коллегам. В силу каких-то причин только один из них сумел представить свой доклад, но разрешения присутствовать на конференции он не получил, хотя наша сторона брала на себя все расходы. (По итогам конференции в будущем году выйдет книга, состоящая из 16 статей). Я бы хотел, чтобы мою откровенность поняли правильно. Я чувствую, что существуют причины, затрудняющие личные отношения, и не мне о них судить.

Более плодотворно наши отношения с советскими историками складывались в том случае, когда они возникали сами по себе, помимо официальных каналов. С большой симпатией я вспоминаю встречи с Эдуардом Николаевичем Бурджаловым.

Григорию Алексеевичу Герасименко я обязан тем, что, столкнувшись с трудностями получения необходимого материала, я не бросил свою тему. Во время бесед с авторами, чьи работы публиковались на страницах «СИИ», я повышал свой профессиональный уровень. Начиная с 1986 г. наши контакты стали более открытыми, честными и плодотворными. И это вполне закономерно, ведь задача перед нами стоит общая.

Примечания

* См.: Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом». — История СССР, 1988, № 1.

** Редакция ознакомила руководство ВААП с текстом подготовленного к печати интервью. В случае получения ответа, его содержание будет доведено до сведения читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссии и обсуждения

Зеленин И. Е. — О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации	3
Антонов В. Ф. — Н. Г. Чернышевский о пореформенной России	20
Мидов Л. В. — Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы)	39

Статьи

Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. — Современные проблемы миграции населения СССР	68
Шапалова Л. Д. — М. П. Томский. Материалы к биографии	82
Седов М. Г. — Неувядающее наследие революционной мысли (Политические проблемы в творчестве Н. А. Добролюбова)	97

История, источниковедение, методы исторического исследования

Наумов О. В. — Массовые источники по истории формирования технической интеллигенции в СССР (1917 — середина 30-х годов)	109
Чернявская К. Г. — Вопросы топонимики в трудах дворянских и буржуазных историков России	121
Козлов В. И. — О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов	132

Письма в редакцию

Перцев Б. Н. (г. Павлово, Горьковская обл.) — Павловский кустарь Г. К. Перчанкин: правда и вымысел	140
Ерофеев Ю. Н. — За гранью допустимого. О краеведческих «изысканиях» А. Д. Тельчарова	147

Критика и библиография

Сорокин А. Н., Шабайлов В. И. (Минск) — Л. М. Лыч. Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик: на примере Белорусской ССР (1917—1941 гг.)	153
Кабанов В. В. — Кооперативно-колхозное строительство в Таджикистане. 1917—1929 гг. Документы и материалы	155
Емельянов Ю. Н. — Журналы «Былое» и «Минувшие годы». Указатель содержания	158
Дякин В. С. (Ленинград) — А. П. Корелин. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в.	161
Кошман Л. В. — А. И. Агафонов. Область Войска Донского и Приазовье в дореформенный период	164

Лубский А. В. (Ростов-на-Дону) — А. Н. Ерыгин. История и диалектика (Диалектика и исторические знания в России XIX века)	167
Шапиро А. Л. (Ленинград) — Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России	171
Виноградов В. Б., Махмудова К. З. (г. Грозный) — В. М. Аталиков. Страницы истории	174
Чесноков В. И. (Воронеж), Шорин П. А. (Москва) — А. Д. Пряхин. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.)	176

История СССР за рубежом

Дьяконова И. А. — Первая российская революция в освещении современной японской историографии	179
Мионов Б. Н. (Ленинград) — Дж. Брукс. Когда Россия училась читать. Грамотность и народная литература, 1861—1917	191

Научная жизнь

Емченко Е. Б. — В Бюро Отделения истории АН СССР	195
Дональд Рэйлей: «Все человечество заинтересовано в успехе перестройки» (Интервью с редактором американского журнала «Советские исследования в области истории»)	196

CONTENTS

Discussions and Debates

Zelenin I. Ye. On Some "Blank Spaces" in the History of the Final Stage of the Complete Collectivization	3
Antonov V. F. — N. G. Chernyshevsky on Post-Reform Russia	20
Milov L. V. — The Common and the Special in Russian Feudalism (putting forward of a problem)	39

Articles

Rybakovsky L. L., Tarasova N. V. — Current Problems of Migration of the USSR Population	68
Shapovalova L. D. — M. P. Tomsy. Some Biographical Data	82
Sedov M. G. — The Everlasting Heritage of Revolutionary Thought (political aspects of N. A. Dobrolyubov's works)	97

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Naumov O. V. — Mass Sources on the History of Formation of the Technical Intelligentsia in the USSR (1917 — mid-30's)	109
Chernyavskaya K. G. — Questions of Toponymics in Works by Gentry and Bourgeois Historians in Russia	121
Kozlov V. I. — On Human Losses of the Soviet Union in the Great Patriotic War of 1941—1945	132

Letters of the Editor

Pertsev B. N. (Pavlovo, the Gorky province) — The Pavlovo Artisan G. K. Perchankin: Truth and Fiction	140
Yerofeev Yu. N. — Beyond the Permissible. On Local "Studies" of A. D. Telcharov	147

Book Reviews and Bibliography

Sorokin A. N., Shabailov V. I. (Minsk) — L. M. Lych. The Elimination of Economic and Socio-Cultural Inequality of Union Republics: a Case Study of the Byelorussian SSR (1917—1941)	153
Kabanov V. V. — Cooperation and Kolkhoz Construction in Tadzhikistan, 1917—1929. Documents and Materials	155
Yemelyanov Yu. N. — The "Byloe" and "Minuvshie Gody" Journals. Content Index	158
Dyakin V. S. (Leningrad) — A. P. Korelin. Agricultural Credit in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries	161
Koshman L. V. — A. I. Agafonov. The Areas of the Don Cossack Army and Azov in the Post-Reform Period	164

Lubsky A. V. (Rostov-on-the-Don)—A. N. Yerygin. History and Dialectics (dialectics and historical knowledge in 19th Century Russia)	167
Shapiro A. L. (Leningrad)—N. P. Pavlov-Sylvansky. Feudalism in Russia	171
Vinogradov Y. B., Makhmudova K. Z. (Groznyi)—V. M. Atalikov. Pages of History	174
Chesnokov V. I. (Voronezh), Shorin P. A. (Moscow)—A. D. Pryakhin. History of Soviet Archaeology (1917 — mid-30's)	176

History of the USSR in Foreign Studies

Dyakonova I. A. — The First Russian Revolution in Current Japanese Historiography	179
Mironov B. N. (Leningrad) — J. Brooks. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917	191

Academic Life

Yemchenko Ye. B. — In the Bureau of History Department of the USSR Academy of Sciences	195
Donald Raleigh: "All Mankind Is Concerned about the Success of the Perestroika" (an interview with the editor of the American journal "Soviet Studies in History")	196

Технический редактор *Гликина Л. И.*

Сдано в набор 06.12.88 Подписано к печати 02.02.89 А-03823 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Офсетная печать Усл. печ. л. 16,9 Усл. кр.-отт. 806,6 Уч.-изд. л. 22,7 Бум. л. 6,5
 Тираж 23500 Зак. 2342 Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6